

МАКСИМ ВИШНЕВЕЦЬКО

СВОБОДА И МАГІЯ

Лето 2021 года.

На пороге лондонского офиса русской ЧВК War&Consulting появляется странный посетитель с необычным заданием. Наёмники соглашаются на него, до конца не представляя, что это дело приведёт их в эпицентр бури, которая вот-вот накроет Западную Европу. Противоборствующие группировки уже почти закончили расставлять свои фигуры, и каждая из них готова повести их в бой под знаменем свободы и во имя спасения волшебства.

Глава I. Одно странное дело

*

(13 июня)

Они встретились в скромно обставленном кабинете. Современные материалы, офис где-то на верхнем этаже бизнес-центра — всё это явно заставляло нервничать посетителя, хотя тот и старался не подавать виду. Эдуард Рихтер — Малыш Эдди, как он сам с удовольствием просил себя называть, — откинулся в своём кресле и заложил руки за голову. На фоне панорамного окна, из которого толком никакой городской панорамы видно не было, его силуэт темнел и сливался с креслом.

Его собеседник, имя которого Эдди совсем забыл, сидел на диване, стоявшем у стены боком к нему. Он пил кофе и с некоторым пренебрежением оглядывал комнату. Костюм на нём был чуть старомодным, словно бы сшитый в начале прошлого века, однако кому какая разница, как выглядят те люди, которые заходят в этот кабинет? Как они выглядят — это совершенно не главное, главное — чтобы они платили.

“Чёртов британский сноб”, — подумал Рихтер, улыбнулся, подался вперёд, поставил локти на стол и сложил пальцы домиком.

— Рад Вас видеть у нас, мистер... — английский у него не был безупречным, однако тон буквально излучал радушие. Он выдержал паузу и вопросительно посмотрел на посетителя.

— Смит. Эдриан Смит. — тот, уже немолодой мужчина в костюме-тройке, вежливо улыбнулся и поставил чашку с кофе на блюдце на столике перед собой. Его выговор был несколько странным, но знаний языка у Эдди было недостаточно, чтобы проводить какой бы то ни было лингвистический анализ, просто странное произношение, не такое, как у обычных посетителей.

— Мистер Смит, насколько я понимаю, у Вас было какое-то дело к нашей компании? — Рихтер внимательно смотрел на собеседника.

— Да, мне вас посоветовали, как очень хороших исполнителей, которые не будут задавать лишних вопросов.

— Лишних вопросов не будут задавать Ахмед и Мухаммед из Вестминстера[1], — Эдди позволил себе рассмеяться, — У нас всё же специфика требует полноты информации от заказчика. Конечно, мы гарантируем конфиденциальность.

— Эти деятели, о которых Вы отозвались, мне не по-душе, — по тону Эдриана не было понятно, подхватил он шутку или же отвечает предельно серьёзно, — Вашу же организацию рекомендовали, и рекомендации были прямо теми, что мне нужны.

— Это лестно, но прошу подробностей. За отсутствие подробностей ценник вынуждены будем увеличить.

— На сколько?

— Примерно в четыре раза. Плата за непредвиденные обстоятельства. — Эдди стал вдруг совершенно серьёзным и откинулся на спинку кресла, — Но Вы можете просто сообщить подробности дела, и не будет надобности в подобной переплате.

— Хорошо, через несколько недель в Уэльсе, точные координаты я сообщу позже вместе со всеми подробностями. — мистер Смит снова взял кофе со столика, — Через несколько недель в Уэльсе состоится сбор одной достаточно крупной террористической

организации, деятельность которой, не побоюсь, может угрожать самой Короне.

— Всегда думал, что террористами занимаются правительственные службы. — удивлённо поднял брови Эдди, — Мы специализируемся на военном консалтинге и на охране... — он развёл руками, подбирая нужное слово, — На охране частных объектов или же частных лиц. Однако же, если эта организация угрожает именно Вам...

— Она угрожает не только мне, она угрожает всем британцам. — Эдриан тряхнул головой и допил кофе, — Правительство в курсе их деятельности, однако, я опасаясь, что их щупальца проникли настолько глубоко в государственный аппарат, что на него полагаться нельзя. Потому я и обратился к вашей организации.

— Вот как. То есть нам необходимо будет в обход полиции и спецслужб прибыть на место этого сбора и арестовать всех, кто там будет находиться? — взгляд Эдди выражал одновременно глубокую заинтересованность и такое же глубокое непонимание происходящего.

— Не арестовать, — отрицательно покачал головой его собеседник.

— А точно к Ахмеду и Мухаммеду не будет дешевле обратиться? Это не чёрная Африка, где можно прилететь на паре вертолётов, расстрелять гражданских под “Полёт Валькирий”, а потом поскидывать их трупы в ближайшее болото крокодилам, это Уэльс. Здесь любой проходящий мимо школьник на свой телефон снимет отличное видео и выложит в тикток, у нас будет отличная реклама.

— Это отказ? — разочарование появилось в голосе Эдриана.

— Это объяснение увеличения цены, мистер Смит. — пояснил Рихтер, — Мы официальная компания, нам напрямую ссоры с официальным Лондоном ни к чему. А устраивать боевые действия посреди Уэльса... — он задумался на мгновение, — Слушайте, даже на Кавказе подобное уже давно не практикуется. Европа это тихий спокойный уголок. Стоимость будет кратно выше, чем Вы рассчитывали изначально.

— Я понимаю. — посетитель Рихтера был совершенно спокоен, — Вам нужны детали для просчёта?

— Да, Вы сказали, у нас есть пара недель?

— Всё так.

— Если Вы готовы предоставить информацию сегодня, мы предоставим просчёт стоимости... — Эдди взглянул на стоящий на столе календарь, — К ближайшему четвергу.

— В приёмной ожидает мой помощник, его зовут Льюис. Он сообщит все необходимые детали. — Эдриан поднялся, застёгивая пиджак.

— Да, хорошо. — Эдди расплылся в улыбке, быстро поднялся из-за стола, обошёл его и пожал руку посетителю, — До встречи в четверг.

— До встречи, — тот холодно ответил рукопожатием, развернулся и вышел из кабинета.

**

(15 июня)

— Ну, что, господа-кроты, посчитали? — Малыш Эдди вошёл в кабинет, в котором висел табачный дым вперемешку с запахом дорогого виски. Три пары глаз поднялись на него.

— Эдди, какой ты ценник выкатил этому мистеру? — грузный мужчина лет под пятьдесят с копной седеющих волос протянул огромную ладонь вошедшему.

— Никакой, — ответил на рукопожатие Рихтер, — Но предполагаю, что смело можно на десять умножать? — он посмотрел на второго мужчину, сидевшего на краю стола рядом с

первым. Тот пожал плечами, вынул из пачки сигарету, поджёг её от массивной металлической зажигалки с гравировкой дракона, обвивающего меч, и затаился.

— Миша сегодня не в духе. — усмехнулся первый мужчина, обернулся к столу, взял стакан и плеснул туда виски.

— Эдик, ты в курсе, что этот тип не выдал нам ни одного печатного файла? — после нескольких затяжек Михаил посмотрел на Эдди.

— В смысле, там же был какой-то его помощник, он же вроде всё передал. — тот непонимающе уставился на мужчину.

— В смысле он передал информацию на пять человек, в виде тридцати рукописных листов А4. - ответила чуть устало молодая девушка с рыжими волосами, собранными в шишку, курившая вейп на другом конце стола.

— То есть рукописных?

— Это значит исписанных от руки, Эдик, — она пустила большое облако пара из своего вейпа, — И фотографий он не дал, там были рисунки. Очень хорошие, детальные, но рисунки. Эдик, ты кого нам привёл? — она рассмеялась.

— Нин, я не удивлюсь, если этого мистера Смита откопали на Вулверкотском кладбище[2]. - отозвался Михаил, продолжая курить и насмешливо смотреть на Малыша Эдди.

— Думаешь, здесь замешано злое колдунство? — пробасил первый мужчина и отпил виски.

— Думаю, что здесь замешана несмешная шутка. — Михаил докурил сигарету и забычковал в пепельнице, уже полной окурков, — Мистер Смит никогда не рождался, не женился, не заводил детей в Британии. — он обернулся к столу и поднял оттуда лист с напечатанным текстом, — В базах этого лица нет вообще. Ему сколько на вид, лет пятьдесят?

— Ну да, — неуверенно ответил Рихтер.

— Ну, вот и представь себе человека, который ни разу нигде не оставил следа.

— Это глупость какая-то.

— А знаешь, что круче? — в голосе Нины просквозила насмешка, она увидела вопросительный взгляд Эдди и продолжила, — Эти пять человек, на которых он принёс информацию, и которые по его мнению являют собой верхушку страшной террористической организации, проникшей во власть Великобритании... — она затаилась вейпом и выпустила облако пара, — Они тоже не имеют отражения в базах. Вот совершенно никакого, — девушка торжествующе посмотрела на ошарашенного коллегу.

— Там только у этого Льюиса есть следы в базах, как у любого нормального человека. — усмехнулся грузный мужчина.

— Но Слав, заметь, — Нина обратилась к нему, — У троих из этой рукописной пятёрки указаны родственники в Британии, родственники проходят по базам. Обычные люди. — она пожалала плечами и снова выпустила облако пара из вейпа.

— Это за люди такие? — Эдди обвёл недоумённым взглядом коллег.

— А, да, самое смешное. — девушка подняла палец кверху, — Интернет не знает их фотографий. Ни страничек в соц. сетях, ни совпадений на групповых фотографиях. Поиск, конечно, был поверхностным, но я предполагаю, что даже глубокий ничего не даст.

Эдуард вопросительно посмотрел на Нину.

— В общем это как в плохом голливудском фильме, к нам пришёл ренегат тайной

правительственной организации и просит разобраться со своими бывшими коллегами. — подал голос Вячеслав, долив себе ещё выпивки, — Прибудут туда наши ребята, а их там будут ждать с распростёртыми объятиями такие же, как этот, только покруче.

— Думаешь, это специально, чтобы нас накрыть? — в глубине Рихтера родилось чувство тревоги, родилось и начало шириться.

— О, Малыш Эдди занервничал! — рассмеялся Михаил и сунул ему в руки листок, — Читай. Там интересно.

Юноша машинально схватил лист и опустил в него взгляд. Там говорилось о том, что место, координаты которого были даны, как место сбора неких террористов, известно лишь тем, что там существует официально открытое и описанное несколькими археологическими экспедициями место, где древние кельты отправляли свои религиозные обряды. Также в тексте значилось что предполагаемая дата сбора — день летнего солнцестояния.

Эдди снова поднял вопросительный взгляд на коллег. Посмотрев на его непонимающее лицо они расхохотались.

— Чушь какая-то. — произнёс он, когда коллеги просмеялись.

— Ну, может и не чушь. — ответил всё ещё улыбающийся Михаил и забрал листок, — Если уж твой призрак с Вулверкотского кладбища хочет, чтобы наши бойцы оказались там в назначенное время и разогнали шабаш сектантов, то пусть платит.

— Только если это окажутся не сектанты, то нашим лучше не стрелять первыми. — Нина стала опять серьёзной и затянулась вейпом, — В идеале вообще не стрелять, конечно.

— Приехать на перестрелку с ножами? — Эдди скривился.

— В идеале да. — кивнула Нина.

(17 июня)

— Мистер Смит, мы в целом готовы взяться за Ваш заказ, но имеются два уточняющих вопроса, ответы на которые могут многое прояснить. — Малыш Эдди сидел точно также за своим столом и смотрел на посетителя. Тот точно также, как и при первой встрече, был одет в чуть старомодный костюм и бесстрастно пил кофе, сидя на гостевом диване.

— Я слушаю. — ответил Эдриан.

— Вы не захотели, чтобы мы арестовывали объектов нашего заказа, тогда что именно Вы хотите, чтобы мы с ними сделали? И почему?

— Я хочу, чтобы их в идеале не стало. — он бесстрастно отпил кофе, — Если ваши люди их сумеют схватить и передадут в руки правоохранительных структур, то очень скоро пленники покинут места заточения.

Эдди кивнул на эти слова.

— Но знайте, эти люди опасны, не стоит к ним приближаться ближе полутора десятков шагов. — Эдриан Смит продолжал говорить всё с той же интонацией.

— Кто эти люди? — Рихтер внимательно посмотрел на собеседника, — Я спрашиваю, потому что, конечно, Вы принесли рисунки вместо фотографий, что уже само по себе странно, однако же, мы не смогли найти упоминаний о них, словно их не существует и никогда не существовало на Британских островах. При этом их родственники, которые упоминаются в предоставленных Вами данных, вполне себе обычные люди, существующие.

Собеседник Малыша Эдди заметно занервничал, но взял себя в руки, допил кофе и поставил его на столик перед собой.

— Эти люди живут тайной жизнью. — он кивнул, словно собравшись с мыслями и

духом, — Потому нигде их и нет. Я принадлежу к таким же людям, однако считаю, что их действия могут привести к большой беде. Потому я пришёл к вам.

— В чём отличие? Из досье не до конца понятно, кто это. Кроме того, что представители каких-то аристократических родов Великобритании.

— Это представители аристократических родов, но не следует беспокоиться, что за ними стоят могущественные семьи Британии. Тут дело скорее в другом. Они все владеют... — Смит осёкся и вопросительно посмотрел на собеседника, после нескольких секунд молчания всё же нашёлся, — Владеют технологией, способной на многое. Например, подчинять волю других людей. Это может показаться бредом, однако лучше не приближаться к ним на расстояние менее полутора десятков шагов. Для блага ваших же людей.

— Я раскрою Вам карты. — Эдди немного нервно улыбнулся, — Мы будем в них стрелять только в том случае, если они проявят агрессию к нашим людям. Мы выставим дозорный отряд вперёд, а там уже видно будет.

— Я вам доверяю, потому и обратился. — Смит справился с волнением и говорил уже также безэмоционально.

— Нам необходима в таком щепетильном деле предоплата в размере ста процентов. Мы возвращаем половину, если откажемся вступать во взаимодействие с этими людьми. На основании данных дозорного отряда, как я уже сказал.

— Мне подходит это. Думаю, возвращать деньги не придётся. — Эдриан позволил себе усмехнуться, — Говорят, ваш девиз “Мир падёт к ногам сильного”?

— Так иногда говорит наш босс, это правда. — Рихтер кивнул.

— Как он отреагировал на эту работу? — неожиданно заинтересованно спросил Смит, — На предложение, с которым пришёл я.

— Спокойно. — пожал плечами Эдди.

— Ну, что ж, тогда ладно. Я просто много хорошего слышал о главе вашей организации.

— Это хорошо. Но если нет больше вопросов, тогда по-рукам? — Эдди встал из-за стола, подошёл к собеседнику и протянул ему руку для рукопожатия.

Тот кивнул, поднялся и пожал протянутую руку.

1 — Вестминстер — один из исторических районов Большого Лондона, образующий западную часть центра города. Один из самых криминогенных районов Лондона.

2 — Вулверкотское кладбище — кладбище в Оскфорде, место захоронения Джона Рональда Руэла Толкиена.

Глава II. Операция в Уэльсе

*

(21 июня)

День выдался на редкость туманным. Ветра не было совершенно, и солнце лишь немного смогло разгнать его пегую завесу, поднявшуюся с утра из низин Сноудонии [1].

Нужную ровную площадку они нашли без труда — то ли чутьё ведущего, то ли просто удача сыграли свою роль, но им даже туман особо не помешал. Остатки каменных кругов до сих пор виднелись из под земли — видно, местные жители не слишком жаловали эти места, потому и не растащили камни за столько лет. А может, они просто боялись силы этих камней.

— Джэк, Дик, разгребите листву, — высокий мужчина с начавшими седеть волосами показал двум юношам на центр каменного круга, — Марте нужно место, чтобы чертить.

Рыже- и чёрноволосый юноши согласно кивнули и зашли за каменный круг.

Над головой с криками пролетела какая-то птица, заставив всех собравшихся, а их пришло на поляну всего десять, инстинктивно присесть и посмотреть наверх — нервозность у всех была нешуточной.

— Джошуа, ставь своих ребят вокруг. — сидящий мужчина обратился к другому, рыжему и одетому в красную мантию, — Эта змея явно знает, что мы собрались делать. Когда Марта нарисует, а я начну, никто не должен мешать.

Тот, к кому обратились, кивнул, отошёл к четвёртке точно также одетых мужчин, перекинулся с ними парой слов, и они все стали расходиться, чтобы встать вокруг каменного круга шагах в десяти от его границ.

— Будь в стороне, — мужчина наконец подошёл к совершенно юной на вид блондинке с объёмной сумкой, висящей на плече, — Если что пойдёт не так, ты будешь вытаскивать нас.

— Да, мистер Блэк, я не буду лезть, но я же совсем в стороне не смогу быть, — она пожалала плечами и откинула с лица прядь волос.

— Подключайся только тогда, когда что-то пойдёт не так. В иное время ты не сможешь ни Марте, ни остальным. Они сами справятся.

Шум со стороны небольшого холма, стоявшего поодаль от каменных кругов заставил обернуться говоривших. На холме стояло двое мужчин, видимо, из деревушки неподалёку. Вид у них был такой, словно бы они вышли на охоту, но забыли дома ружья, потому решили просто погулять: у обоих рюкзаки за плечами, видно, что полупустые. Оба человека с удивлением разглядывали людей у каменного круга, в особенности Джошуа и ещё одного мужчину в красном плаще, которые бодрым шагом уже направились в их сторону.

— Маглы[2], — фыркнул Блэк, — Только вот этих не хватало, — он внимательно посмотрел на происходящее на холме, после кинул взгляд на парней, разгребавших листву в каменном круге и о чём-то весело переговаривавшихся с девушкой по имени Марта, стоявшей на границе камней.

Один из мужчин дотронулся до уха, сморщившись, словно оно у него болит, и что-то пробормотал. Второй открутил крышку от фляжки, которую держал в руках, и отпил её содержимое. Люди в красных мантиях уже почти подошли к ним, и стало видно, что в их руках появились волшебные палочки.

Джошуа перехватил свою палочку поудобнее и коснулся ею того, кто сжимал фляжку.

— Обливизэйт[3], - услышал второй человек, после увидел остекленевшие глаза своего товарища и буквально заорал, отскакивая назад и сдёргивая с себя рюкзак, — Красный!!

Все, кто находился у каменного круга тотчас обернулись на него. И все увидели, как мужчина в красной мантии, подошедший с Джошуа к холму, ни с того ни с сего раскинул руки, дёрнулся и упал назад, а на его спине расплылось красное пятно, более тёмное, чем ткань его одежды.

А тем временем только что кричавший мужчина уже выхватил из рюкзака небольшой чёрный автомат, навёл на Джошуа и нажал на курок. Осечка. Вторая, третья. Он грязно выругался и перекинул автомат за спину, выхватив пистолет.

— Инсендио[4]! — взмахнул палочкой волшебник, и огненная струя буквально захлестнула стрелка. И тут же голова заклинателя нелепо дёрнулась, тело прошила судорога, и он упал ничком на землю с кровавой раной между лопатками.

Оставшиеся трое людей в красных мантиях бросились к холму. Тот, чьего товарища только что сожгли, побежал в сторону деревьев, из-за которых они недавно вышли.

— Что-то не то... — пробормотал Блэк, напряжённо наблюдая за схваткой и бегством магла. Он не успел ничего сделать, а девчонка, с которой он только что разговаривал, уже рванула в сторону, где лежали тела волшебников.

И тут лес огласил грохот выстрелов. Первый мужчина в мантии добежал до тел павших несколько раз дёрнулся, захрипел и повалился на землю, у второго подкосилась нога и он, нечленораздельно закричав, покатился кубарем. Третий просто бросился ничком на землю и прикрыл голову руками. Что-то ухнуло в подлеске и вершина холма взорвалась, разметав находившиеся там тела — светловолосая девушка немного не добежала до туда, и сейчас в ужасе опускалась на колени, беззвучно крича.

Снова что-то ухнуло, и снова взорвалась вершина холма.

— Аппарируйте[5]! — закричал мистер Блэк оставшимся молодым людям и рванул к по-прежнему стоявшей на коленях девушке.

Снова что-то дважды ухнуло, и в каменном кругу раздалось два взрыва, один за другим.

**

(22 июня)

— Что произошло на том месте, где Блэк собирался проводить ритуал? — пожилая женщина со строгим лицом посмотрела на своего собеседника, полноватого мужчину средних лет.

— В точности неизвестно, — тот пожал плечами, — В какой-то момент, ещё до подготовки, как я полагаю, появились маглы и открыли стрельбу по волшебникам.

— Маглы? Зачем им это понадобилось? — она непонимающе посмотрела на него.

— Здесь явно поработал наш враг. Есть только лишь предположения, но связь ясна. Боевое подразделение маглов без опознавательных знаков королевских вооружённых сил появилось и напало на мистера Блэка и охранявших его авроров. Они не смогли ничего противопоставить этой мощи, — мужчина покачал головой.

— Хочешь сказать, эта змея нарушила Статут? Раскрыла маглам нашу природу?

— А что ему терять? Ритуал должен был сорвать все его планы, но вышло ровно наоборот. В каменном кругу пролилась кровь, чего быть никак нельзя.

— Блэка так и не нашли.

— Боюсь, что сейчас это меньшее из зол. Нам нужно искать нашего врага, заключившего союз с маглами. Иначе он найдёт нас первым.

(22 июня)

— Ну, как я говорил, проблемы это дело за собой потянуло. — Михаил закурил и посмотрел в окно, где ниже них на двадцать этаже светился вечерними огнями Лондон.

— Странные эти люди были, — пожал плечами Вячеслав, — Но босс подписался под этим делом, да ещё и сказал, что нельзя отказывать этому мистеру Смит, иначе кто-то другой возьмётся.

— Ну, а сейчас у Правительства Великобритании к нам список вопросов длиной с Евротоннель[6], — Михаил пожал плечами, — Мы заработали много, а вот переживём ли последствия, вот вопрос?

— А мне всё же интересно, что это за люди такие были? В рапорте была речь о каком-то портативном огнемёте.

— Ну, тот Смит что-то про особые технологии говорил, видимо, одна из них.

— Инопланетные, блин, — рассмеялся мужчина, глядя, как в их комнату входит Малыш Эдди.

— Вы не поверите, — улыбнулся тот, — Но только что к нам снова приходил мистер Эдриан Смит.

— Ему мало или ему понравилось? — сострил Михаил, затягиваясь сигаретой.

— Понравилось, — кивнул Рихтер, — Но теперь предлагает сработать более чисто и в центре Лондона. В каких-то подземельях, я пока не вчитывался.

— Специально обученные лондонские крысы ждут нас? — Вячеслав широко улыбнулся, — Ну, что ж, если босс согласует, можем и подумать над крысами.

— Он уже согласовал, — совершенно серьёзно ответил Эдди, — И почему-то пошутил про то, что Родина нас не забудет.

— Странно даже для него, — Михаил забычковал сигарету и закрыл окно, — Интересно, что именно он хотел этим сказать?

— Мне почему-то показалось, что он не шутил в тот момент, когда это произносил.

— Ну, если в этом деле Родина решит нас не забывать, значит ей это дело само отчего-то интересно, — задумчиво произнёс Михаил, — Ты случайно никаких до боли знакомых корочек у мистера Смита не видел?

— Нет. — покачал головой Рихтер и уже собирался идти, как вдруг вспомнил, — Кстати, возле него не работают видеокамеры.

— Как это не работают?

— Так это, видеокамера в той комнате, где он, ближайшая к нему, не пишет ничего ровно до момента, пока он не уйдёт от неё подальше. Мы и фото его сделали с дальней камеры, метров семь расстояние, не меньше.

— Совпадение, — отозвался Вячеслав.

— Тот боец, которого сожгли этим портативным огнемётом. — Михаил перевёл взгляд с одного коллеги на другого, — Перед этим он попытался из автомата расстрелять этого хрена в красном плаще. Автомат заклинило.

— Думаешь, мистер Смит из породы супергероев, рядом с которыми техника не работает?

— Ну, или это волшебная технология, — пожал плечами Михаил и стал задумчиво вертеть в руке зажигалку с изображением дракона, обвивающего меч.

1 — Сноудония — регион на севере Уэльса, где расположен национальный парк площадью 2170 км². Заповедник стал одним из трёх первых национальных парков Англии и Уэльса.

2 — Магл — человек, который лишен магических способностей и не родился в семье волшебников

3 — Обливиэйт — заклинание изменения памяти. Может стереть недавно полученную информацию.

4 — Инсендио — заклинание, позволяющее применившему поджечь какой-либо объект.

5 — Аппарация — способ перемещения волшебника на достаточно дальнее расстояние за считанные секунды.

6 — Евротоннель — тоннель длиной около 51 км, из которых 39 км проходят под проливом Ла-Манш. Соединяет континентальную Европу с Великобританией железнодорожным сообщением.

Глава III. Новые заботы Малыша Эдди

*

(02 июля)

— Так официально это эвакуация или бегство? — Михаил, крепкий мужчина средних лет, перевёл взгляд с Малыша Эдди на крупного бородача, сидевшего за столом напротив.

— Как ни называй, всё одно дело дрянь, — голос того был чуть усталым, — Миша, ты своих людей первым перевози. Нам любезно предоставили место в Марселе. Времени на сборы тебе день, справишься?

— Да справлюсь. — пожал тот плечами, — Мы были к этому готовы, в целом. Хоть один товарищ и утверждал, что Родина нас не забудет, — он насмешливо посмотрел на Малыша Эдди.

— А ты думаешь, базу нам дают от широкой души? — тут усмехнулся уже мужчина с окладистой бородой.

— Да сделано-то всё было чисто... — протянул Рихтер, — Ну, Свят Вениаминович, ну правда же?

— Правда твоя, — тот провёл рукой по бороде, — Да дело не в чистоте работы, а в том, что это за работа была. Этот Смит ткнул в улей да сам в сторону отошёл. Что ему-то?

— Он много заплатил, и Вы согласовали. И...

— И нам покрыли все сопутствующие расходы. — осклабился Свят Вениаминович, — В общем, Эдуард, на тебе весь переезд. Игнат Кондратьевич уже перевозит наших военных консультантов в Марсель. Михаил сам справится, думаю, а вот все остальные службы на тебе.

— Быть тебе, Эдик, капитаном, который покидает корабль последним, — вздохнул Михаил и вопросительно посмотрел на начальника.

— Нет, Михаил, я разговаривал с Москвой. Тамошняя игра мне неведома, но нам нет запрета разговаривать с этим Эдрианом Смитом. Даже если он придёт снова предлагать работу.

— Но только работа должна быть согласована?

— Естественно.

**

(30 июня)

Дел у Эдуарда Рихтера, Малыша Эдди, Специалисту по Внешним Коммуникациям War&Consulting стало невпроворот буквально со второго посещения их компании мистером Эдрианом Смитом, этим странным англичанином, который не родился, не женился и вообще не жил в Британии и, похоже, во всём мире, но выглядел вполне живым и здоровым. Но бог бы со всем этим, но вот странные слова Свята Вениаминовича о том, что родина их не забудет, и обязательно нужно взять эту работу, вот они-то насторожили Эдди.

После выяснения деталей операции уже даже настороженность пропала, Рихтер отчётливо понимал, что Москва по каким-то своим неведомым причинам толкает W&C к прыжку в пропасть, притом прыгать им всем предстояло с залихватским улюлюканьем, поскольку Родина дала добро на штурм телефонной будки и общественного туалета в центре Лондона всеми наличными средствами.

Малыш Эдди вначале не поверил, когда услышал всё это. Потом не поверил повторно,

когда ему ещё раз рассказали детали. Но всё выходило так, что вот те люди, которых обозначил заказчик W&C как террористов, и которых их бойцы накрыли в Уэльсе, обосновались в катакомбах под центром британской столицы. Со слов мистера Смита они располагались в огромном восьмиэтажном здании, уходящим вглубь земли. Ничем, кроме как магией, Рихтер не мог объяснить существование подобного строения под Лондоном, потому даже не пытался выяснить его природу. И попасть в эти катакомбы можно двумя путями: через телефонную будку, либо через общественный туалет, как бы это не звучало бредово.

Помня, что рядом с заказчиком не работает электроника, а ещё и, предположительно, оружие отказывается стрелять, то было принято решение, что сначала заходит внутрь он, через туалет. Каким-то чудом попадает в то подземное строение, и уже оттуда вызывает лифт, чтобы опустить группу захвата из телефонной будки вниз. Но это телефонная будка, и туда в крайней тесноте вмещается только четверо. И в первой группе вместо одного из бойцов шёл помощник Смита Льюис.

Ещё одним экстравагантным требованием заказчика было не использование автоматического оружия в передовой группе. По его словам, если в той комнате, куда опустится лифт, случится драка, но пусть уж лучше в руках бойцов будет оружие, которое не даст сбой. При этом Михаил, конечно, ехидно предложил вооружить передовую группу боевыми китайскими посохами, но до такого фарса решили не опускаться.

Когда первая тройка, как их обозвал Малыш Эдди, доверчивых смертников, вышла из лифта, то увидела огромный зал — что-то похожее на холл вычурного бизнес-центра. Зал был пуст, только за конторками лежало несколько тел, по всей видимости, служащих. Каких-либо следов насилия не было заметно, лишь гримаса страха и удивления — как сказал потом ведущий передовой тройки, будто бы люди умерли от инфаркта, перед этим сильно ему удивившись.

Затем зашли остальные группы с автоматическим оружием и гранатами с усыпляющим газом — W&C решили действовать при зачистке здания менее кровавыми методами, чем в прошлый раз. И как после удивлялся Рихтер при чтении отчётов, они не встретили практически никакого сопротивления, а ещё самое главное — практически никакой охраны обнаружено не было в здании, хотя комплекс воистину был огромен. Действовали несколькими отрядами, благо планировка позволяла использовать именно такую тактику.

Заказчик W&C, словно парламентёр, шёл впереди и договаривался об отсутствии сопротивления. Иногда это ему удавалось, и порядка трёх десятков человек так сдались, которых Льюис быстро вывел из зоны поражения штурмовой группы и проводил в холл. Иногда он грустно выходил, махал рукой и шёл дальше по коридору, а в комнату залетали гранаты с газом, а следом входили бойцы. А иногда из дверного проёма виднелись зелёные вспышки, словно кто-то включал или выключал зелёную лампу. Когда Михаил прочитал эти строки в отчёте, он нахмурился и глубоко вздохнул, но на вопрос Малыша Эдди, что же это такое, так и не ответил.

Поняв, что ответов на вопросы по отчёту от аналитиков не получить, Рихтер решил просто готовиться к эвакуации. Сама операция прошла без потерь и эксцессов — штурмовики использовали только взрывчатку для пробития стен (пару раз) и гранаты с усыпляющим газом. Взято в плен было 59 человек, при этом 31 сдался самостоятельно. Также было найдено 14 мёртвых тел, исключая 5 трупов в холле, которые были обнаружены первой группой, попавшей в комплекс через лифт в телефонной будке.

(01 июля)

После бескровной операции в центре Лондона Малыш Эдди ожидал переполоха в СМИ — виданое ли дело, что в центре британской столицы, какие-то русские солдаты проводят спецоперации, не уведомив местные спецслужбы? И когда они узнают о произошедшем — чрезвычайно сильно удивятся и расстроятся, а ещё громко заявят о своём удивлении и расстройстве миру и общественности. Рука Кремля — вот это вот всё. И Эдуард Рихтер сразу по завершению операции запустил подготовку к эвакуации из Лондона, а сам стал ждать взрыва народного гнева. По его расчётам всё должно было состояться с утра — за ночь англичане осознали бы и масштаб трагедии, и виновника, и кого сейчас бить следует в первую очередь.

Но взорвалось внезапно в Китае. И случилось всё примерно в полночь по Гринвичу. Собственно когда жители Поднебесной встали и пошли на работу, их региональные агентства разразились статьями о логове фашистского террора в сердце Великобритании. И что за зачистку этого логова никто из британцев не брался, но вот нашёлся один смельчак, имя которого Льюис Дижон, и при помощи русских военных консультантов провёл операцию по обезвреживанию подпольной организации, которая намеревалась, со слов китайцев, взять власть в стране в свои руки, и устроить геноцид всему нечистокровному населению островов. Журналисты бодро рапортовали об уничтожении двух десятков террористов, нахождении в комнатах взятого комплекса ужасных находок в виде препарированных останков людей и каких-то странных созданий, словно бы сошедших с бульварных изданий об Аненербе[1]. А ещё о документах, в которых значились те параметры, по которым можно будет считать кого-то людьми, а кто таковыми ни при каких обстоятельствах не является. Над Лондоном недвусмысленно начал всходить Одал, пронзаемый мечом[2]. И никто эти статьи, может, и не заметил бы, если бы они не вышли одновременно на передовице почти всех государственных изданий, словно именно эта новость была чрезвычайно важной для жителей Поднебесной. Хотя учитывая, что в каждой статье красной нитью проходила мысль о фашизме белых варваров, которые вот ещё совсем недавно терзали Китай, то в целом местоположение материала становилось понятным.

“Здрасьте-приехали!” — подумал Рихтер, когда Нина скинула ему в половине первого ночи эту статью. На вопрос, почему об этом пишут китайцы, а чего молчат англичане, девушка не смогла ответить. Похоже было на то, что она сама поражена до глубины души. На вопрос, где они взяли данные об убитых, а также данные о находках, ведь даже War&Consulting ещё не получили итоговых отчётов, также не было ответа. Эдуард связался с Михаилом и обрисовал ситуацию. Оказалось, что тот был готов к чему-то подобному, и посоветовал сидеть и ждать. И следить, чтобы отделы быстрее собирали вещи. Пока в любом случае неясно было, если бежать, то в каком направлении.

В час ночи позвонила Москва и потребовала объяснений. Москва была явно не в духе и в ходе беседы обмолвилась о вашингтонских товарищах, которые были не хуже Рихтера обескуражены китайской статьёй, но почему-то первым делом решили звонить в Кремль, а не на Даунинг-стрит. В Кремле их выслушали, пожалели, заверили, что во всём разберутся, однако посетовали, что англичане давно ведут какую-то свою игру, вон как из Евросоюза выскочили, так и всё. И ВЛМ уважают только для галочки скорее. В Вашингтоне поперхнулись, услышав такой пассаж, однако посмотрели в сторону Лондона, где, как им стало отчётливо казаться, Одал, пронзённый мечом, начинал обретать материальную форму.

В общем американцы откланялись и ушли звонить в Лондон, задавать неудобные вопросы туда, а вот русские пошли звонить Рихтеру. И вопрос был вначале один: “Откуда произошла утечка?”, но после он перерос в другой: “Через сколько часов компания будет полностью готова к эвакуации во Францию?” Малыш Эдди аж переспросил, посчитав, что Москва в пять утра шутить изволит. Москва шутить не изволила, а сказала, что эвакуировать War&Consulting нужно будет в Южную Францию, детали все получит непосредственный начальник Рихтера — Свят Вениаминович. После вопроса, грозит ли им сейчас что-то в Лондоне, Москва уклончиво повесила трубку.

Эдди начал было нервничать, но тут Нина принесла новую статью. В Китае уже начался полноценный рабочий день, а потому в крупных информационных агентствах вышли уточняющие материалы — а уточнялось там ровно одно: от имени всего китайского народа выражалась благодарность борцам с белыми фашиствующими варварами, компании War&Consulting, которые единственные согласились встать на защиту мира и справедливости, ибо много к кому обращался некий Льюис Дижон, но вот только эти ребята решились провести такую авантюрную операцию. В целом, после того, как всё благополучно завершилось, Эдди часто шутил про то, что если вы плохо спали в ту ночь, так это оттого, что над Лондоном вошло новое солнце. Но даже он не знал, насколько ошибался насчёт вошедшего над столицей Британии солнца.

Потому что в ту ночь над Темзой вошло два солнца. Лондон имел очень жёсткий разговор с Вашингтоном, в котором поначалу пытался оправдываться, а после заявил, что не намерен посвящать заокеанских партнёров в детали общественной жизни собственной страны. Видимо, после этого вашингтонские товарищи пошли к окну, проверять, виднеется ли из Белого Дома герб Аненербе, явно уже вошедший над столицей Британии, аки эмблема Бэтмена над Готэмом, потому что в переговорах повисла пауза. Паузу вскоре прервали сами американцы, которые в жёстких формулировках заявили, что китайцы-то могут написать что угодно, но англичанам надо бы спешно предоставить неопровержимые доказательства отсутствия подобной фашистской структуры в центре своей столицы. После этого Лондон пошёл звонить в Пекин. Но в Пекине вообще отказались разговаривать, просто-напросто не взяв трубку. Не добившись ничего от китайцев, англичане пошли к русским. Москва сказала, что в шесть утра не намерена ничего решать, думать, а тем более говорить. И вообще это китайцы написали — вот к ним и идите. На Даунинг-стрит медленно начала зреть паника.

К трём часам ночи к опустевшему офису W&C подъехала группа захвата с ордером на обыск. Но буквально в это же время американские СМИ выпустили статьи о вечернем происшествии со ссылкой на китайских товарищей и общим посылом, что англичане какие-то странненькие, вот пусть сами и разбираются со всей этой вакханалией. Вашингтон явно решил утопить союзника от греха подальше, а не пытаться бодаться с Пекином, который сейчас ещё что-нибудь напишет, а тут уже и Россия скоро проснётся... Белый Дом посчитал, что эти двое явно заодно, однако не мог понять причину подобного нападения на Британию — это была на первый взгляд какая-то совершенно немотивированная агрессия. А ещё и Британия странно себя вела при ответе на совершенно логичные вопросы. Потому американские журналисты поиронизировали, что сейчас англичане будут отпираться от своих возможных связей с этой странной организацией, а может и арестуют и расстреляют от греха подальше весь персонал русской ЧВК. И в Лондоне это прочитали, и от греха подальше развернули группу захвата буквально уже с порога W&C.

А китайцы выложили видео. Буквально через пять минут после разворота спецслужб с

порога русского ЧВК. И там действительно были запечатлены катакомбы, мёртвые люди с гримасами удивления на лице — те самые, будто бы их внезапно схватил сердечный приступ. Какие-то лаборатории со странными препаратами, а также ворохи каких-то документов, некоторые из которых недвусмысленно напоминали оккультные и алхимические манускрипты. И чтобы совсем шокировать зрителя китайские товарищи сопроводили репортаж вставками из документальных фильмов про реальное Аненербе.

В Лондоне внимательно посмотрели репортаж. Позвонили в Москву с просьбой сделать что-то с War&Consulting, хотя бы добиться от них каких-то вразумительных комментариев. В Москве сказали, что вообще за комментариями нужно напрямую идти в W&C, а Кремль давать их по этому делу не будет до момента, пока не проснутся израильские товарищи. На Даунинг-стрит грязно выругались и позвонили Рихтеру. Рихтер честно признался, что да, он тоже читал, тоже смотрел видео, но извините, без ордера он ничего рассказывать не будет — де коммерческая тайна. Ему тут же сказали, что ордер-то есть, но давайте полюбовно. Он ответил, что давайте, но утром. Британские функционеры ответили, что нет, нам нужно прямо сейчас. Рихтер ответил, что если прямо сейчас, то, конечно, приезжайте, но вразумительного диалога не выйдет, он ещё отчёты не видел. Его визави крайне удивились и попытались возразить, что вот же у китайцев вся информация дана. На что Эдуард честно ответил, что в целом тогда нужно разговаривать с китайцами, а не с ним. Англичане обиделись и положили трубку.

А в это время проснулась Москва и в утренних новостях на всю страну заявила о том, что вот вы спите, а в Лондоне наши доблестные наёмники, простите, консультанты по безопасности, сражаются на острие борьбы с внезапно поднявшим голову фашизмом. И пускают тот же самый ролик, что китайские товарищи, только с русским переводом. Русский сегмент интернета тут же взорвался, разделившись на пользователей, которые поносят кровавых вояк, лезущих своими грязными ботинками в чистые внутренние дела Великой Британии, и тех, кто пел хвалебные оды братушкам-наёмникам, продолжающим дело рабоче-крестьянской красной армии. Эдуард Рихтер, смотря на всё это дело, вспоминал слова Свята Вениаминовича, что Родина их не забудет и думал, что лучше бы, блин, забыла!

Параллельно с тем, как проснулась Москва, на Даунинг-стрит позвонили из Букингемского дворца. Звонивший популярно объяснил, что произошло, и что Правительству Британии следует делать, ибо монархия у нас, конечно, парламентская, но если так будет продолжаться, Парламент мы переизберём. Русских вояк следовало корректно и аккуратно в кратчайшие сроки выпроводить из страны, контролируя, что с ними больше никто не сможет пообщаться. А про это происшествие — публично признать, покаяться и выдать благодарность персоналу W&C, как героям Британии. На Даунинг-стрит удивились, но перечить Букингемскому дворцу не стали.

1 — Аненербе — организация, существовавшая в 1935–1945 годах в Германии, созданная для изучения традиций, истории и наследия нордической расы с целью оккультно-идеологического обеспечения государственного аппарата нацистской Германии. Основная движущая сила т. е. оккультизма Третьего Рейха.

2 — Одал — руна старшего рунического алфавита. Стилизованное изображение руны Одал использовалось на эмблеме Аненербе

Глава IV. Основная проблема Франции

*

(05 июля)

В небольшом кабинете царил полумрак, несколько рассеиваемый свечами в канделябрах. Мягко потрескивали дрова в камине, в бокалах собравшихся женщин и мужчин отражались всполохи пламени. Шторы на окнах были плотно задёрнуты, так что даже если бы сейчас там был яркий солнечный день, этого бы никто из собравшихся не узнал.

Стояла глубокая ночь, и в этой ночи в особой задумчивости сидели пять чуть старомодно одетых людей. Сидели в задумчивости, кто-то болтал белое вино в фужере, разглядывая его. Кто-то прямо-таки уставился в свой алый, словно кровь, бокал, будто бы пытаясь найти в нём ответы на мучающие его вопросы.

— И что же нам теперь делать? — прервала размышление сухонькая дама в берете.

— Нам? Ничего. — крепкий мужчина за сорок отпил из своего бокала, — Пусть эти ростбифы[1] сами решают свои дела. Нам-то какое дело?

— Жан, их противник, как там его? — девушка замолчала, защёлкав пальцами, пытаясь вспомнить.

— Он представляется, как Эдриан Смит, — фыркнула другая девушка с бокалом белого вина в руке.

— Вот, Эдриан обратился к магглам! — всплеснула руками дама в берете, — И более того, к русским.

— У этих русских есть магглы? У них вообще волшебники-то существуют? — презрительно ответила третья дама, сидевшая возле камина.

— Да не важно, — девушка в берете продолжала, — Эти русские помогли этому Смигу. И кто знает, вдруг он решит и к нам прийти?

— А что они сделали, напомни? — надменная дама повернулась к собеседнице в берете.

— Они взяли штурмом Министерство Магии. Всё, Магическая Британия осталась без руководства.

— Совсем? — подал голос атлетически сложенный мужчина в кресле поодаль.

— Ты представляешь, да?

— Ну, я не слышал, чтобы этот Смит имел интересы у нас, — тот пожал плечами и пригубил вина.

— Париж молчит, у Парижа другие заботы, да, месье Жан? — надменная дама ехидно уставилась на крепкого мужчину за сорок.

— Причём здесь я, Жюстина? — тот напоказ удивился.

— Вы собирались поговорить со своей ученицей, чтобы... — дама изобразила задумчивость, — Как это у вас называют? Чтобы она начала себя хорошо вести?

— Она себя отлично ведёт, Жюстина. — голос Жана не дрогнул.

— Боюсь, даже ты скоро поймёшь, что это не так. И храни нас Небеса, чтобы этот мистер Смит не понял этого раньше.

— Думаешь, он не ограничится Британией? — произнёс мужчина в кресле поодаль.

— Да мало ему будет Британии, — дама в берете скривилась, — Хулио, ты веришь в то, что начав брать власть, можно остановиться? Я вот нет.

— Я не верю, но ростбифы славились своим... — он замолчал подбирая верное слово, — Своей склонностью к дисциплине и покорности.

— Всегда считал, что это русские любят покорность. — усмехнулся Жан, отхлебнув из своего бокала.

— На этом они и спелись с этим Смитом, — Жюстина издала короткий смешок.

— В любом случае, — продолжил Хулио, — Я считаю, что этому Эдриану Смигу нужна именно власть над Магической Британией. Как он её получит, так и останется на островах. Другое дело, Жан, — он внимательно посмотрел на мужчину за сорок, — Твоя ученица ему может быть нужна там, по ту сторону Ла-Манша, потому ты бы готовился к появлению его у нас.

— Я всегда готов, — с показной беззаботностью ответил тот и отпил вина.

**

(05 июля)

Над городом висела вечерняя дымка.

Совсем недавно закончился летний дождь, выглянуло закатное солнце, и пар от высыхающих камней мостовой и стен зданий поднимался вверх, смешиваясь с выхлопами от автомобилей. Дышать было тяжело, воздух стоял настолько влажный, что вытащи ты ложку, ею можно было спокойно зачерпывать и есть.

Натали стояла на тротуаре, буравя взглядом стеклянную витрину через дорогу. За ней за столами с накрахмаленными скатертями сидели люди и с очень серьёзными лицами безумно аккуратно ели. Девушка стояла и жевала шаурму с таким же безумно серьёзным лицом, время от времени поправляя то и дело выбивающуюся из под синего берета прядь волос. Её обходил людской поток, которого она словно бы не замечала. И точно также она не замечала того, как время от времени автомобили закрывали обзор. Молодая француженка, Натали де Алонсо, выглядела так, будто бы смотрела не глазами.

К ближайшему от неё столику, за которым сидели дама в красном вечернем платье и мужчина в белой рубашке и пиджаке цвета индиго, подошёл официант и подал большое блюдо. Натали напряглась и укусила шаурму сильнее обычного.

Официант поднял крышку от блюда, и вслед за этим оттуда же поднялся пар. Женщина чуть скривилась, а мужчина выжидательно посмотрел на неё. Натали перестала жевать и сделала шаг вперёд, ближе к обочине дороги — тотчас в неё чуть было не влетел темнокожий прохожий, оглянулся и выругался на чистом французском.

Официант опустил взгляд в блюдо, и на его лице отразилось удивление. Сразу затем оно скривилось от отвращения. Женщина закрыла рот ладонью и резко встала, не отрывая взгляда от блюда. Мужчина опустил взгляд туда, где должны были расположиться заказанные им свиные рёбрышки и ошарашенно стал разглядывать то, что им на самом деле принесли. Тотчас одно из рёбрышек резво подпрыгнуло и ударило в глаз мужчине — он закричал, отпрянул и упал навзничь, опрокинув за собой стул. Женщина завопила, и уже три ребра прыгнули на неё, правда не дотянули до лица, но одно оцарапало шею, а два других попали на платье. Официант закрылся от напавших на него частей блюда крышкой и попятился назад.

В ресторане поднялась суматоха, Натали усмехнулась, доела шаурму, выкинула упаковку в ближайшую урну и пошла вдоль по улице, влившись в разноцветную толпу.

(07 июля)

Марсельский офис War&Consulting оказался меньше лондонского и больше не располагался наверху высотки над мегаполисом, но и в таком виде он мог выполнять свою основную задачу — организацию встреч с клиентами и работу администрации. А что расположен оказался почти в порту — так тут недалеко от склада с инвентарем и базы с военными консультантами Игната Кондратьевича, что в целом давало небольшую уверенность в собственной безопасности. Хотя в том, что здесь кто-то решит штурмовать их офис, Малыш Эдди сомневался. Скорее их расстреляют из реактивных гранатомётов. А это уже издержки профессии, так что об этом можно даже сильно не думать. Просто нужно было заранее подготовить административный персонал к такому повороту истории.

И пока Свят Вениаминович размышлял о замене бренда после настолько шикарной промо-кампании, которую устроили им китайские товарищи, на пороге нового офиса W&C нарисовался старый знакомый, Эдриан Смит. Главные их заказчики из Кремля предупредили об его появлении, потому Рихтер был не слишком удивлён. Сей странный товарищ, словно понимая, что ему теперь не сильно рады, сначала связался с московским офисом ЧВК, где его быстро перевели на Кремль, а там он умудрился согласовать свою новую встречу. Удивительной настырности оказался человек, хоть и тот ещё британский сноб: в Марселе он ещё больше кривил нос, оглядывая офис, и морщился от кофе хотя в остальном оставался внешне спокойным.

Здесь кофе Эдуарду самому не нравился, и у них даже был хороший, но мистеру Смигу специально было налито самое отвратительное пойло. Потому что работа-работой, но нагадить в тапки неприятному типу — это святое. А уж если этот тип чуть было не угробил лично тебя в полном соответствии с контрактом, так тем более.

— Вас что-то снова привело к нам, мистер Смит? — Малыш Эдди старался быть максимально безмятежным.

— Дело, которое было нами сделано в Лондоне, завершено, — тот выделил голосом слово “нами”, — Однако для дальнейшей работы следует ещё кое-что сделать.

— Мистер Смит, я буду честным, — Рихтер усмехнулся, — Последние два дела, которые мы провели по Вашему заказу, принесли нам достаточно много проблем. Настолько, что мы сейчас сидим не над лондонским смогом, а на марсельском побережье Средиземноморья. Безусловно, климат тут получше, но клиентов как-то поменьше. Здесь для пенсии хорошо, а нам бы работать. Если то дело, которое Вы нам хотите предложить, повлечёт очередной переезд нашей компании, например, в Палермо, я предпочту отказать Вам.

— Не повлечёт. По крайней мере, не должен, — мужчина был серьёзен, резко контрастируя с показушно весёлым Эдуардом, — Мои интересы остались там, на Британских островах.

— Как и наши, — недовольно отозвался юноша, — Но так какое дело привело к нам Вас?

— В Париже появилась одна девушка, которая очень нужна мне, — Смит допил свой кофе.

— За похищением невесты лучше обращаться в кавказские ОПГ, — Малыш Эдди скептически посмотрел на собеседника, — Пока что мне всё это начинает напоминать наш самый первый разговор.

— Я вижу, но это случайность, — мужчина изобразил на лице некое подобие улыбки, — Всю информацию я предоставляю через помощника. И нет, там будут не только рукописные документы, ещё и газетные статьи, — на этой фразе Эдди чуть закатил глаза, но

продолжил слушать, — Её выходы в Париже в последние несколько недель называют экотерроризмом, эти люди приплели ей какие-то идеи, которых никогда не было в её голове, — теперь усмехнулся уже Смит, оказывается, он был способен и на такую мимику, — Я точно знаю, что то, что она делает, она делает из желания отточить своё мастерство, если можно так выразиться. Ну, и потому что может себе позволить, естественно. А ещё потому что те, кто стоят за ней, совершенно не желают её останавливать.

— Простите, что перебиваю, но история снова подходит к тайной человеческой структуре, только теперь уже французской?

— Да, именно так. Это точно такие же люди, какие были в Лондоне, только французы, — по лицу мужчины пробежала тень презрения.

— Вы хотите, чтобы мы её убили?

— Нет, ни в коем случае, — Эдриан Смит помотал отрицательно головой, — Я хочу, чтобы вы её нашли и доставили ко мне. Она не пойдёт на прямой контакт со мной или моими людьми, а вот про вас она не думает. Но я хочу с ней поговорить, чтобы... — он задумался, — Чтобы она мы смогли в дальнейшем сотрудничать.

— Это выглядит ещё более странным, чем штурм подземного здания через общественный туалет, — Малыш Эдди откинулся в своём кресле, — Схема стандартная, мы возьмём Ваши материалы, всё посчитаем и через три дня дадим ответ. Есть же три дня у нас? Если нет, то я уже сказал, куда Вам идти.

— Три дня есть, конечно. — кивнул его собеседник.

(10 июля)

Людской поток двигался по тротуару размеренно, огибая препятствия на своём пути: мусорные баки, лотки торговцев, Натали де Алонсо, которая снова застыла словно изваяние посередине дороги, крепко сжимая и иногда нервно кусая свою шаурму. Стояла она в паре шагов от летней веранды модного ресторанчика, занимавшего почти весь тротуар, потому именно здесь людям было сложно проходить, особенно когда часть прохода занимала девушка в жакете и берете, иногда кусающая шаурму. Пару раз её толкнули, какой-то чернокожий француз в очках и дорогом костюме успел обругать, но девушка упорно не сходила с места.

Официант, выносивший заказ на летник, заметил Натали и передал администратору, но только тот направился в сторону странной девушки, чтобы прогнать ту, дабы не смущать своим видом гостей, как сзади раздался женский крик, которому вторили мужская ругань, и звон разбитых тарелок. На лице де Алонсо появилась торжествующая улыбка, но тут же сильная рука взяла её под локоть и утянула куда-то в сторону.

— Шутка с ростбифом хорошая, но лучше перестань так подставляться, — голос Жана был спокоен и уверен.

— Мэтр, у меня получилось! — чуть было не захлопала в ладоши девушка, — Это же новое слово в исследованиях! — от прежней серьёзности, с которой она смотрела на летнюю веранду, не осталось и следа, она была воодушевлена, радостна и похожа на десятилетнюю девочку, которой на Рождество подарили именно то, о чём она мечтала, — Мы же покажем этим занудам!

— Тише, зануды сами нам готовы показать многое, — мужчина поморщился и свернул в переулок между домами, утянув за собой Натали. Здесь было темнее, прохладней, а людей не было вовсе.

— Мэтр, Вас что-то тревожит? — та встрепелась.

— Ты, — он остановился и взглянул на девушку, она оказалась почти на голову его ниже, потому сейчас внимательно смотрела снизу вверх.

— И что же во мне Вас тревожит? — в глазах её мигнуло озорство.

— Не в тебе, — Жан отрицательно помотал головой, — Ты слышала, что случилось в Лондоне две недели назад? — тут уже настала очередь девушки отрицательно мотать головой, — Некий волшебник, называющий себя Эдриан Смит, при помощи русских сначала уничтожил магов, пытавшихся провести крупный светлый ритуал. Там погибло порядка восьми магов, включая пятерых сотрудников Аврората. А вот после он взял штурмом здание Министерства Магии, убив министра и ещё с десятков тех, кто вздумал ему противиться.

Натали смотрела в глаза своего наставника, а внутри неё появился страх:

— Он же ко мне приходил пару дней назад... — она отпрянула и закрыла рот ладонью, продолжая смотреть на мужчину.

— Я знал, что так и будет, — тот кивнул, — Он ищет тебя, Натали, он хочет заполучить тебя в союзники. Ему слишком понравились твои успехи.

— Успехи в чём? — непонимающе уставилась она на мужчину, — В моих исследованиях? Но это же баловство... Баловство же?

— Париж решает, баловство это или же нет, — Жан стал хмурым, — Пока что они готовы сдать тебя ему, лишь бы не дошло до повторения британских событий у нас.

— Нет, не может быть... Я же... — она начала бормотать и тереть виски пальцами, посмотрела на выход из переулка, там по-прежнему шли люди, словно бы не замечая ничего вокруг.

— Ты в опасности, Натали, ты должна об этом знать. К сожалению, я не смогу помочь тебе сейчас, меня зовут неотложные дела, но ты сможешь остановиться в моём доме в Сен-Тропе, — он протянул девушке какую-то мерцающую в полумраке переулка карточку, — С помощью этого ты сможешь открыть дверь, и тебя там ничто не тронет.

— Спасибо, мэтр, — она приняла карточку и благодарно кивнула, — Но вначале я должна посетить своих родителей. Я не хочу, чтобы они из-за меня пострадали.

— Что ты хочешь сделать? — насторожился Жан.

— Я сотру им память, — совершенно серьёзно ответила Натали, — Всю память обо мне. И пусть едут туда, где этот Смит их не достанет.

1 — Ростбифы — французское ругательство, уничижительное обозначение англичан.

Глава V. Le Judas De Saint-Tropez

*

(12 июля)

— Ну, как, товарищи, готовы выдать этом Смиту решение? — Малыш Эдди вышел на балкон кабинет аналитиков, где уже стояло трое его коллег: рыжеволосая Нина, грузный седеющий Вячеслав и Михаил, задумчиво вертевший в руках зажигалку с драконом.

— Я по-прежнему считаю, что лучше снова туда не лезть, — Нина затянулась вейпом и выпустила облако пара, — У него нет столько денег, чтобы нам было спокойно.

— Может и есть, — устало усмехнулся Михаил, — Теперь он, как я понимаю, получил доступ в Британии к достаточно большим фондам, и может позволить себе их тратить.

— Мне всё равно кажется, что нас втягивают в авантюру, которую мы можем не пережить, — отозвалась Нина, развернулась к перилам и стала разглядывать порт, за которым в море садилось солнце.

— Втягивают? — удивился Рихтер, — Мы же ещё можем отказаться.

— Эдик, увы, — развёл руками Вячеслав и тоже развернулся лицом к закату.

— Что это всё значит? — Эдуард внимательно посмотрел на Михаила, который очень устало улыбался, продолжая вертеть в руке зажигалку.

— Свят Вениаминович получил указания из Москвы взять этот заказ и выполнить его, — Михаил всё же сложил зажигалку в карман.

— А Москва-то тут причём?

— Ну, помнишь же, что контакты со Смитом должны быть согласованы, ну и вот.

— Ёжкин... — выдохнул Малыш Эдди

— Что, Эдик, тоже хотел соскочить? — обернулась на него Нина.

— Ну, да, — тот кивнул.

— А вот не выйдет, — отозвался Михаил, — Тем более, что на самом захвате, о дате и времени которого мы естественно сообщим мистеру Смиту, Свят Вениаминович настоятельно рекомендовал присутствовать мне.

— Это зачем? — Рихтер был чрезвычайно удивлён этой новостью, обычно глава аналитиков в поле не выходил.

— Были в указаниях Москвы некоторые детали, выполнение которых необходимо будет проследить лично.

— Ладно, — кивнул Эдуард и присоединился к смотрящим на солнце, — Рассказывайте, что у нас там в общих чертах?

— Натали де Алонсо, в базах её, по традиции, нет. Следа в Сети тоже нет, однако же... — Нина снова затянулась и выпустила облако пара из вейпа, — Однако же в последнее время она замечена на месте экологических акций в ресторанах Парижа, вроде как веганский эко-терроризм, непонятно до конца, что происходит, но мясные блюда, которые заказывают посетители, они разлетаются во все стороны, иногда больно раня тех, кто рядом стоит.

— Настолько террористы? — удивился Рихтер.

— Настолько хулиганы, — кивнула Нина, — Никаких следов взрывчатки либо взрывных устройств не обнаруживается на месте происшествий. Камеры также не фиксируют никаких подозрительных личностей, однако свидетели со всех мест, где это происходило, а

происходило уже в пяти ресторанах Парижа, говорят о девушке в синем берете, таком же жакете и с неизменной шаурмой, которую она нервно уплетала, неотрывно глядя на ресторан, в котором и разворачивался этот перфоманс.

— Дай угадаю, на камерах девушка не осталась?

— Почти, ты же заснял этого Смита с дальней камеры, вот и здесь также. Дальние камеры с плохим качеством всё же фиксируют наличие подходящей под описание девушки.

— Под тот портрет, который нам выдал заказчик, описание подходит же? — Малыш Эдди посмотрел на Михаила, который утвердительно кивнул, не отрываясь от созерцания заката.

— В общем самой Натали де Алонсо нет в новостных сводках, но какая-то организация Green France взяла на себя ответственность за каждую акцию. Самое смешное, что об этой организации никто не знал до первого происшествия. А их блог в Фейсбуке скорее напоминал просто страницу для репостов без какого-то уникального контента. Зато сейчас... — Нина снова затянулась и выпустила облако пара.

— Подмазались, — сказал Вячеслав, — Зато можем сказать с уверенностью, что и никакой связи между ними и Натали де Алонсо нет, и что-то серьёзное эта Green France не представляет, в организацию входят две девочки 8ми лет, одна 12ти и одна 15ти лет.

— Однако же де Алонсо, — Нина внимательно посмотрела на Эдика, — В переданных документах от этого Смита нет ничего про её родителей, но всё не так просто. Буквально вчера прошла заметка из города Памплон, да, это Испания. Там значит, что были обнаружены в своём доме Мигель и Барбара де Алонсо, вскрытие показало остановку сердца, однако там была деталь, которую мы все легко узнаем...

— Их лица были такими, будто бы они умерли от инфаркта, перед этим сильно ему удивившись, — мрачно отозвался Михаил.

— Да, всё так. — кивнула Нина, — Ну, и ещё одно. За день до этого на них заявили в полицию соседи. По словам соседней у де Алонсо была ещё дочь, семь лет назад её отдали в частную школу во Францию, куда именно, история умалчивает. И вот совершенно случайно соседи выясняют, что Мигель и Барбара не знают ничего ни о какой дочери. Притом настолько всерьёз это утверждают, что соседи идут в полицию, потому что де Алонсо ведут себя откровенно странно. Полиция приходит в дом к Мигелю и Барбаре, те им рассказывают всё то же, что за несколько часов до этого рассказали соседям. Полиция, не найдя состава преступления, разворачивается и уходит, всё же эти два испанца не буйные, просто у них какое-то недопонимание с соседями возникло. И ничего бы не произошло, если бы полицейский не решил бы проверить информацию от соседней по базе данных, и вуаля! — Нина снова выпустила облако пара из вейпа, — Оказывается, у Барбары де Алонсо действительно была дочь Натали, она действительно родилась в Памплоне и до 11 лет числилась у детского семейного врача де Алонсо.

— Ты же сказала, что следа в базах у нашей девочки нет? — спросил Малыш Эдди.

— Во Франции нет совершенно, — усмехнулась Нина, — А вот в Испании чуть-чуть и до 11ти лет. После след теряется.

— Как я понимаю, от такой истории полиция решила поехать более серьёзно поговорить с этими двумя испанцами?

— Всё так, группа захвата обнаружила два тела в их доме. Следов борьбы не было, просто внезапно их срубил инфаркт. Каждого по отдельности.

— Что-то мне подсказывает, что это всё неспроста, — протянул задумчиво Рихтер.

— Именно поэтому мне и рекомендовали присутствовать на захвате, — отозвался Михаил.

— Если Игнат Кондратьевич не будет против, я возражений не имею. Но где нам искать эту девушку-то?

— Она засветилась на камерах в Сен-Тропе, — сказала Нина, — Никаких происшествий с едой там пока не случилось, однако же девушка сейчас там.

— Эдик, хотел когда-нибудь познакомиться с девушкой, которой не существует в базах данных? — весело спросил Слава.

— Надеюсь, хотя бы в зеркале она отражается? — с надеждой в голосе спросил тот, а потом понял, к чему был задан вопрос, — И чья идея использовать меня, как живца?

— Ну, а кого ты предложишь, на кого согласится Свят Вениаминович?

— Ну, Нина? — снова с надеждой спросил Эдик.

— Не думаю, что она настолько свободных нравов, эта Натали, хотя я, безусловно, хороша, — усмехнулась рыжеволосая девушка, — Так что отдуваться тебе. Не думаю, что это чем-то смертельно будет грозить.

— Я этому Смиуту выставлю очень большой ценник за работу... — проворчал тот, но потом всё же рассмеялся.

**

(13 июля)

— Жан, а каково это быть виновным в смерти двух человек? — сухонькая дама в берете обратилась к крепкому мужчине за сорок, сидевшему в кресле напротив.

В небольшом кабинете, где они вновь собрались, царил полумрак, совсем немного рассеиваемый свечами в канделябрах. Мягко потрескивали дрова в камине, в бокалах собравшихся троих женщин и двоих мужчин всё также, как и в прошлый раз, отражались всполохи пламени. Шторы на окнах были, как и в прошлый раз, плотно задёрнуты. И точно также сейчас за окном была глубокая ночь, и в этой ночи в особой задумчивости сидели пять чуть старомодно одетых людей. Сидели в задумчивости, кто-то болтал белое вино в бокале, разглядывая его. Кто-то снова уставился в свой алый, словно кровь, бокал, будто бы пытаясь найти в нём ответы на мучающие его вопросы.

— Не Жан решил их судьбу, и не он проник в их дом в тот день, так что не стоит бросаться такими обвинениями, — подал голос атлетически сложенный мужчина по имени Хулио, сидевший в кресле поодаль.

— Отнюдь, — дама в берете помотала головой, отпила из своего бокала и продолжила, — Он поговорил со своей ученицей, как её там, Натали? — она буквально сверлила глазами Жана в кресле напротив, — Напугал бедную девочку злым Смитом, а она возьми да отправься к маме с папой.

— Изабель права, — надменно отозвалась Жюстина, сидевшая, как и всегда, рядом с камином, — Если бы твоя ученица, Жан, не влезла в мозги своих родителей, они были бы до сих пор живы. Ты, кстати, говорил ей обо всём этом?

— Нет ещё, — Жан отвечал глухо, заглядывая в свой бокал с красным вином, будто бы там было что-то чрезвычайно важное.

— А и не говори, думаю, ей самое место у этого Смита. Пусть увозит в свою Британию, — Жюстина мерзко хихикнула и отпила из своего бокала.

— Нет, её место здесь, — отозвался Жан, — А этот Смит очередной тёмный лорд, который захватил власть в Англии.

— Предпочту наблюдать с этой стороны Ла-Манша, — ехидно сказала Изабель.

— Жан, мы не сможем тебе ничем помочь, не проси, — сухо отозвался Хулио, — Воля Парижа в том, чтобы не мешать тому, кто именуется, как Эдриан Смит.

— Как так не мешать? — устало ответил Жан, — Вы же все её учили, все её прекрасно знаете. Она же чистой души человек! Нельзя, чтобы она досталась Смиту!

— Чистые душой люди не занимаются опытами по оживлению еды и натравливанию её на маглов, — фыркнула третья девушка с бокалом белого вина в руке, — Жан, это твой педагогический провал, признай.

— У неё всё получается, это прекрасная работа, — резко ответил мужчина.

— Это было прекрасной работой в стенах школы, но сейчас стало мерзким и опасным делом, — в тон ему ответил Хулио, — Жан, я сожалею, но ничем помочь мы не станем. Ты выделил ей своё убежище?

— Да, я разрешил пожить в своём доме в Сен-Тропе.

— Хорошо, — мужчина отставил свой бокал и легко поднялся с кресла, — Жан де Тулон, ты задерживаешься по прямому указанию Парижа, — в руке у Хулио появилась волшебная палочка, — О местонахождении твоей ученицы мы вынуждены будем сообщить властям для передачи её Эдриану Смиту в соответствии с его официальным запросом.

На скулах Жана заиграли желваки, он допил своё вино и поставил бокал на столик рядом, после огляделся. Напротив него, словно три хищные кошки, поднимались девушки, сжимая в своих руках палочки.

— Палочку на пол, Жан, — произнёс Хулио.

— Да, конечно, — тот кивнул, глубоко вздохнул и стал грузно подниматься с кресла.

(18 июля)

Операцию решили проводить утром в воскресенье.

Кто вообще утром в воскресенье летом в курортном городе на берегу моря пойдёт сидеть в кафе у прибоя? Вот именно поэтому Малыш Эдди и договорился с Натали де Алонсо на свидание на это время.

Операцию внутри W&C окрестили “Искарриот”, а главным Иудой назначили Эдуарда Рихтера. Именно он должен был познакомиться с целью и сделать так, чтобы она пришла в точку захвата. Точнее встречи, точнее — непонятно чего, на самом деле. При разработке операции от заказчика пришёл официальный документ от французского Правительства разрешающий War&Consulting перекрыть соседние кварталы в Сен-Тропе от места операции. Это сильно настораживало, потому что, как так-то? Однако же подобное содействие всё-таки давало определённую свободу действия.

Познакомились Рихтер и де Алонсо на набережной у мола, на котором девушка любила стоять и наблюдать за мимо проходящими кораблями. Обстановка была безумно романтичной, и в другой ситуации Эдди был бы даже рад происходящему, однако же не тогда, когда рядом с девушкой переставал работать даже его телефон, не говоря уже о микронаушнике и маячке, который на него заботливо повесили в офисе. Пистолет он благоразумно не взял, осознав, что и его заклинит в нужный момент, потому что когда Эдуард и Натали были рядом, то вёл их визуально только дрон, зависший над кварталом, что несколько нервировало русского военспеца. Уж очень ему не по-душе была фраза Михаила, что в случае необходимости дрон может успеть прикрыть его отход. А может и не прикрыть.

В течение недели они каждый день встречались, болтали о всяческих глупостях и

гуляли вдоль приюта. Девушка с неизменными красными волосами, убранными в пучок, начинала даже нравиться Эдику, однако же работа есть работа, а оттого что она ему нравится, так проще будет не провалиться.

В воскресенье Игнат Кондратьевич заботливо перекрыл единственный проезд на на площадь на набережной, где было кафе, выбранное Рихтером для свидания. Место за барной стойкой занял один из его бойцов, под стойкой у которого лежал автомат. “Почти, как в вестернах”, - подумал Эдди. А над его головой висело два дрона, несколько иной модификации, чем тот наблюдательный, который летал за ним всю неделю, эти несли кроме видеокamer ещё и по паре ракет.

— Такое чувство, что мы не милую девушку передавать в руки заказчика идём, а разговаривать с инопланетянами, — сострил Малыш Эдди, когда утром собирался на свидание.

— А мы и не её опасаемся, — улыбнулся Михаил, мерно постукивая по шарообразному навершию своей трости, — В первую очередь нам тебя оттуда надо вытащить, если что-то пойдёт не так. А у нас есть два варианта, что пойдёт не так.

— Так вот чего ты к Святу Вениаминовичу катался вчера.

— Получал финальные инструкции, — загадочно улыбнулся глава аналитиков.

(18 июля)

С моря дул прохладный бриз, который трепал волосы Эдуарда и Натали. Девушка то и дело смущалась и пыталась вернуть выбивающиеся пряди обратно в аккуратный пучок. А парень просто приглаживал пятернёй растрепавшуюся шевелюру — всё же сидеть лицом к ветру намного удобнее в ветренную погоду.

Бармен, молодой загорелый парень в гавайской рубашке, принёс коктейли и удалился обратно за стойку. Натали взяла свой холодный полный льда стакан и аккуратно потянула его содержимое через трубочку.

— Ты сегодня выглядишь ещё более красивой, чем всегда, — улыбнулся Эдди и небрежно взял свой стакан. Щёки девушки чуть залились румянцем, но она аккуратно отставила стакан на стол.

— Спасибо, а ты же уже завтра уезжаешь отсюда? — с лёгкой грустью сказала она, — Отпуск кончается, ты говорил...

— Да, всё когда-то заканчивается, — он отпил из своего стакана, невольно взглянув на пустую набережную, удивительно не было людей, хорошо же Игнат Кондратьевич реально оцепил весь район, как в кино, — Поэтому я и захотел сегодня увидеться в такое время, чтобы побыть наедине, — он взглянул в глаза девушки, та захлопала ресницами и опустила свой взгляд.

— Хорошо, что судьба свела нас вместе, — Натали аккуратно вытянула вперёд руку и положила свою ладонь на его.

— Да, это была хорошая неделя, — Эдуард улыбнулся и поцеловал руку Натали.

У барной стойки что-то грохнуло. Рихтер чуть более резко обернулся, чем быть может, требовала ситуация, де Алонсо просто же выпрямилась на своём стуле и напряглась. А возле бармена стоял Михаил в очень нелепой летней рубашке и брюках, он неуклюже поднял свою трость, которая и издала этот грохот, повернулся на молодых людей и жестом выразил свои извинения, но подходить не стал.

От появления Михаила Эдуарду стало поспокойнее, он улыбнулся и развернулся снова к

девушке.

— Я думал, что мы тут совсем одни будем, — произнёс он смущённо и отпил свой коктейль.

— Да ничего страшного, — она в итоге оторвалась от разглядывания Михаила, который отошёл от стойки и уселся за столик, — Интересно, этот мужчина, наверное, первый раз здесь, но у него трость интересная, будто бы не его, — она задумалась, и тут у Рихтера пробежал холодок по спине, в его голове вся операция повисла на волоске из-за чёртовой трости, которую он никогда ранее не видел у главы аналитиков.

— Да мало ли, вдруг он купил её в антикварном, вот и решил покрасоваться, — усмехнулся он и обернулся туда же, куда смотрела его собеседница. Там за столиком пил свой коктейль Михаил, однако всё было не так просто. Позади него шёл по направлению к кафе крепкий мужчина за сорок в пыльном костюме.

Жана де Тулона Малыш Эдди узнал по рисункам из документов. Наставник и учитель Натали де Алонсо, вот только его здесь не хватало. И он уверенно зашёл в кафе под открытым небом, где располагались они сейчас. Не глядя на бармена прошёл сразу к столику Эдуарда, где тот крайне удивлённо воззрился на пришельца, но не подал виду, что лицо того ему знакомо.

— Натали, я рад, что с тобой всё хорошо, — выпалил Жан, подойдя вплотную к девушке, — Чтобы у вас здесь не происходило, тебе нужно идти, — он перевёл взгляд на парня, — Ничего личного, это ради её же блага, ей грозит страшная опасность.

— А... — единственное, что смог выдать из себя Малыш Эдди, он уже увидел боковым зрением, что к ним спешил бармен, и надеялся, что сейчас мы решим всё это недоразумение социальными методами.

— Я уже здесь две недели, всё тихо было, мэтр, — Натали точно также непонимающе смотрела на своего наставника, — Это Эдуард, мы познакомились здесь, у нас вообще-то свидание.

— Какое свидание, ты о чём? — во взгляде Жана росло возмущение, — Тебе нужно бежать, а ему, в смысле Вам месье, оставаться, увы.

— У месье и мадемуазели всё хорошо? — бармен подошёл к их столику и вопросительно посмотрел на Эдуарда, потом на Натали, потом остановил свой взгляд на Жане.

Жан глубоко вздохнул и скрестил руки на груди. Натали прикусила губу и смущённо опустила взгляд. Эдуард пожал плечами и насмешливо посмотрел на Жана.

— Эта мадемуазель пойдёт со мной, и у неё будет всё хорошо, — прозвучал сбоку голос Эдриана Смита. Заказчик W&C в чёрном старомодном костюме и таких же туфлях выглядел чужеродно на этом залитом солнцем берегу.

Все резко повернулись к нему. Бармен отступил на шаг, но всё же решил пока не покидать это место.

— Она не пойдёт с тобой, мясник! — выпалил Жан, набычившись.

— Мясник? Ой, нет, — хищно усмехнулся Эдриан.

— Мистер Смит, я уже сказала Вам, я не пойду с Вами, — Натали отвечала, будто бы на классном уроке у доски, чётко вызубрив ответ, — Особенно после того, что вы учинили в Лондоне.

— И тем более, после того, что произошло в Памплоне! — зло выпалил де Тулон, буквально прожигая глазами англичанина, — Натали, он убил твоих родных.

— Как? — девушка повернула свою голову к наставнику, её глаза наполнились слезами, а лицо побледнело, — Мэтр, как, я же всё сделала правильно...

— Ты молодец, — тот опустил руку на плечо Натали, — Просто эта змея достала их.

— Жан де Тулон, а может ты расскажешь этой юной леди, что произошло с Изабель Монтгомери? — Смит всё также насмешливо смотрел на француза, — А ещё с Жюстиной Сен-При?

— Не понимаю, — в глазах девушки стояли слёзы, но она переводила вопросительный взгляд с одного мужчины на другого.

— А ещё, помнишь, Натали, своего ректора, Хулио де ла Серда? — англичанин заглянул в глаза девушки и увидел там страх.

— Мэтр, что Вы сделали? — произнесла та дрожащим голосом, не отрывая взгляда от мистера Смита.

— Натали, они меня задержали. Они хотели передать тебя в руки этой змее! — внутри француза всё больше распалялся гнев.

— Натали, ты обвиняешь меня в том, что я сделал в Лондоне, а знаешь про ту резню, которую устроил Жан де Тулон в Париже сегодняшней ночью? — голос англичанина стал похож на шипение змеи, чрезвычайно насмешливой змеи.

— Это правда? — голос девушки дрогнул, когда она уставилась на Жана.

— Пойми, они хотели отдать тебя этому чудовищу. Они говорили, что тебе нет места во Франции, — тут уже начал дрожать голос де Тулона, но уже от гнева.

Натали обхватила лицо ладонями и в голос зарыдала. Малыш Эдди вздохнул и отпил из своего коктейля, он считал, что весь этот цирк несколько затянулся. Бармен, всё ещё стоявший поодаль, решил воспользоваться ситуацией и смыться, начав отходить.

— Нет, молодой человек, вам не следует уходить. — не меняя тона произнёс Эдриан, глядя теперь уже на бармена. Того прошиб озноб. А после Смит посмотрел на Рихтера, — Благодарю за работу, Льюис пришлёт вам деньги.

Натали отняла ладони от заплаканного лица и ошарашенно взглянула на сидевшего напротив парня, её лицо исказил ужас, а глаза захлестнула волна одиночества. Она осознала, что в этом мире крови и предательств осталась абсолютно одна.

Жан выхватил волшебную палочку и сделал шаг назад, зло смотря то ли на Рихтера, то ли на Смита. Смит сделал шаг к Эдди, как бы загораживаясь его телом от француза, и тоже достал палочку. Бармен упал под ближайший стол, скрывшись из виду.

Малыш Эдди вскочил со стула, задев стол и снеся стаканы, которые были на нём. Одной рукой он перехватил руку у локтя англичанина, а второй схватил того за кисть, сжимающую ту, вывернул её так, что волшебная палочка противника оказалась в его ладони. Перехватил её поудобнее и вогнал прямо в глазницу Эдриану Смигу. Тело того безвольно дёрнулось, обмякло и начало заваливаться назад. Натали завизжала и упала вместе со стулом навзнич, Жан выругался и взмахнул своей палочкой. Но Малыш Эдди уже не видел этого движения, его тело прошибла судорога, словно электрический разряд, сознание помутилось, а в ушах зашумело.

Не видел он и как резко встал Михаил, перевернув свой стол. Как его трость удлинилась, словно телескопическая дубинка, превратившись в подобие шеста. И как глава аналитического отдела произнёс какие-то неизвестные слова, взмахнул шестом, и Жана де Тулона снёс поток дикого пламени.

Глава VI. Традиции европейского добрососедства

*

(22 июля)

Теперь Малыш Эдди руководил переездом War&Consulting в Берлин в новый просторный офис, как он сам выразался, получше, чем в этом чёртовом Лондоне.

Сейчас это было уже не бегство, это был реальный переезд, согласованный с Правительством ФРГ. И с Правительством Франции. И даже Великобритания не имела больше вопросов к W&C, потому что в той ситуации, где они оказались, лучше закрыть глаза на произошедшее, забыть всё, а архивы сжечь.

В целом и Рихтер очень хотел бы забыть произошедшее, но память штука упрямая. И если в официальных отчётах значилась спецоперация по устранению террористов — успешная! То во внутренних творилось какое-то мракобесие, которое всё сводилось к главе аналитиков Михаилу, а тот хитро улыбался, разводил руками, отсылал всех вопрошающих сразу к Святу Вениаминовичу, а сам обещал на ближайшем корпоративе показать красивое кунг-фу со своей телескопической тростью.

По итогам событий в Сен-Тропе вечером того же дня все новостные агентства Франции вышли с материалами, выражающими глубокую признательность и безмерную благодарность простым русским военным консультантам, которые провели спецоперацию в тихом курортном городке и обезвредили двух террористов и фашистов: некоего Эдриана Смита и некоего Жана де Тулона. Далее в красках рассказывалось, что этот Жан де Тулон устроил сначала тройное убийство где-то на юге Франции, а после кровавую бойню в Париже, где за три часа умудрился лично умертвить полтора десятка человек, собравшихся на костюмированную вечеринку. И объявлен был этот француз руководителем континентальной ячейки фашиствующей организации, разгромленной в Лондоне теми же самыми русскими из War&Consulting. И как удобно, что во время этого разгрома нигде не всплывало имя Эдриана Смита — его французские журналисты и назначили руководителем этой структуры, умело скрывшимся от правосудия в Сен-Тропе, но не ушедшего от карающей руки русских наёмников. Ещё его обвинили в убийстве родителей некоей Натали де Алонсо в городе Памплоне, произошедшего пару недель назад, однако тут всё публиковалось без подробностей.

Тотчас эти материалы подхватили журналисты с Туманного Альбиона и под воскресный вечер разразились статьями, радуясь тому, что фашиствующая гадина, тянущая страны цивилизованной Европы назад в Средневековье, оказалась уничтожена русскими, как и в середине прошлого века. После этих статей в Лондон позвонили из Иерусалима и ехидно поинтересовались, что ж они столько времени молчали и никак не реагировали на действия этих чёртовых фрилансеров в Лондоне, на что британцы смогли придумать самый честный и правдивый ответ: “Ну, так получилось”.

Мадрид, также прочитав французских коллег, позвонил в Париж и поинтересовался судьбой этой некоей Натали де Алонсо в свете гибели её родителей. На что уже настала очередь Парижа придумывать честный и правдивый ответ. И ответом их было: “Мы не знаем, спросите русских — они проводили эту операцию”. В W&C благоразумно не ответили на звонок испанцев, а Москва в стиле рыцарей джедаев многозначительно сказала: “Вы не хотите об этом знать” и повесила трубку. Как ни странно, в Мадриде действительно

решили, что знать об этом они не имеют особого желания, и не стали дальше допытываться.

А на следующей день с утра в Москву позвонил Берлин, любезно предложил War&Consulting переехать к ним, а также выразил большую благодарность за наведение порядка у англичан и французов. В Кремле удивились, посмеялись, но предложение приняли.

**

(23 июля)

— Люблю европейскую политику, и то, как тут все любят своих соседей, — Михаил затянулся сигарой и облокотился на перила балкона в их новом офисе.

— А мне тоже понравилось: “Благодаря вам во Франции и Англии чёрти что творится, приезжайте отдохните у нас”, - Малыш Эдди отпил виски из своего стакана и поставил его на перила, — Хотя мы тоже хороши.

— Учимся у лучших, как говорится, — рассмеялся главный аналитик W&C, — Не официально это был просто новый заказ от неизвестного, который совершенно случайно отлично лёг на политическую обстановку.

— Всё так и было, я даже проверил счета, — хитро улыбнулся Рихтер, — Этот заказчик умудрился пройти мимо меня, так что для меня он совершенно неизвестен.

— А на самом деле, всё это было, чтобы заполучить эту девочку, — усмехнулась Нина и спросила с долей иронии, — Слушай, Эдик, а ты после всего этого с нашей спасённой волшебницей говорил хоть?

— Нет, её как увезли в Москву, так и всё, — помотал тот головой, — Не лезть же туда с вопросами.

— Ну, Свят Вениаминович разговаривал после с ней, — глава аналитиков снова затянулся сигарой, — Бедная шокированная девочка. Готова на всё, чтобы начать новую жизнь.

— Ещё бы, — Нина выпустила из своей вейпа облако пара, — Тот, кого ты считала наставником, оказывается маньяком. Единственный в стране, кому ты интересна, тоже. А тот, с кем ты пошла на свидание, так ему вообще за это заплатили.

— Так и становятся феминистками... — отозвался Эдик.

— Да иди ты, — засмеялась рыжеволосая девушка и пихнула его в плечо, — Но вообще проведать её стоит. Всё-таки целую неделю вы провели вместе.

— Ну, не надо, не настолько уж и вместе, — запротестовал юноша.

— Скажи, она в зеркалах-то хоть отражается? — рассмеялся Михаил, — А то ты опасался.

— А вот не знаю, — скривился Рихтер, — Мы только за ручки держались. В зеркала не смотрелись.

— Скука какая. Надо было мне идти, — снова засмеялась Нина.

— Тогда бы операция закончилась быстрее, — ухмыльнулся глава аналитиков.

— Эй, я вообще сыграл одну из главных ролей в операции! — картинно возмутился Эдик.

— Главное, в Лондоне не говори об этом, а то вдруг там остались фанаты мистера Смита.

— Кстати, я так и не поняла, а что случилось с Льюисом Дижоном? — спросила девушка.

— Вроде бы жив, но задержан БНД и передан немецкому отделению Интерпола, —

произнёс Михаил, пожав плечами.

— Быстро работают...

— Ну, мы некоторым образом поспособствовали в этом, спросив товарища Дижона, а где деньги за проведённую операцию?

— И он привёз их, — Эдик поднял бокал и отпил из него.

— Какой-то он не очень сообразительный, — саркастически заметила Нина.

Глава VII. Немецкие странные дела

*

(31 июля)

Большой чёрный жук копошился на подоконнике. Он неудачно перевернулся на спину и поэтому смешно сучил лапками. В оконное стекло стучали крупные капли дождя, но насекомому было не до них, тот всеми своими силами старался перевернуться обратно, перевернуться и улететь. Но не мог.

Марте было уже девять, она уже почти считалась в доме взрослой, однако по-прежнему мама с папой не брали её с собой на разговоры в гостиную, когда к ним приходили гости. Мама Агата каждый раз говорила Марте, что у взрослых есть свои секреты, и просила пойти играть в доме со своими младшими братьями, Гельмутом и Матиасом.

И вот сегодня, когда к папе с мамой пришли тётя Урсула и дядя Юрген, Марту точно также попросили пойти погулять, но с утра Гельмут с Матиасом ушли играть на берег. Потому догонять их у Марты не было никакого желания, тем более, что уже пытался начаться дождь, а ещё тут оказался такой интересный жук на подоконнике в коридоре, что девочка тут же забыла про взрослых, по своему обыкновению заперевшихся в гостиной.

— Юрген, это безумие! — громкий голос отца оторвал её от созерцания жука. Девочке стало любопытно, она подкралась к двери и попыталась послушать.

— Генрих, мы не можем быть в стороне, — голос дяди Юргена был спокойным, но немного раздражённым.

— Можем, это не наша война, — голос отца звучал также громко, теперь Марта и в его голосе услышала усталое раздражение, — Ты хочешь снова, чтобы орлы взмыли над Европой?

Марта прижалась к двери и перестала дышать, после слов папы она вспомнила, что ей рассказывала мама про историю её страны. И про две большие войны, которые залили кровью всю Европу.

— Мы не хотим, чтобы орлы вновь взмыли, это было бы черезчур, — голос тёти Урсулы был спокойным, — Но нельзя просто так взять и смотреть, как у них начнётся сейчас революция. Нам нужен новый Бонапарт?

— Урсула, ты правда думаешь, что то, что произошло, это повод к повторению истории? — в голосе матери Марты сквозило непонимание.

— Это возможность... — Марта отвлеклась от голоса тёти Урсулы и прислушалась, по коридору за её спиной звучали тяжёлые шаги. Девочка решила, что её точно наругают, если заметят, что она подслушивает взрослые разговоры, потому своевременно спряталась за тяжёлую портьеру возле окна.

Немного торопливые, но уверенные шаги проследовали по коридору мимо неё, затем некто учтиво постучался в дверь. После вошёл, не затворив ту за собой.

— Ганс! — до Марты донёсся голос матери.

— Мы тут не причём! — голос дяди Юргена звучал взволнованно.

— Я знаю, но это уже неважно, — до Марты донёсся совершенно безэмоциональный незнакомый ей голос.

— Ганс, ты находишься в нашем доме, — голос отца девочки немного дрожал от волнения, — Прошу всё же соблюдать нормы приличия.

— Я их уже исполнил, когда послал вам письмо о своём прибытии... — голос того, кого называли Гансом, звучал всё также совершенно без эмоций.

— Мы не получали письмо, — отвечала ему мать Марты.

— Что ж, это не так существенно, — немного разочарованно ответил тот, кто только что зашёл в комнату.

Девочка ощутила какое-то смутное чувство тревоги, когда вокруг повисла тишина. Она схватила портьеру и сжала в ладошке. Сердце учащённо забилося, предчувствуя беду.

— Тотеметайнем ворт! — даже сквозь ткань, за которой Марта пряталась, было видно, что вход в гостиную осветился зеленоватым светом.

Затем раздались дикие крики ужаса, от которых всё её тело затряслось от страха.

— Тотеметайнем ворт[1]! — девочка никогда раньше не слышала этих слов, но сейчас наблюдала зелёное свечение из дверного проёма, и всё её естество кричало, чтобы она бежала, бежала без оглядки отсюда, — Тотеметайнем ворт!

Повисла тишина, хотя после трёх зелёных вспышек Марта понимала рассудком, что хотя бы кто-то из взрослых пока ещё жив. Но затем к ней пришло осознание, что этому взрослому точно также до ужаса страшно, как и ей, маленькой девятилетней девочке, которая сейчас, чтобы не кричать, зажимает рот портьерой.

— Тотеметайнем ворт! — четвёртая зелёная вспышка раздалась за дверным проёмом гостиной. Затем долгих пять минут ничего не происходило. Девочка осела на колени, так у неё от страха тряслись ноги, и боялась выйти в коридор.

И вот мимо неё прошёл в обратном направлении тот, кто до этого точно также заходил в гостиную, тот, кого называли Гансом те, кто сейчас лежал бездыханным на полу этой самой гостиной.

Когда шаги стихли в конце коридора, Марта заревела в голос.

**

(01 августа)

В строгом кабинете одного из замков Баварии горел свет.

Летняя погода в этом году окончательно испортилась, мелкий косой дождь и низкие тучи погружали эти древние земли в полумрак, в котором, как когда-то давным-давно шептались крестьяне, творились жуткие вещи. Шепотки эти, как ни странно, до сих пор то и дела слышатся среди простых людей, однако сегодня в этом кабинете собрались те, кто привык говорить чётко, ясно и при ярком свете. Здесь любили пользоваться газовым освещением и посмеивались над теми, кто до сих пор жёг свечи, хотя за окном уже давным-давно стоял XXI век.

У чуть приоткрытого окна, вдыхая сырой воздух, стояла женщина средних лет в строгом чёрном платье в пол, она перебирала рукописные тексты, которые держала в руках. Перебирала, пробегаясь по ним глазами, и тяжело вздыхала.

На гостевом диванчике сидело двое мужчин, один в чёрном костюме фасона начала прошлого столетия, другой — в тёмно-синем мундире и галифе. Они пили кофе и негромко переговаривались между собой.

— Рихард, что от меня требуется? — женщина обернулась спиной к окну и посмотрела на гостевой диван.

— Фрау Канцлер, в текущей ситуации я прошу дать возможность применять самые жёсткие меры для расследования произошедшего — мужчина в форме учтиво кивнул головой.

— Рихард, ты просто любишь быть диктатором, — по-доброму усмехнулся в свои усы второй мужчина, выглядевший лет на пять старше своего собеседника.

— Якоб, ты видел, что творится во Франции, — тот, кого назвали Рихардом, чуть раздражённо покосился на собеседника, — Я не хочу такого же нашей стране. А то и у нас, похоже, какой-то тёмный лорд завёлся.

— Не так сложно найти волшебника по имени Ганс, — фрау Канцлер двинулась по кабинету, менторским тоном чеканя каждое слово, — Нас же не так много. Тем более, среди тех, кто знает Тотеметайнем Ворт, — она обернулась к сидящим и пристально на них посмотрела.

— Официально его не знает никто в Германии, — Рихард поёжился под взглядом женщины.

— Но ты собрался хватать людей и бросать в застенки только из-за того, что будет подозрение, что они владеют этой чарой?

— Я считаю, что это повод навсегда покончить с недобитками, — голос мужчины чуть дрогнул, словно у студента на экзамене, когда тот ещё не знает, насколько верен его ответ.

Женщина нахмурилась, махнула рукой. На её взмах тотчас появился слуга.

— Приведи сюда посетителя, она давно ждёт, — строго сказала она, и тот буквально растворился в воздухе. Зато через пару мгновений отворилась дверь в кабинет. Фрау Канцлер обернулась к появившемуся на пороге человеку и учтивым жестом пригласила войти.

— Фрау фон Вальдбург, — улыбнулся пожилой мужчина в очках и потёртом сером пиджаке. С виду он напоминал то ли учёного, то ли партийного работника середины прошлого века.

— Виктор? — удивился усатый мужчина, сидевший на диване.

— Фрау Августа, зачем он нам здесь? — недовольно спросил Рихард.

— Потому что, Рихард фон Мольтке, я ещё чего-то стою, — усмехнулся Виктор, прошёлся к креслу напротив мужчин и сел в него.

— Он здесь, потому что вчера было совершено убийство, и на некоторые вопросы он может нам дать ответ, — Августа прошла к оставшемуся свободному креслу напротив дивана и справа от кресла Виктора и присела в него.

— Августа, мне чрезвычайно интересна постановка вопроса, будто я в чём-то виновен, — удивлённо посмотрел на сквозь очки мужчина.

— Вчера в поместье семьи Мирбах глава рода Генрих Мирбах со своей женой Агатой принимали друзей семьи, Юргена Циммерна и Урсулу Клейн, — канцлер опустила взгляд в бумаги и снова подняла его на мужчину, — По показанием их дочери Марты, взрослые Мирбахи спорили со своими гостями, и судя по тем сведениями, что удалось добыть из Марты Мирбах, гости их семьи предлагали каким-то образом вмешаться в дела, которые сейчас происходят во Франции.

— Боже, Августа, вы допрашивали ребёнка в тот же самый вечер, когда у неё убили родителей?! — картинно возмутился Виктор.

— Виктор Шваниц, ещё три десятка лет назад ты и твои люди поступили бы точно также, а ещё и в отличии от нас оставили бы все воспоминания связанные с допросом в памяти девочки свежими и яркими, — Августа фон Вальдбург расплылась в хищной улыбке, — Мы с тобой одинаковые чудовища, не надо пытаться изображать обратное.

— Уела, — довольно усмехнулся тот, — Но я не пойму, ты меня позвала рассказать про то, как люди снова начинают наряжаться в пикельхельмы[2] и смотреть в сторону Парижа?

— Где-то в середине обсуждения, — женщина продолжила говорить, не обратив внимание на подколку собеседника, — Девочка услышала шаги по коридору и спряталась за портьеру. Это её и спасло. Потому что мимо прошёл человек, которого собравшиеся в гостиной взрослые называли Гансом. И этот Ганс их хладнокровно всех убил с использованием запрещённой чары.

— Если ты про Аваду Кедавр, я-то тут при чём? Вон есть доблестный Рихард фон Мольтке и его сотрудники, которые готовы любого скрутить даже за подозрение в применении Непростительной Тройки. Также в Евросоюзе их теперь называют? — последнее предложение Виктор произнёс с нескрываемым отвращением.

— Их убили с использованием Тотеметайнем Ворт, — зло бросил Рихард, — Герр Шваниц, пока Вы здесь ёрничаете, у нас убийца разгуливает по стране!

— Спросите про эту чару у анненербистов, — безразлично пожал плечами Шваниц, — Чара была запрещена с 1945 года.

— Штази[3] тоже владело этой чарой, притом поголовно! — было видно, что Рихард начал внутренне закипать.

— Всё в наших архивах, читайте, может и владело, — Виктор повторно пожал плечами, но нотки издёвки уже появились в его голосе.

— Чёртовы коммунисты, вы уничтожили свои архивы! — закричал фон Мольтке.

— Чтобы они не достались вам, фашистам, простите, я хотел сказать капиталистам, — Шваниц расплылся в улыбке и небрежно откинулся на спинку кресла.

Мужчина в форме вскочил с дивана, в руке его появилась волшебная палочка.

— Мальчик, пока ты не наделал глупостей, лучше сядь обратно, — в голосе Виктора Шваница звучал металл, его глаза, полные чёрной пустоты, внимательно смотрели на противника, а в руке уже лежала палочка, на рукоятке которой пламенело красное знамя, — Ты обвиняешь меня в том, что я владею этой чарой, а ты не боишься, что я и правда ею владею?

— Рихард, сядь! — рывкнула Канцлер, — Виктор, засунь свою палочку обратно! Мы здесь не для этого!

— Что ты от меня хочешь, Августа? — вздохнул мужчина в очках и посмотрел совершенно спокойно на неё.

— Ты знаешь, кто такой этот Ганс, и откуда он может знать Тотеметайнем Ворт? — та проследила, что фон Мольтке присел обратно и посмотрела на Виктора.

— Понятия не имею, почему не пошла к анненербистам?

— Их пойдёшь ещё найди, — подал голос мужчина с усами, — Тебя всё же проще, Виктор.

— Якоб, я не объявлен вне закона в отличие от них, — немного смущённо улыбнулся тот, — Но как я понимаю, раз ты здесь, то на всякий случай не только дункельхайткемферы приведены в состояние готовности?

— Всё так, проницательности тебе не занимать, — кивнул Якоб.

— Чем я могу помочь фрау Канцлеру? — Виктор посмотрел на Августу.

— Узнай у своих сторонников, из которых, естественно, никто не владеет этой чарой, кто такой Ганс, что он хочет, и откуда он взялся? — в голосе фон Вальдбург прозвучала ирония.

— Очевидно, что вначале я скорее решу сходить к анненербистам.

— Если они тебя убьют, это будут твои проблемы. Если ты их, тогда твоим делом будет заниматься Рихард фон Мольтке лично.

— Что мне всегда в тебе нравилось Виктор, — неожиданно сказал Якоб, — Ты никогда не спрашиваешь о награде.

— Так все и так знают, что я попрошу, — пожал плечами тот.

1 — Тотеметайнем ворт — убивающее заклятие. После применения живое существо мгновенно, без мучений умирает.

1 — Пикельхельм — остроконечный кожаный шлем, часто ассоциируется с прусской и германской имперскими армиями.

2 — Штази — тайная полиция, контрразведывательный и разведывательный государственный орган Германской Демократической Республики с 1950 по 1990 года.

Глава VIII. Разговор в пивной

(06 августа)

— По берлинской мостовой кони шли на водопой, — Михаил Романов, глава аналитического отдела War&Consulting сидел в пивной и задумчиво смотрел в окно, когда мимо и правда проехали лошади со всадниками в прусских мундирах начала позапрошлого века.

— Шли потряхивая гривой кони-дончаки, — улыбнулся Виктор Шваниц и отпил пиво, он тоже смотрел на кавалькаду всадников на мокрой после дождя улице, — Костюмы сухие, видимо, недавно из под крыши.

— С театра, может, какого, — пожал плечами русский аналитик и повернулся к собеседнику.

— Кто знает теперь-то уж? — тот словно в ответ также повёл плечами, — Я не частый гость нынче в Берлине.

— Давно не зовут ко двору?

Немец вновь повёл плечами, устало улыбнулся и откинулся на спинку своего дивана. За окном со стороны Шпрее задул крепкий ветер, поднимая в воздух обёртки от фастфуда и невесть откуда взявшиеся газеты. Над городом уже который день висели низкие стальные тучи, которые то и дело поливали землю холодным дождём.

— Да уж, невесёлая погодка за окном. — протянул Михаил, пригубив пиво.

— Надеюсь, ты не удивился моему посланию, Миш? — наконец прервал своё молчание немец.

— Свят Вениаминович обмолвился, что ты придёшь к нам, — хитро ухмыльнулся аналитик, — Только я удивился, что разговаривать вначале захочешь именно со мной.

— Ну, я имею всё же некоторое отношение к тому, что вашу контору позвали к нам. — хитрые огоньки блеснули в глазах за стеклом очков.

— Так это вы надоумили этого Смита прийти к нам? — Михаил снова отпил пиво.

— Нет, но кто-то явно из наших, из тех, кто работал до девяносто первого.

Русский вопросительно уставился на собеседника.

— Сейчас в моде превосходство, — фыркнул тот, — Уже три десятка лет нас кормят этим английским снобизмом. В обиход вошло модное словечко, маглы. — последнее слово он произнёс с особым отвращением, но ещё и с некоторой грустью о былой эпохе, — Только мы знаем, что с миром происходит на самом деле, только нам открыты все тайны и только мы сможем привести всех к процветанию. А маглы, а что маглы? — мужчина с раздражением сделал большой глоток пива, — Я удивлён, что не воскресили забытое после сорок пятого очень подходящее слово.

— Уберменш[1]? — саркастически отозвался Михаил.

Виктор кивнул и ещё раз отпил пива. За окном снова пошёл косой дождь.

— С таким подходом, да, возможно, что Эдриан Смит и правда дело рук твоих соотечественников, — аналитик глянул за окно, но, словно что-то вспомнив, опять посмотрел на немца, — А не думаешь, что не до девяносто первого, а до сорок пятого?

— Это тебя так китайские статьи надоумили? — рассмеялся тот, — Хотя, признаюсь, эти ребята хорошо сработались бы. Но давай не впадать в крайности? Все, кто реально работали до сорок пятого, все они доживают свой век в Аргентине. Если их ещё евреи не

выловили. Те, кто у нас ошиваются... — и тут Виктор задумался, — А чёрт его знает, есть молодая поросль, которую Вальдбург и Мольтке боятся, как огня. На людях.

Михаил понимающе кивнул.

— Буду честным, я не имею понятия, кто стоит за Смитом, нужно смотреть на тех, кто сейчас будет активно брать власть на Альбионе. Явно, что с вашей помощью он здорово проредил лоялистов. Уже полтора месяца Британия без Министра Магии, по слухам, королева управляет обеими Британиями сразу, — немец хитро ухмыльнулся и отпил пиво, — Я не сильно нынче в почёте, но я не мог упустить возможности привлечь вас на нашу сторону. Как говорится, на всякий случай.

— Только не говори, что заказ убрать Смита был ваших рук дело, — скептически посмотрел на него русский.

— Нет, это какая-то игра Москвы и, как я понимаю, Свята Вениаминовича в частности. Но за Дижона спасибо, он много чего рассказал этому выскочке Мольтке и его, как там на британский манер, это зовётся, мракоборцам?

— Мракоборцам[2], - кивнул его собеседник.

— Мне по-душе простое старое слово дункельхайткемфер.

Русский хрюкнул, но ничего не сказал своего визави.

— И то, даже оно слишком вычурное.

— Виктор, ты же меня пригласил не жаловаться на засилье англицизмов в немецкой бюрократии, — теперь уже хитро прищурился глава русских аналитиков.

— Этот разговор бы состоялся в любом случае, — мечтательно потянулся немец и заложил руки за голову, — Когда бы погода улучшилась, я бы пригласил тебя в один из прогулочных пароходиков на Шпрее[3], где наверху наливают отменное пиво.

За окном резко прекратился дождь, и в прорехе между тучами показалось солнце. Лучи света брызнули с неба, подобно водным каплям, отражаясь и бликуя в лужах, мокрых автомобилях и сыром камне зданий.

— Но сейчас это скорее деловой разговор, — Виктор Шваниц резко посерьёзnel, поставил локти на стол и сложил пальцы домиком, — Я не стал сразу идти в ваш офис, решил проверить настроение.

— Мы наёмники, не забывай, — отвечал ему собеседник вполне беззаботно.

— Я не смогу заплатить столько же, сколько этот британец, однако же, — немец задумался, подбирая нужную формулировку, — Ты же в курсе, что некоторые чары в Пруссии местными протестантами были переиначены?

Михаил кивнул и прищурился от луча солнца, прорвавшегося в полумрак пивной сквозь мокрое стекло.

— Изначально они переиначивались из-за стремления уйти от латыни, ассоциируемой с ненавистными католиками. В том числе поэтому наши баварские друзья так легко приняли и с радостью насаждают сейчас английские термины и культуру. Не только поэтому, конечно, — он пожевал губами, — Некоторые чары кроме звучания также приняли иной смысл. Например то, что вот там, за Эльбой, именовали и именуют в обиходе непростиловкой, в Пруссии взяли на вооружение некроманты. И такие чары, как Гебитен[4], Фольтер[5] и в особенности Тотеметайнем Ворт, стали в первую очередь их орудием.

— И были взяты на вооружение Рейхом, — кивнул аналитик W&C.

— И официально запрещены после сорок пятого года, — в ответ кивнул и Шваниц, — Только те, кто выжил из Аненербе выступали за разрешение на их применение. Но опять же

сложно чего-то добиваться в Германии, когда сам живёшь в Уругвае.

— Всё так.

— Если сгущать краски и строить теорию заговора, то я предположу, что Льюис Дижон не такой уж и дурак, что попался на глупом предложении заплатить вам обещанных денег.

Русский заинтересованно посмотрел на него и отхлебнул пива.

— После того, как служба Рихарда фон Мольтке допросила этого человека, то сначала вся верхушка Министерства во главе с фрау Канцлером узнала о делах, произошедших в Британии и во Франции, где их Министерство хотело сначала со Смитом сотрудничать, а потом не учла фактора под названием Жан де Тулон, который устроил бойню в Париже, обезглавив и обескровив французскую политическую верхушку. Таким образом два из трёх сильнейших континентальных государства одно за другим оказалось в ситуации политического вакуума, — он сделал большой глоток своего пива, — А после об этом стали знать и другие люди, как цауберы[6], так и даже кайнцауберы[7], хоть за последние три десятка лет их влияние на нас почти выхолостили. Но в любом случае часть цауберов начало считать, что надо бы вмешаться во французские дела, потому что хаос в соседней стране это опасно, с одной стороны, а с другой это же и возможность возвысить себя и свою страну.

— К чему ты клонишь? — прервал рассуждения Виктора Михаил.

— Неделю назад произошло сборище подобных людей, считающих, что вмешаться в дела Франции необходимо. А точнее два апологета подобной мысли пришли уговаривать главу рода фон Мирбах, владеющего достаточными ресурсами и влиянием во Франции, примкнуть к ним, ну или хотя бы помочь. В середине обсуждения к ним присоединился некто, кого они узнали и назвали имя Ганс. И отчего-то сказали ему, что они тут не причём. После этого он убил всех с помощью того самого запрещённого Тотеметайнем Ворт. Так рассказала случайно выжившая девятилетняя Марта фон Мирбах.

— Вы допросили девочку сразу после смерти её родителей? — удивился русский.

— Только не говори, что тебе её жалко, — на лице немца мелькнуло разочарование.

— Я не советский солдат, а мы с тобой не Трептов-парке[8], чтобы мне было её жалко, — отрицательно покачал головой Михаил.

— Вот и хорошо, — согласился Виктор, — Главное, что теперь у этого некроманта есть четыре души погибших цауберов в услужении. И скорее всего он уже получил всю информацию от них, какую хотел.

— И кто же этот Ганс? И от нас что ты хочешь?

— Не имею понятия, кто такой Ганс, — покачал головой собеседник аналитика, снял очки, достал платок и начал их протирать, — А от вас я хочу, чтобы вы и узнали. Про родителей де Алонсо вы накопили информацию. Опять же, она тоже была некромантом, хоть и начинающим. И те люди, которые стояли за Эдрианом Смитом, хотели её заполучить по каким-то своим причинам.

— Ну, допустим, — Михаил Романов допил пиво, откинулся на спинку дивана и скрестил руки на груди.

— Подумайте, назовите цену, — Шваниц посмотрел на свет на линзы очков, удовлетворённо хмыкнул и надел очки, — А потом приступайте к поиску. Возможно, поиск приведёт к необходимости силового вмешательства.

— Возможно, в Европе существует заговор некромантов, который нам следует раскрыть? — с иронией отозвался его собеседник, — Похоже на историю для Подземелий и Драконов[9].

— Я не знаю, что существует в Европе, но определённо в Германии существует некромант, который не стесняется применять запрещённые чары, который убил уже четверых, и цели которого мне не ясны от слова совсем. Как и его личность, — он очень внимательно посмотрел на русского.

— Ты же понимаешь, что прежде чем идти к Рихтеру с этим заказом, я пойду к Салтыкову?

— Поэтому я тебя и пригласил, а не пришёл к вам в офис, — немец улыбнулся, — Передавай привет Святу Вениаминовичу.

— Передам, — хищно улыбнулся русский, — Обязательно.

1 — Уберменш — в нацистской идеологии представитель т. н. высшей расы.

2 — Мракоборец — должность волшебников в министерстве магии, которые специализируются на борьбе с тёмными магами и тёмной магией.

3 — Шпрее — река в Берлине.

4 — Гебитен — заклинание, полностью подчиняющее человека воле наложившего это заклятие волшебника.

5 — Фольтер — заклинание ужасной, нестерпимой боли.

6 — Цаубер — человек, имеющий магические способности.

7 — Кайнцаубер — человек, который лишен магических способностей и не родился в семье волшебников.

8 — Трептов-парк — парк в восточной части Берлина на берегу Шпрее, известен главным образом гигантским мемориалом в память о воинах Красной армии, павших в боях за Берлин.

9 — Подземелья и Драконы — настольная ролевая игра в жанре фэнтези, одна из старейших и известнейших в своём жанре.

Глава IX. Появление Директории

(09 августа)

В кабинете баварского замка горел свет.

Уже почти село солнце, потому Августа фон Вальдбург повелела включить газовые лампы, разогнавшие сумрак, уже было скопившийся по углам. Дождя сегодня не было, день выдался самым жарким за последний месяц, потому днём гостью Канцлера долго водили по садам и округе замка, отчего ей сейчас требовался отдых. Расположилась она на гостевом диване напротив кресла, где сидела Августа. Одета гостя была в светлый брючный костюм — специально для долгих летних прогулок, хотя хозяйка замка и успела предположить, что прибывшая дама не слишком привычна к ним.

На соседнем от фон Вальдбург кресле расположился Рихард фон Мольтке, всё также в тёмно-синем мундире и галифе.

— Прошу прощения, что не смогла сразу принять Вас, мадемуазель Фавр де Поль, — немка расплылась в улыбке, перекинула ногу на ногу, устраиваясь в кресле поудобнее, и взяла чашку кофе. Ткань её длинного чёрного платья складками перетекла по её ногам.

— Ничего страшного, фрау Вальдбург, — более молодым и звонким, чем у немки, голосом ответила француженка, — Я знаю, что такое дела государственной важности, — она взяла чашку с кофе и сделала глоток. Напиток был горький, совершенно ей не по вкусу, однако девушка решила стоически к этому отнестись. В конце-концов, гудящие от усталости ноги, тоже всего-лишь трудность.

— Я взяла на себя смелость пригласить на нашу встречу, хоть Вы, мадемуазель, и настаивали на приватной беседе, нашего главу Отдела Магического Правопорядка, Рихарда фон Мольтке, — Августа, продолжая улыбаться, указала рукой на сидевшего в кресле рядом мужчину, — Я посчитала, что тема нашего разговора будет ему интересна, а он сам может нам оказаться полезным в этой беседе.

— Я постараюсь быть максимально полезным, — на этот раз улыбнулся уже мужчина, стараясь не слишком открыто изучать глазами француженку, — Но я не знаком с фройляйн?

— Мадемуазель Кристина Фавр де Поль, — снова улыбнулась немка, — Она Ваша прямая коллега, Рихард, Директор Департамента Магического Правопорядка Франции.

— О, я знал Вашего предшественника, — кивнул немец, — Жаль, что при таких трагических обстоятельствах Вы получили повышение.

— Да уж, обстоятельства и впрямь вышли не слишком праздничными, — согласилась Кристина, — Госпожа Канцлер не упомянула ещё того, что сейчас я являюсь главой Французской Директории, — она уловила вопросительный взгляд Рихарда и пояснила, поставив чашку на столик, — После событий в Париже, про которые вы все уже, должно быть, слышаны, было принято решение из оставшихся глав департаментов сформировать Директорию, которая и взяла на себя управление Францией в это беспокойное время.

— Но отчего же тогда Вы прибыли к нам в столь тяжёлое для своей страны время? — в голосе мужчины звучало неподдельное удивление.

— У нас в стране это зовут справедливостью, — француженка простодушно тряхнула кудрями, спускающимися на её плечи, взяла чашку с кофе обеими руками и уставилась поверх неё на Августу.

— О, что Вы, фройляйн, у нас тоже есть такое понятие, — точно в тон ей ответил

немец, Канцлер бросила на него взгляд и усмехнулась, а тот продолжал, — Вот я, например, глава ведомства, которое борется за справедливость, как и Вы.

Гостья замка обворожительно улыбнулась и отпила кофе, всё также внимательно продолжая смотреть на фон Вальдбург поверх кружки.

— В Вашем письме, Кристина, Вы упомянули фамилию Мирбах, — в голосе немки появился учтивый холодок.

— Да, мы задержали Валерия Мирбаха в Руане в прошлые выходные, — француженка поставила кружку на стол и откинулась на спинку, — Он был обвинён в попытке организации государственного переворота, — Кристина перевела взгляд с не выражающей никаких эмоций Августы на внезапно поникшего Рихарда и обратно, — Вчера приговор в отношении него был приведён в исполнение.

— Трагическая история, но я не поверю, что Вы, фройляйн Фавр де Поль, приехали сюда разговаривать про гражданина Французской республики. — ответила безучастно фон Вальдбург.

— У него остался брат в Германии, насколько я выяснила, их поместье располагается где-то неподалёку от Дрездена, — Кристина внимательно смотрела на собеседницу, — Есть основания полагать, что Генрих Мирбах неким образом связан с делами его брата Валерия во Франции.

— Увы, Генрих Мирбах скоропостижно скончался десять дней назад. — ответила немка, — А вместе с ним скончались и все сведения.

— Если бы во Франции мы не запретили некромантию... — француженка задумчиво приложила палец к своим сжатым губам, а потом подняла его, — Но нет, некромантов у нас не осталось, так вышло, — она снова показушно беззаботно пожала плечами.

— У нас есть некроманты, — холодно улыбнулась Августа, — Мы могли бы помочь в этом вопросе Вам.

— Но в этом вопросе даже наши некроманты бессильны, — отозвался Рихтер, уставившись в свою чашку.

— Тогда мне хотелось бы встретиться с Агатой Мирбах, — француженка широко распахнула свои голубые глаза и уставилась на Канцлера.

— Она скоропостижно скончалась в то же время, — снова отозвался немец, стараясь не глядеть на гостью, отчего-то ему стало резко неуютно при ней.

Гостья замка надула губы, вздохнула, оглядела своих собеседников:

— И по законам жанра я сейчас спрошу про Марту, Гельмута или Матиаса, то окажется, что и они тоже скончались? Какая-то подозрительная эпидемия среди семейства Мирбах, не находите?

— Они живы, — немного разочарованно поджала губы Августа и опустила взгляд, — Но с ними встретиться не получится, дети пережили шок и утрату.

— Тогда раскрою карты вам, мадам Вальдбург, — Кристина взяла чашку и допила свой кофе, — Как глава Французской Директории Канцлеру Германской Магической республики, — она вздохнула, подмигнула Рихарду и поставила чашку на столик, — Нам стало известно, что в Германии действуют силы, желающие задушить нас в самый наш тёмный час. Слишком патетично вышло, да?

— Чертовски, — выдохнула с долей пренебрежения немка, откидываясь на спинку своего кресла, — Поймите, Кристина, в любой стране есть силы, желающие сделать что-то плохое с соседями. Мирбахи-старшие погибли, кто-то по стечению обстоятельств. А кто-

то... — она сделала неопределённый жест в сторону своей гостьи, — Кого-то умертвили вы. И буду честной, сложишь обстоятельства иначе, Генрих и Агата Мирбах стали бы именно теми, кто хочет вас задушить в самый ваш тёмный час, когда вы казнили их родственника.

— Ну, что ж, есть правда в Ваших словах, дорогая фон Вальдбург, — задумчиво поджала губы француженка, — Как я понимаю, наш разговор зашёл в тупик, — она посмотрела на Рихарда, — Что до Вас, коллега, если Вы имеете ко мне некий интерес, то смею Вас разочаровать, — она улыбнулась, смотря на смутившегося немца, — Я замужем за Францией, и не готова ни на что-то серьёзное, но даже и на мимолётное.

— Жаль, что этот чудесный разговор надо завершать, — саркастично вздохнула Августа, — Разрешите вопрос, фройляйн?

— Конечно, — кивнула Кристина, тряхнув кудрями.

— Вы не боитесь за свою жизнь? Приехали в другую страну к людям, которые правят этой страной, и хамите им? — в голосе Канцлера не звучало угрозы, в ней слышалось искреннее любопытство.

— А Вы не боитесь за свою? — совершенно искренне удивилась её собеседница, — Приютили у себя свору этих русских бешеных псов и живёте спокойно, — она хмыкнула и покачала головой, — Ладно, отвечая на вопрос, не боюсь. Директория в курсе, куда я поехала и зачем. Если со мной что-то случится, это будет расценено, как покушение на Французскую Директорию.

— Ох, не забываете, что мы уже дважды брали Париж[1], - хищно улыбнулась фон Вальдбург, — Не в вашем положении угрожать нам.

— Предпочту не забывать о Прейсиш-Эйлау[2], - Кристина поднялась с дивана и поправила свой костюм, — В тот раз на вашей стороне тоже были русские, какое совпадение! — она мрачно усмехнулась.

Августа фон Вальдбург мрачно жестом вызвала слугу и попросила проводить французскую гостью на выход из замка.

— Она дерзкая, — с долей восхищения произнёс фон Мольтке, когда француженка ушла.

— Она молодая, дерзкая и сильно умная, — фыркнула Канцлер, — А ты как школьник распушил перед ней хвост, — она встала и нервно подошла к уже тёмному окну, за которым где-то над лесом догорал закат, — Что, думал, что вскружишь ей голову своими чарами?

— Да как бы... — замялся немец, — Просто я не ожидал...

— Не ожидал, что она окажется революционным диктатором? — усмехнулась немка, глядя в окно, — Вы нашли этого Ганса?

— Нет его следа нигде. Те, кто входил в этот кружок заговорщиков вместе с убитыми, они не знают никого ни с таким именем, ни подходящего под описание. Их выпустить?

— Все, входившие в это сообщество арестованы?

— Все, — кивнул Рихард.

— Оставь пока у себя, придёт время, бросим кость этой французской суке, — немка развернулась и серьёзно посмотрела на главу немецких мракоборцев, — Если она не уедет из страны, а она не уедет, а пока глаз с неё не спускать. Хочет копать и искать заговор, пусть. Главное, чтобы она не залезла туда, откуда не выберется.

— Не думаю, что оставшиеся в Париже поддержат её политику, если она погибнет, — пожал плечами мужчина.

— Предпочту не проверять, — она скрестила руки на груди, — А что если за этим

Гансом стоят французы? Жан де Тулон как раз был некромантом. Одним сплошные вопросы, — Августа покачала головой, — В общем, найди этого выродка и приведи ко мне.

— У меня по-прежнему нет особых полномочий, — разочарованно протянул фон Мольтке.

— Не время пока, — женщина тряхнула головой, — Пока пробуй законными средствами найти ублюдка.

1 — Имеется в виду Франко-Прусская война 1870–1871 гг и Французская кампания 1940 г.

2 — Битва при Прейсиш-Эйлау — самая кровавая битва войны четвёртой антинаполеоновской коалиции. Произошла в 1807 году между французской армией и объединёнными русско-прускими силами. По итогам обе стороны официально заявили о своей победе.

Глава X Не ходите в бар посреди недели

(12 августа)

Идея сходить в бар после работы сразу показалась Нине плохой, даже при условии, что завтра был её личный выходной. Да, Михаил особо не сопротивлялся, когда она попросила об отгуле, сама не зная зачем. Оттого, возможно, поход в бар был эдакой мстью от начальства: не пойдёшь завтра на работу, так просто дома полежишь.

Нина снимала комнату в доме у бабули с дедулей, которые обычно сдавали жильё студентам местного университета, однако в этот раз отчего-то решили, что тридцатилетняя русская девушка с копной рыжих волос подойдёт им лучше всего в качестве постояльца. Эти немцы оборудовали в своём доме практически отдельный второй этаж, однако вход на который всё равно был одним с комнатами, где жили хозяева. Сами по себе те оказались добрыми, радушными, и за тот почти месяц, что Нина у них жила, они подружились и раз в несколько дней девушка обнаруживала под своей дверью корзинку со свежими овощами с огородика.

Минус у этого жилья был ровно один — от центра ехать полчаса. На такси. Собственно как раз в центре офис War&Consulting и располагался. А жильё — на окраине, где компактно стояли домики пожилых восточных немцев, которые производили в общем вполне чинное и тихое впечатление, однако интуиция аналитика явственно шептала Нине: “У этих старичков в закромах лежит по несколько боевых стволов на человека. И флаг ГДР[1]”. Однако, естественно, ничего такого за ними девушка не замечала. Как и громких автомобилей с разнузданными людьми ближневосточной внешности. Она вообще за первую неделю выучила все соседские машины, и всего несколько раз видела какие-то иные, исключая такси и прочие автомобили служб.

И вот сейчас рыжеволосая русская вновь ехала домой на такси. От привычного состояния это отличалось тем, что на часах было уже три часа ночи четверга, внутри неё было некоторое количество алкоголя, а мысли занимали её ровно две. Первая заключалась в том, что скорее всего вместо длинной прогулки по городу, пока остальные работают, её ждёт пробуждение к обеду и выход из дома ближе к вечеру. W&C обустроились в Берлине, успели завершить уже два крупных проекта, у ещё одного проекта обещали старт после выходных, а Нина обнаружила, что ещё ни разу не гуляла просто так по городу, потому увидев окно в расписании, решила им воспользоваться. А то вдруг Малыш Эдди снова притащит странную работу, после которой придётся спешно переезжать.

А вот вторая мысль была ещё менее приятной. Их отдел из троих человек встретил в баре немецких коллег: двух только-только выпустившихся из университета парней-референтов. И вот в какой-то момент, когда Вячеслав и Михаил решили ехать по-домам, ибо им-то завтра на работу, Нина решила подкатить к молодым немцам, которым тоже было на работу, однако же они были молоды, пьяны и не сильно предусмотрительны. Собственно парни были не против красивой рыжеволосой коллеги, и ещё примерно час они все выпивали вместе. Потом тот, которого звали Гансом, и у которого обнаружилось обручальное кольцо на пальце, вызвали по телефону домой. Рудольф, второй молодой немец, иронично прокомментировал уход своего товарища тем, что как то только тот женился, так теперь его и не отпускают из дома далеко, потому что стремятся сделать из него человека.

Нина пропустила это замечание мимо ушей, мысленно пожалев жену Ганса, потому то

ей приходится следить за его поведением, ибо он сам не в состоянии. Сама же она уже запланировала уж если не затащить Рудольфа в койку, то хотя бы запланировать это, однако же через пару стопок текилы вдруг выяснилось, что у него есть парень.

Да, этот молодой немецкий мальчик оказался геем, очень симпатичным, милым, умным, но голубее, чем небо в ясный июльский полдень. В расстроенных чувствах Нина посадила юношу в его такси, сама вызвала своё и поехала к себе в заповедник ГДРовских пенсионеров.

“Вот стану лесбиянкой — будете знать!” — ворчала пьяная рыжеволосая русская вытаскивая ключ и вставляя его в замочную скважину. За спиной прошелестели шины, удаляющегося такси, которое привезло её домой. Вокруг стояла ясная летняя ночь, наконец-то прекратили лить дожди и потеплело. А дверь не открывалась. Она неожиданно была заперта. Изнутри. На задвижку. Чего никогда не было до этого.

Нина сложила ключ в карман юбки и потёрла усталые глаза — текила после виски давала о себе знать, и с каждой минутой девушка всё больше хотела в свою кровать, а потом закрыть глаза и проспать до обеда. Но тут был один нюанс.

Отчего ей не пришла в голову мысль разбудить хозяев дома, извиниться и пройти к себе, сотрудница аналитического отдела War&Consulting ещё долго после этого не могла объяснить. Почему-то в её голове всё заместило желание попасть в свою постель и заснуть.

Нина оценила обстановку. Коридорчик её второго этажа оканчивался балконом. На него можно было попасть, если залезть на козырек, а на козырек можно было попасть с забора, преодолев ещё пару препятствий. Она же работает в частной военной компании, для неё это пара пустяков!

Вокруг тихо спал район мирных немецких пенсионеров.

Она попрыгала у забора. Оценила, что он очень высокий. Даже спортивное телосложение аналитика тут не могло помочь, однако тут её взгляд упал на паллеты, оставшиеся от ремонта дороги и мирно лежащие неподалёку от забора. Нина загорелась идеей, схватила палетту, издав мерзкий скрежет по асфальту, который скорее всего перебудил половину округа, и придвинула её к стене.

Удовлетворённо хмыкнула, окинула победным взглядом свою конструкцию, вскочила на неё и забралась на забор. Словно сошедшая с ума и оттого дико скачущая кошка преодолела полтора метра какого-то хрупкого материала на крыше пристройки, породив дикий грохот, который явно перебудил вторую половину округа, и оказалась сначала на козырьке, а потом на балконе.

И балкон оказался закрытым изнутри, чего никогда до этого момента не случалось. Нина чертыхнулась, обернулась лицом к улице, вытащила вэйп и закурила, осознавая своё положение. В целом, дорога у неё была только одна — на второй балкон, который выходил в ванную, потому что возвращаться назад было невозможным предприятием.

Девушка стояла в тени балкона и курила, выпуская в небо облака белого пара. Округа местами проснулась, загорелись огни в домах, начали где-то лаить собаки. Стоял четвёртый час утра, небо светлело, ночь начинала сменяться сизыми сумерками. В этом неверном освещении Нина увидела у дома через два участка дальше по улице незнакомый чёрный автомобиль. Стоял он заведённым, но гудения его мотора с такого расстояния почти не было слышно. Хозяев того дома она не знала, вроде бы, про них говорили, что они приехали около недели назад с тремя детьми — девочкой и двумя мальчиками, а также с женщиной вместе с ними, в целом ничего примечательного. И вот сейчас два крупных мужских силуэта, детали

которых впотьмах было не различить, вышли из этого дома и сложили какие-то два мешка в багажник этого автомобиля. Нина удивилась тому, что кому-то под утро пришла в голову мысль вывозить мусор, но на всякий случай ещё больше вжалась в тень на балконе.

Мужские силуэты сели в автомобиль и проехали мимо дома девушки на выход из переулка. А она вспомнила, что её приключение на сегодня ещё не завершено, потому сложила в сумку вейп и полезла дальше. Она снова, с грацией пьяной пантеры полезла по крыше на второй балкон. По какой причине этот новый грохот не заставил соседей или хозяев дома вызвать полицию, эта русская утром так и не смогла понять. А сейчас ей было не до того — балкон был закрыт. Однако же, каким-то чудом была оставлена открытой форточка.

Нина поняла, что пролезть через неё ей не суждено, однако можно дотянуться до замка и открыть саму дверь. Что она и сделала. И торжествующе зашла в свою квартиру, однако тотчас же вспомнила: “Паллеты! Грёбанные паллеты могут выдать идеальное преступление!” Потому она оставила сумку в комнате и тихо спустилась вниз, где, конечно же, наткнулась на хозяина дома.

— Нина, ты что-то слышала? — дедушка Вольфганг выглядел озадаченно и сонно одновременно.

— Что именно? — она изобразила максимально невинное выражение лица, стараясь не дышать перегаром на собеседника, — Машина вроде бы проехала на улице.

— Странно, какие ж тут машины? — пожал плечами тот, зевнул и пошёл к себе в комнату обратно, — Но спокойной ночи, тебе же завтра на работу?

— Нет, завтра я выходной взяла, — тут уже картинно зевнула Нина и отправилась обратно наверх, — Доброй ночи.

Дождавшись, пока дедушка Вольфганг ляжет спать, она тихонько, как мышка, выбралась на улицу, где уже почти совсем рассвело, и аккуратно подвинула паллеты в изначальное положение. Ну, точнее это она подумала, что двигала аккуратно, а с утра размышляла, как же так сошлись звёзды, что и в этом случае никто из соседей не вызвал полицию?

1 — Германская Демократическая Республика (ГДР) — социалистическое государство, существовавшее на территории Центральной Европы, в период с 7 октября 1949 года до 3 октября 1990 года. Была образована на месте бывшей советской оккупационной зоны Германии. Была одним из основных членов Организации Варшавского договора, вплоть до разрушения Берлинской стены и объединения Германии в 1990 году.

Глава XI. Когда споришь с вооружёнными людьми...

*

(12 августа)

Ночью прошёл дождь, а с рассветом уже начало припекать. Поднялся молочно-белый туман, который однако к девяти утра уже смогло разогнать солнце. Но дышать от этого легче не стало.

В открытые окна оливкового “Вольво” Малыша Эдди задувал сырой и тёплый воздух, наполненный запахом утреннего разнотравья. По одной стороне открывались зелёные поля, утыкающиеся в дубовые рощи, поднимающиеся по склонам гор Саксонской Швейцарии[1]. По другой же — липовые рощи за сетчатом забором.

Эдуард зевнул, дорога вильнула влево, и “Вольво” въехал под густые лесные кроны. Он сбросил скорость и сверился по навигатору — ещё один поворот через примерно километр впереди и съезд на грунтовую дорогу. Рихтер кивнул своим мыслям и прибавил скорость, до конца пути оставалось примерно четверть часа.

Ехал Эдди на базу заказчика — улыбчивый турецкий бизнесмен появился на пороге War&Consulting и нанял их для охраны его сельхозпроизводства в Саксонии. Сельское хозяйство, как сельское хозяйство, Рихтер не вдавался в подробности, главное, что ничего такого, что столкнула бы их с немецким Правительством. Немного удивила щедрость турка, который за взвод охраны платит, словно бы людей по периметру размещено было в три раза больше. Ну, и требования по оружию и пропускному режиму были такие, будто это не сельхозбаза в Саксонии, а фабрика по производству героина где-то в горах Афганистана. Но вроде бы ничего противозаконного W&C не обнаружил на вверенном объекте, потому никаких дополнительных вопросов у руководства не возникло. Но сегодня специалист по внешним коммуникациям ехал, потому что бизнесмен попросил о личной встрече — захотел расширить перечень работ. А ещё он ехал, потому что наконец-то в Германии перестал идти дождь и наступило лето, почему бы не прокатиться?

“Вольво” съехал на просёлочную дорогу. Воздух стал более влажным, ветер уже не мог пробиться сквозь сомкнутые ряды деревьев. Но когда до КПП, где ждали бойцы Игната Кондратьевича, оставалось ехать около пяти минут, внезапно позади на дороге буквально из ниоткуда возник чёрный седан марки “Фольксваген”. Рихтер сильно удивился этому появлению, но подумал, что его нагоняет сам турецкий бизнесмен или кто-то из его управляющих, потому прижался вправо и дал себя обогнать. Из-за тонированных стёкол, правда, осталось неясно, кто вообще был в том автомобиле.

Через несколько поворотов “Вольво” оказался перед въездом на территорию, у шлагбаума которого уже стоял всё тот же тонированный “Фольксваген”, возле которого сотрудник W&C о чём-то говорил с водителем через открытое окно. Эдди остановился в нескольких метрах от них, чтобы не мешать и заметил, как из будки КПП вышел ещё один боец Игната Кондратьевича, теперь с автоматом, и направился к нему. А третий, стоявший за шлагбаумом, немного напряжённо и внимательно всматривался в своего коллегу, который говорил с водителем седана, приехавшим пораньше.

— Ворота Грачу, — сквозь открытое окно Малыш Эдди услышал, как охранник снял с пояса рацию и по-русски проговорил в неё, — Ворота Грачу, вопрос есть.

— Воротана связи, — судя по позывным, из рации раздался голос сидящего в будке

бойца.

— Гости утверждают, что им нужно проехать, но пропуска нет. Проверь по базе номеров, — охранник повернулся лицом к “Вольво” Рихтера, когда мимо него уверенно прошёл ещё один боец.

— К кому они приехали, не говорят? — отозвались в рацию.

— Нет, — сказал в рацию охранник, — Мы ж холуи, нам не нужно знать про дела господ.

Ещё один сотрудник W&C наконец подошёл к “Вольво” и заглянул внутрь:

— Доброе утро, — он взглянул на Эдди, и узнал его, — Эдуард Викторович, нас предупредили.

— Доброе утро, — кивнул водитель “Вольво”, жалея, что так и не услышит разговор возле машины спереди, но показал жестом на говорящего в рацию, — Пользуетесь тем, что местные плохо говорят по-русски?

— Здесь же Чехия за горой, все тут всё понимают, — усмехнулся его собеседник, — Грач просто уже пять минут пытается этих отвадить, — он кивнул на “Фольксваген”.

— Заблудились что ли? — пробормотал Рихтер и посмотрел на бойца, — Тут же тупик, если я правильно понимаю?

— Ага, — кивнул тот, повернув голову к автомобилю спереди. Там боец с позывным Грач что-то ответил в рацию и быстро сказал на немецком водителю, — Да говорят, что мы их должны пропустить, потому что надо.

— Ох уж эти, кому надо, — усмехнулся Эдди, кивнул бойцу, тот отошёл и направился к своему коллеге у автомобиля впереди. А специалист по внешним коммуникациям W&C улыбнулся и заинтересованно стал наблюдать за происходящим.

И вот впереди неожиданно раздался странный звук, похожий на глухой удар. Над автомобилями повисла тишина. Грач удивлённо повернулся к напарнику, который сам замер, остановившись боком у заднего колеса “Фольксвагена”.

Раздался снова странный звук. Говоривший с Эдди боец вскинул автомат, отпрыгнул на пару метров назад, целясь в водительскую дверь. Грач в это время рванул с пояса пистолет, направил на водительскую дверь и быстро отошёл на пару шагов от машины.

— Выходите из автомобиля с поднятыми руками! — приказал он.

Автоматчик за шлагбаумом тоже вскинул своё оружие и встал на колени, держа на прицеле “Фольксваген”.

— Твою ж мать, — выругался Малыш Эдди, схватил свою сумку с сиденья, распахнул дверь и выкатился из машины, укрывшись за дверью.

Над дорогой повисла тишина. Слышны были лишь шаги бойцов, медленно отходящих назад и держащих на прицеле автомашину.

— Водитель, выходи из машины с поднятыми руками! — повторил своё требование Грач.

Щёлкнули двери “Фольксвагена”, и из машины медленно вышло двое людей в костюмах. Малыш Эдди, глядя на них из-за двери своей машины, подумал, что сейчас эти двое сварятся вместе со своими костюмами, потому что из-за накатывающей жары и влажности с каждой минутой дышать становилось всё труднее.

— Я спецagent Федеральной Разведывательной Службы Германии Ганс Шрёдер! — в руке вышедшего водителя раскрылось удостоверение, — Положите оружие и пропустите нас на территорию базы!

— Что у вас в багажнике? — подал голос охранник, разговаривавший с Эдди.

— Это не ваше дело! — жёстко отвечал ему Ганс, — Вы кладёте оружие на землю и пропускаете нас, а мы забываем об этом досадном инциденте! — его голос звучал надменно, а Эдди прикидывал варианты, при которых им не надо будет просить поддержки у Москвы и снова валить в другую страну. “Наверное, следующая будет Венгрией”, - пронеслось в голове у него.

Бойцы Игната Кондратьевича формально Рихтеру не подчинялись, так сложилась иерархия W&C. Так что просто выскочить из-за двери и приказать им опустить стволы было бы несколько странным решением. Можно было бы попросить подчиниться, однако же гости вели себя чрезвычайно странно, даже для службы разведки. “Хотя часто ли ты имел дела с разведчиками?” — задал вопрос себе Эдди.

— Я повторяю, положите оружие, иначе это будет расценено как нападение на федеральных агентов при исполнении их прямых обязанностей! — раздумья русского прервал голос Ганса.

— Грач Воротам, — зашипела рация на поясе на русском языке, — Теплица сегодня не ждёт никаких посетителей, только Эдуарда Рихтера. Повторяю, посетителей не планируется, только Рихтер в “Вольво” позади вас.

— Герр Шрёдер, мы не можем Вас пустить! — ответил Грач уже по-немецки, — Это частная территория.

— А это частный багажник. — из-за “Фольксвагена” вальяжной походкой, держа руки в карманах, вышел второй мужчина. Он встал рядом с Гансом, совершенно невозмутимо окинул взглядом целящихся в них людей и прислонился спиной к машине, — Да опусти руку, не выстрелят они.

Тот опустил руку и неспеша спрятал удостоверение во внутренний карман пиджака. И тут же снова раздался звук, и этот странный стук определённо шёл из багажника “Фольксвагена”.

“Но с другой стороны, ведь на этом пяточке среди леса ты самый главный из War&Consulting” — подумал Малыш Эдди, вставая во весь рост и выходя из-за двери.

— Господа, прошу подчиниться и открыть багажник! — он чуть смущённо улыбнулся, и уловил удивлённый взгляд пассажира “Фольксвагена”, который опустил свои чёрные очки на кончик носа и посмотрел поверх них. Тот, кто назвался Гансом лишь удивлённо поднял бровь.

— А ты кто такой? — произнёс его товарищ.

— Специалист по внешним коммуникациям War&Consulting, — простодушно ответил Эдди.

— А пистолет у тебя в руке, чтобы лучше коммуницировать? Понимаю... — протянул мужчина и снял очки, — Как я понимаю, ты на стороне этих ребят? — он показал очками в сторону бойцов Игната Кондратьевича.

— Так вышло, — Эдди поздно осознал, что от нервов в начале заварухи выхватил пистолет и сейчас сжимал его в руке, оттого его широкий приглашающий жест выглядел несколько странно.

— Давай, ты не будешь принимать участие в противодействии федеральным агентам при исполнении, хорошо?

— Извините, но пока я видел только одно удостоверение, — Рихтер даже не думал издеваться, но его простодушный тон прозвучал именно так, как звучал.

— Иржи Новак, специальный агент Федеральной Разведывательной Службы Германии, — мужчина устало вздохнул, покачал головой, вытащил удостоверение из внутреннего кармана и продемонстрировал. Русские бойцы не опускали оружие, хотя Эдди понимал, что на такой жаре им скоро это надоест, и стволы они опустят. И тогда они окажутся в более-менее равной позиции с этими двумя мужчинами.

— А номера у вас из Карловых Вар, потому что вы разведчики? — а вот тут уже в голосе Рихтера и впрямь появилась издёвка.

— А это не твоё дело, мальчик, — резко ответил Ганс, раздражённо повернувшись к нему.

— Погоди-погоди, Ганс, ну мальчик молодой, ну не подумал, — Иржи положил руку на плечо своему товарищу, а вторую завёл за свою спину, — Что ты на него сразу злишься?

— Я не настаиваю, — Эдди указал пистолетом на двух спецагентов, — Но провоцировать вооружённых людей в лесу плохая идея.

Ещё один глухой удар прозвучал из багажника “Фольксвагена”. Иржи повернул голову в ту сторону и выбросил руку из-за спины в сторону Эдди, в его руке был зажат какой-то предмет, но Рихтер решил не испытывать судьбу и вглядываться в него, он просто нырнул обратно за дверь своей машины. Грохнули два строганных выстрела из автоматов, с разницей буквально в половину секунды захлопал пистолет. Раздался звон разбивающегося стекла, хлопнула и зашипела разорванная крышка. Дверь “Вольво” окатил столп пламени. Послышалось какое-то ругательство на немецком и хрип. После этого дорогу огласил крик, русский мат и короткая автоматная очередь, которой вторили пистолетные выстрелы. Затем раздался топот ботинок по грунтовой дороге. Из-за своего укрытия Эдди увидел бойца, разговаривавшего с ним ранее, который корчился на дороге от боли, и что к нему подбежал Грач. А со стороны “Фольксвагена” топот ботинок сменился противным звуком ударов чего-то твёрдого по более мягкому с отвратительным чавкающим призывом.

“Точно надо будет переезжать в Венгрию”, - пронеслось в голове Рихтера.

**

(12 августа)

Кубань, рослый взрослый мужик, имени которого Малыш Эдди не помнил, а только знал по позывному, примчался к воротам, подняв по тревоге всех, кто сейчас не был на дежурстве, буквально через пять минут после того, как раздались первые выстрелы. Виданное ли дело — прорыв на охраняемую территорию с потерями у личного состава? Притом, что вообще эта работа не обещала ничего такого — чай не Африка. А ты при этом взводный, который вообще несёт ответственность не только за качественно выполненную работу, но и за жизни своих бойцов.

Когда джип подъехал к кпп, он буквально в мгновение ока выскочил со своего места наружу. И остолбенел.

Шлагбаум был опущен, они как раз притормозили перед ним, а по ту сторону стоял чёрный “Фольксваген” с разбитым вдребезги лобовым стеклом и спущенной передней шиной, возле дверей лежало два тела в пиджаках и рубашках, предположительно, мужских, но лиц из-за крови на них было не разобрать. На самих же телах отчётливо виднелись раны от пуль. Кубань осознал, что эти двое как раз те самые, кто настойчиво пытался проехать на базу.

Чуть поодаль стоял оливковый “Вольво” с распахнутой водительской дверью, почему-то закопчёной и обгорелой. Возле него прямо на дороге лежал боец его взвода, над которым

хлопотали, по-видимому, Грач и Крит. “Скорая уже на подходе”, - пытался успокоить себя Кубань.

А вот рядом с ними расположились те, из-за чего взводный и остолбенел — там были Полоз и Малыш Эдди, но стояли они рядом с двумя мальчиками, на вид, детсадовского возраста. “Эти-то откуда?” — пронеслось в голове взводного, когда его увидел Рихтер и помахал рукой подзывая.

— Эдди, насколько у нас всё плохо? — спросил взводный специалиста по внешним коммуникациям, подбежав к нему.

— Ну, у нас есть проблем, — тот пожал протянутую ему руку, — Один трёхсотый, два бээндэшника крайне борзой породы и два ребёнка из багажника, — он показал сначала на тела у “Фольксвагена”, которые стали осматривать подбежавшие бойцы, потом обернулся на мальчиков, которых поил водой из бутылки Полоз. Лица детей были измазаны в грязи, у одного, который выглядел помладше, запеклась под носом кровь. Они затравленно озирались, разглядывая поле боя и мужчин в камуфляже, но только шмыгали носами, хотя глаза у обоих были красными. Одеты дети были в какие-то пижамы, словно оказались тут прямо с постели.

— Откуда? — не понял Кубань.

— Из багажника, эти п... — Эдди запнулся, понимая, что хоть и говорит по-русски, но рядом же дети, — Два козла этих везли их в багажнике, в чёрных пакетах.

— Как они не задохнулись-то? — охнул взводный.

— Мне кажется, это чудо, как и то, что эти два козла до сих пор живы, — Рихтер утёр пот со лба, — Крепкие оказались.

— Кубань, я не знаю, что с Худом, но в него будто кислотой плеснули, — подал голос Крит.

— Скорую вызвали уже, — сказал Полоз, не оборачиваясь, он пытался водой из второй бутылки умыть ребятишек, те не сопротивлялись.

— Обезболили, он заснул, но нет гарантий, нужно срочно в больницу, — покачал головой второй боец.

— А с этими чего? — спросил взводный, указывая на двух мужчин в костюмах, которых обступили трое бойцов, словно размышляя, что с ними делать.

— А по этому поводу к нам уже выехали, — зло ответил Эдди, — Они махали тут удостоверениями БНД, а у самих в багажнике два ребёнка. Крит немного перестарался с одним, тому теперь только на пластику.

— Это если выживет, — пробормотал Кубань.

— Они оба живы и похоже, что умирать не собираются, — подал голос Полоз, — Я их осмотрел, пульс нормальный, просто без сознания и все в крови. В одном пять дырок, в другом три, а они даже не думают отдавать богу душу.

— Броники?

— Если бы, никакой брони и оружия, палки только какие-то с собой.

Взводный удивлённо посмотрел на Рихтера. Тот чуть закатил глаза.

— Уэльс, операция, которую взвод Раввина вёл, — ответил он, — История с портативным огнём, один-в-один, — Эдди указал на дверь своей машины, пластиковые элементы которой оплавилась, как от большого жара.

— Я, пожалуй, не буду задавать вопросы, — благоразумно решил Кубань, — Пойду Игнату Кондратьевичу доложусь.

Рихтер кивнул, глядя, как сначала взводный подошёл к бойцам возле “Фольксвагена”, распорядившись ещё раз обыскать мужчин в костюмах, а после ушёл к своему джипу.

(12 августа)

Когда последняя скорая закрыла двери и под вой сирен помчалась прочь от КПП, к шагбауму с внутренней стороны подъехал белый “Мерседес”. Малыш Эдди попросил разрешения у следователя полиции, опрашивавшего его, отлучиться переговорить с тем, кто сидел в подъехавшей машине. Офицер полиции согласился, только попросил предупредить пассажира “Мерседеса”, что к нему будет тоже некоторое количество вопросов. На что Эдди мрачно подумал, что сначала он задаст этому турку свои.

Вначале русский подумал, что разговаривать они будут в машине с кондиционером, где хотя бы нет этой удушливой влажности, но нет, Мустафа Озтюрк вышел наружу. Он был в летних белых брюках и такой же рубашке, что вкупе с очень смуглой кожей и пышными седыми усами делало его похожим на какого-то индуса, по крайней мере, Эдди так показалось.

— О, Эдди, такое несчастье! — он обнял собеседника, похлопав того по плечу, — Сколько мне следует заплатить за это всё? — его рука окинула всё пространство, заставленное автомобилями W&C, полиции и врачей.

— В контракте указана компенсация за травмы или гибель сотрудника при исполнении, — сухо ответил Рихтер, — Компенсация компании и его семье.

— Конечно, я всё выплачу, — захохотал турок, — Даже готов больше, вы меня так спасли.

— А вот с этого момента мне хотелось бы подробностей, — также сухо и по-деловому начал его собеседник, — Мы не часто требуем с заказчика объяснений, однако бывают случаи, которые корректируют нашу работу. Накладывают, так сказать, отпечаток. И вот именно это тот самый случай.

— Послушайте, Эдуард, — Мустафа отступил на шаг назад и оперся на капот “Мерседеса”, — Сколько я должен заплатить вам сверху, чтобы объяснения стали не нужны?

— Проблема не в деньгах, а в готовности к проблемам, встающим перед нами. Изначально в контракте значилась простая охрана сельскохозяйственной базы.

— Ничего не изменилось, — турок развёл руками.

— Только в списках возможных противников не значились спецагенты германской разведки, — мрачно отозвался русский.

— А это были спецагенты? — вполне правдоподобно удивился его собеседник.

— Уж не знаю, кто это точно был, но представились они именно ими, и проехать пытались именно на нашу охраняемую территорию.

— Может, они заблудились?

— Мустафа, здесь одна дорога, заблудиться невозможно, — достаточно жёстко ответил Эдди, — Если у нас в работе появляются подобные нюансы, то скрывать их нельзя.

— Это не нюансы, это случайность. Сложное время, — снова пожал плечами и развёл руками турок.

— Это ещё не сложное время, сложное начнётся уже скоро, когда сюда придёт полицейский следователь и начнёт спрашивать, почему на Вашу территорию, герр Озтюрк, пытались провести двоих детей в багажнике странного вида люди, которых вон только что скорая увезла, у Вас есть ответ на этот вопрос? — Рихтер даже немного повысил голос, произнося свою речь. Откровенно говоря, валяние заказчиком ваньки его начало напрягать.

Ещё жара эта.

— Каких детей? — очень сильно удивился Озтюрк.

— Двух мальчиков, немецких, лет эдак по семь-восемь, — собеседник турка поймал его взгляд и увидел в нём смятение и страх.

— Но я не имею к этому никакого отношения, — в голосе того было слышно сильное волнение.

— К этому никакого отношения не имеет War&Consulting, а вот один турецкий бизнесмен, решивший заняться сельским хозяйством в Саксонии, по всей видимости, имеет.

— Но вы можете проверить, и все могут проверить, — пролепетал он, — Просто теплицы с овощами, больше ничего.

— Теплицы с овощами, ограда под напряжением и охрана с боевым оружием, ничего необычного, — усмехнулся Эдди, — А детей-то зачем Вам везли?

— Эдуард, я не понимаю, каких детей? Не везли мне никаких. А если и везли, я не представляю, — он потянул за расстёгнутый ворот рубашки, словно тот его душил.

— Хорошо, — выдохнул Рихтер, — Мы можем просто разорвать контракт. И Вы, Мустафа, останетесь один на один с теми, о ком не хотите мне сейчас рассказывать. Потому что ни о расширении условий договора, ни даже о продолжении работы с таким подходом не может быть и речи.

— Нет, — тот испуганно замотал головой, — Давайте я Вам всё расскажу, просто не сейчас, — он посмотрел за спину русского, тот обернулся на и тоже увидел полицейского офицера, направляющегося в их сторону, — Всё чуть уляжется, и обязательно, — быстро выпалил он, пока полицейский не оказался уже совсем возле них.

— Герр Озтюрк? — произнёс тот, снимая фуражку и обмахиваясь ею, — Меня зовут Клаус Мозель. Мне нужно задать Вам несколько вопросов.

— Да, конечно, — расплылся в улыбке турок и подал руку полицейскому для рукопожатия, — Давайте присядем в мой автомобиль, там прохладнее будет.

“Вот старый хрен, а меня встретил в этом пекле!” — подумал Малыш Эдди.

— Нет, давайте поговорим здесь, — вежливо, но твёрдо отказал полицейский.

— Герр Мозель, я Вам больше не нужен? — спросил его русский.

— Нет, с Вами я закончил, если вы договорили... — он показал жестом на стоявших перед ним людей.

— Да, я жду Вас завтра, герр Озтюрк, у нас в офисе в Берлине в обед, — Эдди повернулся к Мустафе.

— Да, конечно, буду всенепременно, — взволнованно и быстро выпалил тот.

(12 августа)

За окном догорал жаркий день германского лета.

В кабинете Свята Вениаминовича Салтыкова было распахнуто настежь окно, из которого задувал бриз со стороны Шпрее, шумевшей где-то внизу. Сам глава W&C, крупный бородатый мужчина за пятьдесят, стоял возле окна полубоком к сидевшим за столом Рихтеру и Романову и методично набивал свою трубку.

— И где же ты нашёл этого турка, Эдик? — ехидно усмехнулся Михаил, переведя взгляд с начальника на специалиста по внешним коммуникациям.

Игнат Кондратьевич Куприянов, глава консультационного отдела, лысый сухощавый мужчина за сорок, сидевший на диване позади Эдди и цедивший коньяк, мрачно рассмеялся.

— Он сам нашёлся, — хмуро отозвался Рихтер, — И ни у кого не возникло вопросов, я напомню, — и после покосился на главу аналитиков.

— Турок, владеющий тремя тепличными хозяйствами и двумя свинофермами: в Гамбурге и под Берлином, — саркастично отозвался тот, — Нет, никаких вопросов ни у кого не возникло, все ж приезжие оттуда таким бизнесом занимаются.

— Турок-свинопас это хорошо, — снова рассмеялся Куприянов.

— Свиномагнат, я попросил бы, — поднял палец вверх Эдди и обернулся к главе консультантов, тот отсалютовал ему стаканом.

— А следов на него нет, потому что он пишет всё на глиняных табличках и отправляет гонцами, ну, — ещё раз съехидничал Михаил.

— Ну, Турция не настолько отсталая страна.

— Ну, значит, на свиной коже пишет, — отозвался Игнат, — Делов-то.

— Сдаётся мне, свинофермы он использует как-то по-другому, — саркастично ответил Романов, — Наш турецкий султан-контрабандист.

— Давай без подробностей, Миша, — усмехнулся и пробасил Свят Вениаминович от окна.

— Нет, не в том смысле, — Романов рассмеялся, — Просто он же переправкой мигрантов занимается, вот через Гамбург и его свиноферму проходит поток, а потом через Берлин поток ещё раз фильтруется.

— Надеюсь, он не свинофермы нас просил поохранять дополнительно, — закатил глаза Рихтер.

— Ну, контракт на массовые убийства в Лондоне в прошлом месяце никого не смутил, — заметил глава военных консультантов с дивана.

— Но, Игнат Кондратьевич, никого же наши не убили.

— И слава богу!

— Здесь пока тоже всё слава богу, — Салтыков наконец набил свою трубку и раскурил, — Только непонятно какому. Эдик, тебе уже сказали твои боевые товарищи, что нам всем крупно повезло, и вместо расстрела нам благодарность от полиции Дрездена будет?

— Без подробностей, — отозвался тот.

— Это зря, что без них, — усмехнулся глава W&C, — Однако так сошлись звёзды, что дело интереснее, чем кажется, — затянулся трубкой и продолжил, глядя в окно, — Дело нулевое, просто знай, Вячеслав Бородин, позывной Худ, хоть в тяжёлом, но в стабильном состоянии. Потребуется несколько операций, но ты завтра выставишь счёт за них нашему турецкому султану. Он там пугался, потел и был сегодня утром на всё согласен.

— Так точно, был, — кивнул Эдди.

— Дело первое тогда, — Салтыков вновь затянулся трубкой и выпустил облако дыма, — Наш турецкий не-товарищ действительно большая шишка в контрабандном бизнесе и чёрном рынке Германии. Мигранты, антиквариат, музейные редкости, экзотические животные. И параллельно с этим он действительно выращивает в Саксонии помидоры и продаёт их.

— Я уже боялся, что теплички-то под коноплю сделаны, — отозвался с дивана Куприянов.

— Нет, — помотал головой Свят Вениаминович, раскуривая трубку, — Тут дело не в простом и банальном разделении бизнеса. Вот этот не-товарищ его разделил. И мы

вписываемся только в легальный. Я спросил у Москвы, стоит ли продолжать после сегодняшнего с ним иметь дела, пока получил добро, так что работаем в соответствие с контрактом, — он усмехнулся, — Но на свинофермы не лезем. Дальше Михаил.

— О тех двух хлопцах, что пытались прорваться сегодня к подрастающим помидорам, есть две новости, по-традиции, — Романов обвёл взглядом собравшихся, — Хорошая заключается в том, что в БНД они не состоят, документы их грубая подделка. А вот плохая новость заключается в том, что Иржи Новак и Ганс Шрёдер являются почти призраками.

— Почти? — удивился Рихтер.

— Как Натали де Алонсо, только там ещё был след у детского врача, а здесь просто значит, что один родился в Праге в восемьдесят седьмом, а другой в Потсдаме на год позже, ещё есть небольшой след в медицинских картотеках до краха ОВД[2]. Всё, потом они уже ни по одной картотеке не проходят.

— Нам прямо везёт, — протянул Эдди.

— А всё, — усмехнулся Салтыков, — Мы теперь их притягиваем.

— Страны ОВД всё же следили за своими гражданами, потому упоминания о рождении есть. Потом след теряется, как я сказал. Но и да, пользовались они тем же технологиями, что и наши противники в Уэльсе и Лондоне.

— Но погоди, возле тех оружие не работало, а эти ещё и на машине приехали заодно, — возразил Рихтер.

— Угу, тут попроще будет, чем в Британии, надеюсь.

— Главное, давай без телескопических тростей, — снова рассмеялся Куприянов.

— Ну, во-первых, это было красиво, я попрошу, — в ответ засмеялся Романов.

— А что за дети? — спросил специалист по внешним коммуникациям.

— О, а это как раз четвёртое дело, — Михаил стал серьёзным и деловым, — Свят Вениаминович уже согласовал это с самим собой и с Москвой, так что вот, — он вздохнул, — Некоторое время назад некий человек по имени Ганс совершил в Саксонии убийство, он за раз убил четверых и использовал при этом технологии, схожие с теми, что мы все встречали в Лондоне и вот здесь на границе помидорного царства. Естественно огласки это дело не придали, но определённые люди встали на уши, — мужчина посмотрел в сторону окна, где спокойно и бесстрастно курил Свят Вениаминович и продолжил, — Ко мне обратился мой давний знакомый Виктор Шваниц, он занимал до девяносто первого года высокую должность в Штази, после воссоединения Германии он, естественно, отошёл от дел, но так как Штази имела дело с технологиями, которыми пользовался некто Ганс во время совершения преступления, к нему снова обратились за консультацией. Но так как ему своими силами не получается отыскать этого человека, а тем более понять его мотивы, он обратился к нам и попросил найти этого человека.

— Уже время добавлять букву D в аббревиатуру нашей фирмы? — простодушно спросил Рихтер.

Салтыков в табачном дыму заулыбался и пожал плечами.

— Заплатить пообещал Виктор столько, сколько мы скажем, так что у Славы с Ниной уже есть задание на обсчёт затрат, — отозвался Михаил.

— Нина же этого Ганса сразу найдёт ещё на этапе подсчётов, — усмехнулся Эдик.

— Ты сейчас удивишься, — глава аналитиков откинулся на спинку своего стула, — Я прочитал отчёт с сегодняшнего происшествия, потом мне дали почитать немного полицейских отчётов. Так, по-дружке большой. Есть крайне большая вероятность, что

именно искомый Ганс пытался прорваться через наше КПП.

— Поясни? — нахмурился Рихтер.

— Среди четверых убитых двое были хозяевами дома и носили фамилию Мирбах. Дом как раз был неподалёку от Дрездена. А эти два ребёнка назвали полицейским свою фамилию, угадай какую?

— Мирбах?

— Точно. Может, это банальное совпадение, но у нас есть Ганс, убивший двоих старших Мирбахов, и Ганс, может, и не похитивший, но точно перевозивший двух младших Мирбахов.

— А на территорию теплиц ему зачем надо было? — спросил Эдди, переведя взгляд с Михаила на Свята Вениаминовича. Салтыков просто пожал плечами, — И зачем обсчитывать нам это дело, если вот уже найдена цель?

— Два часа назад уже успевшие прийти в себя Иржи Новак и Ганс Шрёдер пропали из больницы. А больница сейчас горит, — у Михаила заиграли желваки, — Кроме того, из полицейского участка пропали мальчики Мирбахи, тут без жертв и огня, просто было и не стало.

— Магия какая-то, — пробормотал Рихтер.

— Ага, волшебство, — саркастично пробасил из дыма Свят Вениаминович, — Мальчики пока что нас мало интересуют, но заказ на Ганса надо просчитать и выполнить. Насколько там всё срочно?

— Ну, пока есть время, если Москва не решит нас подогнать, — отозвался Романов с долей иронии.

— Как я понимаю, мои люди пока в этом деле не слишком нужны? — спросил Игнат с дивана.

— Виктор Шваниц предположил, что этот Ганс может быть связан с неонацистами, а то и с неоаннербистами, — ответил глава аналитиков, — Так что возможно понадобятся, но не сразу.

— Какое весёлое совпадение, — осознал услышанное Эдуард.

— Я же сказал, теперь мы притягиваем подобные личности, — мрачно усмехнулся Свят Вениаминович сквозь дым.

1 — Саксонская Швейцария — германская часть Эльбских Песчаниковых гор, находится на верхнем течении реки Эльба недалеко от Дрездена. Название Саксонская Швейцария создали в XVIII веке швейцарские художники Адриан Цингг и Антон Графф Ландшафт им напоминал родные края, швейцарскую Юру.

2 — Организация Варшавского договора (ОВД) — военный союз восточноевропейских социалистических государств при ведущей роли СССР в период с 1955 по 1991 года.

Глава XII. Bête du Gévaudan

*

(12 августа)

Кристина и её помощник, высокий смуглый мужчина с острыми скулами, появились буквально из воздуха перед невысоким домом. Высокие липы закрывали свет догорающего заката, потому здесь было достаточно сумрачно. Дальше по улице уже кое-где начали зажигаться фонари, а здесь окна были тёмными, лишь через невысокий забор было видно, как горит свет в окне, выходящем во двор.

— Уверен, что здесь? — француженка огляделась вокруг.

— Пока Вы там вели великосветские беседы, я вёл свои, — пожал плечами мужчина, чуть улыбнувшись.

— И тебя, конечно, не обманули, — она состроила милую рожицу.

— Если обманули, значит мы просто извинимся и уйдём, — пожал плечами тот, — Маглы так делают.

— Маглов и так тут много слишком, — поёжилась Кристина.

В конце улицы залаяла собака. Прибывшие обернулись на звук и увидели старушку со старичком, которые под руку вышли из своего дома и направились, видимо, на вечернюю прогулку. В другом конце скрипнула дверь, там крепкий старичок вышел и сел на скамью перед своими дверями, закулив сигарету.

— Город живёт своей жизнью, — улыбнулся помощник Фавр де Поль.

Кристина пожалала плечами, шагнула к двери и постучала в неё. Ответа не было.

Она снова пожалала плечами и снова постучала — ответа снова не было, но за дверью словно было какое-то движение. Шаги.

— Как её там? — спросила тихонько француженка.

— Сибель, — отозвался мужчина, — Но Мирбахи звали её Сибиллой, — он сунул руку в карман пиджака и вынул листок, на котором были какие-то записи, — Сибель Арслан.

— Ты говорил, что она не отсюда, — кивнула та в ответ на слова своего помощника и в третий раз постучала в дверь. Шаги за дверью замерли и удалились, или так показалось французской гостье.

Мимо проехал автомобиль, разукрашенный под такси, проехал два дома, и остановился возле того, где курил на лавочке дедушка. Из автомашины вышла девушка, рыжие волосы которой было собраны в шишку, поздоровалась со старичком и открыла дверь. Сквозь открытую дверь резанул солнечный закатный луч, и её голова полыхнула медью. Помощник Фавр де Поль невольно залюбовался, но после вновь обернулся к своей начальнице.

— Давайте заходить, — он кивнул собственным словам.

— Мы не во Франции, — поджала губы девушка, — Но ладно.

Она вздохнула, поправила сплзшую на лоб прядь, вытащила волшебную палочку и коснулась ею входной двери.

— Алохомора[1], - в ответ на её фразу щёлкнул дверной замок. Кристина положила руку на ручку и потянула на себя, дверь отворилась.

В прихожей было сумрачно, несмотря на горящий светильник. У противоположного дверного проёма стояла женщина в сером платье с воротом под горло, на лице её был написан испуг и удивление.

Французенка с помощником зашла внутрь, затворив за собой дверь.

— Мадам Сибель Арслан, если я не ошибаюсь? — Кристина внимательно смотрела на женщину, та испуганно кивнула, — Меня зовут Кристина Фавр де Поль, моего спутника зовут Филипп Лестрейндж, мы можем войти?

— Вы уже вошли, — взволнованным голосом ответила Сибель, а потом спохватилась и жестом пригласила гостей дальше в дом, — Конечно, да, но я никогда не слышала о Вас и Вашем спутнике.

— Мы приехали из Франции от Французской Директории, наше дело касается семейства Мирбахов, в котором Вы, мадам, служили няней, — Кристина мило улыбнулась и как бы невзначай поправила свои кудри. Филипп, стоя чуть позади, сдержанно кивнул.

Они прошли в комнату, которая, по-видимому, служила гостиной в этом доме. Там ярко горел свет, и Кристина отметила про себя, что, видимо, именно свет от этого окна они и видели с улицы. В комнате играла девочка лет девяти, которая ещё более испуганно посмотрела на гостей. Увидев её, французенка подошла к ней и присела на корточки:

— Привет, а ты должно быть Марта? — очень ласково произнесла она и взяла одну из кукол, лежавших на полу. Девочка утвердительно кивнула, но видно было, как она съёжилась от страха.

— Присаживайтесь, — также взволнованно произнесла Сибель и показала рукой на диван в углу, — Может быть, хотите чаю?

— Пожалуй, нет, — учтиво улыбнулся Филипп, но присел на диван. Кристина тоже улыбнулась, взъерошила свои волосы, подмигнула Марте, прошла через комнату и присела рядом. Сибель Арслан осталась стоять, скрестив руки на груди.

— Я тоже не уверена, что хочу чаю, — улыбнулась французенка, — Просим прощения за внезапный визит, но дела, дела неотложной важности заставили.

— Я понимаю, — кивнула хозяйка дома.

— Мадам Сибель, я знаю, какое горе постигло дом Ваших нанимателей, — она бросила взгляд на замершую девочку, которая очень внимательно изучала гостей и даже отложила свои куклы.

— Фрау, что Вам нужно? — собралась с силами Сибель.

— По-вашему, вообще фройляйн, — улыбнулась французенка, — Мы прибыли по делам Валерия Мирбаха, гражданина Франции, Вам знакомо это имя?

— Я ни разу это имя не слышала, — отрицательно покачала головой стоящая посреди комнаты дама.

— Это брат Вашего нанимателя, месье Генриха, — улыбнулась гостья, — Он имел некие дела в нашей стране, мне хотелось бы расспросить его родственников в Германии об этих делах, однако ж не успела.

— Да, к сожалению, уже никто не сможет его спросить, — мрачно ответила Сибель.

— Да, это я уже знаю, к сожалению, — поджала губы Кристина, — Я знаю, что некий Ганс пришёл к ним и... — она развела руками.

По лицу хозяйки дома пробежала тень, но она быстро справилась с волнением.

— Я была тогда с мальчиками на речке, — быстро пробормотала женщина.

— А где они сами? — простодушно спросила французская гостья, переведя взгляд с собеседницы на Марту, та поджала губы и спрятала взгляд в свои куклы, делая вид, что внезапно решила собрать их.

— Не имею понятия, — снова быстро ответила Сибель, бросив взгляд на девочку.

— Я думала, что Вы вывезли всех детей Мирбахов, спрятав от... опасностей. —

Кристина совершила в воздухе неопределённый жест.

— Нет, только Марту. Ей нужен присмотр, она присутствовала при том... событии, — теперь её собеседница спрятала взгляд, как девочка.

— Ей угрожает опасность?

— Я не знаю, но лучше так. Лучше пока переждать, — пожала плечами Сибель.

— Мне всё же хотелось увидеть мальчиков, как их звали?

— Гельмут и Матиас, — женщина поджала губы, — Но я не имею представления, где они сейчас.

— И с кем? — простодушие в голосе Кристины сменилось холодными нотками. Её собеседница кивнула.

— Зачем они Вам, фройляйн? — спросила та.

— Позвольте, я не буду раскрывать все свои планы, — чуть смущённо улыбнулась француженка, поправив локоны.

— Я не имею никакого представления о том, где они сейчас, — жёстко ответила Сибель.

— Мадам Сибилла, давайте мы с Вами поговорим с глазу на глаз? — хитро ухмыльнулась Кристина, поглядев на девочку, та делала вид, что сосредоточена перебором кукол, — А Филипп с Мартой пойдут на кухню и попьют чаю? Марта, ты же покажешь мне Филиппу, где у вас есть чай? — она улыбнулась и посмотрела на девочку очень внимательно. Девочка подняла испуганный взгляд, подумала пару мгновений и медленно кивнула.

Филипп улыбнулся, поднялся и подошёл к девочке, повернув голову на Сибель. Та медленно кивнула и сказала:

— Марта, покажи нашему гостю кухню, и напои чаем, пожалуйста. А мне нужно поговорить с нашей гостей.

— Да, фрау Арслан, конечно, — девочка поднялась, будто на ватных ногах, натужно улыбнулась Лестрейнджу и протянула ему руку.

Филипп взял её руку, и они вышли из гостиной, куда-то дальше по коридору. Там скрипнула и закрылась дверь. Кристина вытащила палочку, которую словно бы обвил плющ.

— А теперь, давай поговорим, — она радушно и очень по-доброму улыбнулась, — Инкарцерио[2]!

**

(12 августа)

Филипп Лестрейндж сидел на кухне и ждал какао. Напротив него у плиты стояла девочка Марта и сосредоточенно его готовила.

За окном уже стемнело, а в их помещении горел яркий свет, который девочка зажгла не заклиниванием, а простым магловским выключателем. Это удивило волшебника, раньше он не слишком часто сталкивался с такими вещами, в его мире всё было устроено несколько иначе.

Затем Марта также выключателем включила газ, заинтересовалась, любит ли её гость какао вместо чая, тот не стал отказываться, лишь сел на стул неподалёку от двери, из-за которой он слышал приглушённый крик, но, к счастью, звук заглушил шум посуды, в которой девочка стала варить какао.

— А как к Вам обращаться? — спросила она очень серьёзно, обернувшись, но всё

посматривая за плитой.

— Можешь просто называть меня Филиппом, — улыбнулся он и поперхнулся, потому что из другой части дома снова донёлся далёкий крик. “Да понимает она всё, просто делает вид”, — подумал Лестрейндж.

— Герр Филипп, а можно вопрос? — девочка словно и впрямь не слышала странных звуков, а сосредоточена была на какао и госте.

— Конечно, Марта, — он чуть взволнованно улыбнулся.

— А Вы тоже приехали из Турции, как фрау Арслан? — та словно бы уже и не волновалась, как несколькими минутами ранее в гостиной.

— Почему ты... А... — Филипп улыбнулся и потёр рукой свою щёку, — Нет, я сам родился во Франции, а моя мама приехала из Сенегала. Ещё в прошлом веке.

— А Ваш отец, герр Филипп? — Марта сосредоточенно сняла какао с плиты и разлила по кружкам. Одну отставила для себя, а другую подала мужчине.

— А мой отец был из Франции, — он с улыбкой взял кружку и отпил из неё, — Чудесный вкус, — до его слуха донёлся крик громче предыдущего, но, к счастью, всё равно заглушаемый закрытыми дверьми. “Надеюсь, Кристина, закрыла двери в гостиной”, — подумал волшебник.

Марта пила какао, словно бы не слыша никаких звуков, и очень внимательно смотрела на мужчину.

— Точнее, отец был из Англии, просто у его семьи было множество дел во Франции, — пояснил Филипп, — Они познакомились с моей матерью, когда он был в экспедиции в Сенегале.

— А потом поженились? — глаза девочки очень внимательно смотрели поверх кружки.

— Нет, к сожалению, так и не сложилось, — повёл плечами мужчина, услышав снова приглушённые крики, — Он был, к сожалению, не слишком добр к моей матери, особенно когда я родился.

— Это плохо, — чрезвычайно серьёзно констатировала девятилетняя Марта.

— Да, но он уже почил, — ещё раз отпил какао Лестрейндж, отметив про себя, что крики из гостиной стали громче, — А когда это произошло, его брат разрешил мне взять их фамилию.

— Понятно, — отпила своё какао девочка, — А брат Вашего отца, герр Филипп, лучше относился к Вам и Вашей матери?

— Не особо, но тогда от него это потребовал не я, — тот чуть смущённо улыбнулся, — Я тогда уже поступил на службу под начало мадемуазель Фавр де Поль, — он кивнул в сторону гостиной, из которой снова донеслись характерные звуки, и девочка уж не могла их не слышать, однако же никак не реагировала, потому он смело продолжил, — Она через уже своё начальство попросила месье Лестрейнджа дать мне возможность носить эту фамилию.

— Я слышала её! — произнесла Марта, — Мне мама рассказывала про них, — она снова внимательно посмотрела на сидевшего напротив неё взрослого, — А мадемуазель Фавр де Поль, она хорошая?

— Кристина? Да, она хорошая и добрая, — крик из гостиной был слышен громче обычного и оборвался на высокой ноте. Девочка не шелохнулась, а у мужчины побежал холодок по спине от волнения.

— А чем она занимается? — голос Марты был очень серьёзным и одновременно любопытным.

— Она мракоборец, она занимается тем, что находит тёмных магов и защищает от них мир, — Филипп готов был услышать новые крики, но, видимо, этот был уже последним. Зато по коридору раздались уверенные, но торопливые шаги.

Повернулась ручка кухонной двери, Лестрейндж поднялся и развернулся к двери лицом, а девочка инстинктивно сжалась на стуле.

Открылась дверь и на кухню зашла Кристина Фавр де Поль. Её волосы были немног растрёпаны, ворот расстёгнут, лоб и шею покрывала испарина. Она мило улыбнулась Марте, прошла до неё, взяла себе стул и села возле девочки.

— Марта, а тебе нравится в этом доме? — произнесла она очень ласково, заглядывая в глаза ребёнку.

— Не-а, — покачала отрицательно головой та, — Дома было лучше, но фрау Арслан увезла нас и сказала, что нам надо прятаться.

— А ты хочешь уехать отсюда? — голос у Кристины был чуть взволнован.

— Я хочу увидеть Гельмута и Матиаса, — по лицу девочки пробежал испуг.

— А ты помнишь своего дядю Валерия? — губы французенки расплылись в обворожительной улыбке.

— Да, он приезжал.. — Марта кивнула, — В прошлом месяце последний раз. А потом фрау Арслан сказала, что с ним случилось несчастье.

— А тебе нравится твоя няня? — Фавр де Поль смотрела не отрываясь в глаза маленькой собеседнице.

— Не-а, — та снова отрицательно покачала головой, — Гельмут с Матиасом чаще с ней играли. И во всём доверяли ей. А я не любила её, она странная была.

— Скажи, Гельмут с Матиасом пропали из-за твоей няни?

— Она сказала мне спрятаться в подвале, хотя мы спали все в спальне, — девочка уткнулась взглядом в своё какао, — Разбудила меня и отправила в подвал с одеялом и подушкой. Там была небольшая койка. А утром спустилась за мной, а их уже не было.

— Ты что-то слышала? — французенка внимательно смотрела на девочку, та кивнула, не поднимая взгляд, — И это тебя напугало? — снова кивок, но теперь та ещё и шмыгнула носом.

Кристина придвинула стул к стулу ребёнка, обняла её и поцеловала в макушку, та расплакалась.

— Тихе-тише, — гладила по голове девочку Фавр де Поль, — Твой дядя Валерий рассказывал, какая ты сильная. И умная, — она снова поцеловала девочку в макушку, — Хочешь, поехали с нами, найдём твоих братьев? Потом отправимся к твоему дяде в Руан.

— Нет, — всхлипнула Марта, — Я не хочу к дяде в Руан, я хочу домой.

— Тогда поехали домой, — французенка продолжила гладить девочку по голове, бросила взгляд на своего помощника. Тот допил какао и тихо вышел в коридор, ведущий к гостиной.

— Фрау Арслан рассердится. — снова всхлипнула девочка.

— Не рассердится, я уже с ней обо всём поговорила, — Кристина прижалась щекой к голове ребёнка, внимательно наблюдая за дверным проёмом.

— А мы точно найдём Гельмута и Матиаса? — девочка подняла зарёванное лицо и взглянула на французенку.

— Я сделаю всё возможное, обещаю! — кивнула та и поцеловала девочку в лоб.

В кухню вернулся Филипп. На него одновременно обернулись Марта и Кристина. Он

улыбнулся и кивнул им.

— Давай прямо сейчас тебе Филипп поможет собрать вещи, а потом мы поедem? — сказала Фавр де Поль.

— А где фрау Арслан? — спросила девочка.

— Она вышла, — ответил Лестрейндж, — Сказала, что если ты захочешь, можешь ехать с нами.

— Ну, и ладно, ну и поеду, — девочка насупилась, перестала плакать, соскочила со стула и посмотрела на мужчину, — Она мне всё равно никогда не нравилась.

Тот рассмеялся и подал ей руку.

1 — Алохомора — заклинание, отпирающее замки.

2 — Инкарцero — связывающее заклинание.

Глава XIII. Призрак древнего зла

(13 августа)

— Я совершила огромную ошибку, что не задала этого вопроса раньше, но мать вашу, как же так вышло, что у нас пропали все трое детей покойных Мирбахов?! — голос Августы фон Вальдбург был подобен раскатам “Колоссала”[1], обстреливающего Париж.

Она стояла посреди кабинета в своём антрацитовом платье, в её побелевших от злости пальцах была зажата газета, и Канцлер потрясала ей, словно оружием.

— Как же так вышло, что трое детей волшебников просто исчезли?! — в её глазах полыхал такой гнев, что казалось, сейчас эта самая газета воспламенится подобно факелу, — Притом мальчиков умудрились украсть дважды!!

Якоб фон Притвиц, глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф, мужчина средних лет с пышными усами, одетый в чёрный костюм фасона начала прошлого столетия, глубоко вздохнул в кресле и отвёл взгляд, смотря на газовый светильник позади женщины. Сидевший напротив на диване Виктор Шваниц в потёртом сером пиджаке благоразумно промолчал, поправил очки в роговой оправе и принялся пить кофе, держа кружку обеими руками. Сидевший в кресле дальше всех от Августы Рихард фон Мольтке в неизменном тёмно-синем мундире побледнел и нервно потянул за воротник, пытаясь ослабить его.

— Фрау фон Вальдбург, это недоразумение, — очень глухо произнёс он, стараясь не смотреть в глаза женщине, — Мы не подумали, что они могут быть кому-то нужны, их же не было на месте преступления тогда...

— Зато они вчера были там! — Канцлер грохнула газетой о журнальный столик так сильно, что чашки с кофе напротив Притвица и Мольтке подскочили и расплескали горячий напиток. Все собравшиеся мужчины вздрогнули. Казалось, даже газовые фонари мигнули в этот момент.

— И где они сейчас, Рихард?! — гнев Августы выплеснулся наружу, от её голоса дрожали бокалы в серванте, — И где Марта Мирбах?!

— Их увезла эта турчанка, — пролепетал глава мракоборцев, — Из поместья Мирбахов.

— Молчать!! — голос Канцлера буквально вдавил того в кресло, заставив ещё больше побледнеть, — Она просто взяла и увезла их, а твои бойцы что? Что они сделали? Они в тот момент ещё были в поместье!

— Августа, — негромко произнёс Виктор, не решившись поставить свою чашку на столик, — Всё же, насколько я знаю, интереса к детям у нас у всех не было, это всего-лишь дети.

— Виктор, — женщина глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, но выходило это крайне плохо, — Если ты скажешь сейчас, что это нормально, то ты вместе с этим остолопом поедешь в Нурменгард[2]. Ради общего блага! — её голос снова прогрохотал в кабинете да так, что оконные стёкла дрогнули.

— Это безусловно ошибка, — осторожно произнёс фон Притвиц, пытаясь смахнуть капли кофе со своих брюк, — Но фрау, сейчас мы можем иметь дело только с тем, что произошло.

— К тебе у меня меньше всего вопросов, — снова выдохнула та, — Но скажи, почему мы только и делаем, что сидим сложа руки, а наши противники действуют? Притом

безнаказанно.

— Потому что мы не ожидали, что противников будет столько, — он аккуратно взял свою чашку с кофе и сделал глоток.

— Ладно, — ещё раз выдохнула Августа, уже больше успокоившись, — Что мы имеем сейчас? — она посмотрела на попытавшегося что-то сказать Мольтке, тот благоразумно решил промолчать.

— Как всегда, есть хорошие и плохие новости, — прозвёс Виктор и поставил свою опустевшую чашку на столик.

— У нас есть хорошие новости? — искренне удивилась фрау Канцлер.

— Мы нашли Ганса и узнали, кто это, — пояснил Шваниц, поправив очки.

— Да, он вместе с неким Иржи пытались прорваться сквозь заслон твоих русских на территорию некоего турка, — ворчливо заметила та, отошла от столика, обошла свой массивный рабочий стол и уселась в кресло, — Правда, формально, это не ты их нашёл.

— Я не говорю, что я их нашёл, — кивнул мужчина в очках, — Однако я успел навести справки, кто такой этот Ганс Шрёдер и Иржи Новак, — он посмотрел на Рихарда, лицо которого начало покрываться пунцовыми пятнами.

— Продолжай, — Августа поставила локти на стол, сложив пальцы домиком.

— Ганс Шрёдер родился в Потсдаме в 1988 году в семье цауберов, последний поздний ребёнок в семье. До одиннадцати лет проходил хорошее домашнее обучение, однако в 1999 году его родители скоропостижно скончались от неизвестной болезни. Его старший брат Гарольд в то время проходил уже службу на юге Европы в нашем экспедиционном корпусе, его старшая сестра Ева училась в Академии Шармбатон, и по тем данным, что мне удалось найти, на обучение Ганса в итоге никуда не отдали, однако же я не могу полностью утверждать этого, этот юноша словно бы теряется из виду на долгое время, — Виктор поправил очки, — К сожалению, времени было мало, потому я смог обнаружить лишь его след в 2015 году на первом сборе Клуба Изучения Прусского Единства.

— В списке задержанных, как я понимаю? — спросила Канцлер, заинтересованно.

— Да, всё верно, однако, как я понимаю, он был отпущен, — Шваниц бросил взгляд на Мольтке, — Как я понимаю, Рихард, это было при твоём предшественнике?

— Да, я тогда работал в поле, вёл это дело, но такую фамилию не помню, — сдавленно ответил тот.

— Через четыре года некто профессор Густав Хайм, известная личность, выступавшая за изучение традиционного искусства прусской некромантии, выделил его в качестве одного из своих личных учеников, — Виктор внимательно следил за реакцией фон Вальдбург, но та была бесстрастной, — Эта фамилия уже должна быть знакома присутствующим, это нацистский призрак, который, по-слухам, либо сам служил в нацистских лагерях смерти, либо потомок тех, кто избежал возмездия. Опять же по-слухам, эта личность ныне является лидером восстановленной Аненербе на территории Европы.

— Аненербе не восстановлена, — подал голос Мольтке.

— Это не точно, — парировал Шваниц, — Про нынешних цауберов, входящих в эту организацию лично мне ничего не известно, но как я понимаю, присутствующим тоже.

— Это призрак древнего зла, — сказал Якоб, отпив свой кофе.

— Патетично, но верно, — согласился говоривший мужчина, — Последнее упоминание, которое мне быстро удалось найти, это то, что Ганс Шрёдер проводил в прошлом году в доме Урсулы Клейн собрание некоего исторического общества. Вроде бы ничего

предосудительного, только обсуждение общей исторической обстановки и контекста.

— Мы проверяли это сборище, всё так, — отозвался всё ещё сдавленно Рихард.

— А второй? — спросила Августа, внимательно смотря на бывшего сотрудника Штази.

— А Иржи Новак родился в 1987 году в Праге в семье кайнцауберов, закончил Дурмстранг, — тот снял очки, вытащил платок из кармана и начал их протирать, — Но здесь я сумел найти лишь упоминание, что он в прошлом году в Праге собирал кружок изучения големостроения. Казалось бы, никак не относится к нашему вопросу, но на том сборище звучали тексты уже упомянутого профессора Хайма. Это слишком притянута, но могу предположить, что именно это объединяет Ганса и Иржи. — он закончил протирать очки и снова надел их.

— И это ты назвал хорошими новостями? — саркастично заметила Канцлер.

— Это хотя бы что-то, — ответил Виктор.

— И дай угадаю, какая новость плохая? — на лице женщины появилась очень нехорошая улыбка.

— После того, как они были доставлены с ранениями в Дрезден-Фридрихштадт Центрм, на эту больницу было совершено нападение неизвестных нам волшебников, — ответил Якоб, — Случился пожар. Среди магловского персонала и пациентов имеются жертвы. А оба доставленных туда волшебника пропали в пожаре.

— На маглов мне плевать, но мне с трудом удалось договориться с магловскими властями, чтобы те заткнули рот их журналистам. Я слишком хорошо помню, какая шумиха поднялась после событий в Британии, — раздражённо ответила Августа и откинулась на спинку кресла, — Рихард, я верно понимаю, что Шрёдер и Новак выкрали мальчиков Мирбахов и пытались провезти их этому турку, как там его?

— Мустафа Озтюрк, — ответил Рихард, всё ещё бледный и с пунцовыми пятнами на лице, но уже чуть более спокойный.

— Кто это вообще такой, тебе известно? — немка говорила уже устало.

— Это один из крупнейших контрабандистов и торговцев редкостями в Германии и в целом в Центральной Европе, — отозвался глава Мракоборцев, — Работает, как с маглами, так и с волшебниками. Редкие животные, в том числе магические. Артефакты, музейные ценности, но он не был замечен в общении с неонацистами, — он опять потянул себя за ворот.

— Позволь спросить, а почему он до сих пор на свободе? — Августа подняла указательный палец вверх, — И ни слова о чрезвычайных полномочиях.

— На него у нас только слухи, свидетелей нет, — развёл руками Мольтке.

— Виктор, а скажи, пожалуйста, а у вас также все работали? — устало-саркастично протянула немка.

— Да, именно поэтому Берлинская стена пала, — также саркастично ответил тот. Якоб усмехнулся в усы. Рихард решил промолчать.

— Рихард фон Мольтке, — Августа потёрла глаза, — Ты должен вытащить этого турка из его убежища и допросить. В застенки ты бросать людей умеешь, вот тебе карт-бланш, действуй.

— Будет исполнено, фрау Канцлер, — выпалил глава мракоборцев.

— Итак, мы имеем няню детей Мирбахов, которая вывезла их из поместья и спрятала в укромном месте, — женщина неспеша поднялась и зашагала по кабинету, — Их у неё изъяли Ганс Шрёдер и Иржи Новак, связанные с Аненербе. После этого они зачем-то повезли их в

турку, где напоролись на русских из War&Consulting, печально известных во всём магическом мире, — она скривилась, остановилась у окна, раскрыла его, впустив в комнату тёплый ветер, — После того, как оказалось, что эти маглы не стесняются применять огнестрельное оружие, Ганс с Иржи поехали в больницу, а Гельмут и Матиас Мирбахи в магловский полицейский участок.

За окном разливался солнечный летний день. Со стороны леса дул пряный ветер, словно пытаюсь хоть как-то разбавить мрачный разговор теплом и покоем.

— Ганс и Иржи успели применить заклинания против маглов, — произнёс Якоб, поправив усы.

— Ладно, ещё одна хорошая новость состоит в том, что эти двое немного туповаты, — грустно усмехнулась Августа, повернулась и встала спиной к окну, — Это ж надо догадаться бросаться на вооружённых маглов, которых к тому же больше.

— Видимо, они надеялись на корочки БНД, которые при них были. — пожал плечами Мольтке.

— Я не буду брать свои слова назад, я по-прежнему считаю это хорошей новостью, — она устало потёрла глаза, — А куда делись мальчики?

— Они пропали, — развёл руками и опустил взгляд Рихард.

— А я знаю, — саркастично ответила женщина, — И вот у меня был чрезвычайно неприятный разговор с маглами на этот счёт. Как я понимаю, никто даже не удосужился полицейским стереть память о происшествии?

— Я думаю, детей и наших двух товарищей забрали разные люди, — произнёс Виктор, — Слишком разные почерка.

— Я тоже об этом подумала, — кивнула немка, — Ладно, Рихард, кроме турка, тебе ещё нужно найти детей. Ты понял?

— Да, естественно, — быстро выпалил тот.

— Но так как на сегодня хорошие новости закончились, то давайте обсудим ещё одну плохую, — в голосе Канцлера пробежали нотки гнева, — Что там со старшей девочкой Мирбахов?

— Вчера вечером в Берлине сгорел частный дом. Магловские пожарные обнаружили на месте останки женщины. — сообщил Якоб, — Нам удалось установить, что они принадлежат Сибель Арслан, няне семейства Мирбах.

— А знаешь, Рихард, я тут подумала... — Августа улыбнулась так, что по спине главного мракоборца Германии пробежал холодок, — Я не верю в совпадения, — она сделала несколько шагов к сидящим, — Сначала к нам приезжает Кристина Фавр де Поль, интересуется детьми, хочет с ними поговорить, а потом у нас за день пропадают все дети, — её чёрные глаза полыхнули пламенем, — Найди и доставь сюда эту французскую суку, а я уж решу дипломатические формальности.

— Да, всенепременно! — Рихард быстро закивал.

— Августа, а что ты предлагаешь делать с русскими? — улыбнулся Виктор.

— Так это ты же настоял, чтобы они прибыли сюда, — в ответ очень зло улыбнулась она, — Вот и возись сам с ними.

— А я и вожусь, — в тон ей ответил мужчина в очках, — Я дал им заказ на Ганса, думаю, с их помощью найти и разделаться с Аненербе.

— Если тебе это удастся, то я буду тебя считать, Виктор, единственным волшебником в Германии, который может что-то полезное сделать, — та рассмеялась в ответ, — А когда

Рихард за некомпетентность поедет всё-таки в места высшего блага, я подумаю назначить тебя на его пост.

— А я имею право отказаться? — весело ответил тот.

— Ну, если выживешь, то вполне возможно, — мрачно рассмеялась уже фон Вальдбург.

— Августа, ещё один вопрос, — посерьёзней Шваниц, — Я не до конца представляю, чем именно занимался Генрих Мирбах.

— Техномагией, — пожала плечами Августа, — Он был идеалистом, который верил в вашу с Советами утопию, что техномагия это способ магам и маглам жить вместе.

— Да, спасибо, примерно это я себе и представлял, — кивнул и улыбнулся Виктор.

1 — Колоссаль — сверхдальнобойное длинноствольное 210-мм орудие на поворотном лафете. При помощи этого орудия в 1918 году немецкие войска обстреливали Париж.

2 — Нурменгард — находящаяся в Альпах тюрьма, созданная Геллертом Грин-де-Вальдом. Она была построена с целью заключения там идейных врагов. На воротах Нурменгарда выбита надпись: «Ради общего блага» и рисунок, символизирующий Дары Смерти. Потерпев поражение в дуэли с Дамблдором, Грин-де-Вальд был заточён в тюрьму, созданную для своих же врагов.

Глава XIV. Час быка

*

(13 августа)

В кабинете для посетителей War&Consulting работал на полную мощность кондиционер. Эдуард Рихтер решил заморозить своего гостя, так чисто из вредности, потому что может. На улице стояла практически стамбульская жара, зато в кабинете Эдди создал почти мурманские условия. И кофе попросил принести самый отвратный, ещё тот, которым Эдриана Смита в Марселе поил. Как выразился Михаил, кофе для очень важных переговоров.

Мустафа Озтюрк был в своём неизменном белом костюме, с улыбкой пил кофе и всячески показывал, что ничто не вызывает у него неудобств, а сам он здесь лишь за тем, чтобы облагодетельствовать русских военспецов.

Русские военспецы были не слишком рады изменившимся условиям работы на объекте Мустафы — всё-таки куда приятнее, когда ты получаешь тройную ставку, но при этом работа твоя тиха, спокойна и ненапряжна. Однако вчерашнее утро показало обратное, и уже не дожидаясь итогов переговоров Рихтера и Озтюрка Куприянов направил своих бойцов сделать из простого контрольно-пропускного пункта на въезде некое подобие блокпоста. А ещё тихо и неспешно направил бронетранспортёр в ведение охраны тепличного хозяйства.

Когда тот доехал к вечеру до въезда на территорию, то его встретило заграждение из мешков с землёй в форме буквы “П” посреди дороги, мимо которого в ворота грузовик мог проехать, но медленно и с трудом. БТР так и вообще не смог сам проехать, из-за него пришлось разбирать одну из ног буквы.

А учитывая, что заказчика не сильно предупредили об этом новшестве, но он чрезвычайно сильно удивился с утра, однако же не высказал никаких претензий на выезде. Мустафа вообще не любил спорить с вооружёнными людьми.

— Эдуард, я правильно понимаю, что у Вас всё-таки осталось много вопросов по поводу вчерашнего происшествия? — спросил турок, аккуратно ставя чашку на блюде.

— Абсолютно верно, ещё и новые появились. — кивнул русский, — А ещё Вы хотели расширить условия договора, после вчерашнего мне это особенно интересно, — его голос оставался спокойным, но где-то внутри него скрывалась издёвка.

— Вчерашний день продемонстрировал, что я принял верное решение, что обратился именно к вам, — он расплылся в улыбке, — Однако же он также продемонстрировал, что мои недруги не дремлют и готовы на многое, чтобы достать меня.

— Для человека, у которого есть столь могучие недруги, у Вас слишком мало личной охраны, — улыбнулся Эдди.

— Водителя и охранника в городе достаточно, — развёл руками Мустафа, — Однако для охраны моего хозяйства требуется ваша помощь.

— Продолжайте.

— Я хочу, чтобы вы также осуществляли охрану на моих теплицах в Тюрингии и Бранденбурге.

— Мы готовы к подобному расширению условий, — кивнул Рихтер, — Однако требуется понимание, от кого мы защищаем ваши помидоры?

— Это сложно объяснить, — мужчина замялся, поправил свои усы, — Это очень

могущественные люди, готовые пойти на всё.

— Например, подкинуть вам на территорию двух немецких детей? — совершенно искренне удивился Эдди.

— Это немного не то, о чём Вы подумали, Эдуард, — турок смущённо улыбнулся, — Я помогал своей соотечественнице.

Выражение лица Малыша Эдди говорила о том, что эта история чрезвычайно увлекательна для него, но лучше бы Мустафа пояснил бы свои слова как можно скорее.

— У меня есть знакомая, я не могу называть её имени, но она происходит родом из нашей страны. Она работала няней при детях в одной богатой семье, но там случилось несчастье, — продолжил мужчина, — И вот она попросила меня в самый тёмный час помочь ей. К ней пришли двое мужчин, чтобы забрать детей. Дети им самим не особо были нужны, но им нужны были деньги. Вот она и наплела им, что я могу их купить.

— Вы занимаетесь скупкой немецких мальчиков? — с долей иронии спросил Рихтер.

— Нет, конечно, — опустил взгляд Мустафа.

— Да не стесняйтесь, мистер Озтюрк, — улыбнулся специалист по внешним связям W&C, — Мы знаем о том, какой ещё у Вас имеется бизнес, и для чего Вам нужны свинофермы.

Турок поднял взгляд и внимательно взглянул на русского, в его глазах попеременно появился удивление, страх и ярость. Последняя полыхнула буквально на мгновение, но Рихтеру этого хватило, чтобы понять, что этот радушный восточный мужчина без угрызений совести перережет ему самому и всем его коллегам горло, если так будет нужно.

— Мы не полиция, мы даже не осуждаем Вас, — произнёс Эдди без тени издёвки, — Однако же мы не хотим, чтобы нас использовали для охраны свиноферм, в Берлине и в Гамбурге.

— Там парни из Албании справляются, — махнул рукой уже как обычно расслабленный Озтюрк.

— Вот и чудесно, но вернёмся к истории про двух мальчиков и Вашу знакомую. — кивнул русский.

— Эти два человека не особо большого ума, давайте будем честными, — улыбнулся турок, — И в целом не самые высокие посты занимают в своей организации, и всё это они решили вытворить из-за банальной жадности. Я что-то эдакое и предполагал, когда договаривался со своей знакомой.

— А почему Вы не предупредили КПП об этом автомобиле? — Рихтер внимательно посмотрел на собеседника. Тот замолчал, раздумывая над ответом. А русский уже улыбнулся, — Дайте угадаю, Мустафа, Вы не подумали, что мы будем хорошо выполнять свою работу?

— Я не давал прямого распоряжения не пускать автомобили на территорию, — попытался оправдаться тот.

— Я сейчас достану договор и продемонстрирую формулировку, — нотки раздражения появились в голосе русского.

— Хорошо, я не подумал, что так всё произойдёт, — кивнул его собеседник.

— Давайте, Мустафа, больше такого не повторится?

— Да, я постараюсь, чтобы это больше не повторялось.

— Пропускной режим на автомобиле остаётся прежним?

— Да, такой, какого вы придерживаетесь, — закивал Мустафа.

— Чего особенно Вы опасаетесь? От какого типа опасностей, следует охранять Вашу территорию? — Эдди внимательно смотрел на собеседника, — Не от заблудившихся же туристов.

— О, нет-нет, — замотал головой тот, — В первую очередь я опасаясь мести от этой организации, в первую очередь в Саксонии. Я рад, что охранение ворот было усилено, я видел сегодня, но я не знаю, может ли быть нападение со стороны забора.

— Периметр цел, изгородь под напряжением, — пожал плечами Рихтер, — Но мы ещё раз проверим и усилим наблюдение. Ворота всё равно более уязвимое место.

— Всё так, — согласился турок.

**

(13 августа)

— Ты хоть одному его слову веришь? — спросила Нина Эдика, после того, как он закончил пересказывать разговор с Мустафой Озтюнком.

— Ну, тому, что эти неонацисты могут напасть, вполне, — улыбнулся тот.

Нина сидела на кресле, развернув его спинкой к своему компьютеру и задумчиво наматывала прядь на ручку. Эдик сидел на подоконнике у открытого окна напротив неё и пил чай, горячий чай. Он несколько продрог в переговорной, потому беззастенчиво грелся у аналитиков у открытого окна.

— Почему сразу неонацисты, просто... — задумчиво произнесла девушка, — Миша, это реально какая-то странная организация, я ещё чуть-чуть и в рептилоидов поверю, — она свесила голову с кресла назад, чтобы посмотреть на своего начальника, стоявшего у стены и поедающего мороженое.

— А что если весь мир управляется Приоратом Сиона? — ухмыльнулся тот и посмотрел на Эдика, — Ганс и Иржи опасные хлопцы, это да. Но мы мало что накопили про них, — он откусил мороженое, — Даже со способностями Нины.

— У меня голова не варит сегодня, — Нина, не меняя позы, перекинула одну ногу на другую. В голове у Рихтера промелькнула мысль, что шорты это отличное изобретение цивилизации, — Полночи сирены выли под окнами.

— А что случилось? — Эдди отхлебнул чаю.

— Дом сгорел рядом с моим. Ну, через два от меня, тушили его, — девушка потёрла лицо руками, — Спать вот теперь хочу.

— А в домике том... — Михаил откусил мороженое.

— Что в домике том? — перевёл взгляд на него Рихтер.

— Тело няни Мирбахов, некой Сибель Арслан.

— К вопросу, а куда делись мальчики? — развела руками Нина.

— Кстати, а куда? — Эдик посмотрел уже на неё.

— Да пёс их знает, — махнула та рукой и начала закручивать свои волосы в шишку, — Они, видимо, неделю прожили рядом со мной. И чёртов чёрный “Фольксваген” я, похоже, видела тогда, когда домой пыталась попасть тайными тропами, — она намотала шишку, зафиксировала её и воткнула в неё два карандаша. После зевнула и устало посмотрела на Рихтера, — В больнице я отследила по камерам короткостриженного парня, который заходил в палату. Точнее с девушкой он заходил в больницу, но в палату прошёл один. Ну, и потом вот всё это фаершоу, — Нина зевнула и поёжилась, — А вот в полицейском участке вообще никто не входил, просто перестали работать камеры. А мальчики что они? Были и нету, — девушка развела руками.

— Что-то это мне напоминает, — ухмыльнулся Эдди, — Но Ганс с Иржи вроде такие же, а при них и камеры работают, и вон на машине ездят.

— Ходят слухи, что у немцев это нормально, — рассмеялся Михаил, — Но я бы к этому относился, как к разным породам людей.

— Разным породам? — обернулась на него девушка, — А я смотрю Германия на тебя так влияет, что рука непроизвольно тянется к штангенциркулю?

— Пока нет, — хитро ухмыльнулся тот, — Но судя по всему, детей точно не наши косплееры Аненербе умыкнули.

— Они своих в этот момент воровали, — кивнул Эдик, — И что у нас в итоге?

— Пока продолжаем думать, потому что Ганс всё ещё неуловимый призрак, — поморщилась Нина, но что-то вспомнила и резко обернулась к начальнику, — Миш, а как фамилия того чувака, который лекцию про Аненербе читал, в составе участников, где мы Шрёдера нашли?

— Густав Хайм, — отозвался тот, — Повелитель штангенциркулей и пробирок по вычислению чистоты крови.

— Мерзкий тип, — поморщилась девушка, — Но я предлагаю искать его, если этот тип главный, то проще тогда сразу на него выйти. Если будет надо, уж найдём способ спросить, где Ганс.

— А давайте найдём детей? — сказал Эдди.

— Эдик, тебе не показалось, что нас начинает засасывать какой-то ураган, который тут закручивают не до конца понятные нам силы? — Михаил доел последний кусочек мороженого.

— Не показалось, — помотал тот головой, — Мы уже давно в нём.

— А если съездить в поместье этих Мирбахов под Дрезденом? — вдруг спросила Нина.

— Езжай, — пожал плечами Романов и ехидно ухмыльнулся, — Рудольфа возьми с собой только.

— Тебя сейчас спасло только то, что ты мой начальник, — она скорчила рожицу и вытянула палец в его сторону.

Но тут заржал Малыш Эдди, и тут же получил по колену кулаком от Нины.

— А тебя ничего не спасёт, Эдик! — весело фыркнула она, — Вот возьму да и приглашу мальчика на свидание!

— Это деловая поездка, сопряжённая с риском, — Рихтер потирал ударенное колено, — Что так больно-то?

— То есть меня тебе не жалко, да? — снова фыркнула девушка, развернулась на кресле лицом к компу и начала строчить в корпоративный чат.

— Бедный Рудик, — рассмеялся Рихтер и слез с подоконника.

(13 августа)

Летний закат догорел, и над саксонским лесом сомкнулась ночь.

Группа на КПП зажгла прожектор на будке, чей луч разгонял темноту ровно до вырубленных кустов, утыкаясь в них. Второй прожектор установили на столбе напротив будки, и тот смотрел в другую сторону, тоже в кусты и пространство между ними и забором. А вот дорога, уходившая прямо от шлагбаума, и которую перед ним перегораживало ограждение из мешков с землёй, освещалось лишь отсветами от фонарей, потому там оставалось место для неверных теней и силуэтов.

“Надо у Кубани третий выпросить”, - Полоз стоял в тени у стрелоулавливателя шлагбаума и курил в ладонь. После давешнего происшествия, когда в больницу уехал Худ, он перестал считать эту работу спокойной и был уже готов к любому, а учитывая, что Игнат Кондратьевич собрал сегодня на пересменке всех и сообщил о возможных провокациях и нападениях, то тем более.

Из будки, которая была на самом деле совсем не будкой, а вполне полноценным вагончиком с надстройкой, в которой сидел наблюдатель, вышел их новенький. Паренёк лет двадцати пяти, позывной Демьян, это было его первое задание.

Полоз закурил, забычковал сигарету и бросил окурки куда-то в темноту вдоль забора. Его не покидало смутное чувство тревоги, хотя может, это просто слишком суматошный день?

— Грач Полозу, — проговорил он в нагрудную рацию, — Видно что-нибудь?

— Полоз Грачу, — раздалось в рации, — Да нихрена, надо фонарь на столбе поворачивать на дорогу.

— Грач Полозу, — он вздохнул, — Завтра следующая смена пусть перевешивает. Отбой.

В будке наверху сидит Грач, сегодня его очередь быть за оператора шлагбаума и связиста. В вагончике дремлет Крит, его Полоз пять минут, как сменил в тени на позиции. Демьян вон отошёл до ветру, уже видимо оправился и зашёл обратно в вагончик. Этот будет сменять через пятьдесят пять минут Грача, ночь всё равно тихая. И зачем Полоз в голове всё это прокручивал, почему так беспокойно было ему?

Где-то в лесу вскрикнула птица и пронеслась над постом. Словно ей вслед зашумел ветер вершинами деревьев. Стояла тёплая летняя ночь, а над Полозом раскинулось бездонное антрацитовое небо с бесконечным числом колючих звёзд.

Внезапно боковым зрением боец что-то уловил, какое-то движение. На дороге в неосвещённом участке, словно бы появляясь из теней, показалось несколько людских силуэтов. Полоз пригляделся.

— Полоз Грачу, — он произнёс в рацию и прикинул, за сколько прыжков он окажется за мешками с землёй, — У нас, похоже гости.

— Грач Полозу, — раздалось в рации, — Вижу четверых.

— Это что за упыри в длинных плащах? — боец на улице в два прыжка перемахнул освещённую зону перед шлагбаумом и расположился за мешками, выставив ствол в бойницу.

— Грач Полозу, — раздалось в рации, — Вижу пять силуэтов, трое впереди уже на свету.

— А я всегда мечтал побывать на съёмках “Блейда”, - весело ответил боец в рацию, — Заводи свою шарманку, отбой.

Он устроился поудобнее и приготовился открывать огонь. Пять мужчин в длинных чёрных плащах встали в ряд в двух десятков шагов от его позиции. Освещены не слишком хорошо, но в целом очень похоже на тир. Или на очень плохой розыгрыш.

Над головой заработал репродуктор на будке на немецком голосом Грача: “Уважаемые господа собравшиеся, эта территория является частной собственностью, потому проход туда невозможен, просим вас развернуться и удалиться в обратном направлении”.

— Демьян Грачу, — ожила рация у Полоза, — Демьян ответь Грачу.

— Демьян на связи, — ответила рация.

— Поднимай Криту и на позиции, у нас тут какие-то упыри нарисовались.

— Принял, отбой.

Репродуктор на будке снова заговорил голосом Грача: “Уважаемые господа собравшиеся, повторяем, что эта территория является частной собственностью, потому проход туда невозможен, просим вас развернуться и удалиться в обратном направлении, иначе нам придётся применить силу”.

Странные люди в плащах бросились врассыпную так молниеносно, что Полоз даже не заметил их движения. И тут же слева от него, возле будки вырвался столб пламени и влетел в прожектор на крыше так, что тот взорвался с такой силой, что выбил стёкла в наблюдательной вышке, где сидел Грач.

Заговорил автомат возле вышки, видимо, Крит или Демьян успели занять пост. Мимо Полоза пробежал человек, пытаясь забежать за мешки и прорваться внутрь территории. Боец инстинктивно поднялся и дал в его сторону очередь. Фигура дёрнулась, подскользнулась и покатила кубарем. Полыхнула вспышка сбоку и мужчина еле-еле успел присесть обратно за бруствер — столп огня и жара окатил его позицию. Точно в тот же момент такой же столп огня накрыл позицию стреляющего автоматчика возле вышки, заставив того замолчать. И тут же начал стрелять Грач со своего места, но Полозу непонятно было, ранен тот или нет. Он высунулся из-за горящих мешков, разглядел движение и выдал очередь, затем снова спрятался.

— Полоз, жив? — ожила рация голосом Крита.

— Жив, — прохрипел боец в рацию, и тут же в уже занявшиеся мешки ударил ещё один столп огня, заставив Полоза распластаться на земле, буквально вжавшись в неё.

Ещё два огненных рукава ударило в позицию Грача и рядом с ней. Наблюдательная вышка взорвалась, рассветив ночь. Заморгал и погас второй прожектор, позицию теперь освещал пожар в будке охраны и горящие мешки перед шлагбаумом.

Едкий дым разъедал глаза, Полоз вскочил, дал очередь в темноту перед мешками и перекатился к шлагбауму. Сбоку, возле горячей будки застрекотал автомат. Боец боковым зрением увидел стоящего на колене Крита и спокойно отстреливающего по три патрона в цель. Полыхнула зелёная вспышка, и молодой боец совершенно без звуков, как стоял, так и стал заваливаться, выронив из рук автомат.

Полоз развернулся, отпрыгнул в тень за столб забора, и тут же увидел, как в то место, где он только что находился, ударил столп яркого обжигающего пламени.

“А успел вообще Грач вызвать подкрепление?” — пронеслось в его голове, и он выстрелил ещё в одну фигуру, которая появилась возле тела Крита, фигура скрылась обратно в темноту, и непонятно было, он попал в неё или нет?

И тут яркая вспышка полыхнула откуда-то справа, со стороны горящих мешков. Тело пронзила боль, будто он наступил на оголённый провод. Сведённые судорогой пальцы ещё сильнее сжали автомат, и сознание покинуло бойца.

(13 августа)

Бронетранспортёр ревел во всю мощь двигателя, пытаясь изобразить из себя гоночную машину. Взводный с позывным Кубань понимал, что они скорее всего уже опоздали, Грач передал о массивном применении реактивных огнёмётов, а полноценный укреплённый блок-пост не был оборудован.

Бойцы, как и Кубань, сидели на броне сверху, там была вся дневная смена, благо как только Грач сообщил о странных незнакомцах в плащах, взводный принял решение поднять по тревоге весь личный состав, не занятый в карауле и патрулях.

— Ворота ответьте Кубани, Ворота ответьте Кубани! — прокричал он в рацию минуты за две до прибытия, но на том конце молчали.

Дорога по территории сразу после КПП делала крутой поворот, из-за которого сейчас сидящим на броне бойцам не было видно происходящее на воротах, только отсветы пожара.

— Ворота ответьте Кубани, Ворота ответьте Кубани! — повторил он, когда оставалось с минуту до прибытия, вот-вот уже поворот.

— Демьян на связи, — хрипящий голос Демьяна был ему ответом.

— Подходим к позиции, обозначьте цели, — голос взводного был по-боевому спокоен, но внутренне он радовался, что дождался ответа.

— Все, кто носит плащ, — голос в рации был слабым.

— Не понял, повтори, — вот уже поворот, видны полыхающие развалины, вот за ними явно горят мешки с землёй, которые установили против возможного тарана.

А против применения огнемётов ничего не установили.

— Все, кто одет в плащ, ворота взяты, — голос Демьяна был пугающе спокоен.

— Принято. Отбой, — произнёс Кубань, уже самостоятельно увидев несколько фигур на фоне зарева, которые были одеты во что-то длиннополое.

БТР вырулил на прямой путь к шлагбауму, остановился в трёх десятках метров, бойцы ссыпались с брони и залегли цепью по обе стороны от машины.

— Пионер Кубани, — произнёс взводный в рацию, — Стрельба по всем, кто одет в плащ.

— Принял, — голос стрелка отозвался в рации, и тут же заработали спаренные пулемёты бронетранспортёра.

Волна огня и металла скосила стоявшие фигуры, словно небольшие деревца. Грохот заполнил всё пространство. Пионер провёл пулемётами в одну сторону, затем в другую, после, когда ничего стоящего на двух ногах не было видно даже за догорающим въездом на территорию, стрельба стихла.

— Бойцы, медленно цепью вперёд, — через четверть минуты скомандовал взводный. Все поднялись и пошли, вслед за ними неспеша покатился БТР.

Демьян с переломанной ногой оказался рядом с догорающими развалинами будки, но был всё ещё в сознании. Возле него найден был мужчина в длинном чёрном плаще с тремя попаданиями из крупнокалиберного пулемёта. Он не дышал и не подавал признаков жизни. Полоз был найден без сознания, но с пальцами, прикипевшими к автомату, возле остатков шлагбаума. Возле него лежало тело юноши в тоже длинном плаще, в голове которого зияла дыра от попадания из пулемёта. И этот не подавал признаков жизни. Точно таким же был Крит, лежавший на противоположной от Полоза стороне. И ещё на его лбу был вырезан какой-то знак, и было это настолько мерзко, что некоторые даже не смогли на него смотреть. Ещё погибший из нападавших, с множественными ранениями был найден сбоку от мешков с землёй. Точно такой же, молодой и в длиннополлом плаще.

— Грача нашли? — спросил Кубань и подошедшего бойца с позывным Салют.

— Там будка до сих пор горит, скорее всего, он там. Демьян, по крайней мере, видел, как тот стрелял с вышки, а туда влетел заряд из огнемёта, — ответил тот.

Кубань кивнул и набрал номер телефона Игната Кондратьевича.

Глава XV. Zeit für Frankreich

*

(14 августа)

Обширный сад расположился на высоком утёсе, на котором и стояло поместье Абрабанелей. У подножья крутого утёса плескались волны Бискайского залива[1]. Внизу на коротком пляже носились чайки, но до сада они не долетали, потому здесь, на высоте, было тихо и спокойно.

У центрального фонтана в беседке сидела Августа фон Вальдбург, Канцлер Магической Германии, в неизменно антрацитовом наряде, более лёгком, чем она обычно принимала гостей в своём замке, более свободном, чтобы было удобно в летнюю полуденную жару в саду на берегу Атлантики. Напротив сидела шатенка чуть помоложе неё самой в белом ажурном платье и небольшой шляпке, в руке она держала бокал с сангрией и очень приветливо улыбалась. Это была наследница рода Абрабанелей, Серафима Абрабанель, единственный выживший после нападения Жана де Тулона декан академии магии Шармбатон, а ныне и вовсе ректор этого учебного заведения.

— Рада видеть тебя, Августа, в столь непростое время у себя в гостях, — она картинно отсалютовала бокалом и отпила из него.

— Взаимно, — сдержанно улыбнулась та, глядя на свой бокал, который буквально недавно незаметный слуга наполнил ей, — Да уж, у вас и впрямь произошло много ужасных событий, к счастью, нашу страну пока обошло стороной это поветрие.

— Надолго ли? — встревоженно посмотрела на неё хозяйка поместья, — Мир меняется, ходят слухи, что и в твоей стране же не всё так гладко, как раньше.

— В моей стране всё чертовски запутанно, Серафима, — она вздохнула и всё же взяла бокал, — И почему-то многое сводится к французским делам. Видимо, такова уж судьба соседей, — она вздохнула и улыбнулась.

— Я слышала, что многие из ваших соотечественников хотят, как бы так выразиться, вмешаться в наши дела? — та бросила невинный взгляд на гостью.

— Есть и такие, мы их изловили и призвали к ответу, — повела плечами Августа, — Но я пришла по другому поводу, — она внимательно посмотрела на собеседницу, — Что ты можешь сказать о Кристине Фавр де Поль?

— Валлонская выскочка! — фыркнула Серафима, отпила сангрию и с тревогой посмотрела на немку, — Она хочет отдать нас маглам, представляешь? Знаешь, что она последний раз заявила на заседании Директории? Что мы и маглы равны? Ужас какой. — ещё раз фыркнула она.

Августа фон Вальдбург закатила глаза и кивнула, пригубив свой бокал.

— Когда она стала главой Директории, а она бы никогда ею не стала, если бы не Жан, что сумел сойти с ума и перебить почти всех глав магических родов, — Абрабанель даже задумалась, — Чертовски он умным был и сильным магом, надо сказать ему спасибо, в конце концов, что я теперь ректор Шармбатона, — она улыбнулась и допила свой бокал. Подозвала слугу, тот появился, наполнил её бокал и исчез.

— Я думала, де Тулон у вас теперь личность, имя которого произносить нельзя, — удивилась Августа.

— Ну, здесь нас никто не подслушает, но в целом, что странно, — она вытянула палец в

сторону гостыи, — Директория не запрещала произносить его имя, но да, он и весь его род был объявлен вне закона, как и все некроманты Франции.

— Их казнили? — фон Вальдбург нахмурилась.

— Говорят, что замок Иф в Марселе нынче полон некромантами, — Серафима понизила голос и заговорщицки зашептала, — Мне кажется, эта Фавр де Поль сама не знает, что делать со всеми этими волшебниками. Ну, знаешь, пришла к власти, начала упиваться этой самой властью и могуществом, а подумать забыла, — она расхохоталась и осушила бокал. Снова появился слуга, наполнил пустую посуду сангрией и исчез.

— Она же всего-лишь глава Директории? — уточнила, склонив голову набок, Августа.

— Формально, да. Но знаешь, за неё многие. Все её мракоборцы в рот ей глядят, так преданы, — поморщилась Абрабанель, — Вообще говорю же, не будь старых глав родов, никто бы не посмотрел на неё, — она отпила из бокала, — Тем более, не послушал. С её-то идеями!

— Она прибыла ко мне и сказала, что приехала по делам семьи Мирбах, — немка внимательно наблюдала за уже начавшей пьянеть собеседницей.

— О, этот показательный суд над этим идиотом! — воскликнула та и взмахнула руками, расплескав содержимое бокала, остаток которого тут же допила.

— Кристина сообщила, что его судили по обвинению в измене Франции и казнили, — Августа смотрела, как вновь появившийся слуга наполнил бокал Абрабанель и снова исчез.

— Этот ваш Мирбах, тупица! — рассмеялась та, — Уж не знаю, как там и что он делал, но да, его судили, но в Замок Иф не отправили, эта валлонская выскочка объявила о его казни. Не публичной, — она отпила сангрию, — А я думала, что она любит показуху, — потом быстро ещё раз, — Жарко нынче в полдень. Я думаю, что эта казнь нужна для насаждения собственной диктатуры, чтобы показать, какая она сильная.

— Она насаждает диктатуру? — спросила немка.

— Угу, — её собеседница грустно кивнула, — Она и её мракоборцы лишают нас свободы, шаг за шагом. Помнишь Тёмного Лорда по ту сторону Ла-Манша? Вот она очень похожа на него, только детей не трогает пока.

— Вот как раз об этом я и хочу рассказать, — усмехнулась Августа, глядя, как распахнулись глаза Серафимы, уставившись на неё, — В результате трагических событий погибли брат Валерия Мирбаха и его жена, и потом прибыла Кристина и очень хотела встретиться с выжившими детьми, — она торжествующе улыбнулась, видя, как беззаботное выражение лица собеседницы сменилось тревожным, — А потом она покинула нас, но вот буквально вчера в магловском районе сгорел дом, где обнаружили тело няни семейства Мирбах, которая вывезла после случившейся трагедии детей из поместья и спрятала. Девочка, Марта Мирбах, пропала.

— То есть... — Серафима выдохнула и осушила бокал и вскочила на ноги, — Чёрт возьми! Что это получается, это валлонская сука хочет извести всех Мирбахов?! — она отослала появившегося слугу и скрестила руки на груди, — Смотри, Августа, этот Валерий был таким же тупым, как и эта Кристина, — девушка рассмеялась, — Он был техномагом, и выступал за то, что мы с маглами можем жить вместе, бред, да?

— Ты такое же говорила и про Фавр де Поль. — кивнула фон Вальдбург.

— Да, как только случились все эти события вокруг Жана, Фавр де Поль стала выступать за то, что раз наше общество понесло такие большие потери, то нужно сблизиться с маглами. А вот Мирбах как раз был техномагом, — скривилась Абрабанель, — В общем

сначала мракоборцы во главе с Кристиной запретили некромантию и отловили всех некромантов. Потом вывезли в Министерство все трактаты об этом искусстве, в том числе из Шармбатона, и заперли там. После она сместила двух членов Директории, кто не согласен был с ней. — она задумалась.

— Просто не согласны? — уточнила Августа.

— Они готовили вынесение вотума недоверия Кристине, слишком уж она заигралась в диктатора и начала отбирать наши свободы. Она обвинила их в заговоре, потом их судили и отправили в Замок Иф, — возмущённо всплеснула руками Абрабанель, — Представляешь, только за то, что они имели мнение, отличное от её?!

— А Мирбах?

— Он был даже в Директории, видимо, они не сошлись во мнениях, и рассорились. Да, он был единственным, кого казнила Кристина, — Серафима подумала, вызвала слугу и подождала, пока он наполнит её бокал сангрией снова.

— Я думала, она многих казнила? — удивилась Августа.

— Нет, всех отправляла в Замок Иф, а там они уже ждут, думаю, она хочет их всех казнить прилюдно и за раз, — её собеседница взволнованно отпила из бокала, — Ну, а сейчас она вон поехала изничтожать род Мирбахов, уж сильно видимо оскорбил Валерий её. Наверное, тоже имел своё мнение, — она фыркнула, ещё раз отпив сангрии.

— Ты можешь мне помочь? — чуть понизила голос фон Вальдбург.

— Против Кристины, да, — поспешно кивнула Абрабанель, — У меня остались друзья среди высоких чинов, опять же Великие рода, и Шармбатон меня поддержит, — она задумалась, — Да и в самой Директории остались думающие волшебники, а не только те, кто слепо идёт за стадом.

— Мне нужны законные основания без последствий для добрососедских взаимоотношений схватить Кристину, — сверкнула глазами Августа.

— Её пока нет здесь, а её прихлебатели не сильно умны и сообразительны, — кивнула Серафима, — Мы подготовим почву, думаю, сменим главу Директории или выберем полноценное Правительство и Министра. Она не успеет повлиять. А там ты её схватишь.

— А если она узнает?

— Пока не найдёт и не убьёт всех Мирбахов, она не вернётся, — торжествующе произнесла хозяйка поместья, — Только судить справедливым судом будем её мы.

— Конечно, мракоборцы фон Мольтке арестуют её и доставят к вам, — кивнула Августа, — Только дай отмашку, когда.

— Думаю, некоторое время мне всё же понадобится, — улыбнулась Серафима и хлопнула в ладоши, — Отличные новости! Пора свергать тирана! Хватит ей забирать наши свободы! Мы здесь власть!

Августа ничего не ответила, лишь кивнула и допила свою сангрию до дна.

**

(14 августа)

Кристина Фавр де Поль в лёгком светлом платье сидела ранним берлинским утром в кафе на Альте Шёнгаузер штрассе. Её небольшой деревянный столик стоял у огромного окна почти в две трети стены. Само окно было открыто, и утренний прохладный ветер трепал салфетки в салфетнице.

Перед девушкой на столике стояла чашка с чёрным кофе, и лежала на тарелке коричневая булочка. Больше посетителей в кафе в это утро почему-то не было, хоть Кристина и

выяснила, что это одно из самых популярных мест для завтрака в Берлине. Ну, видимо, так сошлись звёзды.

Прозвенел колокольчик на двери, улыбочивый мужчина за витриной поздоровался с вошедшим по-немецки. Ему также по немецки ответил молодой мужской голос. Кристина не стала поворачиваться, лишь зажмурила глаза, представляя, как должен выглядеть её собеседник. Когда тот сделал свой заказ и прошёл к её столику, она всё же слегка повернула голову к нему, приветливо улыбаясь.

— Доброе утро, Кристина? — он был высок, атлетически сложен, загорелый, виски были выбриты, белые волосы зачёсаны набок. Возраст его был чуть поменьше, чем у француженки, и в целом этот молодой человек выглядел так, что у той даже проскочила мысль, что он словно бы сошёл со страниц женского романа, но нет же, вот он, как есть.

— Да, я, — она кокетливо улыбнулась и подала ему руку для рукопожатия, но тот учтиво поцеловал её и сел на деревянный стул напротив.

— Моё имя Юрий, Юрий Майер. — он лучезарно улыбался.

— О, мой помощник сообщил мне, что со мной готовы встретиться, но я не знала, что это будете Вы, — Кристина чуть склонила голову набок и невзначай поправила свои кудри, — А откуда такое имя, Юрий?

— Ну, вообще я родился в Аргентине, дедушке так запомнилось путешествие по России во времена его юности, что он настоял, чтобы мне и моим братьям дали русские имена, — немец благодарно кивнул, когда ему принесли кофе.

— О, Россия чудесная страна, Ваш дед любил путешествовать? — Фавр де Поль распахнула зелёные глаза с густыми ресницами и взяла чашку с кофе двумя руками, собираясь внимательно слушать своего собеседника.

— Да, дед рассказывал, что его поражали русские реки: Днепр, Дон, Волга, — Юрий точно также кивнул, когда ему вынесли его коричневую булочку и начал резать её ножом на маленькие кусочки, — Широта, простор, он мечтал поселиться там, — мечтательно протянул молодой человек.

— Но осел в Аргентине?

— Так сложилась его судьба, Россия всё же слишком северная и холодная страна, — он улыбнулся и отпил свой кофе.

— А кроме России он ещё где-то был? — зелёные французские глаза внимательно смотрели на белокурого немца.

— Ещё был в Польше, в Греции, в Бельгии и Франции, — тот улыбнулся и положил один из кусочков коричневой булочки себе в рот, прожевал и снова улыбнулся, — Но, Кристина, мне сказали, что Вы не о моём дедушке поговорить хотели?

— О нет, конечно, — та лучезарно улыбнулась, отпила свой кофе и поставила чашку на стол, — Я хотела бы встретиться с Отто, к сожалению, не знаю его фамилию.

— Отто прислал меня и попросил переговорить от его лица, — Юрий кивнул и съел ещё один кусочек булочки.

— Ну, раз так, то, Юрий, мне от Вас кое-что надо, — она томно прикрыла глаза и протянула руку, положив свою ладонь на ладонь немца, — Где дети?

Немец вздрогнул, то ли от прикосновения, то ли от вопроса. Его загорелая кожа чуть побледнела, но он справился с собой.

— Не имею ни малейшего понятия, — он отрицательно покачал головой.

— Но может всё же? — её нога скользнула по его ноге под столом, — Давайте будем

откровенны друг с другом, Юрий?

Майер явно смутился, глубоко вздохнул и выпрямился на стуле, на щеках его появился румянец.

— Если быть откровенным, то Ганса с Иржи забрали мы, а вот дети не наших рук дело, — он снова отрицательно покачал головой, смущённо поглядев на собеседницу.

— И сожгли больницу? — захлопала глазами Кристина.

— Нужно было отвлечь маглов, — пожал плечами и улыбнулся Юрий.

Кристина откинулась на спинку стула и хитро улыбнулась.

— А с детьми так не вышло? — она изучающе смотрела на собеседника, тот уже почти поборол своё смущение.

— Кристина, зачем Вам они? — он попытался изобразить чарующую улыбку, но что-то пошло не так.

— Ну, Вашим ребятам они зачем-то были нужны, — пожалала француженка плечами, — Я подумала, что мне тоже пригодятся.

— Девочку Вы уже получили, — он отпил свой кофе, — Где она, кстати?

— Гуляет с моим помощником, — скучаяще ответила Кристина, — Давайте к делу, Юрий, мне нужны Гельмут и Матиас Мирбахи, Марта уже у меня, да, но я не могу остановиться только на ней.

— Вы её тоже хотели продать турку? — удивлённо произнёс Юрий.

— Турок окружён русскими, — скривилась Фавр де Поль, — К нему теперь просто так не добраться с деловым предложением.

— Мы показали этим русским сегодня, что значит связываться с нами, — надменно произнёс Майер, — Думаю, скоро мы и до турка доберёмся. А раз у Вас к нему есть дело, то предлагаю объединиться.

— Вы убили всех русских? — лицо Кристины стало крайне удивлённым.

— Ганс убил достаточно русских, чтобы преподать им урок, — тон немца был торжествующим.

— Я смотрю, Юрий, Ваш аргентинский дедушка не всё Вам о своей поездке рассказывал, — покачала головой Кристина, — Но это не относится к моему делу. В любом случае, я не готова сотрудничать с Вашей организацией, так Отто и передайте.

— Это прискорбно, мы делаем одно дело, — разочарованно произнёс её собеседник, — Тем более, фон Мольтке уже отправлен по Вашу голову.

— О, Августа сложила два и два, — она отсалютовала кружкой, — Хотя я бы удивилась, если бы этот павлин не был послан поймать меня.

— Вы же убили женщину, — в голосе Майера звучало понимание и осуждение одновременно.

— Она сотрудничала с какими-то ублюдками, а ещё украла детей, — Кристина допила кофе и кивнула.

— Жаль, что Вы такого мнения о нас. — поджал губы Юрий.

— А давайте прогуляемся? — невинно захлопала ресницами Фавр де Поль, — Утренний Берлин чудесен, поболтаем?

Немец сглотнул, напрягся, но всё же утвердительно кивнул.

(14 августа)

— Свинья не очень красивая, — протянул Филипп Лестрейндж, глядя на

раскачивающееся в петле тело.

— Не нравится, нарисуй свою, — картинно обиделась Кристина Фавр де Поль и пихнула пальцем в бок своего помощника, — Пойдём за нашей девочкой. Надеюсь, она не убежала.

— Оттуда дети не сбегают, — произнёс тот усмехнувшись.

— С шоколадной фабрики что ли? Ты её там связал, надеюсь? — она развернулась от висящего тела и пошла к выходу..

— Нет, это вызвало бы вопросы среди маглов, — пожал Лестрейндж плечами.

— Ах, там ещё и куча маглов, — саркастически удивилась Кристина.

— Это было необходимо.

Они подошли к выходу из заброшенного ангара неподалёку от Гамбургского вокзала, Кристина обернулась назад, проверить, что их никто не видел. Тело Юрия Майера висело на металлической балке на прочном канате, словно он сам решил по какой-то своей причине прекратить свой земной путь таким образом. На его груди висела табличка с двумя словами по-французски и нарисованной рядом головой кабана.

— Да нормальная свинья, ты просто не понимаешь ничего, — усмехнулась француженка, — Палочку у него забрал? — она повернула голову к помощнику. Тот кивнул, — Правильно, Статут не надо нарушать! — она засмеялась и вышла на улицу, где ярко светило солнце.

Девушка в лёгком светлом платье и смуглый мужчина в тёмных брюках и рубашке без рукавов некоторое время шли по Инвалиденштрассе молча, каждый погружённый в свои мысли, но после, на повороте на Альт-Моабит, Кристина спросила своего спутника:

— А если сбежит?

— Что ж мы тогда не торопимся? — картинно удивился тот.

— Надо прогуляться и поразмыслить, — улыбнулась она, — Тем более, куда ей бежать из котакафе. Как ты догадался вообще её именно там оставить?

— Просто я умный, — улыбнулся во весь рот Филипп, — От смешанных союзов более умные и приспособленные дети появляются.

— Ага, этим ребятам расскажи, — Кристина кивнула в сторону, где остался ангар с висящим в нём Юрием Майером.

— Эти ребята сегодня ночью напали на русских, — протянул Лестрейндж, — По моей информации перебили всё охранение поста на въезде на территорию турка, а потом русские подогнали бронемашину с пулемётом. Напавшие маги бросили своих троих убитых и сбежали.

— Юрий утверждал, что это Ганс преподавал урок русским таким образом.

— Он вырезал символ Аненербе на лбу одного из убитых.

— Одал-то? — Кристина повернула голову к собеседнику, — А ты прав насчёт смешанных союзов, твой там источник не рассказывал, почему этот идиот сразу не пришёл к русским сдаваться?

— Нет, — усмехнулся Филипп, — Но он сказал, что сегодня же Рихард фон Мольтке должен ехать на захват этого турка, которому Ганс и Иржи собирались продать мальчиков Мирбахов.

— Как хорошо, что глава мракоборцев у них тут Мольтке, а не Шваниц, — торжествующе улыбнулась девушка.

— Это точно, — кивнул её помощник, — А Вы что узнали?

— Ну, во-первых, нацисты отвратно целуются, — поморщилась француженка.

Лестрейндж расхохотался, так что они аж остановились.

— Что? — картинно возмутилась его начальница, — Ну, мне же интересно было! — она всплеснула руками, а после скрестила их на груди.

Филипп отсмеялся, утёр слёзы и махнул рукой вперёд, куда они и двинулись.

— В общем, это во-первых, — француженка ткнула пальцем в бок своего помощника, — Во-вторых, нацистам мальчики Мирбахи были изначально не интересны, как и сейчас. И вроде бы они и впрямь не забирали их из дрезденской полиции.

— А турку они зачем их тогда везли?

— А вот турок, Мустафа Озтюрк, сам вышел на них, по словам этого нашего Юрия. Вышел через ныне покойную няню Мирбахов. И предлагал большую сумму золотом за двух живых мальчиков.

— Интересные наклонности у этого контрабандиста. — задумчиво усмехнулся Лестрейндж.

— Сумма, по словам нашего неудачливого внука немецкого путешественника, существенная. И скорее всего, опять же, судя по сумме, не Мустафа был заказчиком, а кто-то через него, — Кристина посмотрела на помощника, — Про турка этого тебе что-то известно?

— Я успел выяснить, когда искал мадам Арслан, что она и этот Озтюрк входили на своей родине в какую-то организацию. Название мои источники не сообщали, но возможно именно эта организация стоит за этим заказом на детей. А может, даже и за убийством Мирбахов-старших?

— Нет, — помотала головой Фавр де Поль, — Устранили Мирбахов из-за болтовни Урсулы Клейн. Вроде как она отринула идеи своих товарищей о силовом вмешательстве в дела Франции и пришла тогда к Мирбахам-старшим договариваться о помощи нам. За это её и всех старших Мирбахов убили.

— Вы в это верите? — внимательно посмотрел на неё Лестрейндж.

— Что-то не сходится. Валерий говорил, что его брат думает и не слишком горит желанием нам помогать. Техномагия после девяносто первого в Германии в загоне, по-сути это был единственный волшебник, кто её изучал открыто, хотя техномаги безусловно сохранились в достаточном количестве. И вот он не готов был сходу помогать своему брату и нам. Он думал, — она задумалась, глядя на палящее берлинское солнце, — Либо эти все неонацисты психанули и сделали опрометчивые шаги. Либо их использовали.

— Использовали?

— Юрий говорил про каких-то высокопоставленных людей, которые сотрудничают с ними, не принимают идеи их профессора Хайма, но точно также хотят, чтобы Германия была великой и свободной.

— Думаете, эти люди использовали наших неонацистов, как боевую группу, чтобы столкнуть страну в хаос?

— Стоп, — Кристина остановилась посреди тротуара и внимательно взглянула на Филиппа, — Это был ответ!

— Что простите? — не понял тот.

— В Германии, видимо, несколько группировок было готово наброситься друг на друга, — задумчиво произнесла та, а потом улыбнулась, будто бы обрела прозрение, — Да, точно, это был ответ на приглашение War&Consulting в страну. Наёмников-маглов,

которые уже поучаствовали в делах волшебников в Британии и Франции приглашают в Германию. Что об этом твой источник говорил?

— Что за этим стоял Виктор Шваниц.

— Точно, а этот мерзавец кто у нас? Правильно, осколок старой страны, и по-прежнему один из самых влиятельных волшебников в Восточной Германии.

— Вы думаете, что эти маги, которые сотрудничают с Отто, профессором Хаймом и прочими Гансами и Иржи, они спустили этих боевых неонацистов на русских?

— Ну, теория достойная внимания, — пожала плечами и улыбнулась Кристина.

— Но это никак не приближает нас к цели. — нахмурился Филипп.

— Да, пока совершенно непонятно, кто украл мальчиков, и где они? Но, по крайней мере, сегодня утром они ещё живы были, — Фавр де Поль вопросительно посмотрела на Лестрейнджа.

— Пару часов назад медальон был светлым, да, — кивнул тот, — Но Марту я видел всё это время, так что не ручаюсь.

— Дойдём и посмотрим, — решительно кивнула девушка, — Она точно не сбежит?

— Там котики и очень замотивированные маглы, — хитро улыбнулся Лестрейндж.

— Не, ну если так, — рассмеялась девушка, — Если за пару дней не найдём Гельмута и Матиаса, то надо будет ехать в поместье с Мартой.

— Валерий говорил, что в кабинет Генриха могли пройти лишь мужчины, — покачал головой Филипп.

— Ну, попробовать стоит, раз мы в тупике. Не убьёт же, в конце-концов, девочку заклятье её собственного отца, — она потянула в ближайшую подворотню своего помощника, откуда они и аппарировали по нужному адресу.

1 — Бискайский залив — часть Атлантического океана, расположенная к северу от Пиренейского полуострова, омывает берега Испании и Франции и простирается от Галисии до Бретани.

Глава XVI. Чертовски познавательное утро

*

(14 августа)

Малыш Эдди уже в восемь утра был в офисе, где его встретил Михаил. Куприянов с ночи был на объекте в Саксонии, где до сих пор разбирали завалы сгоревшего пропускного пункта. На пути туда уже был дополнительный контингент, бойцы взвода Раввина, участвовавшие в операциях в Уэльсе и в Лондоне. Дело явно принимало более серьёзный оборот, чем все думали. Два “трёхсотых” и два “двухсотых”, один из которых был с вырезанным на лбу Одалом. “Это видимо, чтобы мы точно не перепутали!” — раздражённо произнёс Рихтер, когда Романов показал ему фото.

Нина и Слава с семи утра также были в офисе и пытались найти информацию по тем людям, тела которых были оставлены нападавшими на поле боя. Их было трое, и пока работа продвигалась совсем не быстро — как и предполагалось, все убитые оказались “призраками”, следов которых в базах данных почти не было. Из-за этого поначалу даже думали не вызывать полицию, и соответственно ничего не рассказывать им — всё равно те ничего с подобными трупами ничего толком сделать не смогут. Но всё же Свят Вениаминович настоял — пусть хотя бы захоронят, как положено, а то иначе Игнат Кондратьевич порывался отдать их турку на свиноферму.

Полиция Саксонии ещё не оправилась от пропажи двух детей, а тут получила аж три неопознанных трупа в подарок от русских. Очень удивилась, позадавала ряд несложных вопросов, и решила, что ничего прессе сообщать не будет. А то начнётся вой про неонацистов, нападающих на русских. И самое страшное было бы в этом вое, что он был бы полностью правдив.

Эдди и Михаил подъехали к въезду на территорию тепличного хозяйства уже ближе к одиннадцати утра. И уткнулись в бронетранспортёр, который стоял поперёк дороги. Возле него курили хмурые бойцы с автоматами, которые очень радушно поприветствовали подъехавших, однако всё же проверили их документы и автомобиль. Раз дело приняло такой оборот, бойцам был дан приказ проверять всех, вне зависимости от того, кто это.

БТР отъехал в сторону и оливковый “Вольво” Малыша Эдди покатыл бы дальше, но проехать сразу на территорию ему было не суждено, потому что вначале почти сразу за БТРом был бетонный блок по центру дороги. А за ним уже во всю кипела стройка: делали огневые точки, устанавливали бетонные заграждения и позицию для второго бронетранспортёра.

— Мне кажется, второй раз они не полезут, — произнёс Эдди, ожидая, когда им уступит дорогу погрузчик.

— Ну, мы убили троих из пяти нападавших, — хмуро произнёс Михаил, глядя на стройку, — Так что может и придут мстить.

— Мне кажется, это всё-таки было устрашение, а не месть. И вот надо понять, это нам адресовывалось или нашему разлюбезному нанимателю? — Рихтер сосредоточенно объезжал препятствия.

— Надеюсь, мы едем как раз затем, чтобы позадавать неудобные вопросы, а не чтобы очередной раз контракт переделать? — усмехнулся Романов.

— Поступим не очень порядочно по отношению к нанимателю, — их “Вольво” вырулил

на дорогу, где Эдди уже нажал на газ, хищно улыбаясь, — Воспользуемся численным преимуществом.

Оливковый автомобиль очень быстро промчался сначала мимо липовой рощи, а потом и мимо теплиц возле которых уже всюду суетились рабочие, стараясь не вдаваться в подробности, почему вокруг столько вооружённых русских, и почему они затеяли большую стройку на входе. Малыш Эдди остановил “Вольво” у крыльца административного здания и вышел наружу вместе с Михаилом.

В воздухе пахло травой и листвой, солнце уже припекало, а ветра почти не было слышно. На крыльце курило двое бойцов из взвода Раввина, увидев выходящих из легковушки мужчин, они выкинули сигареты и спешно поправили свою форму, словно ожидая выволочки от начальства.

— Доброе утро, — добродушно произнёс Рихтер, протянув руку для рукопожатия.

— Доброе, — ответил рукопожатием мужчина, который был ближе к нему.

— Вторая линия проверки документов? — усмехнулся Михаил.

— Распоряжение Игната Кондратьевича, — пожал плечами второй боец, помладше первого.

— О чём ещё он распорядился? — невзначай спросил Эдик, подавая документы.

— Стрелять на поражение во всех, кто странно одет или держит в руках палочки. — боец вернул ему документы.

— Хорошо мы не в Венеции во время карнавала, — улыбнулся Михаил, забрав уже свои, и они прошли внутрь.

**

(14 августа)

В кабинете турецкого бизнесмена было настежь открыто окно.

Сам Мустафа стоял, оперевшись на край массивного стола из красного дерева и чуть дрожащими от волнения руками пил кофе из небольшой чашки. У окна стоял Игнат Кондратьевич, грызя зубочистку и оглядывая комнату. На гостевом кожаном диване у противоположной стены сидели Михаил с Эдиком, перед ними стояли чашки с кофе на ажурном столике, но к ним никто не притронулся.

— То что вы мне предлагаете, это недопустимо. — голос турка чуть заметно дрогнул.

— Сказал Мехмед-паша[1] Суворову... — усмехнулся Куприянов и перекатил языком зубочистку в другой уголок рта.

— Это нарушение нашего договора, — Мустафа вздохнул, пытаясь успокоиться, но у него ничего не вышло.

— Какая досада, — в голосе Игната сквозила ирония, — Но у нас есть специально для этого наш сотрудник по внешним коммуникациям, — он указал на Эдди рукой. Тот улыбнулся, картинно закатил глаза, поднялся и подал их нанимателю папку.

— Новый договор, да? — с надеждой спросил тот.

— Конечно. С расширенными обязанностями заказчика, — русский загадочно улыбнулся и остался стоять рядом, заложив руки за спину.

Мустафа погрузился в чтение. Снаружи доносились птичьи трели, далёкие окрики рабочих и скрип несмазанных колёс.

— Ну, нет. Я не могу, — турок побледнел, почти сравнявшись цветом лица с цветом своей неизменной рубахи, — Это не только мой секрет, я не могу пойти на это, — он обвёл взглядом Михаила и Игната и с мольбой взглянул на Рихтера, — Эдуард, пожалуйста.

— Там за стенкой есть взводный, двоих ребят которого сегодня убили, — очень недобро ответил Куприянов, вынув зубочистку изо рта и взглянув на неё, — Мы можем выйти, а он позадаёт Вам, Мустафа, вопросы. Хотите? — он посмотрел на турка. Тот съёжился.

— Я повторяюсь, не могу, — тот облизал пересохшие губы и потянул за и так уже давно расстёгнутый ворот, словно хотел его ослабить.

— На самом деле, всё Вы можете, — скривился русский, — Эти ваши подробности, Мустафа, оставили на лбу убитого паренька метку, а Вы тут изображаете, что это какая-то тайна. А давайте, Мустафа, мы Вас отдадим израильтянам, а? — его глаза полыхнули злорадным огнём, на это предложение турок дёрнулся, у него задрожал подбородок, — Что такое, Вы испугались? А я уже представил, как мы отдаём Вас Израилю с фотографиями того, что ваши гости сделали сегодня ночью на КПШ.

— Вы ничего не докажете, — пискнул Мустафа, явно задыхаясь от ужаса.

— Евреям скажете, — презрительно бросил Куприянов, — И про ваши дела с этими хлопцами из Аненербе, и про само Аненербе, к которому Вы, конечно же, не имеете никакого отношения, — он пересёкся взглядом с турком, тот закричал, словно увидя что-то чертовски пугающее в этом взгляде, — А, нет, смотрите, всё же имеете.

— Дорогой Мустафа, — Эдди наклонился к турку и очень ласково проговорил, — Может, всё-таки нам расскажете? Мы не будем наносить вам увечья, мы же за мир и прогресс на самом деле.

Его собеседник дёрнулся, испуганно отпрянул от Эдди, лицо которого оказалось вплотную к нему. От неловкого движения рукой, перевернулась чашка с кофе, залив белые штаны турка и ошпарив его. Мустава вскрикнул и встал на ноги, лицом к Эдди.

— Ну, Мустафа, мы же не враги Вам, — благодушно улыбнулся тот, — Мы же партнёры. Смотрите, эти ваши нехорошие парни атакуют нас, а могли бы уже давно прийти к Вам, и вырезать уже на Вашем лбу что-то. В целом, мы можем отойти, пусть они приходят и так поступают.

Озтюрк глубоко вздохнул, потом ещё раз. Он умыл лицо руками и выдохнул.

— Ладно, я поговорю с вами, но прошу, чтобы это не выходило за пределы этой комнаты, — его голос по-прежнему дрожал, но видно было, что черту в своём сознании Мустафа уже пересёк. Ту самую, которая ему запрещала честно всё рассказать наёмникам и уменьшить число жертв.

Неожиданно из-за двери раздался крик: “Бомбарда!”, и дверь разлетелась от мощного взрыва вместе с частью стены. Мустафа закричал и прыгнул в ноги Эдди, Михал вскочил с дивана, чуть не перевернув кофейный столик, а в комнату бодрым шагом влетело трое мужчин в тёмной военной форме, поверх которой были надеты распахнутые красные мантии. Все трое держали в руках палочки.

— Мустафа Озтюрк, ты арестован по приказу Канцлера Магической Германии Августы фон Вальдбург! — громко продекламировал тот, кто шёл в центре и направился к Эдди и турку, который съёжился на полу, — Остальным оставаться на местах!

Шедшие по бокам обернулись к Михаилу и Игнату соответственно и направили на них свои палочки.

— Остальные остаются на местах! — продолжал громко говорить мужчина, — Сейчас всё закончится! — он подошёл к крайне удивлённому Эдди, схватил за плечо Мустафу и потянул его на себя, пытаясь поднять, тот явно не хотел этого.

В этот момент в кабинет вбежало пятеро автоматчиков, в том числе и Кубань, по

которому было видно, что он только недавно лёг поспать, а тут такое представление.

— Слышь, ты, ряженный! — бросил в сторону своего визави Михаил и сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. Игнат ухмыльнулся и прыгнул вперёд, подныривая под выставленную руку. А Рихтер просто резко пнул, наклонившегося мужчину, в лицо. Кто ж виноват оказался, что Мустафа лежал в ногах у русского, а вошедший нагнулся поднять его?

Михаил сделал и второй шаг, резко выкинул руки вперёд, ударив по руке своего визави. Палочка красного дерева вылетела из ладони того и покатила по полу. Его самого же Романов потянул на себя и опустил головой на кофейный столик, перевернув и его и чашки с кофе, стоявшие на нём.

Ровно в то же время Игнат вынырнул из под руки своего противника прямо перед ним, а затем одной рукой схватил того за палочку, второй сзади за шею. После он потянул противника на себя, разворачиваясь, и упал головой своего противника вниз. Тот вскрикнул, затих, но палочку не отпустил.

А мужчина в ногах Эдди просто охнул от неожиданности и резко сел на свой зад, очень удивлённо уставившись на русского и выставив палочку перед собой. Тут же подлетел Михаил и ударил его ногой в ухо. Мужчина вскрикнул, завалился набок и выронил палочку, за которой машинально наклонился Эдди.

— Не тронь каку! — весело закричал Куприянов, подскакивая к возне, и сам подобрал палочку. Ажурная, зелёного цвета, она была похожа на корень какого-то дерева. — Миш, поднимай его.

Автоматчики на входе в кабинет переминались с ноги на ногу, Кубань понимал, что помощь не требуется, но не понимал, стоит ли покидать начальство в такой ответственный момент.

Романов резким движением поднял мужчину на ноги, заломив тому руки за спиной. Куприянов сосредоточенно присмотрелся к нему, а после таким же резким движением сломал палочку, которую держал в руках. На мгновение в комнате всем заложило уши, но тут же наваждение прошло.

— Крепче держи, — видя, что мужчина начинает мотать головой, произнёс Игнат. Романов схватился крепче, Куприянов приложил мужчину рукой в живот. Тот согнулся, но тут же крепкая рука Игната распрямила его, держа за волосы, — Не, ну а на что ты надеялся? Приказ Канцлера Магической Германии, — передразнил он слова мужчины и стал сломанным концом палочки выцарапывать на лбу мужчины знак.

Дело заняло несколько минут, мужчина один раз пришёл в себя, и его снова пришлось бить, теперь пониже живота. Наконец Игнат кивнул Михаилу, чтобы тот его отпустил, и мужчина после этого бесчувственно осел на пол.

К тому времени Мустафа уже поднялся и испуганно оглядывал поле битвы. Рядом с ним стоял Эдик и не влазил, Романов и Куприянов явно знали, что делают. А вот сейчас они доделают это, а потому же он, Эдуард Рихтер, будет с этим всем разбираться.

— А эти что? — Михаил кивнул на оставшихся мужчин, лежавших без сознания.

— Ну, у нас один с вырезанным знаком, у них тоже, — сказал Игнат, подойдя к палочке возле перевернутого кофейного столика, — Всё честно. Могли и убить.

— Это не они же, — усмехнулся Романов.

— Да, плевать, — Куприянов поднял палочку и сломал её об колено. Резкая головная боль прошла всех в комнате, но тут же отступила, — В сортах немецких магов не разбираюсь.

— Да, хлопцы, в неудачное время вы заглянули, — вздохнул и рассмеялся его коллега, смотря как глава военных консультантов выдирает палочку из рук своего противника, но тот держит её крепко. Наконец он с противным хрустом выкручивает кисть и разжимает пальцы, а потом и ломает это странное оружие об колено. В глазах у всех темнеет на мгновение, но после наваждение проходит.

— Кубань, давай этих всех в компостную кучу, — махнул рукой Куприяной, — Не они нападали на нас ночью, потому трогать больше не стоит. Но вот с компостной кучи пусть сами выбираются.

— Там со свинофермы вчера навоз привезли, — подал голос Мустафа.

— Во, точно, давай этих в навоз, пусть полежат в мягоньком, очухаются. Карманы не проверять, ничего с тел не брать, во избежание, вдруг они заразны, — он хохотнул и обернулся к турку, — А с Вами нам предстоит обстоятельная беседа, в которую будут включены в том числе и вот эти вопросы, — его взгляд показал на бесчувственные тела, которых уже начали поднимать и тащить его бойцы.

— А Эдику мы потом объясним, что тут происходит, — усмехнулся Михаил.

— Чертовски познавательное утро, — произнёс Рихтер и сонно зевнул.

1 — Айдослу Мехмед-паша — османский государственный и военный деятель XVII века. Наиболее известен тем, что был начальником крепости Измаил во время осады 1790 года в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

Глава XVII. Наведите порядок в Германии!

(14 августа)

— Виктор, а часто ли ты пьёшь? — Августа фон Вальдбург присела на край своего письменного стола, держа в руке бокал с сидром и очень устало поглядела на собравшихся в её кабинете.

— Пока работал с русскими, каждый день, — невинно улыбнулся Виктор Шваниц, чуть дотронувшись до своих очков.

— Вот я, видимо, тоже начинаю, — она отпила сидр из бокала, — Это дурное влияние этих чёртовых наёмников.

— Военных консультантов, — с улыбкой уточнил Виктор.

— Угу, — она мрачно кивнула и снова сделала глоток, — Их самых.

Перед ней в кресле, как обычно, сидел Якоб фон Притвиц и усмехался в свои пышные усы. Через столик от него на диване, как всегда в этом кабинете, сидел Виктор и пил кофе.

А вот у раскрытого окна сбоку от всех них стоял Рихард фон Мольтке. Его ярко-красная мантия была измазана в чём-то коричневом, как и его неизменно синий мундир. Да так сильно, что будто бы глава немецких мракоборцев долго и упорно пытался выбраться с кучи чего-то коричневого и дурно пахнущего. Особенно пострадали ботинки. Правое ухо у главы мракоборцев распухло и было покрыто запёкшейся кровью, кроме всё той же коричневой субстанции, которая в целом присутствовала на всей поверхности мракоборца, чем несказанно удручала его, а ещё больше удручала других находившихся в комнате волшебников, ибо от Рихарда фон Мольтке отвратительно смердело свиным навозом.

А ещё у него на лбу были глубокие царапины в запёкшейся крови. И на эти царапины обращал внимание каждый, кто видел Мольтке в таком виде. И крайне удивлялся, во-первых, почему это глава мракоборцев в таком неподобающем виде существует, а во-вторых, потому что первые две буквы на его лбу были привычны и понятны, а вот третья оставалась непонятной для рядовых волшебников.

Когда Рихард со своими коллегами пришли в себя в куче свиного навоза посреди тепличных задворков, они были крайне обескуражены. Это если не вдаваться в перипетии немецкой нецензурной лексики, которую трое волшебников тут же использовали на полную, чем привлекли к себе внимание работников этих самых теплиц, смуглых и чернявых. Работники посмотрели на незадачливых магов, но подходить и помогать не стали, а просто удалились, словно бы полностью утолив любопытство. Сверху давила полуденная жара, от гула мух стоял звон в ушах, а от вони, в центре которой находились мракоборцы, слезились глаза, а желудок выворачивался наизнанку, раскрашивая красивые красные мантии в ещё большее число оттенков.

Не понимая, ни как это произошло, ни что же им дальше делать, они всё-таки доползли до края ямы, где и смогли с грехом пополам подтянуться наверх и оказаться на траве. Рихард осознавал, что это конец его, как главы мракоборцев, потому что лучше бы эти люди его убили. А такого позора смыть было уже невозможно. Ещё неделю назад он и его подчинённые врывались в дома волшебникам, замешанным в заговоре по вмешательству во французские дела, и никто не смел им перечить. Они были силой, они были опорой государства!

Лоб Рихарда жжётся и болел, глаза разъедала вонь, а сам он жалел, что тогда, когда он

только вошёл в свою должность, он осмелел предложение того самого Валерия Мирбаха, которого эта французская девка казнила не так давно. А предложение-то было самым простым, вернуть физическую подготовку в его департамент, как это было до 91 года в ГДР. Волшебники уже тогда были столь искусны в чарах, что напрочь некоторые забыли про физическую активность, потому и случился кризис с несколькими бандами турецких магов, решивших обосноваться в Германии. Те не гнушались физической силой, потому собственно и смогли уничтожить несколько групп мракоборцев, отправленных на их усмирение. Именно так погиб и предшественник фон Мольтке. Но кризис был разрешён с помощью магловских спецслужб, а голос молодых мракоборцев с запада Германии, которым было непривычно и неохота заниматься физподготовкой, слился с голосом движения уникальности магического сообщества — некоторые старые волшебники кичились тем, что не поднимали ничего тяжелее собственной палочки или бокала с вином, что любая физическая активность есть суть магловский способ жизни. А магловский — читай животный. А волшебники должны всё делать при помощи собственной магии. И вот Рихард был согласен с такими возгласами, он всегда мечтал быть великим волшебником и прославиться, как его дед. Но теперь он стоял на краю огромной навозной кучи без палочки, с каким-то нарисованным на лбу символом и проклинал себя за идиотизм. А ещё немного был рад тому, что дед с отцом не дожили до этого времени.

А ещё было хорошо, что эти люди не обыскали их, потому у каждого мракоборца на цепочке на шее обнаружился порт-ключ, который унесёт их в Министерство Магии, прямо в приёмную их департамента. Ещё там на шеях висели артефакты, позволяющие связаться с коллегами, запросить подмогу. Рихард задумался об этом, а потом увидел троих маглов в камуфляже с оружием, которые хмуро наблюдали за ними с некоторого удаления. Глава мракоборцев немного изучал магловские военные технологии, но сумел безошибочно определить пулемёт и автоматы в руках мужчин. Потом вспомнил то, что рассказал ему Якоб о происшествии сегодня ночью, как эту территорию пытались штурмовать маги из Аненербе. И Рихард фон Мольтке осознал, что он может вызвать хоть весь свой департамент, наводнить эту территорию волшебниками и даже победить в схватке. Но потери будут столь ужасающими, что в итоге Германию постигнет участь Британии и Франции, и кому это надо?

Оттого глава мракоборцев приказал активировать порт-ключи и перенёсся со своими подчинёнными в Министерство Магии. Откуда сразу отправился к Августе фон Вальдбург, потому что не видел смысла прятаться и искать виноватых. Он решил взять всю вину за провал на себя.

И вот теперь он стоял возле открытого окна, ветер из которого всё равно не помогал избавиться от вони, которая, казалось, въелась в фон Мольтке.

— Рихард, — Августа ещё раз отпила сидр из бокала, глядя насмешливо на мракоборца, — А расскажи многоуважаемым господам, почему ты не попытался привести себя в порядок, пока мы их ждали?

— У меня сломали палочку, — Рихард сглотнул, его дыхание перехватило.

— Ох, какая досада, — Августа допила сидр, с усталостью посмотрела на графин с сидром, достала чёрную палочку с орлиным клювом, с её помощью притянула графин к себе и наполнила бокал.

— Рихард, могу тебя попросить я? — взгляд Якоба был по-отечески добрым, — Расскажи нам, что произошло с тобой, что ты появился здесь в таком состоянии, без палочки

и действительно попросил собрать нас?

— Спасибо, Якоб, — недовольно поморщилась Августа и отпила из бокала.

— Мы направились на захват Мустафы Озтюрка, — выдохнул фон Мольтке, — Я и два моих сотрудника.

— Лучшие люди отечества, — саркастически вставила фон Вальдбург.

— По нашей информации, он должен был находиться в своём кабинете, — продолжил мракоборец дрожащим голосом, — Потому мы аппарировали в парк на его ферме, зашли через боковую дверь и поднялись к кабинету.

— У вас были планы помещений? — уточнил Виктор вполне себе деловым тоном.

— Да, у нас был информатор среди работников-волшебников турка, — кивнул Рихард и продолжил, — В общем мы попали внутрь кабинета.

— Как? — ехидно ухмыльнулась Августа.

— Дверь с частью стены бомбардой снесли, — Шваниц отпил свой кофе.

— Рихард, где же твоё изящество? — саркастически произнесла женщина.

— Да, так и было, — сокрушённо выдохнул фон Мольтке, — В общем внутри оказался не только Мустафа, но ещё и маглы. Трое.

— Один, — Виктор поставил свою чашку на блюдце на столике.

— Что прости? — Августа удивлённо заморгала, глядя на мужчину в потёртом сером пиджаке, а потом долила себе сидра в бокал.

— Говорю, что магл там был только один, двое были волшебниками, такими же, как мы с вами, — скромно улыбнулся тот.

— Они работают в магловской организации военспецами? — Августа уже чуть меньше, но по-прежнему была удивлена.

— А кто им запретит? — тут уже удивляться настала очередь Виктора.

— Честь свободного волшебника? — в тон фон Вальдбург предположил Якоб.

— Моя честь свободного волшебника позволит не отвечать на эту демагогию, — учтиво улыбнулся Шваниц, но в глазах его полыхнул огонь, на мгновение.

— Виктор, ты хочешь сказать, что двое русских магов и один магл обезоружили наших троих мракоборцев? — Августа пригубила сидр.

— Обезоружили, сломали их палочки и выкинули в кучу свиного навоза, — тот кивнул.

— Ну, эти подробности мы и так видим, — мрачно произнёс Якоб.

— А ещё нацарапали на лбу главы Департамента Магического Правопорядка что-то... — она присмотрелась к поникшему Рихарду, — Что нацарапали-то? Это какая-то латынь? Я вижу икс, игрек и что-то ещё.

— Это русская руна на удачу, — Виктор был сама серьёзность, — Вы что, не знали, что русские это такие потомки викингов? Потому они используют руны, но несколько в своём стиле.

— На рукопись это не похоже вовсе, — мрачно произнесла Августа.

— Ну, такие вот они, русские волшебники, — развёл руками совершенно серьёзный Шваниц.

Канцлер вызвала жестом слугу.

— Так, ладно, отныне и до особого распоряжения я запрещаю оказывать медицинскую помощь Рихарду фон Мольтке, связанную со сведением царапин, ран и шрамов с его лба, — она обернулась к слуге, — Передай в Министерство. А ещё, я освобождаю Рихарда фон Мольтке от должности главы Департамента Магического Правопорядка, и назначаю на эту

должность Виктора Шваница.

Она жестом отпустила слугу. Рихард зашатался и прислонился спиной к подоконнику, ему было дурно, в висках стучало, лоб чесался, голову ломило.

Якоб фон Притвиц и Виктор Шваниц были бесстрастными, но одновременно каждый взял свой кофе и отпил его.

— Герр Шваниц, теперь Вы глава мракоборцев. Вам нужно в ближайшее время навести порядок сначала в своём департаменте, а потом и в стране. Считайте, что у Вас карт-бланш на переустройство, но мне необходимо, чтобы мракоборцы были той силой, с помощью которой я смогу навести порядок в Германии, — от былой расслабленности не осталось и следа, голос Августы звучал жёстко, — А проблем у нас много, Вы сами в курсе.

— Да, фрау фон Вальдбург, — кивнул Виктор, — Сегодня же вечером у меня планируется разговор с русскими, и по поводу нашего турецкого деятеля, и по поводу данного нелепого во всех отношениях происшествия, — он кивнул в сторону бледного Мольтке.

— Ещё Кристина Фавр де Поль и дети, Виктор, — голос фон Вальдбург звучал по-прежнему серьёзно, — Её нужно найти и установить за ней наблюдение, чтобы в тот момент, когда я это сообщу, взять её. Нам потребуется передать её нашим друзьям из Франции.

— Как я понимаю, началась большая политика? — сдержанно улыбнулся новый глава мракоборцев.

— Всё верно, — кивнула Канцлер.

— Господа, про Кристину, — подал голос фон Притвиц взял с соседнего кресла кожаную папку, вынул несколько листов колдографий оттуда и подал Виктору и Августе. На Рихарда он внимания не обратил вовсе.

— Что это? — женщина разглядывала колдографии, на которых был изображён повешенный посреди ангара молодой мужчина, у которого на груди висела табличка с написанными на ней словами “Résiste et Mords!” и нарисованной рядом головой свиньи, — И кто это?

— По моим данным, его зовут Юрий Майер, приезжий из Аргентины. Волшебник, — кивнул своим же словам Якоб, — Найден буквально недавно возле Гамбургского вокзала Берлина.

— Что за надпись на его груди? — Августа обвела взглядом Якоба и Виктора.

— Девиз полка арденнских егерей, — задумчиво отозвался последний, — У Фавр де Поль там служил дед во время Второй Мировой.

— Совпадение? — женщина посмотрела на Якоба, — И кто этот юноша?

— Юрий Майер состоял в обществе некоего профессора Ариберта, — произнёс тот.

— Департамент Магических Происшествий и Катастроф ныне заменяет собой мракоборцев? — ухмыльнулся Виктор.

— Это случайность, — смутился Якоб.

— Не важно, — Августа взмахнула колдографиями, — Эта француженка повинна в смерти уже двух волшебников на территории Германии.

— Справедливости ради, это всего-лишь предположения, — Виктор поправил очки, — Прямых доказательств нет.

— Именно за этим Вы мне и нужны, герр Шваниц, — Канцлер произнесла по отдельности каждое слово, а потом снова махнула колдографиями, — Наведите уже в этой

стране порядок! У нас бродит французская выскочка, которая убивает магов. У нас русские охраняют турка, которому неонацисты везут похищенных детей. Это нормально?

— Задержанных в обвинении о вмешательстве в дела Франции, что с ними хотите сделать? — совершенно не обратив внимание на тон и слова Августы спросил тот.

— Выпускайте этих клоунов, они неопасны совершенно, — та снова махнула рукой.

— Мудрое решение, фрау фон Вальдбург. — улыбнулся Якоб.

Виктор улыбнулся, кивнул и задумчиво посмотрел на фон Притвица.

Глава XVIII. Глупые вопросы Малыша Эдди

(14 августа)

Малыш Эдди вместе с Михаилом и Игнатом зашёл в кабинет Свята Вениаминовича и остолбенел. Глава War&Consulting снова стоял возле окна и курил трубку, изредка поглядывая на шумящий летний город. А вот за его столом сидел немного ссутулившийся мужчина в сером потёртом костюме и очках в роговой оправе. Сидел и играл золочёной перьевой ручкой с каким-то странным существом. Животное было покрыто чёрным пушистым мехом, передние и задние конечности ничем особо не отличались, и своими острыми когтями на передних лапках он пытался схватить и отобрать у мужчины ручку.

Эдди заметил, что между пальцами на лапках у зверька есть перепонки, а нос вытянут, словно клюв утки. Небольшой чёрный хвост он топорщил, видимо от азарта, с которым пытался отобрать ручку у своего противника. Будь русский немного менее внимательным, он бы подумал, что Свят Вениаминович и его гость принесли в кабинет утконоса и играют с ним, но он-то точно знал — утконосы выглядят по-другому, и вообще они водоплавающие.

— Заходите, коллеги! — улыбнулся Салтыков и пригласил рукой к столу.

Чёрный зверёк же отвлёкся от ручки и уставился на вошедших. Потом развернулся, опустился на четыре лапки и быстро добежал по столу к Михаилу, который как раз отодвинул для себя стул. Романов погрозил зверьку пальцем, тот не внял, потянул воздух, сделал несколько шагов к нему. На что мужчина ткнул его пальцем в клюв — зверь смешно чихнул и отбежал в сторону.

Эдик достал телефон и начал снимать животное. Животное заметило это и заинтересовалось. Остальные мужчины дружно ухмыльнулись, но ничего не сказали. Зверь опустился на четыре лапы и быстрыми движениями добежал до края стола, где стоял Рихтер с телефоном. Мужчины внимательно следили за происходящим.

Эдди вытянул вперёд свободную руку и аккуратно коснулся клюва зверя, тот также аккуратно обнюхал его, потом посмотрел на телефон, будто бы понял, что его снимают.

— Что, телефон понравился? — спросил Рихтер.

— Ему всё нравится, — улыбнулся мужчина в потёртом костюме и спрятал перьевую ручку в карман.

Эдди отключил запись и протянул зверьку телефон. Тот ухватил его своими лапками и неожиданно сильно дёрнул. Русский от неожиданности разжал руку, и схвативший телефон зверь рухнул на спину, но свою добычу не выпустил.

— Ну, всё, Эдик, покупай новый, — усмехнулся Свят Вениаминович и погладил свою бороду.

— В смысле? — поднял на него глаза тот, а потом увидел, как его телефон, по размерам почти со всего зверька, пропадает в его сумке на брюхе. И нет, размеры добывшего телефон существа при этом не изменились, просто телефон упал в какую-то бездну на животе.

— Ты присаживайся, потом достанем, — Салтыков махнул рукой, — Как мне сказали эти два товарища, что теперь ты кое-чего знаешь, я и решил тебе его показать. Это нюхлер.

— Кто? — у Эдди в голосе была смесь досады, интереса и непонимания. А нюхлер тем временем развернулся и подбежал по столу к тому же мужчине, у которого пытался отобрать золочёную ручку. Подбежал и стал обнюхивать, словно бы пытаясь понять, где тот прячет своё сокровище.

— Нюхлер, магическая тварь, — пояснил Михаил, — Добрый и ласковый, но шkodливый и вороватый. Тянет в свою сумку всё, что блестит. Ну, или просто ему понравилось.

— И там переваривает? — Рихтер присел на стул.

— Нет, — усмехнулся Свят Вениаминович и привлёк внимание нюхлера щелчком пальцев. Зверёк повернулся к нему, подбежал и забрался на раскрытую ладонь, чтобы Салтыков пересадил его на плечо, — Оно там просто лежит, а потом этот засранец уносит его в свою нору и там складывает, — он почесал пальцем живот питомца, — Отдай!

Нюхлер поёжился, чихнул, раскрыл свою сумку и чуть вытащил оттуда край телефона. Салтыков подхватил его пальцами и потянул из сумки. Зверёк обхватил свою добычу передними лапами, но мужчина поднял руку и стряхнул его на стол.

— Забирай, — он положил телефон на стол и толкнул его к Эдди. Нюхлер на его плече издал возмущённый звук, но с места не двинулся.

— Теперь Эдуард знает о существовании волшебников в нашем мире? — улыбнулся и посмотрел поверх очков на него мужчина в потёртом пиджаке.

— Ну, я всегда верил, что существуют инопланетяне, — пожал плечами Рихтер и поднял свой телефон со стола, — Ну, оказалось, что есть магия. Это круто, — улыбнулся он мужчине и сунул телефон в карман, — Но это как в Д'н'Д, маги круты ровно до момента, пока к ним воин или варвар вплотную не подойдёт.

— И кого же из этих этих двоих ты принял за воина, а кого за варвара? — хитро улыбнулся Салтыков.

— За варвара, явно, того, кто вырезал на лбу неприличное русское слово, — рассмеялся мужчина в очках и поправил их.

— Это была математическая формула, я попрошу, — совершенно серьёзно ответил Куприянов.

— Ладно, — вздохнул Свят Вениаминович, — В любом случае, Эдик, ты теперь знаешь о том, что в мире рядом с людьми проживают ещё волшебники и волшебные твари, — он почесал пальцем голову нюхлера у себя на плече, — И ты должен держать это в секрете. Разглашение подобного ставит под угрозу волшебников всех стран и нарушает Статут о Секретности.

— Простите, Свят Вениаминович, — улыбнулся Эдик и поднял указательный палец, — Я уточнить хочу. А вот те люди, которые сегодня нападали на ребят Игната Кондратьевича, они не нарушали Статус о Секретности?

— Статут, — поправил его Михаил, улыбувшись.

— Статут, да, — согласился Рихтер, — Хорошо, не стаут.

— Свят, а ты где нашёл такого дерзкого юношу? — по-доброму рассмеялся мужчина в очках.

— Тебе не отдам. — в ответ улыбнулся Салтыков и огладил бороду, — Да, Эдик, как оказалось, после того, как наши товарищи решили поупражняться в алгебре на лбу этого несчастного, в Магической Германии сменилось руководство их мракоборцев.

— Чего? — в совершеннейшем непонимании уставился на шефа Рихтер.

— Виктор Шваниц, тоже волшебник, правда он предпочитает простое немецкое слово цаубер, — произнёс Михаил, показывая рукой на мужчину в очках, тот сдержанно кивнул, — Когда-то служил в Штази, и вот сегодня, как я понимаю, назначен был главой мракоборцев Германии, то есть главой спецслужбы волшебников этой земли.

— А почему мракоборцев?

— Потому что волшебники любят пафосные названия, — ответил Виктор, — Это западная британская традиция, якобы те, кто служат в этой структуре, они борются с тёмными магами во имя магов светлых, которые находятся у власти.

— В смысле, кто находится у власти, тот и за свет? — внимательно посмотрел на него Эдди, — И они каждый раз меняются?

— Вроде того, — кивнул Шваниц, — Всё, как у людей.

— А, так, — вздохнул Рихтер, — А мистер Шваниц здесь затем, чтобы разъяснить мне как нужно соблюдать Статут о Секретности?

Виктор расхохотался.

— Нет, вовсе нет, — сказал он, отсмеявшись, — Но если нужно, я могу рассказать.

— Ну, основной вопрос, а зачем его соблюдать? — Эдик искренне недоумевал.

— Потому что считается, что как только простые люди узнают о существовании мира волшебства, они захотят его тут же захватить, и захватят. А потом уничтожат, — произнёс Свят Вениаминович, почёсывая пальцем пузико нюхлера.

— А зачем это простым людям? — недоумевающий тон Эдди не изменился, — У нас каждый год к геям и лесбиянкам по букве добавляют, ну, появятся ещё и волшебники. Какая разница простым людям-то до них?

— Традиция, в которой создавался Статут, говорит нам об исключительности волшебников, их величии по сравнению с не-магами, — произнёс Виктор, — Однако же, при слишком частом и близком контакте волшебников с миром простых людей, кайнцауберов, по-нашему, магия истощается, магические создания гибнут, силы уходят у самих носителей волшебства. Так что были и рациональные причины на такую секретность. Волшебники просто не знали иного способа, и были слишком надменны. Некоторые и сейчас такие.

— Ну, так и при частом контакте людей с обычными животными, число животных уменьшается, — пожал плечами Эдик, — Ну, сделали бы заповедник для волшебников.

Тут уже захохотали Романов и Куприянов.

— Проблема в том, что сообщество цауберов считало себя выше кайнцауберов, — улыбался Виктор, — Всё это сродни, как в тридцатые и сороковые года прошлого века мои соотечественники относились к вашим. Невзирая на культурные и технологические достижения вашего народа, всех его представителей считали невеждами, неучами, тёмной безликой массой, не способной ни на что созидательное, только на разрушение. Примерно также цауберы англосаксонской традиции относятся к кайнцауберам. С небольшими отличиями.

— Это что же, — Рихтер обвёл взглядом своих коллег, — Я с фашистами какими-то работаю?

Тут уже настала очередь хохотать Салтыкову. Нюхлер на его плече не ожидал такого поворота и скатился по руке на подоконник, где тут же увидел блестящую зажигалку и начал к ней красться.

— В общем, Эдик, — сказал глава W&C, отсмеявшись, — Волшебники в своей массе те ещё снобы и засранцы. Не любят они простых людей, которые ничего не знают о магии. И считают, что именно из-за таких, как их зовут в англосаксонской традиции маглами, а Виктор зовёт кайнцауберами, магия в мире и пропадает.

— Это как? — снова удивился Рихтер.

— Когда это точно началось, неизвестно, — Виктор снял очки, достал платок и стал

протирать стёкла, — Впервые отследили это в XIX веке в Англии и Франции, что волшебники прошлого были сильнее, артефакты прочнее, заклинания могущественнее. Тогда уже существовал Статут о секретности, дабы не допускать кайнцауберов к волшебным делам. И уже тогда мыслители из волшебного сообщества пришли к выводу, что магия иссякает в мире, потому что кайнцауберов и их влияния на мир становится всё больше. Подтверждения этих слов было найдено достаточно быстро, когда во время Драки за Африку[1], британские и французские цауберы столкнулись с туземными шаманами, колдунами, волхвами и оказывались ими побеждены. Очевидным выводом для них было то, что цивилизации в этих диких местах не было, потому волшебство там было сильнее. И упустили они из виду, что ещё с шестнадцатого века португальские волшебники предостерегали своих европейских коллег вести себя неуважительно или вступать в конфликт в Китае и Юго-восточной Азии с тамошними магами.

— Но ведь Африку и Китай в итоге завоевали?

— При помощи колониальных администраций, христианских миссионеров и цивилизации они там закрепились, — улыбнулся Виктор и надел очки обратно, — То, что простым волшебникам запрещено лишний раз контактировать с простыми людьми, не мешает это делать министру магии и некоторым другим представителям верховной власти. Как говорится, кто б им запретил? Однако же, европейские маги ничего де факто не смогли завоевать. Всё же они везде в колониях были на правах гостей, не выходя из крепостей слишком далеко. По джунглям Борнео, пескам Аравии и даже в смрадных трущобах Макао им было опасно находиться, там встречались те, кто с ними может выйти на бой на равных и победить.

— То есть магия слабела только у волшебников Европы?

— Это неизвестно. К сожалению, изучать чужую культуру, и чуждые формы магии среди британских цауберов было не слишком распространённой практикой.

— Более распространённой была подготовка к войне, — усмехнулся Михаил.

— Нет, — сдержанно улыбнулся Виктор, — Они в основной своей массе пытались найти способ побороть исчезновение магии, всё более отгораживаясь от мира людей, как они их называли, маглов. К войне готовили цауберы моей страны.

— Маги Германии участвовали в Первой мировой? — Эдди мог удивляться с совершенно разными интонациями.

— Ходят слухи, что они к ней приложили руку, — усмехнулся Романов.

— Не без основания, — точно также улыбнулся Шваниц, — В это время, как я уже сказал, в Британии и Франции волшебники считали, что в исчезновении магии виноваты те, кого они называли маглами, и отгораживались от них. Магия при этом отчего-то не возвращалась, а самих маглов становилось только больше, и при этом поиск и уничтожение волшебников вообще не входило в сферу их интересов, они стремились сами выжить. А вот в Пруссии, а затем и в Германии маги решили, и в целом верно, что эскапизм ведёт только к одному, к деградации. А кайнцауберы Германии в то время, а именно во второй половине уже позапрошлого века переживали бурный рост, технологический, культурный, социальный, — он сделал неопределённый жест, понимая, что может несколько непонятно изъясняться, — Потому они решили объединить технологии и магию. Изначально стоящая немного в стороне от этих западных волшебников, прусская школа магии зародила собственно тех, кого сейчас можно считать техномагами.

Рихтер на этот раз ничего не сказал, он очень удивлённо и одновременно

заинтересованно смотрел на говорившего.

— Испокон веков рядом с магами ломались человеческие вещи. Точно неизвестно, где тот порог, когда вещь остаётся целой, а когда перестаёт работать, но это уже случалось со сложными механизмами. Хотя механические часы на цепочке маги вполне себе носят и используют, — он пожал плечами, совершенно не изменив интонацию, — Но я не удивлюсь, что все ходят с давно остановившимися часами и просто с умным видом иногда на них смотрят.

— Так, стоп! — Эдик положил ладонь на стол, — С одной стороны возле Эдриана Смита не работали камеры, это мы ещё в Лондоне заметили, — он кивнул собственным словам, — А с другой у нас товарищи Ганс и Иржи привезли детей к нашему КПП на машине, и по ним вели с трёх метров огонь из автоматического оружия. Это как так?

— О, Герр Рихтер начинает задавать правильные вопросы, — ухмылка Шваница стала немного торжествующей, — Да, действительно простые волшебники одним своим присутствием выводят из строя сложные механизмы. Простые волшебники европейской традиции, — его улыбка стала хитрой, — Ну, к ним мы также относим магов, родившихся к северу от Рио-Гранде. К югу там всё сложнее, — он обвёл взглядом собравшихся, — Техномагия зародилась в Пруссии в конце XIX века и первым важным её достижением было то, что волшебники теперь спокойно пользовались достижениями человеческой цивилизации, без сложных ухищрений с заклинаниями и артефактологией. И это оказалось довольно просто, относительно уже дальнейшего скрещивания магического искусства и технологий.

— А как это удалось? — спросил Рихтер.

— Эдик, это нескромный вопрос, — произнёс Свят Вениаминович, оглаживая бороду и внимательно наблюдая за их немецким гостем.

— Да, я позволю не раскрывать этого секрета, просто скажу, что все цауберы, кто собрался в этой комнате, им пользуются, — тот просиял, — Очень удобно, чтобы соблюдать тот самый Статут, с которого и начался наш разговор.

— Слышал, про сумрачный тевтонский гений? — по тону Михаила непонятно было до конца, он серьёзно задаёт вопрос или пытается пошутить. Эдди на всякий случай кивнул.

— Техномагия зародились в Германии, и собственно существовала бок-о-бок с обычными волшебниками, от которых ломался телеграф, телефон и перегорали лампочки, как только они приближались на расстояние ближе пяти-шести шагов. Но их становилось всё больше, потому что цауберы Германии понимали, что это выход, это возможность решить проблему с иссякающей магией, а заодно и преодолеть надуманный антагонизм с кайнцауберами, — Виктор поправил очки, — К сожалению, Первая Мировая оказалась самой обычной бойней, а не началом величия Второго Рейха[2]. Однако же после неё окружающие волшебники настолько были в ужасе от деяний рук человеческих, что стали считать не-магов дикарями, способными только к уничтожению. Магическая Восточная Европа и бывшие территории Российской Империи были залиты кровью, волшебники Западной Европы стали ещё громче заявлять о своей исключительности и опасности маглов для них, а техномаги в Германии засучили рукава и начали работать.

— Простите, Виктор, а Гитлера тоже вы? — совершенно невинно спросил Рихтер.

— Нет, но в его окружении были техномаги, и собственно пресловутая Аненербе она как раз состояла из них, — ответил тот, слегка задумавшись над формулировками, — К 1945 году по разным причинам на территории Германии не осталось ни одного не-техномага.

— И тут мы подходим к интересному повороту истории, — усмехнулся Салтыков, параллельно отбирая зажигалку у нюхлера на подоконнике.

— Да, Советский Союз, — кивнул Виктор, — Маги в Российской Империи были, и достаточное их число пережило Гражданскую войну, приняв нужную сторону. А вот потом, когда начались технологические контакты СССР уже с Третьим Рейхом, то тогда же советские волшебники переняли техномагию от немцев. И, видимо, узнав о такой возможности, Политбюро и, скорее всего, лично товарищ Сталин приняли решение о переводе всех волшебников страны в стан техномагии. Решение было очевидным, на мой взгляд, в связи с будущей войной с Третьим Рейхом, наполненным техномагами. Волшебники остальных европейских стран не влезали в это, считая себя выше всех этих человеческих разборок, считая себя исключительнее.

— А потом одна техномагия победила другую? — уточнил Эдди.

— Одна страна, — поправил его Шваниц, — Цауберы в Германии, и тем более в Советском Союзе, они никогда не были выше кайнцауберов, стоящих у руля. В том числе это повлияло на презрение, с которым западные волшебники относились к ним. Потому что эти снобы не приемлили подчинения тем, кого называли маглами. Притом, что от маглов они только и делают, что скрываются, боясь их.

— То есть волшебники не участвовали во Второй Мировой войне?

— Руководство Третьего Рейха натравило на них страшного цаубера, который занял их умы и отвлек от происходящего на фронте. По иронии судьбы он был побеждён также в 1945 году. Его цитадель мы теперь используем, как тюрьму, — Виктор вздохнул, задумался и продолжил, — В том же году побеждённая Германия была разделена на Западную и Восточную. Внезапно, до этого не проявлявшие никакого интереса волшебники, решили, что запад Германии лёгкая добыча, потому стали его осваивать. Не найдя поддержки среди кайнцауберских властей оттуда начался отток техномагов в Восточную Германию, страны ОВД и сам СССР. Собственно техномагия распространилась по всей Восточной Европе, кроме Греции.

— А почему США не забрали себе техномагов из Рейха?

— Потому что обычные волшебники были против, — пожал плечами Шваниц, — Их позиции, не смотря на показное отделение от тех, кого они зовут маглами, достаточно сильны среди правящей верхушки США, Великобритании, Бенилюкса[3], Франции современной Германии. Достижениями техномагии воспользоваться они не могли, зато достаточное число подобных магов бежало в Латинскую Америку. И сейчас как раз возвращаются

— А потом на рубеже восьмидесятых и девяностых капиталисты победили коммунистов, и про техномагов все забыли, — ворчливо произнёс Романов.

— Всё так, — ответил немец, — Но их по-прежнему больше всего в бывшей ГДР и России, двух центрах притяжения этого учения.

— Фантастика! — выпалил Эдик, — Но Вы же не для этого сюда приехали?

— Нет, Виктор навел нас, чтобы обсудить ближайшие дела, наши совместные, — произнёс Салтыков, глядя нюхлера, распластавшегося на подоконнике.

— Я бы хотел узнать, что вам рассказал Мустафа Озтюрк, — немец быстро перестал напоминать университетского профессора, а стал похож на партийного работника, — У моего ведомства есть к нему некоторое количество вопросов.

— Ты что-нибудь слышал о Глубинном Государстве? — Михаил очень внимательном

смотрел на Виктора.

— Да, — тот кивнул, — Структура из нескольких влиятельных фракций, политики, военные, теологи, бандиты, — он пожал плечами, — Турецкие бизнесмены. Мустафа входит в её состав?

— Не знаю, по его объяснениям вообще ничего не понятно наверняка, — Романов перевёл взгляд со Шваница на Салтыкова, потом на Куприянова, — Может, он и не состоит сам в Глубинном Государстве, но он упоминал, что работает на некоего Хакима. Сфера интересов того распространяется на Центральную Европу, и он имеет контакты с неким Отто из группы тех хлопцев, что штурмовали вчера наше КПШ.

— Зачем туркам мальчишки Мирбахи? — хмуро спросил Свят Вениаминович.

— Мустафа говорил, что они являются ключом к хранилищу в поместье Мирбахов, — отозвался Эдди, — Мустафа признался, что их организацию и лично Хакима интересуют исследования Генриха Мирбаха.

— Да, Генрих был последним публичным техномагом, участвовал в политике, спорил с Канцлером, но всё было невинно. Но самое главное да, его исследования. И скорее всего, в поместье есть хранилище, оставшееся от него, а в хранилище имеет доступ ограниченное число лиц, и с помощью детей туда можно попасть, но... — Виктор усмехнулся, — Но у волшебников Азии нет проблем с тем, что рядом с ними техника ломается. Поэтому попытку я ему засчитаю, но пока неубедительно.

— Ещё он рассказал, что к услугам его организации прибегало много турок, в том числе и няня Мирбахов, которая вывезла всех троих детей после смерти их родителей, двух мальчиков и девочку. И что девочку у неё похитили, жестоко убив её саму, — Эдик внимательно смотрел на Шваница, но лицо того было крайне задумчивым, и более ничего не выражало.

— Что он рассказал про контакты Отто и Хакима? — голос Свята Вениаминовича был хмур и серьёзен, нюхлер на его плече встревожился, глядя на своего хозяина.

— Отто является главой возрождённой Аненербе, — презрительно бросил Михаил, — Практикуют техномагию, артефактологию и прусскую некромантию. Точное число членов Аненербе не известно нашему турку, но насколько он знает, из Латинской Америки возвращаются потомки бежавших волшебников Рейха или сами волшебники, если дожили. Уже несколько лет такое продолжается, и сейчас очень похоже, что они подошли к ситуации, когда их количество перешло в качество.

— Страшилки, — помотал головой Игнат, — Хотя их боевые качества нам известны, — он повернулся к главе W&C, — Свят Вениаминович, наш турецкий деятель опасается нападения, потому просит усилить охрану его тепличных хозяйств в Саксонии, Тюрингии и Бранденбурге. Глубинное Государство использует их как базы и точки влияния. Туда планируют доставить людей и припасы, чтобы в случае необходимости противостоять натиску Аненербе. Мустафа утверждает, что они больше всего опасаются, что эти недобитые нацистские волшебники устроят Холокост, только вместе с евреями пострадают ещё и турки и прочие переселенцы с Ближнего Востока.

— Какой интересный повод, чтобы перебросить боевиков в центр Германии, — усмехнулся Салтыков.

— В общем Хаким и Отто сотрудничали и не мешали друг другу, — Михаил перевёл взгляд с Игната на Виктора, — Но вот в течение последнего месяца у этих милых товарищей произошёл разлад. Отто работает на какого-то высокопоставленного волшебника из

руководства Германии, и тот сообщил, что настает время действовать, и дороги Отто и Хакима расходятся. Передача детей Мирбахов должна была стать последним делом, когда они сотрудничали. Сейчас же уже Хаким, а вместе с ним и Мустафа, считают, что Аненербе будет брать власть в Германии, а точнее приводить на вершину тех, кто с ними работает из текущего немецкого руководства, а базы, замаскированные под тепличные хозяйства, будут выбраны в качестве объектов для атаки.

— Это возможно, — задумчиво протянул Виктор, — Про старшую девочку Мирбах и няню он не говорил?

— Сетовал на начавшиеся убийства, что эта благородная дама, Сибель Арслан, пала жертвой кровавых убийц, — усмехнулся Михаил, — Но что характерно, Мустафа утверждает, что не знает, ни где мальчики, ни где девочка.

— Для кого кровавая убийца, а для кого светоч революционной Франции, — усмехнулся Шваниц.

— Что, там снова революция? — удивился Эдди.

— После событий, в которых были замешаны напрямую вы, и которые повлекли за собой бойню в Министерстве Магии Франции, этим государством стала править Директория, — немец поправил свои очки, — Семь глав департаментов министерства образовали коллегия, и одну даму, я не побоюсь этого слова, девушку, выбрали главной. Она загорелась идеей сближения с не-магами, сблизилась с Валерием Мирбахом, таким же техномагом, как его брат Генрих. Собственно идеи Валерия о техномагии как о единственном пути спасения магического сообщества Франции и задали толчок развитию всех дальнейших событий, — он улыбнулся, — Девушку эту зовут Кристина Фавр де Поль, можете поискать её следы в базах данных Бельгии, она как раз родилась там в семье не-магов, но после перебралась во Францию и выслужилась достаточно высоко в организации мракоборцев, став в результате трагических событий в Париже их главой. Она устроила форменную диктатуру в магическом сообществе, восстановив Замок Иф, как магическую тюрьму, заточила туда всех некромантов, до кого дотянулась, — он посмотрел на Эдика, — Жан де Тулон был некромантом, потому это искусство оказалось под пристальным взглядом. Туда же она выслала неудавшихся заговорщиков, пытавшихся ей вотум недоверия вынести.

— Для диктатора, она какая-то миролюбивая, — недоверчиво глянул на Виктора Эдди.

— Да, я тоже так считаю, и это её первый просчёт, — тот кивнул, — Второй просчёт заключается в том, что она оставила Францию и приехала сюда со своим помощником по имени Филипп Лестрейндж.

— Как она верит-то в своих соратников в Париже, — воскликнул Игнат, — А зачем она приехала?

— По официальной версии, они разругались с Валерием Мирбахом, потом он был казнён в Руане, а Кристина приехала во Францию, чтобы поговорить с его братом, — ответил Шваниц, зловеще улыбнувшись, — Но во-первых, что же такое должно было произойти, что Мирбах оказался единственным казнённым во всём длинном списке заточённых в Замок Иф? А во-вторых, скорее всего, Кристина и вправду приехала в Германию за детьми Мирбахов, но чтобы их увезти своему дяде, спасая их от Аненербе, которое уже пришло за их родителями, — он поймал снова удивлённый взгляд Рихтера, — Да, Генриха Мирбаха, его жену Агату и ещё двоих их друзей убил наш знакомый Ганс, я же рассказывал про Ганса, Михаил? — затем он насмешливо посмотрел на главу аналитиков W&C.

— Я рассказывал об этом, — развёл руками тот, — Но Эдди мог просто-напросто забыть про это.

— Да, простите, — потупился тот.

— Вот, продолжай, Виктор.

— В общем когда мальчиков увезли Мустафе, а потом не смогли передать через ваше КПП, а потом умыкнули из полицейского участка кайнцауберов, Кристина наведальась к той самой достопочтенной Сибель Арслан, работавшей на Мустафу, и чуть-чуть немножко до смерти запытала её, забрала девочку с собой, а дом сожгла, — тут уже Шваниц развёл руками, — После этого, буквально сегодня утром, она встретилась с секретарём Отто, совсем недавно перебравшемся из Аргентины молодым цаубером Юрием Майером.

— Дай угадаю? — Михаил посмотрел на Виктора.

— Его нашли повешенным в ангаре в Берлине, — тот вынул из внутреннего кармана снимки и разложил на столе, — Кристина оставила недвусмысленное послание, это герб и девиз полка арденнских егерей, её дед служил в нём во время нападения Германии на Бельгию в сороковом. Единственное, пока неясно, кому именно это послание.

— То есть девочка Мирбах до сих пор у главы Французской Директории, которая лично убила уже двух человек в Германии? — Рихтер на всякий случай решил уточнить. Виктор утвердительно кивнул, — Идеальная компания для ребёнка.

— Где находятся мальчики, неизвестно, — ответил немец, — Но то, что они не объявились в Париже до сих пор в компании этой девушки, говорит о том, что пока не найдены. И скорее всего пока живы.

— А ей они зачем? — удивился Эдди.

— А Мустафа же сказал, чтобы добраться до хранилища Генриха, — Михаил удивлённо покосился на коллегу, — Если Виктор прав, и во Франции и правда решили пойти по пути техномагии, то им нужен доступ к этому хранилищу.

— Ладно, — Свят Вениаминович опёрся о столешницу, — А теперь переходим к самому весёлому, что мы в дальнейшем делаем?

— А кто нам больше других платит? — весело отозвался Игнат и откинулся на стуле.

— Родина нам больше других платит, — недобро улыбнулся Салтыков.

— И какой заказ у Родины нынче?

— Хочет Мустафа, чтобы мы охраняли его теплицы, пусть. У тебя хватит людей? — он внимательно посмотрел на задумавшегося Куприянова.

— По два взвода на тепличку, — тот подумал и кивнул, — В целом, да. Усилим их бронемашинами, жаль, танки нельзя.

— Тебе лишь бы танки, тоже мне, Гудериан[4] нашёлся. — сварливо, но по-отечески отозвался Свят Вениаминович.

— Роммель[5] из всей этой банды всегда нравился больше, — в тон ему ответил Игнат, — Но не суть, сорок человек на точку должно хватить и чтобы удержать позицию, и в случае чего скрутить тех, кто туда прибудет из Турции.

— Мы знаем численность боевиков Аненербе? — Салтыков посмотрел на Виктора.

— Минус четыре, — пожал плечами тот, — Мой предшественник провалил оперативную работу, потому мы теперь имеем то, что имеем. У нас посреди бывшей ГДР выросла сеть баз для размещения турецких боевиков, у нас в Германии возродилась Аненербе и готова идти брать власть, а по Берлину ходят двое французов и безнаказанно убивают цауберов.

— Игнат, нужно сформировать группу подкрепления и держать в готовности, чтобы в случае чего перебросить в необходимое для усиления место, — Свят Вениаминович смотрел на главу военных консультантов.

— Да, сделаем, но я не уверен, что мы успеем оперативно прийти на помощь в случае чего. Даже вертолётами время подлёта больше, чем то, за какое у нас КПП кончился прошлой ночью.

— Прошлой ночью кто-то не укрепил КПП.

— Да, всё так, значит, заходим на территорию и сразу строим блок-посты.

— Виктор, раз мы работаем с волшебниками, может нам какая помощь положена? — Салтыков насмешливо посмотрел на Шваница.

— Я обеспечу, — тот кивнул, — Но мне тоже от вас нужна помощь.

— Мы и так за врагами твоего отечества следим, — усмехнулся Михаил.

— Это да, но ещё пока мы не знаем, кто помогает Аненербе наверху, сколько их и чего они хотят, то мне нужно, чтобы ваши бойцы обеспечили охрану нескольких городков цауберов, — он поймал удивлённые взгляды, собравшихся за столом людей, — Да, цауберы живут не только в своих поместьях, но есть ещё несколько небольших городков в Германии.

— Мы не можем расплыть силы на всех их. У нас не так много людей осталось, — покачал головой Куприянов, — Я бы с радостью, но.

— Десять человек с БТРом хватит, — улыбнулся Шваниц, — Но да, я понимаю, что согласившись на предложение турка, вы много сил уже распылили. Есть три городка. Самый крупный из них Байрсброн. Скрытый город в Шварцвальде рядом с городком кайнцауберов. Ещё один в Пфальце, третий на Рюгене.

— Там же не все техномаги, оружие перестанет стрелять, — скептически отозвался Игнат.

— О, я смогу помочь в этом деле, — загадочно улыбнулся Виктор.

— Игнат, сможешь ещё по одному отделению закинуть туда? — Свят Вениаминович огладил свою бороду.

— Да, смогу, — кивнул глава военных консультантов, — Но я повторюсь уже в третий раз, это распыляет наши силы, — затем обернулся к немцу, — Бундесвер вам не поможет?

— Нет, увы, привлечение этих людей процесс долгий и муторный. Руководители Магической Германии три десятка лет рушили связи цауберов и кайнцауберов, а на территории Западной Германии все семь десятков, нельзя по звонку это всё восстановить, — у Виктора заиграли желваки.

— Виктор, как я понимаю, Ганса мы больше не ищем? — спросил Михаил, — Но детей нужно?

— Вы что-то задумали? — глаза Виктора хитро блеснули за стёклами очков.

— Мои люди собираются завтра поехать в поместье Мирбахов и разузнать там. Сможешь обеспечить на всякий случай охранение?

— Да, — кивнул тот, — Выделю наименее тупых из возможных.

— Трудности с личным составом?

— Слишком много молодёжи, считающей себя лучше кайнцауберов, а ещё слишком долго жившей в спокойном мире.

— Спокойный мир кончился, когда Эдриан Смит пришёл к нам в офис, — произнёс Свят Вениаминович, поднял нюхлера и усадил к себе на плечо.

— Если встретите Кристину с Мартой Мирбах, по-возможности, вежливо ведите себя с

ней, — попросил Шваниц, — Она действует ради своей страны и высоких идеалов.

— Как и все мы, — улыбнулся Салтыков и почесал живот нюхлера.

1 — Драка за Африку — период острой конкуренции семи западноевропейских империалистических держав в течение короткого периода между 1881 и 1914 годами за проведение исследовательских работ и военных операций в Африке и в конечном счёте направленных на захват колониальных территорий.

2 — Второй Рейх — название немецкого государства в 1871–1918 годах.

3 — Бенилюкс — межправительственная организация, представляющая собой политический, экономический и таможенный союз в Западной Европе, включающий в себя три монархии: Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

4 — Хайнц Вильгельм Гудериан — генерал вермахта (1940–1945 гг.), Один из пионеров моторизованных способов ведения войны, родоначальник танкостроения в Германии и танкового рода войск в мире. Один из тактических соавторов применения блицкрига в Польской и Французской кампаниях, а также в Операции «Барбаросса».

5 — Эрвин Йоханнес Ойген Роммель — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал и командир войск Оси в Северной Африке. Прославился успешным ведением наступательных операций против союзных сил в условиях численного меньшинства.

Глава XIX. Планы на будущее

*

(14 августа)

Рихард фон Мольтке после увольнения и первичной передачи дел Виктору Шваницу всё-таки помылся и сменил одежду. Ещё он собрал мракоборцев и представил им нового начальника, после быстро попрощался и ушёл. С Виктором они договорились, что завтра они снова встретятся и Рихард более обстоятельно передаст дела, а не в подобной суматохе.

Произошедшее он принял стоически, хотя внутренне и хотел бежать и прятаться, сгорая от стыда. В завтрашней утренней газете выйдет материал с подробностями смены власти в ведомстве, и пока что Мольтке мог просто уйти в своё поместье, запереться, где только домовый эльф и мог наблюдать его. Но даже перед этим своим слугой он не хотел показываться.

У Рихарда была небольшая квартирка в одном из районов Берлина — отец приобрёл её, когда сын стал мракоборцем. Одна комната со скромным диваном, кухня и небольшая ванная. “Тебе не нужен комфорт, чтобы бороться со злом”, - говаривал отец неоднократно. Возможно, именно это и привело Рихарда к должности главы Департамента Магического Правопорядка, однако в тот год, как он занял эту должность, трагически оборвалась жизнь отца, потому Мольтке переехал в поместье, а про квартиру забыл. И как-то одновременно с этим комфорт стал в его жизни превалировать. Нет, глава немецких мракоборцев не был склонен к злоупотреблениям своим новым положением, просто так вышло, что жизнь его была спокойной, служба тихой, а эпоха простой и понятной. А вот сейчас он стоял посреди пыльной квартиры и осознал, что в целом и поделом. Тот, кто стоял столько лет у руля когда-то одного из сильнейших подразделений мракоборцев, проворонил появление в стране не только поднявших голову фашистов, но ещё и каких-то турецких бандитов. В целом, подумалось ему, что Виктор занял его место — это лучше для страны, так хотя бы у света есть шанс победить всё сильнее смыкающуюся вокруг него тьму.

Откинув слишком пафосные мысли, Рихард решил, что хочет кофе. И осознал, что квартиру заботливо обставлял его отец. И обставлял так, что пользоваться всем здесь могли как маги, так и маглы. “Отец предпочитал слово “кайнцауберы”, - вспомнил Мольтке, стряхнул пыль с чайника, наполнил его водой, включил плиту и поставил чайник на огонь. На пыльной кухне было тесно, но бывший глава мракоборцев ощущал себя там, где его никто не найдёт. “Отличное место, чтобы спрятаться, но ведь завтра на работу”, - усмехнулся он и начал искать кружку и кофе. Но словно в насмешку в углу шкафа нашёлся только чай, чёрный байховый с русскими буквами и слоном, на котором восседал погонщик. Отец Рихарда любил шутить, что то, как этот чай умудряется хранить свой вкус на протяжении долгого времени — это какая-то запрещённая советско-индийская магия. А чай этот сам он не любил, как и Рихард. Но сейчас другого варианта не было, потому пара щепотей ушла из раскрытой пачки прямо в кружку.

Рихард подумал, что ведь он первый из пяти поколений фон Мольтке подряд, кто показательно пытался откреститься от техномагии. И вот к чему это привело? Кто больше всего кричал, что техномагия — это суррогат, это преступление против самого естества волшебника, сейчас стоит посреди пыльной кухни без палочки и вполне по-магловски заваривает себе чай, ибо без палочки он не может ничего. Он называл техномагов

инвалидами, которые сознательно ломают себе ноги, чтобы ходить на костылях. “А ведь моим костылём стала палочка. Вот сломали её и всё”, - грустно усмехнулся он: “Какая ирония”.

Вообще в департаменте он уже успел подобрать себе новую, Виктор сразу же после назначения распорядился это сделать, понимая, что новый его подчинённый бесполезен без волшебной палочки, однако она так и осталась лежать на его письменном столе. Новом письменном столе в общем зале мракоборцев. За стеклом окна раздался звук, словно кто-то пытается когтями постучать по стеклу, но у него не сильно ловко это выходит. Плотная рулонная штора закрывала стекло, потому не было понятно сразу, что же там происходит. Рихард успел подумать, что в случае чего даже не успеет подать сигнал бедствия, у него же палочки нет, потом шагнул к окну мимо гудящего на плите чайника и поднял штору. За стеклом сидел огромный филин и хмуро смотрел на него. Одной лапой он пытался стучать по стеклу, но выходило неуклюже.

Рихард поднял оконную раму вверх, впустив в кухню сырой и жаркий уличный воздух. Филин недовольно покосился на Мольтке, потом на засвистевший на плите чайник. “Входи уже!” — весело произнёс волшебник, обернувшись к плите и выключив её. Филин зашёл на подоконник, оглядел пыльную кухню, угукнул и положил перед Рихардом свёрнутое в свиток письмо, к которому была прикреплена волшебная палочка. Ровно та палочка, которая ему была выдана в Департаменте Магического Правопорядка, и которую он оставил на столе, и на которую он сейчас удивлённо и настороженно поглядывал.

Филин ещё раз угукнул, на сей раз более недовольно. Рихард кивнул, раскрыл письмо, где было написано витиеватым почерком:

“Дорогой друг!

Я знаю, в каком ты сейчас находишься положении и расположение духа. Я знаю, что ты не сам выбрал это падение, а тебя столкнули, потому готов тебе предложить помощь. От тебя ничего пока не требую — только разговор. Но если ты согласишься, то это вернёт тебе всё, что ты потерял.

В качестве жеста доброй воли возвращаю тебе палочку, которую ты оставил на столе, потому что волшебник не может жить без палочки.

Твой друг”.

Ещё один “Угу” от филина вывел Мольтке из задумчивости. “Да, сейчас!” — сказал он птице, сходил за пером и бумагой, написал ответ, свернул, запечатал и отдал посыльному. Тот снова произнёс: “Угу!” и бесшумно слетел с подоконника вниз на улицу.

— Твой друг... — пробормотал Рихард, взяв палочку и повертел её в руках. Потом отложил её на подоконник, вернулся к кухонному столу, где стояла кружка с чаем. Залил чай водой и снова подошёл к окну, внимательно глядя на палочку.

Потом он сделал глоток из кружки, поморщился и поставил её на подоконник.

Сам же взял оттуда волшебную палочку, вставил её между рёбрами радиатора системы отопления и резким движением сломал.

**

(14 августа)

Филин приземлился на подоконник открытого окна и угукнул. Мужчины, сидевшие в комнате одновременно повернули на него головы. Посыльный ещё раз угукнул и положил свёрнутое послание на подоконник, внимательно и с долей иронии посмотрев на мужчин.

Якоб фон Притвиц усмехнулся, поднялся со своего кресла, подошёл к окну, погладил

филина по голове и развернул послание.

— Неужто наш малыш изволил ответить? — мужчина, сидевший напротив Притвица презрительно поморщился. Он выглядел чуть младше главы Департамента Магических Происшествий и Катастроф, белокурые волосы были аккуратно зачёсаны назад, а острые черты лица делали его похожим на грифа.

— Наш малыш хамит, дерзит и ведёт себя неподобающим его положению образом, — снова усмехнулся Притвиц, когда прочитал послание.

— Глупый маленький мальчик, — покачал головой его собеседник, — Он тебе точно нужен?

— Он нам обоим нужен, — Якоб снова погладил по голове филина, тот угукнул и бесшумно перелетел на насест у стены напротив, — Я, признаюсь, не ожидал, что у нас в противниках окажется Шваниц.

— Ты недооценил этого старого хитрого пса.

— Единственное, что я недооценил, так это то, что он начнёт действовать, — раздражённо бросил Притвиц.

— Ну, тут вы сами его сподвигли, — усмехнулся его собеседник.

— Отто, нет! — вспыхнул прежде благодушный Якоб, и его голос зазвенел, — Нет, этот пёс сидел в своей норе сколько, тридцать лет? Ты сам говорил, что удивился, когда он снова появился в поле зрения.

— Он явно что-то готовил, — пожевал губами Отто, — И вот, теперь здесь русские, а он в роли главы мракоборцев. А русских разбудил этот чёртов Эдриан.

— Это идея англичан была, использовать магловское подразделение, — Якоб погрозил собеседнику пальцем, — Напомню, что я к этому не имел отношения.

— И где теперь эти англичане? — ехидно ухмыльнулся тот, — Живут под королевой.

— Поживут под королевой, отсидятся, всё стихнет и выберут себе нового Министра Магии. Малфои умны и терпеливы.

— Чего не могу сказать о тебе, Якоб, — Отто бросил ехидный взгляд на собеседника.

— Ох, это я что ли нетерпеливый? — усы Якоба стали угрожающе шевелиться, — Это я что ли спустил своего цепного пса на русских?

— Зато ты спустил моего цепного пса на кого другого, — фыркнул в ответ его собеседник, — Что с детьми?

— Не твоя забота.

— Очень даже моя, сейчас мои подопечные гибнут, мы несём потери. А ты отсиживаешься в стороне.

— Вообще я работаю, — усы Притвица продолжали гневно топорщиться, — Мир меняется слишком быстро, потому нам нужно реагировать также быстро.

— Быстро реагировать? А ты не думал, что мы могли ещё долго копить силы для нашего плана и про нас никто бы не думал, если бы ты тогда не сказал послать Ганса к Мирбахам?

— Всё пошло не по плану, когда сошёл с ума де Тулон, — расстроено и устало проговорил Якоб, он махнул рукой, прошёл мимо Отто и уселся в кресло, — План Малфоев был безупречен. Просто они просчитались.

— Не учли тот фактор, что русские тоже захотят поучаствовать в этой игре? Якоб, мне кажется, вся ваша компания чистокровных заговорщиков забыла, кто это такие.

— А ты прекрасно знаешь, да? — презрительно фыркнул Притвиц.

— Мне рассказывал отец, — голос Отто стал чуть более тихим и вкрадчивым, — И

многим моим подопечным это рассказывали отцы или деды. Они видели эту страну, и видели её самые обжитые места. И они видели те ужасы, что обитают там. И боялись даже подумать, кто же живёт там, в бескрайних просторах Азии, что составляют большую часть России, — его голос практически стих до шёпота, — А эти люди там живут. И ты думаешь, что они там травоядные вроде Мольтке?

— Это байки, — отмахнулся Якоб, — Они такие же как и все. Тем более, что большинство из их солдат маглы.

— Они союзники Шваница, а это мощная сила. Боюсь, что Виктор сам рвётся к власти И будет их использовать.

— Они наёмники, они будут работать на тех, кто им больше заплатит.

— Якоб, как ты не понимаешь? — покачал головой Отто, — Их главный заказчик в Кремле, сидит под рубиновыми звёздами на башнях. И я уверен, что они без его ведома никаких крупных операций не проводят. И что влезли во всё это дело со Смитом тоже с его согласия.

— Ты веришь в русский след и теорию заговора? — рассмеялся Притвиц.

— А как ты иначе объяснишь, что они устранили Смита и де Тулона?

— Да, пожалуй, за это никто им из французов или англичан не платил, — согласился Якоб.

— Безупречный план Малфоев не учитывал вмешательство третьей стороны, — Отто ехидно посмотрел на собеседника, — А твой учитывает?

— Уже скоро соберётся Бундестаг, — кивнул тот, — Все, кроме Баварии поддержат нас.

— Даже восточные провинции? — скептически поднял бровь Отто.

— Берлин за нас, а остальные даже если не поддержат, то на нашей стороне десять голосов из шестнадцати, — кивнул своим же словам Якоб, — Августу мы скидываем. А перед этим мне нужно, чтобы сыграл свою игру фон Мольтке. Раз он уж не хотел по-хорошему, будет по-нашему.

— А Шваниц, русские, Хаким и эта французская кудрявая сука?

— С Хакимом ты, мой дорогой Отто, поругался, — глубоко вздохнул Якоб, — Теперь мы можем получить ятаганом в бок. Это осложняет наше предприятие

— Хаким через своего Мустафу успел подружиться с русскими, — покачал головой Отто, — Так что он первый предал наши договорённости. Я бы посмотрел, к чему это приведёт, но атаковать его базы повторно я пока не собираюсь. И что бы не задумал Мустафа, когда мы возьмём власть, нам придётся с ним разбираться. Герр Хайм не потерпит его на нашей земле.

— Разберёмся, план безупречен, — усмехнулся Притвиц.

— Как у Малфоев, я верно понимаю? — его собеседник скривился в ухмылке.

— За русскими мы наблюдаем, — не обратил на его вопрос внимания Якоб, — Но к ним пока не лезем. Посмотрим, что задумал с ними Шваниц сделать, куда применить. А вот мракоборцы и француженка, — он хитро улыбнулся, — Нам нужно, чтобы твои волшебники выследили Кристину и убили её.

— Мои волшебники? — Отто скривился, — А может хотя бы что-то сделают твои волшебники?

— Мои добудут твоим информацию, чтобы они знали, где искать Кристину, — осклабился Притвиц.

— А тебе нужна Кристина или девчонка, которую она у турчанки той забрала? Якоб, ты

меня держишь за дурака.

— Августа обещала Кристину выдать живой французам, — сделал неопределённый жест Притвиц, — Так что здесь надо разыграть историю. Сколько твоих подопечных в департаменте Шваница?

— Некоторое количество, — осклабился Отто, — Недостаточно, чтобы провести спецоперацию под видом мракоборцев.

— Подумай, как можно сделать так, чтобы выставить Августу и мракоборцев дураками, — Якоб внимательно смотрел на собеседника, — Лестрейнджа этого и девчонку можно в расход, Фавр де Поль должна выжить, всё же французам надо её передать, пусть сами разбираются.

— То есть ты одновременно хочешь обвинить Августу в нападении на главу Французской Директории и выдать эту самую главу Франции? А ты большой оригинал.

— Не ёрничай, — фыркнул Якоб, — Твои подопечные это провернут? Только давай без этого Ганса, нужна более тонкая работа.

Отто подпёр рукой подбородок и насмешливо посмотрел на собеседника.

— Когда надо было не дать нашей дражайшей Клейн договориться с Мирбахами, так Ганс был вполне себе подходящей кандидатурой, — он рассмеялся.

— Это другое дело, там просто нужен был мясник, — покачал головой Якоб.

— А сейчас изящно, значит, требуется. — скривился его собеседник, — Ладно, но где искать эту бабу?

— У тебя же подопечные в среде мракоборцев есть.

— Напомни, а ты мне зачем? — в голосе Отто была неприкрытая насмешка.

— Чтобы объяснить остальным, что твои нацисты это необходимость, а не реинкарнация старинного зла, — совершенно спокойно парировал его собеседник.

— Интересная мысль, поразмышляю над ней, — Отто поднялся, — Жду информацию, где ловить эту французскую суку.

— В поместье Мирбахов в Саксонии, твои подопечные там уже были, адрес ты знаешь, — Якоб улыбнулся.

Отто не ответил ничего, только кивнул и пошёл в сторону двери.

(15 августа)

Обширный сад Абрабанелей на высоком утёсе заливало лучами восходящее солнце. У подножья крутого утёса по-прежнему плескались волны Бискайского залива, на узком пляже носились чайки, но в саду было после ночи прохладно и тихо.

По усыпанной меловым щебнем дорожке шла Серафима Абрабанель в лёгком светлом платье. Рядом в чёрной мантии в пол шёл её брат Иосиф. И вместе с ними также по дорожке в своём неизменном костюме шествовал Якоб фон Притвиц.

— И каков у вас план, Серафима? — немец заинтересованно посмотрел на француженку.

— Всё просто, — улыбнулась та и кокетливо коснулась своей шляпки, — Вы ловите Фавр де Поль, а мы передаём её справедливому суду.

— Это в общих чертах, — чуть смутился Иосиф, — В целом мы уже готовы приступить ко внеочередному сбору Директории. Первым вопросом мы поставим дело о смещении Фавр де Поль, а вторым об избрании Министра Магии и роспуске Директории. Ждём только отмашки от вас, немцев. Августа фон Вальдбург обещала моей сестре содействие.

— У неё, судя по слухам, проблемы сейчас? — заботливо спросила Серафима.

— Есть некий турок, который имеет определённые интересы в нашей стране, — пожал плечами Якоб, — Он сошёлся с теми самыми русскими, что убили де Тулона и Смита в Сен-Тропе, и при попытке мракоборцами задержать этого самого турка, они оказали сопротивление.

— Русские? — уточнил Иосиф.

— Да, именно они, — вздохнул немец, — Они скрутили мракоборцев, сломали им палочки, а одному, кстати, главе мракоборцев Германии, вырезали неприличное русское слово на лбу.

Лицо Иосифа не излучало эмоций, зато на лице Серафимы одновременно появился ужас и отвращение.

— Как, как это вообще возможно? — на её глазах выступили слёзы от негодования и ненависти, — Эти магловские звери! Они должны заплатить! Что сделала Августа?

— Уволила Рихарда фон Мольтке с посты главы Департамента Магического Правопорядка, — пожал плечами как ни в чём не бывало Притвиц, — И теперь глава мракоборцев моей страны это Виктор Шваниц.

— Интересный способ. — удивился Иосиф.

— Она что, захотела репрессий, как эта валлонская выскочка? — лицо девушки скривилось в отвращении.

— Именно поэтому мы также хотим сменить её на посту Канцлера, — улыбнулся Якоб.

— Этого стоило ожидать, — злорадно отметила Серафима, — Но она не в курсе, как я понимаю?

— Пока что она сосредоточена на поимке Фавр де Поль и на успокоении русских наёмников, — отмахнулся немец.

— Но Шваниц, он же с ГДР? — уточнил Иосиф.

— Да, он техномаг и выступает за сближение с маглами, — кивнул Якоб, — Такие, как он, утверждают, что это единственный способ справиться с истечением магии из мира.

— Единственный способ справиться с этим, это уничтожить маглов! — вспыхнула Серафима, — Маглы мешают нам творить волшебство! Чем меньше их будет, тем лучше.

— Сестра, это невозможно, — покачал головой француз.

— Потому в Шармбатоне с этого года я введу ужесточённое наказание за нарушение Статута и любые, пусть даже самые незначительные, контакты с маглами! — жёстко произнесла Серафима.

— Даже маглорождённым? — уточнил немец.

— Натали де Алонсо была таковой, её поездка к родителям привела к смерти двух маглов, — отозвался Иосиф, — Сестра права, нам нужно ужесточать наказание за неисполнение Статута, только он сможет если не отменить исчезновение магии, то хотя бы замедлить этот процесс. Через пару месяцев в Британии планируется избрание нового Министра Магии, как мне сообщил месье Лестрейндж, причастный к этому процессу, после этого в Магической Британии также будет ужесточено исполнение Статута о Секретности.

— Как я понимаю, после роспуска Директории, здесь планируется тоже самое?

— Сначала мы выпустим на свободу всех узников Замка Иф, после отправим на их места самых упорных и дурных последователей Кристины. Нужно будет заменить почти всех мракоборцев страны, слишком уж для них Фавр де Поль идеал и кумир, эту заразу нужно будет вычистить, — бесстрастно сообщил француз, — Позже доберёмся и до ужесточения

Статута о Секретности, да. Контакты с маглами должны быть искоренены.

— Дорогой Якоб, я надеюсь, что Вы с новым Канцлером тоже пойдёте по этому пути, — Серафима взяла руку немца, — Только общими усилиями мы сможем добиться спасения нашего волшебного сообщества. Я понимаю, что в Германии много этих так называемых техномагов, — она скривилась и отпустила руку, — Этих недоволшебников с рабской психологией, готовых продаться маглам ради возможности творить заклинания. Но всё же я верю в честность и образованность тех, кто стоит у руля вашей нации.

— Да, так будет, — кивнул Якоб, — Но вначале после смены власти мы будем решать турецкий вопрос.

— У нас тоже в стране есть определённые проблемы с выпускниками школы Уагаду[1], — кивнул Иосиф, — Но я думаю, что мы решим их интеграцией в наше общество. Гибель множества достойных магов нанесла нам серьёзный удар. Но думаю африканцы, если они докажут свою полезность, смогут решить эту проблему.

— Хотите пойти по магловскому пути?

— Не всё, что они делают, плохо, тем более, что проблемы с миграцией у нас схожи.

— Меня уже поддержали новоиспечённые деканы, — воодушевлённо произнесла Серафима, — Со следующего набора мы вводим квоты для переселенцев из африканских стран, кто не захотел учиться в Уагаду, те могут отправить своих детей к нам.

— Не думали, месье Притвиц, что также можете решить проблему с турками? — спросил Иосиф.

— Можем её смягчить, — кивнул тот, — Но проблема в том, что при попустительстве Августы у нас укоренились на территории турецкие террористы.

— Никогда не слышала о таких, — с интересом посмотрела на немца Серафима.

— Простых турецких волшебников, кто хотел бы просто жить в Германии, мы примем, но против террористов вынуждены будем принимать самые серьёзные меры.

— Это понятно, а что собираетесь делать с этими русскими?

— Попросить из нашей страны, как пособников турецких террористов, — пожал плечами Притвиц, — Но пока что с ними напрямую работает Виктор Шваниц, именно он пригласил их в Германию.

— Этот старый пень снюхался с маглами? — удивилась Серафима.

— Их верхушка волшебники всё-таки, но такие же, как и Шваниц, техномаги, — пояснил Якоб, — И, кстати, именно техномаги надругались над мракоборцами.

Лицо Иосифа озарила крайняя степень удивления. Лицо Серафимы исказилось от отвращения и ужаса.

— Техномаги недостойны жить среди простых волшебников! — закричала она, — Любое проявление техномагии должно быть запрещено! Это зараза, роняющая нас в магловское варварство! Как Августа допускает вообще такое у вас в стране?!

— Они приблизила к себе Шваница по какой-то ей только ведомой причине, — снова пожал плечами фон Притвиц.

— Моя бывшая сокурница ведёт какую-то свою игру, — выдохнула Серафима, — Я до этого думала, а сейчас полностью на Вашей стороне, Якоб. Смещайте её, Свободная Франция Вас поддержит.

— Спасибо, — улыбнулся тот, — А кого планируют у вас выбрать Министром Магии?

— О, мой брат Иосиф чудесно подходит на эту роль, — улыбнулась девушка, — Умён, образован, учтив, чтит идеалы свободы превыше всего.

— Но мы ждём от вас, когда вы арестуете Кристину, — сказал совершенно по-деловому Иосиф, — Мы не можем позволить себе рисковать, выступать против неё, пока она на свободе.

— Я понимаю, как раз сегодня мракоборцы должны будут проводить операцию по её поимке. — кивнул Притвиц.

— Надеюсь, у этого Шваница это получится. — раздражённо отозвалась Серафима, — Надеюсь увидеть прекрасную Германию, где не будет таких, как он.

— А во Франции нет техномагов ещё?

— Это в-основном из окружения Кристины, но там мало таких, — повёл плечами Иосиф, — Тем более, что Валерия Мирбаха она казнила, так что похоже ей самой техномагия не по-душе.

— Техномагов мы подвергнем публичному наказанию и предложим выбор, либо навсегда уйти к маглам, порвав с нашим сообществом, либо навсегда перестать контактировать с маглами, — воодушевлённо произнесла француженка.

Над поместьем Абрабанелей вставало утреннее солнце, заливая лучами обширный сад. По белым дорожкам мирно прогуливались трое волшебников и делились друг с другом идеями по переустройству сообщества волшебников Европы в том будущем, в котором они непременно победят, потому что иначе и быть не может.

(15 августа)

Мустафа Озтюрк сидел на подушках посреди полутёмной комнаты и смотрел вперёд себя. Из-за полумрака, царящего под балдахинами с золотой бахромой, не получалось разглядеть того, кто сидел в паре метров впереди, впрочем, как и всегда, таковы были правила, нарушать которые Мустафа не смел.

Где-то снаружи, на два этажа выше них, шумел Берлин, нагретый летним солнцем, но это место всегда было прохладным. А ещё здесь всегда пахло сандалом, запах которого турок не переносил, и у него всегда после таких визитов болела голова, но перечить он не смел.

Спереди из сумрака послышался глубокий вдох, и Мустафа увидел, как разгораются угли на кальяне, стоящим перед ним. “Интересно, если мы победим, я увижу его лицо?” — каждый раз задавал себе вопрос турок, вот и сейчас та же самая мысль пронеслась у него в голове.

Облако белёсого дыма прорезалось сквозь полумрак, Мустафа учтиво улыбнулся и взглянул на свой кофе — от того по-прежнему шёл пар, удивительно, но несмотря на прохладу, кофе тут никогда не остывал.

— Мустафа-бей, ты помнишь историю Эртогула, отца всеми любимого нами Османа? — мужской голос из темноты был бархатным и обволакивающим.

— Да, Хаким-бей, — тот чуть склонил голову в согласии с вопросом.

— Помнишь, как он получил в удел свой удж? Город Сёгют с его окрестностями, а ещё пастбища в горах Доманич?

Ещё раз забулькала вода, разгорелись угли в полумраке, а затем показалось облако белёсого дыма.

Мустафа усмехнулся, неспешно потянулся за чашкой, отпил свой кофе, также неспешно поставил чашку обратно. С противоположной стороны снова появился дым, но скрытый в полумраке собеседник не выражал никаких признаков нетерпения.

— Достопочтенный Эртогул со своим кайы в пять сотен шатров откочевал в Анатолию

из Средней Азии, уходя от монголов, разорвавших их земли... Небольшой отряд воинов во главе с самим Эртогулом оказался на поле боя двух неизвестных ему отрядов воинов. Он держал совет со своими лучшими воинами, и они все вместе решили помочь тем, кто проигрывал в той схватке, ведь в такой помощи было больше чести. Турецкие клинки склонили чашу весов в сторону выбранной ими стороны, и оказалось, что Эртогул помог войску султана Алаэддина Кей-Кубада, властителя всего Конийского султаната. Сражалось это войско с отрядом монголов, от которых только недавно ушёл кайы Эртогула. В награду за такое деяние и был дарован удж с центром в городе Сёгют и наказано отражать нападения ромейских владык.

Комната погрузилась в тишину. Слышно было лишь изредка бульканье воды в колбе кальяна, а также шипение углей.

— Чему нас учит эта история, Мустафа-бей? — бархатный спокойный голос наконец прервал тишину через несколько минут молчания.

— Тому, что помогать следует тому, кто сможет тебя за это вознаградить, — медленно кивнул своим собственным словам тот, — Иначе даже самая великая доблесть и благородство не смогут помочь твоему народу.

— Всё верно, Мустафа-бей. Если ты хочешь не только получить выгоду лишь в конкретный час, а заложить основы для будущего могущества и процветания, а значит и для счастья твоего народа, то когда видишь бой, то нужно помогать тому, кто сможет тебя потом одарить чем-то, что сможет стать основой этого самого могущества, — голос замолчал, снова заклокотала вода, зашипели угли и появилось облако дыма в полумраке, — Отчего же тогда, Мустафа-бей, шелудивый ты ишак, к тебе приходят мракоборцы и пытаются тебя арестовать?

Голос был скорее насмешлив, чем груб, но по спине турка пробежали мурашки, попадать в немилость к Хакиму не хотелось, очень не хотелось.

— Я не имел возможности узнать у них самих, мои русские защитники их выкинули в яму со свиным навозом, — он развёл руками в воздухе.

— Мустафа-бей, ты отвечаешь будто неразумная девка в публичном доме, — голос по-прежнему был насмешливым, однако Озтюрк понимал, что в любой момент эти насмешки могут смениться бурей, — Ты доверяешь этим русским наёмникам? Куда ты дел свой разум?

Мустафа неспеша потянулся за своей чашкой, также неспеша отпил кофе и поставил чашку обратно.

— Хаким-бей, я им не доверяю, однако не могу понять, почему ты меня поносишь такими скверными словами, — он попытался унять поднимающееся изнутри беспокойство, — Я торговец, я знаю, как вести дела с теми, кто любит золото больше верности.

Снова повисло молчание в комнате, снова забулькала вода и зашипели угли, показавшись в темноте. И после раздался голос:

— О, Мустафа-бей, ты же в курсе, что совсем скоро на этой земле все эти люди вцепятся друг другу в глотки?

— Да, конечно, — неспеша кивнул тот, — Именно поэтому я жду, как расположатся эти силы. В текущей ситуации я считаю самым лучшим оставаться в стороне.

Забурлила вода, зашипели угли, из темноты появилось облако дыма.

— Есть правда в твоих словах, Мустафа-бей, — голос стал более спокойным, — Однако же русские всегда останутся гостями в этой стране. Как и мы сейчас, как и много наших

братьев и сестёр. А последователи этого немца Хайма всегда останутся врагами нам и всем нашим братьям и сёстрам.

— С русскими я договорился, они приняли моё предложение и расположат своих солдат на моих теплицах, по четыре десятка бойцов с бронетехникой, — спокойно в тон Хакиму отвечал Мустафа, — Этим мы обезопасим наши базы от Густава Хайма.

— Мустафа-бей, ты же знаешь, что теперь в этой земле новый верховный мракоборец появился? — неожиданный вопрос Хакима застал Мустафу врасплох, он догадывался, что выброшенный из его кабинета Рихард фон Мольтке быстро перестанет занимать свою должность, но вот такую скорую смену проворонил. Хаким словно увидел незнание собеседника, потому решил продолжить, — Теперь главой Департамента Магического Правопорядка у них здесь стал Виктор Шваниц, а он имеет много дел с русскими. Я бы даже сказал, он их намерен использовать в своих целях, в том числе против Густава Хайма. — Хаким снова выпустил облако дыма, — Я вижу твоё замешательство, Мустафа-бей, но здесь я не хочу тебя ругать, я хочу тебя попросить сделать одно дело.

Хаким никогда не приказывал, по крайней мере, на памяти Мустафы такого не случалось, но также и не случалось того, чтобы его просьбу не выполняли.

— Я прошу тебя, Мустафа-бей, отправься к немцу по имени Якоб Притвиц. — Хаким выпустил облако дыма, — Он из тех, кто будет в скором будущем брать власть в Германии. Отправься и предложи нашу помощь. Сейчас этот немец в союзе с Густавом Хаймом. Ты прекрасно понимаешь последствия того, если он придёт к власти, — снова забулькала вода, зашипели угли, и из темноты появилось облако дыма, — Потому предложи Якобу, чтобы мы были его бойцами, а не те немцы. Напомни, ему, что против него скорее всего выступят мракоборцы, а у мракоборцев есть русские. — Хаким словно бы увидел, что Мустафа хочет с ним поспорить, потому продолжил, — Ты молодец, Мустафа-бей, что заключил договор с русскими, даже твой рассказ им про нашу деятельность и планы играет нам только на руку, — Мустафу прошиб холодный пот, их точно никто не подслушивал в его кабинете, когда они общались с представителями W&C, — Ты распыляешь и отвлекаешь их силы, так что прямо так можешь и рассказать этому немцу. Пусть он отдалит от себя Хайма, а приблизит нас с нашими воинами.

— Мне нужно знать, когда придут наши воины, — в горле Мустафы пересохло от волнения, потому он спешно потянулся за кофе и отпил из чашки.

— Воины будут прибывать в ближайшем будущем. Все твои теплицы будут заняты в течение пары недель, — если бы Озтюрк видел лицо Хакима, то увидел бы его ухмылку, — Но вот через пару дней в Гамбург придёт Али Демир со своим отрядом. Держи его подальше от русских. Но этого немца можешь познакомить с ним.

— Что попросить взамен за нашу помощь? — голос Мустафы по-прежнему был глухим и сдавленным.

— Тех двоих детей, которых тогда не довели до тебя, Мустафа-бей, — улыбка Хакима по-прежнему была незаметна в полумраке, — Мне нужны двое детей и небольшой кусочек земли у холма Калькризе в Везерских горах[2].

— Большая цена Хаким-бей. — Мустафа допил кофе и справился со своим голосом.

— Так и помощь большая, которую мы сможем оказать.

— Позволь спросить, а разве не нужно нам найти ещё и девочку?

Тишина повисла в комнате, Мустафа сел прямо и пытался рассмотреть своего собеседника, но видел лишь время от времени разгорающиеся угли и дым, появляющийся

откуда-то из темноты.

— Если ты намекаешь на месть за гибель Сибель-ханым, то повремени, — голос был задумчивым, — Пока что нужно сделать то, что я тебя попросил, — снова заклокотала вода, разгорелись угли и появился дым из темноты, — Скажи, Мустафа-бей, а зачем ты всем этим занимаешься?

— Ради денег и богатства, — Мустафа не удивился вопросу, Хаким часто спрашивал подобное, и потому прекрасно понимал, что юлить не имеет никакого смысла.

— Хороший ответ, — задумчиво произнёс Хаким, — А зачем ты помогаешь нашим братьям и сёстрам?

— Потому что сегодня помогаешь ты, Хаким-бей, а завтра помогут уже тебе.

— Это тоже хороший ответ, — сквозь темноту не было видно улыбку Хакима, — Ступай.

Мустафа учтиво поклонился, поднялся с подушек и знакомым ему путём направился на выход, надеясь на улице отдышаться от запаха благовоний и кальяна.

1 — Уагаду — древняя африканская школа магии, расположенная в горном хребте «Лунные горы».

2 — Везерские горы — невысокая цепь холмов высотой до 336 м над уровнем моря в регионах Северный Рейн-Вестфалия и Нижняя Саксония.

*

(15 августа)

По утреннему тротуару Террасы Брюля над Эльбой шла Кристина Фавр де Поль в своём светлом брючном костюме, держа за руку Марту Мирбах, которая сосредоточенно уплетала свой пломбир в стаканчике. В другой руке француженка держала стаканчик с кофе и старалась не наступать на стыки тротуарной плитки, ровно как девочка. Рядом с ней шёл в своей тёмной рубашке и брюках Филипп Лестрейндж, также со стаканчиком кофе в руке, время от времени ворчавший, что его мама готовит этот напиток лучше.

Людей на набережной в это время почти не было, прогулочные теплоходики стояли у причалов, возле них откровенно зевали их не так давно проснувшиеся капитаны. Свежий ветер дул от реки и ласково трепал волосы гуляющих волшебников.

— Фройляйн Фавр де Поль, а герр Лестрейндж всегда такой зануда? — после очередного ворчания француза спросила девочка.

— Да, Марта, всегда, зато он делает вкусный кофе, — француженка засмеялась и хитро посмотрела на своего помощника, — Потому и работаем вместе.

— Фрау Арслан тоже хороший кофе делала, — Марта откусила пломбир, и произнесла совсем не по возрасту мрачно, — Это единственное, что мне в ней нравилось.

— Она была из Турции, там умеют его делать, — сказал Филипп, сделал глоток кофе, поймал на себе чуть насмешливый взгляд начальницы и сам рассмеялся, — Ну, что? Кофе и в целом не самый лучший.

— Зато мороженое хорошее здесь, да Марта? — Кристина повернулась к девочке. Та посмотрела на неё, улыбнулась и кивнула, — Что думаешь делать с тем, что написал утром Поль?

— Абрабанели мутят воду, — задумчиво взглянул на Эльбу Лестрейндж, — Но не вижу смысла бросать нашу затею и возвращаться в Париж. Поль в курсе, он справится.

— Согласна, — кивнула Фавр де Поль.

— Не могу только понять, почему её поставили Ректором?

— У меня, конечно, большие вопросы к тому, каким образом она выжила после нападения де Тулона, — Кристина отпила свой кофе, — Но она всё же бывший декан. При ней у Шармбатона есть шансы не захиреть. А что до их с братом дел, так это было ожидаемо.

— А зачем им вообще это всё?

— Как всем во все времена, деньги и власть. Это они только прикрываются рассказами о свободе, и какой я страшный диктатор.

— Странно просто, — повёл плечами Филипп, — Абрабанели не бедствуют.

— Золота никогда не бывает много, — усмехнулась Кристина, — Опять же, одна валлонская выскочка запретила исследования по некромантии.

— Они же вроде не занимались этим искусством. — удивился Лестрейндж.

— Ну, они не занимались целенаправленно, но Серафима, например, часто работала вместе с Жаном, как и её брат. Ты думаешь, почему у меня вопросы к ней, как к единственной оставшейся живой в том безумии?

Филипп кивнул, отпил кофе и снова задумчиво посмотрел на реку.

— Фройляйн Фавр де Поль, а почему Вы заточили всех некромантов в темницу? —

беззастенчиво спросила Марта.

— Идёт следствие, — улыбнулась ей француженка, — Один сошедший с ума некромант натворил во Франции много ужасных дел, а так как у него много было последователей, то пришлось нам их взять под стражу. Сейчас, пока мы здесь, мракоборцы в нашей стране разбираются, что стояло за этим безумием, — она поморщилась.

— И всех потом казнят, как дядю Валерия? — девочка укусила пломбир.

— Это не я решаю, а суд, — серьёзно посмотрела на неё Кристина.

— Надеюсь, невиновные не пострадают, — также серьёзно ответила Марта, укусила пломбир и отвлеклась на реку.

— Не верю я в заговор, — произнёс Лестрейндж.

— В некромантский? — посмотрела на него Фавр де Поль, — Я тоже. Но там не египтищут, ты же помнишь.

— Да помню, — кивнул её помощник, — Просто именно этим пользуются Абрабанели. Мне это не по-душе.

— Они хотят власти. Власть даруют свободу, для них. Именно эту свободу они имеют в виду, когда говорят о ней. Опять же, в чьи руки попадут все манускрипты, которые мы изъяли у задержанных, если Иосиф Абрабанель станет Министром Магии?

— Это-то понятно, просто когда другие слышат о свободе, они не об этом думают.

— Потому нам надо довершить дело здесь, — Кристина отпила свой кофе.

— А Гельмута и Матиаса пока не нашли? — девочка снова посмотрела на француженку. Та грустно покачала головой.

— Они точно живы и здоровы, но мы не знаем, где они.

— Если мы не найдём их, тогда что? — девочка остановилась и пристально посмотрела на Кристину. Та отпустила её руку и присела перед ней на корточки.

— Мы возьмём тебя с собой во Францию, как я и говорила, — голос Фавр де Поль стал очень добрым, — Будешь жить в поместье своего дяди.

— Он же преступник.

— А ты наследница, — Кристина взяла девочку за плечи, — И в его делах не замешана. Будешь жить в Руане, в доме своего дяди. Или ты хочешь остаться здесь?

— Я... я не знаю, — девочка опустила взгляд и шмыгнула носом.

— Ну, тише, — француженка обняла её и стала гладить по голове свободной рукой, — Если хочешь, можешь и тут остаться, только здесь мы не сможем тебя защитить, а ведь мы обещали, помнишь?

Марта шмыгнула носом и кивнула, уткнувшись в плечо Кристины.

— Никто насильно тебя не заберёт во Францию, обещаю, — та продолжала гладить девочку по голове, — Ты мне веришь?

— Верю, — пискнула девочка и снова шмыгнула носом. Затем обняла француженку,

— Я рада, — ответила та и поцеловала Марту в макушку, — Пойдём гулять дальше, а потом отправимся в поместье?

— Да, — Марта пискнула уже чуть веселее, подняла лицо, по которому текли слёзы, и посмотрела на Кристину, — Завтрак был вкусный.

— Я рада, — улыбнулась та и поцеловала её в лоб, поднимаясь и подавая руку, — Пойдём.

Девочка тоже улыбнулась и взяла её за руку.

Над Дрезденом всходило летнее солнце, обещая очень жаркий день. От Эльбы дул

свежий ветер, слышался плеск волн и шум автомобилей на противоположной стороне реки.

**

(15 августа)

Такси остановилось у длинной каменной ограды. Высотой та была примерно в полтора человеческих роста и перелезть на другую сторону в целом было не самым сложным делом, тем более, что между каменными столбами тянулись железные решётки, увитые плющом.

Из машины вышли Нина и Рудольф и огляделись. Такси, шурша шинами, уехало вдаль.

— А почему здесь? — русоволосый парень с волосами, собранными в шишку, огляделся.

— Так надо, — важно ответила Нина, затем рассмеялась и мотнула головой в сторону забора, — Я же тебе говорила, задание от отдела.

— Я обещал не задавать вопросов в такси, но вот оно уехало, а вопросы остались, — Рудольф озадаченно потёр рукой затылок.

— Дай угадаю, первый вопрос, почему мы не решили заходить через ворота? — девушка ухмыльнулась, достала смартфон, что-то на нём набрала и спрятала обратно в карман.

— Из нефундаментальных, да.

— А из фундаментальных? — она посмотрела на своего спутника, чуть наклонив набок голову.

К лицу немца прилила краска, он почесал нос, засопел, потом ещё раз почесал. Обернулся, посмотреть, не едет ли кто сзади по дороге, потом всё же собрался с духом и произнёс:

— Ты тогда в баре подумала, что ты мне просто не понравилась, потому я сказал, что я гей, а теперь решила проверить?

Нина заливисто расхохоталась. Рудольф ещё более густо покраснел и стоически дождался пока девушка успокоится.

— Фух, нет, меня просто Миша с Эдиком достали, — наконец произнесла она пытаясь успокоиться. Зажужжал браслет на запястье, она посмотрела на него, что-то хмыкнула и повернулась к собеседнику, — Пойдём, правда же, не через ворота же нам. Сигнализации и собак не обещали.

— Ты про Романова и Рихтера? — Рудольф смотрел на Нину так, словно она его разыгрывала. А та тем временем уже подошла к забору и стала проверять его на прочность.

— Ну да, после того случая они то и дело шутили по мотивам моего неудачного к тебе подката, — она сняла клетчатую рубашку и осталась в зелёной майке. Немец успел подумать, что не будь он геем, то сейчас должен был провалиться со стыда за то, что отказал тогда в баре в продолжении вечера.

А тем временем Нина осознала, что перелезть через забор в рубашке, повязанной на поясе, не самая лучшая идея, потому просто просунула руку сквозь решётку и положила рубашку на куст на той стороне.

— Вот они пошутили, а ты теперь Лара Крофт, — попытался то ли сказать комплимент, то ли пошутить юноша, но успел разглядеть, что кроме коротких шорт и облегающей майки, на Нине был ещё пояс, на котором висела кобура, фонарик и несколько сумок, в одной из которых, как он подумал, должен был находиться планшет, не иначе.

— Хорошо лазишь? — она ухватила за прут решётки и повернулась к немцу, оценивая его внешний вид, — Рубашку сними и так же перекинь, и тапки тоже, наверное.

Рудольф посмотрел на себя и увидел, что он не слишком хорошо подготовился к подобным трюкам. Хотя, если честно, он к ним вообще не был готов, его Нина позвала

съездить по одному делу в Саксонию погулять по парку. Она не говорила, что в парк нужно будет попадать через забор.

Потому он вздохнул, снял цветастую рубашку и остался в футболке своего университета, бриджах и сланцах. В его поясную сумку рубашка явно не могла поместиться, потому он последовал примеру этой двинутой рыжей девушки, как уже успел обозвать её в своих мыслях.

Двинутая рыжая девушка уже сидела на заборе на верхней перекладине ровно между острыми пиками и с любопытством наблюдала за ним.

— Цепляйся за перекладину, подтягивайся и за следующую, — произнесла она, как опытный инструктор, а после спросила, разглядывая мускулатуру, парня, который полез за ней, — А ты точно гей?

— Точно, — выдохнул тот, подтягиваясь к первой перекладине.

— Тогда понятно, почему тебя так спокойно отпустили со мной, — хихикнула Нина и в несколько лёгких движений спустилась с другой стороны.

— Я доказал Петеру, что это по-работе, — парень оказался наверху и стал не слишком ловко спускаться вниз.

— Он у тебя ревнивый что ли? — девушка подобрала рубашку, повязала её себе на пояс и достала смартфон.

— Не то слово, — выдохнул Рудольф и оказался на земле, — Не ревнует только к Гансу, потому что хорошо знаком с его женой.

— А почему он тебя может ревновать ко мне, если я девушка, а ты по юношам? — она оторвалась от планшета, вид у неё был очень серьёзным.

— Говорит, что до этого у него был парень, которого отбила у него девушка, — немец оказался на земле и стал подбирать свою рубашку, — Вот и переживает. Что-то случилось?

— Да вроде бы нет, — пожалла Нина плечами, — Думаю, это никак не повлияет.

Девушка достала из одной из сумок микронаушник, включила его и вставила в ухо.

— Зена в канале, — произнесла она, приложив палец к уху, после удовлетворённо хмыкнула и кивнула, — Принято.

— Это у тебя позывной такой? — удивился Рудольф.

— А у тебя такого нету, — Нина показала язык парню и потрянула хвостиками на голове.

— Зато у меня парень есть, — насутился тот.

— Который тебя дальше бара с другом-подкаблучником не отпускает.

— Ну, сюда же отпустил!

— Это по-работе!

Тут они оба рассмеялись, видно было, что напряжение и неловкость первых минут после выхода из такси спали.

— Смотри, Рудь, мы здесь и правда по-работе, — начала она серьёзным тоном говорить, когда они вышли из кустарников на тропинку, сориентировались в направлении и пошли, — Нам нужно просто сходить посмотреть, поиграть в детективов.

— Но мы самовольно проникли на частную территорию, потому хозяева вправе вызвать полицию, — добавил Рудольф.

— Хозяева не вызовут, их убили.

— А, вот как, — немец аж остановился на дорожке, ошарашенный известием, — Ну, дети бывших хозяев.

— Дети бывших хозяев похищены.

— Чем занимается наша компания? — в голове юноши появилась ирония.

— Военным консультированием и чуть-чуть играет в детективов, — Нина хитро ухмыльнулась, — На пол-ставки.

— Я видел только какую-то охрану теплиц и ещё чего-то.

— Угу, при помощи бэтээров, — саркастично заметила девушка и жестом позвала за собой.

— То есть тут будет пустующее поместье? — спросил Рудольф, когда они вышли на открытую лужайку, где метрах в двухстах от них стоял трёхэтажный особняк конца XIX века.

— Возможно с призраками, — кивнула рыжеволосая русская, глянула в смартфон и двинулась по дорожке к дому, — Почему ты его не бросишь?

— Кого? — удивился немец смене темы, но пошёл рядом, не отставая от спутницы.

— Петера своего, — там посмотрела на него, потом куда-то вдаль на садовые скульптуры из деревьев, — Вы ж с Гансом оба в не самых здоровых отношениях. С той лишь разницей, что у него они более традиционные.

— Да люблю я его, — пожал плечами Рудольф, — И Ганс свою Луизу любит.

— А часто даёшь поводы для ревности? — они прошли мимо ажурной беседки, возле которой был фонтан со скульптурами рыб и рыбаков. Жаль только, не работал.

— Да нет, с Гансом один раз разве что, но там Петер не узнал, — потупил взор парень.

— Ах, ты засраааанец! — растянула слог в одобрительном тоне Нина, — Кстати, не думал, что твой Петер с этой Луизой тоже может того?

— Предпочитаю не думать об этом, — поморщился её спутник, — А вот за такое предположение Луиза Гансу устроила скандал.

Нина многозначительно закатила глаза.

Когда парень с девушкой почти подошли к крыльцу дома, то заметили, что у края лесной части парка по направлению к дому идут три человека: двое взрослых и ребёнок. В другой части парка показались ещё две взрослые фигуры. А неподалёку, в одной из беседок по дорожке, перепендикулярной той, по которой Рудольф с Ниной шли, стояли двое мужчин и о чём-то увлечённо беседовали.

— А парк-то я смотрю пользуется популярностью, — произнёс Рудольф.

— А не должен, — пробормотала Нина и дотронулась пальцем до уха, — Миша, а что за движуха в парке? — некоторое время она молчала, слушая, — Поняла.

— Что там? — спросил немец.

— Ну, нам советуют не высовываться, не маячить и не показываться лишний раз людям на глаза.

— Это понятно, — он повёл плечами, поднялся на крыльцо, подошёл к дверям и аккуратно их на себя.

Двери на удивленье легко открылись и сотрудники W&C прошмыгнули внутрь.

Они стояли в большом холле, от которого уходила широкая массивная лестница на второй этаж. Лампы не горели, но дневного света из окон вполне хватало для того, чтобы всё видеть. Дом не казался покинутым, здесь было всё таким, словно хозяева просто уехали на некоторое время, но в любом случае вернуться.

— Хотел спросить, — Рудольф на всякий случай понизил голос до шёпота, — А зачем тебе пистолет, ты же аналитик?

— Чтобы стрелять в людей, Рудик, — усмехнулась Нина, — Пойдём, прогуляемся.

— А мы здесь что-то конкретное ищем?

— В том-то и дело, что я понятия не имею.

Они медленно двинулись по коридору, уходящему вправо мимо портретов в массивных рамах. Их аккуратные шаги гулко звучали под сводами. Нина на всякий случай даже раскрыла кобуру, вдруг и правда придётся стрелять в людей. Но никого в доме пока не было видно, либо они с Рудольфом их пока не нашли.

Через пять минут заговорил наушник голосом Михаила. Нина остановилась и жестом приказала тоже самое сделать и своему спутнику. Послушала внимательно начальника, а потом серьёзным тоном произнесла:

— У нас могут быть некоторые проблемы. Все люди, которых мы видели на улице, все пошли в дом.

— Зачем? — не понял Рудольф.

— Не хочу выяснять, — и тут же хлопнула массивная входная дверь, и в холле раздались голоса, — А ещё мне сообщили, кто зашёл в здание.

— И кто это? — голос немца стал взволнованным, — Какие-то опасные люди?

— Уж поопаснее твоего Петера, — отмахнулась Нина и снова стала слушать голос начальника в наушнике.

(15 августа)

Входная дверь со скрипом закрылась за ними, и трое волшебников остались стоять посреди просторного холла. Прямо перед ними навверх уходила широкая лестница с ажурными перилами. Дальше она раздваивалась, уходя направо и налево на второй этаж. Слева и справа от волшебников протянулись длинные коридоры, ярко освещённые солнечным светом с улицы, что лился сквозь многочисленные окна.

Свет нигде не горел, но солнечные лучи сквозь окна с улицы ярко заливали коридоры. Видно было, что дом стоял нежилым уже некоторое время, потому в косых лучах отчётливо виднелась пыль, висящая в воздухе.

— Слуги, видимо, разбежались, — пробормотала Кристина Фавр де Поль, оглядывая пустынный холл.

— Их фрау Арслан подговорила, — недовольно произнесла Марта Мирбах, — Она всем сказала, что раз маму с папой убили, так и тут жить больше никто не будет.

— Интересно, почему вот там пыль стоит в воздухе, — Филипп показал на правый коридор, — А вот там меньше, — он показал на левый.

— Может, сквозняк? — предположила Кристина, — А может, мы тут не одни. В любом случае мы почти пришли.

— Папин кабинет на втором этаже, — произнесла Марта и начала подниматься по лестнице. Остальные последовали за ней.

Их ноги мягко ступали по пыльному ковру на лестнице. Над верхней площадкой во всю ширину лестницы висел огромный щит с изображёнными на нём оленьими рогами и рыцарским шлемом над ними. Марта остановилась под ним и задумчиво стала разглядывать.

— Герб твоего рода? — чуть слышно произнесла Кристина.

— Угу, — кивнула девочка, — Я подумала, а что если я останусь одна, тогда этот дом займёт кто-то другой.

— Почему ты так думаешь?

— Ну, если я останусь одна, то род не продолжится, — она подняла взгляд на французенку, и в нём явно читалось непонимание смысла заданного ей вопроса.

— У тебя разве не осталось родных? — отозвался Филипп, тоже смотревший на щит.

— Не-а, — помотала головой Марта, — Фройляйн Фавр де Поль казнила дядю Валерия а Гельмут и Матиас пропали, — она взяла Кристину за руку и потянула на боковую лестницу, — Пойдёмте, мы же в папин кабинет идём.

— Даже среди маглов не осталось никого? — Лестрейндж стал подниматься вслед за начальницей и девочкой.

— Мама с папой предпочитали называть их кайнцауберами, — всё также серьёзно отвечала Марта, ведя француженку за собой, — Но мы с ними одинаковые, так учил папа.

— Они же не умеют творить волшебство, — возразил француз.

— А мы не умеем пользоваться компьютером. — Марта остановилась и посмотрела на него, — Ну, вы. Нас папа научил. Он знал секрет.

— Мы тоже хотим выучить этот секрет, чтобы он не пропал. — Кристина поймала взгляд девочки и та увидела искренность в её глазах и продолжила идти наверх.

Когда они оказываются на верхней площадке, Марта оборачивается к французам и серьёзно у них спрашивает:

— А зачем вам это?

— Волшебство истекает из мира, — Лестрейндж практически не задумывался над ответом.

— Папа говорил, что оно всегда истекало, — пожала плечами девочка и перевела взгляд на Кристину.

— Нас осталось слишком мало, — ответила та, — Во Франции погибло за несколько дней два десятка волшебников, большинство из знатных родов, цвет французского волшебства. Только сближение с маглами сможет нас спасти от вымирания.

— И поэтому Вы казнили дядю Валерия? — девочка очень внимательно смотрела на свою собеседницу.

— Это было правосудие, — внизу хлопнула входная дверь и раздались приглушённые голоса.

Марта вздрогнула, схватила Кристину за руку и побежала по коридору. Филипп проследовал за ними. Снизу то ли не слышали топота их ног, то ли не сообразили, откуда идёт звук, но к ним никто не поднялся. Хотя в парке перед усадьбой они успели увидеть достаточно странных личностей, ошивавшихся неподалёку.

По более тёмному, чем нижний, коридору они добежали до совершенно неприметной двери, возле которой Марта затормозила:

— Вот, папин кабинет, — сказала она, пытаясь отдышаться.

— Ну, лучше тебе, — Кристина пыталась скрыть своё волнение, — Открыть лучше тебе.

— Фройляйн, бояться здесь нечего, — девочка положила ладонь на ручку и повернула её. Замок щёлкнул, девочка открыла дверь и переступила порог. Взрослые стали топтаться за порогом, всё же опасаясь входить.

В кабинете было темно из-за плотно задёрнутых штор, потому Марта нашарила на стене выключатель и вспыхнули лампы на стенах.

— Заходите, здесь нет ничего страшного, — она издала ехидный смешок, — Техномагия не страшная.

Кристинка занесла ногу для шага, но тут поймала пристальный взгляд девочки, которая смотрела куда-то в сторону порога, потому остановилась и поставила ногу на порог, чуть испуганно и вопросительно глядя на Марту. Та прыснула, развернулась и подошла к столу

своего отца.

Фавр де Поль и Лестрейндж всё же зашли внутрь и огляделись. Кабинет оказался не очень большим. Посредине у противоположной от двери стены стоял массивный дубовый стол. Слева — ещё один, небольшой, на нём стоял выключенный моноблок. А слева — шкаф с закрытыми дверьми.

Девочка обошла стол и забралась в кресло, откинулась на спинку, закрыла глаза и глубоко вдохнула. В кабинете всё ещё стоял запах парфюма её отца, тот самый аромат свежести и хвои, по которому Марта всегда могла опознать его нахождение рядом.

Сама младшая Мирбах не часто бывала здесь, но всё ей напоминало о нём, и о том, что она больше никогда его не увидит, и что когда-то этот кабинет может стать её. Если она выживет и найдёт братьев.

Решив про себя, что плакать от нахлынувших чувств она не будет, а будет сильной, Марта открыла глаза и увидела, что французские волшебники так и стоят там же, где были, когда она забиралась на кресло своего отца.

— Фройляйн Фавр де Поль, не бойтесь, — попыталась улыбнуться девочка, но осознала, что губы её всё же дрожат от нахлынувших чувств, потому она отвела взгляд и стала разглядывать предметы, лежавшие на столе, — Если Вы думаете, что здесь полным-полно ловушек, то ошибаетесь, папа не любил их.

На столе лежали какие-то записи, ворох бумаг, но непонятно, было в этом что-то важное для тех, с кем она сюда пришла.

— Мадемуазель, что мы ищем здесь? — спросил Лестрейндж, подойдя к шкафу.

— Валерий говорил, что имеется манускрипт, написанный Генрихом Мирбахом... — пробормотала Фавр де Поль, чуть рассеянно подойдя к столу и разглядывая записи, — Марта, ты не знаешь ничего такого?

Девочка отрицательно покачала головой и открыла верхний ящик стола. С трудом вытащила тяжёлый гроссбух и положила его на стол.

— Это похоже на манускрипт, — усмехнулся Филипп.

— Забирайте тогда, — пожала плечами девочка, открыла второй ящик, поперебирала там вещи, свесившись к нему с кресла, а потом закрыла и спрыгнула на пол.

— Филипп, скажи, а почему мы не взяли сумку? — Кристина взяла в руки книгу, та оказалась вполне увесистой.

— Потому что не подумали, — Филипп подошёл к начальнице и забрал гроссбух.

Марта на ватных ногах подошла к шкафу и прикоснулась к дверце. Весной в первый тёплый день здесь было открыто окно, из него дуло тёплым ветром. Отец стоял у окна и улыбался. В комнате пахло снеговой весенней свежестью и хвоей.

Она шмыгнула носом и открыла дверцу. Стиснув зубы, вытащила оттуда небольшую сумку, и, не поднимая взгляда, подошла ко взрослым и протянула её.

— О, ну что ты! — воскликнул Лестрейндж присаживаясь возле неё.

— Дорогая! — выдохнула Кристина и также присела рядом с девочкой, обняла и прижала к себе. Та зарыдала и крепко обняла француженку.

(15 августа)

В наушнике Нины снова заговорил голос Романова. Девушка остановилась с занесённой к дверной ручке рукой и медленно развернулась. Где-то в конце коридора, прошло два человека.

— Что там? — Рудольф заметно нервничал от этого дела, успев уже пару раз подумать, что зря Петер разрешил ему поехать в Саксонию погулять с этой рыжей русской.

— Ты меня остановил от того, чтобы внутрь зайти, — ворчливо произнесла та в наушник.

— Нина! — окликнул её немец и потащил в угол к портьеру. По коридору шли уверенным шагом двое молодых людей. Кроме того, что они почему-то были одеты в пиджаки и рубашки в такую погоду, в них ничего не было необычного.

— Погоди, тут двое к нам идут, — прошипела в микрофон девушка, и они вместе с Рудольфом оказались за портьерой, молясь, что их не заметят там.

Молодые люди поравнялись с их убежищем и тоже подошли к двери.

— Не завидуешь? — почему-то спросил один, что стоял спиной к портьеру.

— Кому? — удивился второй, — Гансу-то? Ни в коем разе, — он открыл дверь и зашёл внутрь комнаты.

— Ну, он забрал себе все лавры, — произнёс голос мужчины, но уже из комнаты. Нина сделала себе щель в портьеру, чтобы можно было подглядывать.

— И теперь его голову хотят получить эти русские, — раздался насмешливый голос.

— Лучше я буду на вторых ролях, но в итоге выживу.

Послышалась какая-то возня, прошедшие люди явно двигали мебель, но Нине не было видно из её убежища. В наушнике постоянно задавал вопросы Михаил, на которые Нина отвечала коротко, что всё хорошо, и они прячутся. Но главу аналитиков интересовали подробности, а подробности с места, где прятались русская и немец как раз-таки не было видно.

Но вот раздалась шага с противоположного конца коридора, примерно от холла с большой лестницей. Видимо, мужчины, двигавшие мебель в комнате тоже их услышали, потому что один из них показался на пороге. И вот его было хорошо видно Нине, и она узнала его, это был Иржи Новак, тот самый призрак, родившийся в Чехословакии и почти не оставивший следов в базах данных.

Нина извернулась, стараясь не дёргать портьерой, вытащила смартфон и послала Михаилу сообщение: “Здесь Иржи Новак, с ним ещё один, нашу охрану не видно”.

Шаги по коридору приблизились, Иржи что-то сказал второму мужчине, но Нина не расслышала что, а потом сделал шаг вперёд и преградил путь двум молодым людям в красных распахнутых мантиях.

— О, а вы здесь какими судьбами? — Новак приветствовал их словно старых друзей.

— А вы здесь, какими судьбами, герр? — один из мужчин встал так, что закрыл весь обзор Нине, кроме части лица Новака.

— Новак, Иржи Новак, — судя по-всему он протянул руку мужчине. Нина заметила, что второй подошедший человек в красной мантии ухмыльнулся.

Девушка набрала сообщение своему начальнику: “Здесь наша охрана, они разговаривают с Новаком, мы прячемся за портьерой”.

— Зигмунд Борн, — видимо, пожал руку мужчина в мантии. И тут же его чуть-чуть к себе притянул Иржи.

— Гебитен, — прошептал он, Нина заметила, что его глаза на мгновение стали ярко-синими. Наваждение быстро пропало, а сам он схватил мужчину, представившегося Зигмундом, сзади за шею, притянул к себе и стал что-то быстро шептать тому на ухо.

Второй человек в мантии поздоровался со спутником Новака и бросил взгляд на

портьеру, за которой прятались Нина с Рудольфом. Взгляд не задержался на этом месте долго, но у Нины всё внутри успело сжаться от страха..

— И раз у нас появились союзники, то давайте найдём этих лягушатников, — усмехнулся Иржи Новак, и они все вчетвером отправились обратно по коридору в сторону холла.

“Иржи что-то сделал с нашим охранником Зигмундом, он произнёс Гебитен, у него посинели глаза, а потом они все вчетвером отправились по коридору, видимо, за Фавр де Поль”, - написала сообщение Нина.

И только когда мужчины ушли на почтительное расстояние, они с Рудольфом выбрались из своего убежища.

Нина одной рукой прижала наушник, а второй крепко схватила своего провожатого за руку и потащила в распахнутую дверь комнаты, куда изначально и пыталась зайти. Немец не стал сопротивляться, благоразумно посчитав, что в случае опасности именно Нина будет его спасать, а не наоборот. В комнате горел яркий свет от ламп, но были плотно задёрнуты шторы.

— Миш, мы в гостиной, — сказала Нина Романову, — Ага, всегда надеялась. Ну, эти деятели тут что-то искали.

Вокруг них были разбросаны кресла в полосатой обивке и с ножками в виде кошачьих лап. Рядом с дверью был высокий камин, в котором, судя по его виду, давно не жгли дрова.

— Они что-то здесь искали? — Рудольф начал оглядываться, не понимая, зачем он вообще тут находится.

— Да, — кивнула Нина и стала осматривать комнату, — А ещё у нас теперь нет охраны.

— А была? — удивился немец.

— Видел парней в красных мантиях? — она обернулась на него, — А, тебе-то видно не было. В общем было двое охранников, один нас предал, а со вторым что-то сделали, теперь он тоже не за нас.

— Он теперь против?

— Нет, они тут не ради нас, к счастью, — помотала девушка головой.

— А что мы ищем? — спросил Рудольф.

— Да знала бы... — Нина распрямилась, — Здесь уже всё прибрали после убийства.

— Убийства? — юноша ошарашенно воззрился на русскую девушку.

— Ну, четверное. Слышал, эти двое про Ганса разговаривали? — она увидела, что её собеседник утвердительно кивнул, — Вот это он и сделал.

У Рудольфа по спине побежали мурашки, он обернулся на раскрытую дверь в коридор и увидел там смуглого мужчину с острыми скулами. Одет тот был в тёмную рубашку и брюки, на плече у него висела сумка, как для ноутбука. Мужчина стоял, прислонившись ко входному косяку и наблюдал за происходящим в комнате. А в руке у него была какая-то палочка.

— Нина... — позвал девушку Рудольф, немного испуганным голосом.

Рыжеволосая русская обернулась на него и тоже заметила мужчину.

— О!.. — выдавила она из себя, как в дверном проёме появилась миловидная девушка в светлом брючном костюме. Её жёлтые кудри спадали на плечи, в одной руке у неё также была палочка, а вот второй она держала за руку девочку лет десяти в сером платье.

— Добрый день, мы не помешаем? — обворожительно улыбнулась девушка, шагнула в комнату, отпустив руку малышки.

— Нет, — также обворожительно попыталась улыбнуться Нина, узнав Фавр де Поль.

Она помнила те простые инструкции, которые давал Михаил перед этой поездкой. Они и правда были простыми насчёт этой французской барышни: “Быть вежливым, не перечить, выполнять всё, что попросит. Она настолько опасна, что Салтыков с Куприяновым не захотят с ней встречаться в прямом бою”. Помня рукопашные навыки Игната Кондратьевича или габариты Свята Вениаминовича, Нина удивилась тогда словам начальника, а вот сейчас, вблизи Фавр де Поль, она начала понимать их. От француженки недвусмысленно веяло опасностью, как от матёрой пантеры за стеклом вольера в зоопарке. Только вот сейчас стекла между ними не было, был Рудик и его нельзя было просто так одёрнуть, ведь это могло вызвать подозрения.

— А что вы тут делаете, и кто вы? — совершенно серьёзно произнесла девочка, но Нина и Рудик отметили про себя, что глаза у ребёнка заплаканы.

— А у нас тут свидание, — всё также волнующимся голосом выпалил немец, и натужно улыбнулся.

— В гостиной моих родителей? — девочка смотрела на него исподлобья. Темнокожий мужчина поправил лямку сумки на плече, обернулся в коридор и шагнул в комнату.

— Прости, мы не знали, — также натужно рассмеялся Рудольф, — Мы просто гуляли, зашли, вот, — он развёл руками.

— Вы здесь что-то искали, — Кристина продолжала обворожительно улыбаться и сделала шаг в сторону, перекрыв возможность Нине добежать до двери. Мужчина встал с другой стороны возле камина, также закрывая возможность выйти из комнаты для Рудольфа.

— Да у меня наушник выпал, — улыбнулась Нина и аккуратно развела руками.

— Что выпало? — не поняла Кристина и посмотрела на девочку. Та не обратила на этот жест внимания, внимательно разглядывая Нину.

— Ну, беспроводной наушник, выпал, закатился куда-то... — в голове Нины роились мысли, основной из которых было, успеет ли она выхватить пистолет в случае чего? Скорее всего нет, а самое поганое было, что она не могла ни написать, ни сказать что-то Романову, который отчего-то сам тоже не проявлял активности в наушнике. Видимо, посчитал, что если что-то случится, мы успеем сказать. Так вот, не успели.

— А кто вы такие? — повторила свой вопрос девочка.

— Мы работаем вместе, — рассмеялся и пожал плечами Рудольф, — Из Берлина приехали погулять, мы только начинаем встречаться, но любим путешествовать, — он посмотрел в сторону Нины, пытаясь прочитать по её лицу, что же ему самому делать сейчас, но лицо девушки ему никак не помогло.

— Мы просим прощения, что зашли в ваш дом, мы не знали, — он снова развёл руками, глядя на девочку.

Нина, пользуясь моментом, дотронулась до своего электронного браслета и послала сигнал бедствия. Но сама она понимала, что сигнал бедствия — это, конечно, хорошо, но он им не поможет в данной конкретной ситуации, если их начнут убивать прямо сейчас.

— Вообще мы здесь только мимо шли, — вдруг произнёс мужчина, обернувшись на какой-то звук в коридоре.

И тут же сильный взрыв потряс стену возле двери.словно бы кто-то кидал бомбу снаружи в дверной проём, но промазал, потому она разорвалась с внешней стороны совсем рядом с косяком.

Взрывной волной девочку и мужчину сбило с ног и бросило в сторону Рудольфа. Сам немец упал навзничь, оглохнув на оба уха. Кристина и Нина приземлились на перевернутые

кресла, где у русской перехватило дыхание, и зазвенело в ушах, а француженка сломала под собой небольшой стул, распластавшись на его обломках.

Комнату засыпала пыль и штукатурка. Сквозь пылевое облако через проём зашёл Иржи Новак, сжимая в руке палочку, чихнул. Затем ещё раз.

Зашевелился Лестрейндж, начала подниматься на ноги Фавр де Поль, словно ни в чём не бывало. Нина наблюдала туманящимся взглядом, как в комнату вошло ещё трое мужчин: двое в распахнутых красных мантиях поверх синих мундиров.

— Именем Августы фон Вальдбург! — один из тех, кто был в мантии направил свою палочку на лежащего возле Филиппа Лестрейнджа ребёнка. Его голос шёл как сквозь вату, Нина успела подумать, что как же громко он это произносит-то!

— Стойте! — голос француженки звучал точно также громко, и настолько властно, что все вошедшие мужчины обернулись в её сторону, замерев, — Я Кристина Фавр де Поль, глава Французской Директории, нахожусь при исполнении! Если кто-то посмеет напасть на меня или моих спутников, я расценю это как объявление войны Магической Франции!

— О, меня это полностью устроит, фрау! — злорадно рассмеялся Новак, вытащил вторую палочку и отступил назад к стенке, вставая в замысловатую стойку. Нина увидела вырезанные белые знаки, похожие на руны, на чёрном дереве его палочек.

Лестрейндж полностью поднялся, сам вставая в стойку, правда с одной палочкой на изготовке. Девочка аккуратно начала отползать за него, в сторону камина. Очнулся и приподнялся на локте Рудольф, ошарашенно разглядывая происходящее.

Кристина небрежным движением смахнула упавшую на лоб прядь волос, а потом также небрежно и чуть-чуть устало достала вторую палочку, встав в стойку, похожую на то, как стоял Новак

— Фройляйн, — негромко произнесла она, а после этого сразу начала движение, рассекая палочками воздух, — Ступефай! — закричала она направляя все удары в сторону одного из противников. Мужчина в красной мантии, который говорил про Августу фон Вальдбург, начав своё движение, нелепо дёрнул головой, закатил глаза, и завалился набок.

— Вербрант! — тут уже закричал Новак, выписывая движения, словно бы он собирает и зачёрпывает пламя, горящее вокруг, и пламя действительно материализовалось вокруг его оружия, а после безумный огненный поток понёсся в сторону Филиппа Лестрейнджа.

Тот попробовал что-то исполнить, и что-то даже крикнул, но пламя буквально снесло его с ног и отшвырнуло в сторону камина. Марта вскочила на ноги, подхватила сумку и рванула в сторону камина, но запнулась о ногу Рудольфа и растянулась на полу.

— Лаэ... — начал было своё движение второй человек в мантии, но Кристина Фавр де Поль уже успела закончить такое же движение, как Иржи Новак за минуту до этого, потому поток дикого пламени буквально смыл незадачливого волшебника и отшвырнул его тело в коридор.

Рудольф, повинувшись желанию защитить ребёнка, схватил девочку за руку и оттащил её к стене рядом с Лестрейнджем и камином. Та не сопротивлялась, но лишь крепко сжимала сумку.

— Блитсшлаг! — компаньон Новака исполнил замысловатое движение в сторону француженки, с его палочки сорвалась молния и полетела к цели.

Та соткала вокруг себя подобие кокона, так плавно и быстро они двигались, так что молния просто истаяла в воздухе. А после просто прыгнула в сторону, перекатилась и оказалась возле Лестрейнджа.

— Фольнис[1]! — Иржи двигал палочки так, будто протыкает тело противника и наматывает на них внутренности, на это Кристина ответила странным движением, которое слилось в единое с её атакой.

— Аххелитус! — и компаньон Новака выронил палочку и схватился за горло, хватая ртом воздух и пуча глаза так, словно бы почувствовал сильное удушье.

— Этринкен! — палочки чеха словно бы зачёрпывали невидимую воду, и вот уже водный поток понёсся в сторону француженки.

— Инсендио! — он встретился со стеной огня и иссяк.

— Контакт, Фавр де Поль и Новак дерутся посреди гостиной, я и Рудольф ранены, — шептала Нина в наушник, совершенно не представляя, слышит ли её Михаил на том конце.

— Импидимента! — Кристина взмахивала палочками, словно рубя огромное дерево, и Нина невооружённым глазом увидела поток воздуха, который ринулся от них в сторону чеха.

— Шульцен! — Иржи изобразил в воздухе круглый щит, и именно об него разбился направленный в него поток.

Филипп рядом с Рудольфом и Мартой не шевелился, его кожа обгорела, а одежда тлела до сих пор. Марта перехватила руку немца и потянула его внутрь камина.

— Ступефай! — Кристина подходила к своему противнику, делая движения такие же, после которых упал первый её противник в этом бою.

— Энтнервен[2]! — от былой бравады Новака ни осталось и следа, ему было явно не по себе от такого сражения. И двигался он с каждым разом он чуть медленнее, чем до этого, начиная уставать.

Марта с Рудольфом уже полностью забрались в камин, немец совершенно не понимал, почему слушается того, куда тянет его этот ребёнок, но желание спрятаться и уйти подальше отсюда было неодолимым. И он верил, что девочка знает, куда тянет. Затем она что-то крикнула и бросила на пол. Яркая вспышка полыхнула в камине, и они оба исчезли.

Грохот пистолетных выстрелов перекрыл крики бойцов.

Совершенно не опасаясь, что может задеть Кристину, Нина садила пули в бок Иржи Новака, как в тире. Одно, два, три, четыре попадания. Чех зашатался, отпрянул и прислонился к стене, наконец-то обратив внимание на русскую девушку в противоположном углу комнаты. Кристина удивлённо смотрела на своего противника с окровавленным боком, после всё же осознала преимущество момента:

— Лаэза Кордис[3]! — её палочка взметнулась в витиеватое движение, и красная вспышка озарила гостиную. Иржи Новак разжал ладони, волшебные палочки выпали на пол, а тело поползло вниз по стене.

Кристина, шатаясь от усталости, обернулась и оглядела гостиную. Нина опустила свой пистолет, в её голове до сих пор шумело, слух до конца не вернулся, но наушник уже заговорил голосом Михаила, который сообщал, что подмога уже идёт.

— У нас пять двухсотых, — медленно проговорила Нина в наушник по-русски, — Девочка и Рудик пропали.

Не обращая внимание на Нину, Кристина подошла к Филиппу, потушила на нём тлеющую одежду и стала проверять, жив ли он вообще.

Русская же, шатаясь, поднялась, засунула пистолет обратно в кобуру и устало произнесла в микрофон:

— Вот так, они зашли в камин и пропали, Миша, мать вашу, где вы уже?

Кристина резко распрямилась и обернулась в её сторону, встав в боевую стойку. Нина

сглотнула, снова вспомнив инструкции своего начальника.

Но тут в комнату, словно бы из появившись из неоткуда, вошло порядка семи людей, одетых в синие мундиры и красные мантии, впереди них шёл мужчина в очках в красной мантии поверх неприметного серого пиджака.

— Кристина Фавр де Поль, — произнёс он, совершенно не обращая внимание на трупы, — Моё имя Виктор Шваниц, Вы пройдёте с нами. Прошу убрать палочки во избежание неприятных инцидентов.

Нине на секунду показалось, что француженка сейчас перейдёт в атаку на заказчика W&C, но нет. Та кивнула, устало вздохнула и спрятала палочки.

— Он ещё жив, — она кивнула на своего обгоревшего компаньона.

— Мы доставим его в больницу, — кивнул Виктор и посмотрел на Нину, — Вас, фройляйн, доставят в офис War&Consulting.

— Миша, этим ряженым можно верить? — спросила та в свой наушник по-русски.

— Этим ряженым только и можно верить в этой комнате, — совершенно без акцента также по-русски ответил Шваниц, и по-доброму улыбнулся. Романов в наушнике подтвердил его слова.

— Так, у нас пропала девочка и Рудик! — Нина пошатнулась, но всё же подняла палец в верх, привлекая внимание.

— Мы займёмся этой пропажей, — кивнул Шваниц, — Мы сделаем всё возможное, чтобы с ними ничего не случилось.

— Я надеюсь, — насупилась Нина.

1 — Фольнис — заклинание, заставляющее объект буквально гнить заживо.

2 — Энтнервен — защитное заклинание, защищающее от заклинаний, направленных на разум.

3 — Лаэза Кордис — особое заклинание мракоборцев, вызывающее у жертвы сердечный приступ.

Глава XXI. Дункельхайткемфер

*

(15 августа)

Кристина Фавр де Поль сидела на неудобном деревянном стуле перед столом в комнате без окон. Потолок здесь был низким, стены — бетонными, француженка то и дело удивлялась про себя, где же они нашли такую комнату в Департаменте Магического Правопорядка? Сама она здесь была не так давно, и комнаты для допросов ей показывали, и ничего похожего среди них не было. Здесь ж были прямо-таки были образцовые застенки Штази для проведения допросов и давления на подозреваемых: тусклая лампа на потолке, ещё одна лампа на столе, возле которого сидела Фавр де Поль. Видимо, чтобы в глаза светить, эти техномаги всё у маглов перенимают, да?

Позади у двери стоял бравый мракоборец, держа свою волшебную палочку в руке. Кристину крайне вежливо попросили сдать свои палочки, та вежливо согласилась. Чисто технически у неё был шанс вступить в схватку с мракоборцами Шваница, и даже одолеть их, но тогда шансы на выживание Филиппа падали бы почти до нуля, и тем более шансы найти Марту с манускриптом её отца. И куда только она смогла улететь?

Открылась дверь.

Француженка инстинктивно обернулась, и увидела Виктора Шваница, который вошёл в комнату вместе с ещё одним мракоборцем. Не обратив внимания на охранника, застывшего, подобно изваянию, он жестом указал второму мужчине сесть за конторку, стоящую у стены, а сам прошёлся к стулу за столом напротив Кристины.

— Чаю? — он вежливо улыбнулся, присаживаясь напротив и включая настольную лампу. Свет от неё и правда слепил, на фоне общего тусклого освещения.

— Да, месье Шваниц, — также вежливо улыбнулась Кристина, — Не откажусь.

— Надеюсь, без молока? — хитро улыбнулся немец.

— С двумя ложками сахара, пожалуйста, — кивнула француженка.

Виктор вызвал слугу, тот в миг обернулся и поставил перед Кристиной чайную пару, белоснежную с синей каймой и двумя гусями с большими бантами на шеях. Перед Виктором же он поставил гранёный стакан с ложкой и исчез.

— Благодарю, — улыбнулась Фавр де Поль, пытаясь казаться невозмутимой, но тяжёлый бой, переживания из-за Лестрейнджа и Марты, а также чертовски неудобный стул, на котором она сидела не меньше четверти часа, только усиливали накачивающую усталость. Она взяла чашку, попробовала чай и улыбнулась, — Изумительно.

— Кристина Фавр де Поль, — Виктор откинулся на своём стуле и стал мешать ложкой в своём стакане, — Вы в курсе, почему Вас задержали?

— Готова выслушать Вашу версию, — она аккуратно поставила чашку на блюдце, тоже откинулась на спинку стула и сложила руки в замок на своих коленях.

— Я всё думал, готовы ли Вы будете к сотрудничеству, или же придётся вести допрос по форме? — немец продолжал стучать ложкой о стенки стакана, хотя сахар там явно уже давно растворился.

— Мне не было предъявлено обвинение, — сдержанно улыбнулась француженка.

— Начнём с формальностей, назовите своё полное имя, — он резко перестал размешивать чай и пристально посмотрел на девушку напротив, по спине той пробежал

холодок, но она осталась невозмутимой.

— Кристина Валери Фавр де Поль.

— Род деятельности? — Шваниц вежливо улыбнулся, но его глаза за толстыми стёклами источали непроницаемый холод.

— Глава Директории Французской Магической республики, Глава Департамента Магического Правопорядка Французской Магической республики.

— Подданство?

— Французская Магическая республика.

— Полных лет?

— Тридцать.

— Образование?

— Академия магии Шармбатон.

— Причина нахождения на территории Федеративной Магической Германии?

Кристина поджала губы и замялась, отпила чай, посмотрела на стены и потолок. Виктор терпеливо ждал.

— Мне до сих пор не предъявлено обвинение, — наконец выдавила она из себя, заметно волнуясь.

— Фройляйн, — по лицу Виктора было заметно, что он подбирает вежливые слова, — Если вдруг так окажется, что я окажусь в Вашем департаменте на подобном Вашему месту в данный конкретный момент, то там вопросы будете задавать Вы. А сейчас здесь вопросы задаю я.

— Это нисколько не меняет того, что обвинение мне не было предъявлено, — захлопала глазами француженка, взяла чашку двумя руками и аккуратно отпила из неё чай.

— Фройляйн, — Виктор говорил медленно и говорил всё это, улыбаясь, осознавая своё положение и положение Кристины, — Давайте мы с Вами пропустим ту часть диалога, где я Вам угрожаю, Вы невозмутимо держитесь, я Вам снова угрожаю, Вы дерзко отвечаете, я показываю Вам фактический расклад Вашего незавидного будущего, а после этого Вы сдаётесь. Вот давайте сразу перейдём к части, которая после всего этого. Я могу себе позволить в это поиграть, но у нас тут ещё двое цауберов в комнате, я не хочу, чтобы потом их жёны жаловались на то, что я потворствую переработкам их мужей.

Кристина вздохнула и поняла, что вообще-то чертовски устала. Потом снова вздохнула и отпила чаю.

— Мы с моим помощником Филиппом Лестрейнджем прибыли в Германию для того, чтобы найти детей Генриха Мирбаха: Марту, Гельмута и Матиаса, — он внимательно и устало смотрела на немца.

— Зачем вам нужны были эти дети? — глаза того по-прежнему не отражали никаких эмоций. А вот чай он всё же отпил из своего стакана. Ложка противно стукнулась о бортик.

Кристина было хотела задать уточняющий вопрос, но быстро осознала, что на него не ответят. Потом вздохнула.

— Валерий Мирбах, брат ныне покойного Генриха, узнав о случившемся несчастье, попросил найти детей и доставить к нему, — в этот момент в голове у Кристины билась лишь одна мысль, надежда на то, что другие два мракоборца в этой комнате полностью верны Виктору Шваницу.

— Только за этим? — голос немца совершенно потерял эмоции.

— Ещё он согласился помогать нам, то есть Директории, — француженка глубоко

вздохнула и снова отпила чай, — Помогать в деле распространения техномагии во Франции. Нас осталось слишком мало, мы понесли большие потери, дальнейшее размеживание с маглами загнало бы нас просто в тупик, техномагия была выбрана естественным выходом и надеждой на спасение всего волшебства Франции.

Лицо Шваница было непроницаемым. Он отпил чай и всё же кивнул на эти патетические речи.

— Я верно понимаю, что речь идёт о том самом Валерии Мирбахе, которого Вы казнили в Руане?

— Да, именно о нём, — поспешно кивнула Кристина.

— Я верно понимаю, что либо Вы беспросветная дура, либо он жив? — и вот тут впервые за разговор в глазах немца появилась насмешка.

— Он жив, — та опустила свой взгляд в чашку, — Он жив, мы специально сделали его казнь знаковым событием, он опасался, что те, кто убил его брата, могут прийти за ним.

— Понятно, — Виктор отпил чай, снова неприятно стукнулась о стенку стакана ложечка, — Я верно понимаю, что Вы, фройляйн, приехали в нашу страну, чтобы вывезти во Францию к якобы казнённому Вами же Валерию Мирбаху записи работ его брата Генриха, а также всех выживших его детей?

— Да, всё верно, — кивнула Фавр де Поль и посмотрела в лицо Шваницу.

— Что было дальше?

— Мы прибыли в Германию, — пожалала плечами Кристина, смирившись со своей ролью рассказчика, — Я посетила с визитом вежливости Августу фон Вальдбург, а мой помощник Филипп Лестрейндж выяснил, что случилось с детьми Мирбахов после того трагического дня, — она увидела, что Шваниц кивает, потому продолжила, — Их вывезла волшебница турецкого происхождения Сибель Арслан, вывезла из поместья и втайне поселилась с ними в Берлине среди магловского квартала. Но когда мы прибыли с Филиппом к ней, оказалось, что двое волшебников из Аненербе забрали мальчиков Мирбахов и отвезли их турку по имени Мустафа Озтюрк.

— Зачем Вы убили Сибель Арслан, фройляйн? — Шваниц издевательски улыбнулся. Потом увидел, как Кристина замялась и снова потянулась к чашке, продолжил, — Не отпирайтесь, что это были не Вы, она умерла не от удушья, а её сердце остановилось от нестерпимого болевого шока. Вы пытали её, фройляйн, запытали её до смерти, зачем?

— Мне нужно было узнать, где Гельмут и Матиас, кто их забрал и для чего, — она отпила чай и не поднимая глаз, поставила чашку обратно, — А ещё узнать её планы на Марту Мирбах. Эта турчанка состояла в тайной организации, как и многие турки в Германии, и она говорила о каких-то жутких ритуалах, для которых она сохранила Марту у себя.

— Зачем Вы убили Сибель Арслан? — Виктор отдельно произнёс каждое слово поставил локти на стол и наклонился к Кристине.

— Она состояла в тайной организации, Валерий предупреждал об этом, он опасался влияния этой организации на своего брата, — та подняла глаза, — А ещё эта турчанка собиралась принести ребёнка в жертву.

— Вы уверены, что она не соврала?

— Под круциатусом трудно врать, — устало усмехнулась француженка.

— Вы изначально собирались её убивать? — Виктор внимательно смотрел на девушку.

— Нет, изначально нет, — отрицательно покачала головой та.

— Продолжайте, — он махнул рукой, взял стакан с чаем и откинулся на спинку стула.

— Мы забрали Марту с собой и попытались замести следы, подожгли дом, — пожалала плечами Кристина, — Ошибкой было обозначать фрау фон Вальдбург наше появление в Германии, — она снова устало усмехнулась. Шваниц на эту реплику утвердительно покачал головой, а француженка продолжила, — Филипп вышел на Аненербе, некоего Юрия Маейра, ученика некоего Отто, главы этой организации. Мы с ним встретились и поговорили.

— О чём?

— Он рассказал, что Мустафа Озтюрк, турок, которого в тот день, когда мы с Юрием Маейром встречались, поехал Ваш предшественник арестовывать, вышел на Аненербе через Сибель Арслан и предложил большую сумму золотом за двух живых мальчиков.

— Погодите, — остановил её Виктор, — Зачем ему предлагать членам Аненербе золото за мальчиков, если те находились в руках турчанки?

— Ну, — задумалась Кристина, — Юрий сказал именно так, не знаю, может, он имел в виду то, что турок обещал заплатить за доставку. А может, что-то он не так сказал, — она пожалала плечами.

— Продолжайте, фройляйн. — махнул рукой Шваниц, — О чём ещё говорили?

— Ещё Юрий рассказал, что Мирбахов убили из-за Урсулы Клейн. Вроде как она отказалась от идеи силового вмешательства в дела Франции и пришла тогда к Мирбахам-старшим договариваться о помощи Франции на почве техномагии, но это не сходится с тем, что нам Валерий говорил, — она грустно посмотрела в пустую чашку, Виктор усмехнулся, — Валерий говорил, что его брат думает и не слишком горит желанием нам помогать. Он думал.

Виктор кивнул и допил свой чай.

— Ещё Юрий говорил про каких-то высокопоставленных волшебников, которые сотрудничают с ними, не принимают идеи их профессора Хайма, но точно также хотят, чтобы Германия была великой и свободной.

— У меня два вопроса к Вам, Кристина, — немец жестом остановил рассказ, — Первый, зачем Вы убили Юрия Майера? — он поймал взгляд француженки, в котором читалась ярость и ненависть к убитому, — А второй, зачем Вы нарисовали такую некрасивую свинью? Герб Арденнских егерей выглядит несколько иначе.

— Да ладно, нормальная свинья, месье Шваниц! — воскликнула она и рассмеялась. Виктор чуть закатил глаза, — Аненербе рвётся к власти в Германии, они техномаги, но их риторика по разделению людей на волшебников и маглов совершенно недопустима.

— Мне самому не по-душе идея разделения, которую предлагают они, но прошу расшифровать, о чём это Вы? — Виктор внимательно посмотрел на Кристину.

— Если в тридцатые и сороковые техномаги в Германии, как я понимаю, были подчинены маглам у власти, то эти, в особенности профессор Хайм, выступают за то, чтобы волшебники были доминирующим классом, чтобы маглы были полностью им подчинены. И именно техномагия способна на подобное.

— Вы знакомились с работами профессора Хайма, я смотрю?

— Изучала вопрос, — кивнула Фавр де Поль.

— Продолжайте, — Шваниц кивнул.

— Собственно мы отправились с Мартой в поместье Мирбахов, где девочка нас провела в кабинет своего отца. Мы забрали оттуда огромный манускрипт, который, как я понимаю, и

является основными записями покойного Генриха. А после встретили парня с девушкой в гостиной поместья, — Кристина устало повела плечами, — А после на нас напали какие-то маги, владеющие чарами прусской некромантской школы. И мракоборцы. Сначала они взорвали что-то возле входа, а когда вошли, то один из Ваших коллег направил палочку на Марту Мирбах и произнёс, что это всё происходит именем Канцлера Августы фон Вальдбург.

— Почему Вы первой напали на мракоборцев? — Виктор внимательно смотрел на Кристину.

— Потому что они угрожали девочке.

— Куда делась во время боя Марта Мирбах?

— Не знаю, — отрицательно помотала головой француженка, — Она достаточно умна и всё понимает, и может быть где угодно вместе с записями своего отца. Она их забрала. Сумки, которую нёс Филипп, нигде не было.

— Вы встречались ранее с кайнцауберами, которых увидели в гостиной?

— Нет, — Кристина заёрзала на стуле, — Обвинения мне так и не будут предъявлены?

— Вы же умная девушка, — Виктор выключил настольную лампу и поднялся, — Вы убили пятерых волшебников на территории Федеративной Магической Германии, Вы сами должны всё понимать.

— Почему пятерых? — удивилась та, — Вы двоих не откачали что ли?

Шваниц пожал плечами, загадочно улыбнулся и вышел из комнаты.

За ним последовал человек, сидевший за конторкой и записывавший весь допрос.

**

(15 августа)

Никто никогда не видел Рихарда фон Мольтке с двумя волшебными палочками. Этот модный стиль боя, появившийся где-то на рубеже веков, когда более могущественные волшебники брали себе дополнительную палочку, усиливая свои заклинания, прошёл мимо него. Потому что несмотря на всю тягу к использованию новых веяний, Рихард всё же оставался человеком консервативным. Кроме того, зачем использовать вторую палочку, если столкновений с использованием боевых чар в его бытность начальником мракоборцев было крайне мало, а те, что были, обычно разрешались с использованием одной палочки. Но это вовсе не значит, что у него не было второй.

Собственно, когда он вчера выбрал себе новую основную палочку, у него закралась мысль, что делает он это зря, ведь в поместье есть запасная. Да, не смотря на то, что Мольтке никогда не появлялся на людях с двумя палочками, у него была и вторая волшебная палочка, и владение этим стилем боя. И возможно, после того, как он оставил новую палочку на своём новом рабочем месте, он бы поразмыслил ночь, забрал бы запасную из поместья, а потом бы и стал привыкать к ней. И стал бы использовать этот стиль боя. Но так как неведомый доброжелатель прислал ему её, а Рихард ответил этому доброжелателю в резкой и заносчивой форме, то с утра наследнику рода фон Мольтке не оставалось ничего, кроме как добраться до поместья и забрать волшебную палочку оттуда.

В департаменте он появился с небольшим опозданием, но то ли его не заметили, то ли не придали значение. С другой стороны, мало кто горит желанием общаться с человеком, у которого что-то вырезано на лбу — ей-богу, лучше б эти русские его убили. Но как оказалось, эта выходка была спущена им на с рук, Виктор на весь вечер убыл в офис War&Consulting, правда, каков был итог этой встречи, никто не был в курсе. А, кстати,

где сам Виктор? За бессонную ночь размышлений, как же жить дальше, бывший глава немецких мракоборцев осознал, что должен рассказать Шваницу о письме, быть может, это важно. Хотя учитывая недвусмысленные намёки в тексте этого письма — точно важно.

Не найдя своего нового начальника, Мольтке решил, что пока не особо много было работы, хотя честнее было бы сказать — её не было вовсе, то и самое время ещё раз сходить выбрать палочку, вторую.

Артефактолог, который заведовал отделом волшебных палочек, чрезвычайно удивлённо посмотрел на него, ещё более удивлённо посмотрел, услышав, что вчерашнюю палочку Рихард сломал. Мракоборец не стал вдаваться в подробности, да и волшебник по ту сторону конторки тоже решил, что не стоит ему знать ничего об этом деле.

Когда Мольтке вернулся на рабочее место, то увидел, как в помещение департамента заводят под конвоем Кристину Фавр де Поль. Она оставила две свои волшебные палочки дежурному, и была сопровождена в комнату для допроса. Рихард решил не вмешиваться, хотя его сильно задело то, что тот приказ, который Канцлер отдала ему, выполнил уже Виктор — вот как бы он лихо арестовывал бы Кристину, эту зарвавшуюся француженку! Эх, постречались бы они в других обстоятельствах... Но что случилось, то случилось.

Рихард дождался, пока Виктор Шваниц выйдет с допроса Кристины и буквально возник перед ним:

— Герр Шваниц, мне нужно с Вами переговорить.

— Рихард, — Виктор выглядел так, словно его вырвали из тяжких раздумий, — Если ты про передачу дел, давай завтра или на днях, если там ничего горящего нет. Если есть, передай моему заместителю. Мориц же он?

— Мориц, — кивнул Рихард и поймал себя на мысли, что откуда-то из глубины у него поднимается ненависть к Виктору, но сейчас она была не нужна, даже наоборот, она была абсолютно вредоносной. Потому Мольтке глубоко вздохнул и схватил за рукав Шваница, который за это время успел уже пройти дальше. Тот поднял на него очень удивлённый взгляд, но ничего не сказал, явно ожидая пояснений от подчинённого, — Мне нужно с Вами поговорить с глазу на глаз, — сказал тот, — Возможно, дело государственной важности.

— Допустим, — нахмурился Шваниц, — Ладно, давай.

Они прошли до бывшего кабинета Мольтке, где новый глава мракоборцев даже не удосужился сменить обстановку. Хотя, справедливости ради, это Рихард не удосужился забрать свои вещи из этого кабинета.

Закрыв за собой дверь, и снова подавив ненависть и зависть к Шваницу, он начал:

— Герр Шваниц, вчера вечером мне пришло послание от неизвестного, точнее неподписавшегося, — его голос был взволнован, но лицо собеседника не выражало никаких эмоций совершенно.

— К делу, Рихард, — кивнул Виктор.

— Мне пытались навязаться в друзья, а я отказался, — он протянул начальнику свиток, — Это если вкратце.

— А, — без интереса отреагировал Виктор, но прочитав, послание переменился в лице, — Что ты ответил?

— Я отказался, — чуть смутился Рихард.

— Чёрт! — хищная улыбка появилась на лице главы мракоборцев, — Ладно.

— Думаете, герр Шваниц, они отступятся от моей персоны? — Мольтке внимательно глядел на собеседника.

— Если они ещё раз напишут, то соглашайся на встречу, — в голосе Виктора слышалось воодушевление.

— Вам сообщить? — уточнил Рихард.

— Конечно, а ещё волос мне отдать свой, — расплылся в улыбке его начальник.

— А, понял, — улыбнулся Мольтке, — Хорошая идея. Что-то я не подумал.

— Да не страшно, — кивнул Шваниц, — Но если у тебя всё, то прошу меня простить, меня ждёт фрау Канцлер.

— Понимаю, — в голосе бывшего главы мракоборцев прорезались злорадные нотки, хотя он их и пытался спрятать.

Виктор кивнул, улыбнулся и проводил его из кабинета.

(15 августа)

По кабинету аналитического отдела W&C из угла в угол ходила Нина, скрестив руки на груди и закусив губу.

— Ну, как, куда он мог деться? — наконец она остановилась, упёрла руки в бока и с вызовом посмотрела на Михаила, который сидел на краю своего стола и следил за её перемещениями, — И почему мы ничего не делаем?

— А ты, я смотрю, уже готова ради нашего референта, с которым близко общалась два раза, на край света пойти, — хмуро отозвался тот.

— Это была моя идея, съездить туда, — она с вызовом поглядела на начальника, — Потому я и собираюсь найти этого дурака, а вы сидите и ничего не делаете! — теперь её взгляд упал на Эдди, прислонившегося к стене с чашкой чая, — Эти ваши тайные общества и секретные организации задрали уже!

Эдди не успел ничего ответить, в дверь постучали, и тут же на пороге кабинета появился Виктор Шваниц в своём неизменном пиджаке и очках в роговой оправе.

— Добрый вечер! — он учтиво улыбнулся Нине, пожал руку Эдди, который попался у него на пути, а потом проследовал к ближайшему к Михаилу стулу и сел в него.

— Добрый вечер, — Романов явно был удивлён не меньше остальных, — И что тебя привело в нашу юдоль скорби по немецким геем?

— Да хватит уже! — взорвалась Нина и, всплеснув руками, вытянула указательный палец в сторону своего начальника, — Мне плевать, с кем он там спит и о ком мечтает, но я его затащила в это дело, а ты, дорогой мой начальник, ничего против не сказал, это что для тебя, шутка такая?!

— Так, Нин, успокойся. — Рихтер подошёл, аккуратно обнял девушку за талию и протянул кружку с чаем, — Успокойся, выпей чаёк, вот собственно господин Шваниц явно же пришёл нам рассказать, что там и как в этом деле.

— Да иди ты! — Нина махнула рукой, но слишком сильно, так, что выбила кружку из рук Эдика. Чай выплеснулся на ближайший стол и стену, а кружка полетела на пол, где со звоном разбилась. Нина и Эдуард замерли. Шваниц покачал головой, явно не одобряя произошедшее.

— Ниночка, покури прямо здесь, и послушай, — успокаивающим тоном произнёс Михаил, — Может, всё не так плохо.

Та выдохнула, кивнула и достала вейп. Тот не отозвался на нажатие кнопки. Она начала его разбирать, присела на край соседнего стола.

— Только что же работал! — прошипела она, постучав приспособлением после того,

как собрала его обратно, сначала по руке, потом даже легонько по столу.

— Экспрессивный у тебя народ, — произнёс Виктор и улыбнулся, повернув голову к Михаилу. Тот хмуро кивнул и внимательно посмотрел на их гостя, — Я на самом деле, пришёл уточнить, после последних событий, не поменялось ли что-то в ваших планах? Которые мы вчера обсуждали.

— Да не... — начал было Романов, но отвлекся на Эдика, который что-то нечленораздельное произнёс, глядя на свой смартфон, — А у тебя-то что случилось?

— Простите, пожалуйста, — смутился тот, — Просто телефон что-то не включается. Завис, — он пожал плечами и показал смартфон с тёмным экраном, — У него иногда бывает.

— Мы полностью асторгаем контракт с Озтюрком и переводим все свои подразделения на нашу базу под Берлин, — тон Михаила был будничным, но Эдик и Нина дружно подняли головы и недоумённо посмотрели на него, — Приказ из Москвы, Свят Вениаминович мне сообщил, Эдик, я не успел тебе сказать, тут вон, Нина, — он махнул рукой в сторону девушки.

— А почему? — тон Шваница был заинтересованным.

— Не владею информацией, к сожалению, — развёл руками Михаил, — Сожалею, но нашу совместную работу придётся свернуть.

— Да уж, — Виктор поджал губы и поправил очки, — Тогда думаю, мне тут уже незачем находиться, — он встал и неспеша двинулся к двери, — Прошу прощения за беспокойство.

— А мальчика-то нашли? — глава аналитиков задал вопрос уже в спину главы мракоборцев.

— Нет, к сожалению, пока никаких новостей, всё в работе, — он обернулся, сдержанно улыбнулся и вышел за порог, прикрыв за собой дверь.

— Что за дела? — недоумённо посмотрел Рихтер на Романова. Тот буквально вскочил на ноги и быстрым шагом проследовал к двери, приоткрыв её и выглянув наружу.

— Ты телефон включил? — как бы между делом спросил он, прикрывая дверь обратно.

— Ну да, перезагрузка помогла, — кивнул тот.

— Нин, вейп жив? — Михаил внимательно посмотрел на девушку. Та ответила ему непонимающим взглядом, но подняла со стола свой девайс, и тот спокойно отозвался на нажатие кнопки.

— Михаил, что это было сейчас такое? — Эдди уже начал что-то подозревать, но пока не осознавал до конца, что.

— Угадай с трёх раз, кто только что нас посетил? — Романов ехидно ухмыльнулся, подошёл к осколкам чашки и стал их собирать.

— Если ты задаёшь этот вопрос, то не наш наниматель, — Нина выпустила большое облако пара из вейпа. В воздухе запахло бананом с клубникой, — А кто?

— Не имею ни малейшего понятия, — Михаил собрал все крупные осколки на ладонь и распрямился, — Эдик, приберёшься?

— Ага, — кивнул юноша, — Только что нам с эти делать теперь? И как это возможно?

— Делать что, пока не знаю. Предлагаю пока ничего не делать с этим, — ухмыльнулся Романов, — А как возможно, вот такая удивительная страна Германия, — он перевёл взгляд на девушку, та хмуро выпустила облако пара в его направлении.

— Как будем искать Рудика? Или я его сама найду.

— Я поговорю со Святом Вениаминовичем, — Михаил внимательно смотрел на неё, — Я уверен, что ему пока ничего не угрожает.

— С чего бы это?

— Ну, он же пропал вместе с девятилетней девочкой, — пожал плечами глава аналитиков, — Что она ему сделает, в конце-концов?

— Ладно, пойду схожу за тряпкой, — кивнула Нина, — Эдик стой, где стоишь, я сама, — и она вышла из кабинета.

(15 августа)

Виктор Шваниц сидел на диване в кабинете Августы фон Вальдбург и аккуратно пил кофе. Напротив него в кресле сидел грузный мужчина с тонкими усиками. Круглолицый, пухлощёкий, с залысинами, он заметно волновался и то и дело тёр руки. Это был Альбрехт Баварский, один из самых влиятельных волшебников Баварии и представитель этой земли в Бундестаге. Он то и дело поднимал глаза на Шваница, который всем своим видом выражал лишь безразличие.

Хлопнула дверь, и торопливым шагом вошла Августа. Альбрехт резко поднялся и приветственно кивнул. Виктор повернул голову в сторону Канцлера и улыбнулся, аккуратно поставив чашку с кофе на столик.

Фон Вальдбург присела в кресло рядом с Альбрехтом, выдохнула и кивнула своим гостям:

— Виктор, я тебя пригласила сюда по очень важному делу.

— Я так и понял, — вежливо улыбнулся Шваниц, — Готов Вас выслушать.

— Не меня, — она отрицательно покачала головой, — Альбрехт, повтори, пожалуйста, всё то, что ты мне рассказал ранее.

— Кхм... — вздохнул и прокашлялся тот, — Виктор, всё, что будет произнесено здесь мной, я прошу не выносить за пределы этой комнаты.

Шваниц удивлённо посмотрел на баварского волшебника, потом перевёл взгляд на открытое окно, а затем на Августу. Та закатила глаза:

— Не уйдёт за пределы этой комнаты, пока этого не потребуется.

— Именно так, — кивнул глава мракоборцев.

— Так вот., - собрался с духом Альбрехт, — Несколько дней назад ко мне обратился наш общий знакомый, Якоб фон Притвиц, глава отдела магических происшествий и катастроф, — он сильно волновался и тяжело дышал, сидевший напротив него Шваниц оставался невозмутимым, — У нас состоялся странный разговор, в ходе которого Якоб всё пытался выяснить, как я отношусь к правлению фрау фон Вальдбург. Я сказал, что меня устраивает всё, и что я поддерживаю Вас, фрау, — он повернул голову к Августе, та кивнула, — А вот после он как-то вскользь произнёс, что до него дошли слухи, что сейчас в Германии существуют силы, что хотят на будущем заседании Бундестага вынести вотум недоверия фрау фон Вальдбург, сместить её общим голосованием, и избрать нового Канцлера. И что эти силы пришли к нему, и вот он отказался, но решил выяснить, вдруг к другим тоже обращались подобные силы.

— И вы решили рассказать фрау Канцлеру сей занимательный факт только сейчас? — в голосе мракоборца сквозила ирония.

— Я не придавал значения этому разговору, — баварец покраснел, словно ему стало очень жарко, — Но будучи недавно в Берлине я пересекся с фрау Вайцеккер, она-то, как и я,

делегат в Бундестаге, от Берлина, — он перевёл взгляд с Виктора на Августу и обратно, — Оказалось, что к ней тоже приходил Якоб с этим странным разговором.

— Она согласилась? — перебил его Шваниц.

— Да, она согласилась. Ну, сказала, что согласилась, как там на самом деле, мне не ведомо. Но потом я спросил ещё у двух делегатов, не буду раскрывать их имён, потому что они находятся в прямой оппозиции с фрау фон Вальдбург, — он поправил ворот своей рубашки. — И потому раскрытие их имён вызовет ненужное напряжение.

— Саар и Гессен, — картинно закатила глаза Августа. Виктор усмехнулся.

— Нет, это не они, — Альбрехт прокашлялся.

— Не важно, — Канцлер посмотрела на главу мракоборцев, — Виктор, мы можем схватить Якоба?

— За что? — удивился тот, — Весомых оснований нет.

— Помнится, Штази и меньших оснований хватало арестовывать волшебников, замеченных в деятельности, против государства.

— Так то ж государства, — невинно улыбнулся Виктор, — Фрау фон Вальдбург, Вы не государство, как бы Вам не хотелось им быть.

— Помнится, мракоборцам Британии порой хватало и меньшего повода для ареста, — её глаза полыхнули огнём, сверля Шваница.

— Оба Тёмных лорда Европы прошлого века происходило как раз оттуда, — всё также невинно улыбался тот, — Я вообще не удивлён.

— Виктор прав, — подал голос Альбрехт, поймал удивлённый взгляд Августы, — Если Якоб и правда стоит за попыткой Вашего смещения, фрау, то не стоит давать ему козырей. Подобный арест его сторонники воспримут, как акт тирании, и разнесут об этом на весь мир.

— Якоб не делегат Бундестага, — Виктор совершенно непринуждённо взял чашку со столика и отпил кофе, — Но если мы примем то, что он действительно намерен сместить Вас с должности, то значит у него имеются сторонники среди делегатов. А раз так, то да, Альбрехт прав.

— Да я понимаю, — махнула рукой Августа, — Но этого только не хватало.

— На заседание Бундестага уже разосланы приглашения, — баварский волшебник глубоко вздохнул, — Я бы попобывал в оставшееся время не арестовывать фон Притвица, а заручиться поддержкой среди тех, кто способны её Вам оказать. Например, если так случится, и вопрос о вотуме недоверия будет вынесен на обсуждение, то я точно буду голосовать против него.

— Кому мы ещё можем доверять, Альбрехт? — Августа вдруг ощутила, что она чертовски устала, но сдаваться было нельзя.

— Я говорил с Виктором Церингеном, он тоже поддержит Вас.

— Этот шварцвальдский медведь? — удивлённо посмотрела на Альбрехта Августа, — Это неожиданно.

— Ещё я считаю, что фрау фон Вайцеккер тоже не будет голосовать за вотум недоверия.

— Виктор, а что до новых земель? — женщина внимательно взглянула на Шваница, — Ты хоть и не делегат, но обладаешь определённым весом на востоке.

— У нас не будет Саксонии, — тот допил кофе. — А с остальными я поговорю.

— Саксонцы не успели выбрать нового делегата? — удивился Альбрехт.

— Да когда ж они быстро принимали решения, — усмехнулся Виктор.

— Потенциально семь против возможных девяти, — устало произнесла Августа и зевнула, — Мы в меньшинстве, господа.

— Я поговорю с фрау Вальдхаузен, — сказал баварец.

— Фрау Канцлер, а если Вас сместят, то до выборов нового Канцлера Бундестаг будет управлять Магической Германией? — Виктор внимательно посмотрел на Августу.

— Да, ты же знаешь порядок, — фыркнула та.

— Поэтому пока я и не понимаю, какой смысл Якобу это делать, — пожал плечами Шваниц.

— Что ты имеешь в виду? — подался чуть вперёд Альбрехт.

— Что я не понимаю логики в действиях Якоба, — мракоборец посмотрел на Августу. Та пожала плечами и махнула рукой.

Глава XXII. Ведьма горы Броккен

(15 августа)

Марта с Рудольфом кубарем вывалились из камина и растянулись прямо на деревянном полу. Вокруг них возвышались каменные оштукатуренные стены и высокий потолок, под которым висели пучки с травами, из двух больших окон лился солнечный свет, а за этими окнами виднелись хвойные деревья — где бы это место не находилось, это не было похоже на городское жилище. В дальнем углу комнаты располагалась жаровня, на котором стоял больших размеров котёл, возле которого стояла дородная женщина с седыми волосами. На ней поверх залатанного старого платья был кожаный фартук, на голове был остроконечный колпак, она длинной деревянно ложкой помешивала варево в котле и что-то напевала себе под нос.

Рудольф попытался оглядеться и подняться на ноги, но при падении его хорошо приложило девочкой об пол да так сильно, что на спине чувствовался ушиб. Молодой человек закричал и с трудом, но вытянул шею, чтобы осмотреться. В нос бил запах разных трав такой силы, что голова немца кружилась, а ещё он учуял, что в котле варилось явно что-то вкусное. Правда, возле него стояла женщина и с любопытством наблюдала за теми, кто вывалился из её камина.

— Марта! — она всплеснула руками, быстрым движением положила на стол ложку, вытерла о передник руки и за два шага оказалась возле лежащих на полу гостей. Затем резким движением подняла Марту Мирбах на ноги и крепко прижала к себе.

— Бабушка Брунгильда! — прошептала та и прижалась в ответ к ней.

— Я уж думала, не увижу тебя! — Брунгильда так и не отпускала девочку от себя, — А то этот Мольтке присылал сов, спрашивал, где ты, а я уж и подумать не могла!

— Нет, со мной всё хорошо, — также прошептала Марта и шмыгнула носом. Женщина резко села возле неё, поцеловала в лоб и вытерла ей слёзы.

— Я как знала, что ты появишься, начала суп готовить. Скоро обедать будем, да? — она улыбнулась и поцеловала девочку в нос. Та ответила улыбкой, сквозь наворачнувшиеся на глаза слёзы.

Рудольф зашевелился и аккуратно поднялся на ноги. И тут же заметил, как из тени под шкафом на него смотрят зелёные глаза, смотрят крайне недобро.

— О, Марта, а кто твой провожатый? — распрямилась и Брунгильда, ловким движением подвинула девочку за себя, чтобы она не стояла между ней и юношей.

— А, я... — обернулся на неё юноша, — Меня зовут Рудольф, Рудольф Люфт, — он протянул ей руку для рукопожатия, но встретил взгляд полный удивления и пренебрежения и вернул руку обратно.

— Меня зовут Брунгильдой, — она скрестила руки на груди, — По Вашему виду, герр Люфт, думаю, что имя моего рода ни о чём Вам не скажет.

Из под шкафа вылез небольшой зверек, похожий на кошку с пёстрым мехом и осторожно направился к Рудольфу. Его несоразмерно крупные уши стояли торчком, а львиный хвост нервно бил по бокам.

— Я не знаю его, бабушка, — произнесла Марта, внимательно следя за поведением книзла своей бабушки и Рудольфа. Зверь тем временем подошёл к ноге юноши аккуратно обнюхал её, подняв голову, мяукнул, а затем, как обычный кот, потёрся головой. Всё это

время молодой немец стоял неподвижно, явно ожидая какого-то подвоха.

— Марта, но ведь вы вдвоём выпали из моего камина, — добродушно улыбнулась хозяйка дома, посмотрев на свою внучку.

— Мы с моей девушкой гуляли в парке, а потом увидели, что дверь в дом открыта и зашли, — Рудольф сглотнул от волнения, — Там и встретили вот... Марту... и её родителей, — в следующую секунду он увидел, как крупная женщина, стоящая перед ним, медленно заводит руку за спину и чуть наклоняет набок голову, буквально пригвождая очень внимательным взглядом его к месту, где он стоит. И Рудольф вот прямо сейчас осознал, что сказал что-то максимально неправильное, и если он не исправится, то его просто-напросто убьют. А потом, видимо, сварят в котле.

— Погодите, я мог всё не так понять! — он затараторил, выставив руки вперёд, — Это не моя девушка, это просто коллега, у меня есть парень, я люблю его, а она просто пригласила погулять, ей нужно было в это поместье пробраться. У нас работа как-то связана с этим местом, я не знаю, я всего-лишь референт, Нина просто попросила сопроводить её в парке на прогулке, а потом мы зашли внутрь! — Брунгильда достала из-за спины нечто, похожее издали на витиеватый корень старого дерева, и держала это что-то в руке на небольшом отлёте. В голове у Рудольфа сразу возник образ тех людей, от чьего сражения они сбежали. Он успел запомнить ту девушку с кудрями до плеч, которая словно валькирия из скандинавских саг, изящно и грозно двигалась, выкрикивая что-то непонятное, но от этого её противникам становилось очень плохо... Однако, сейчас перед ним стояла дородная женщина в кожаном фартуке и остроконечном колпаке, которая больше всего напоминала ведьму во время Вальпургиевой ночи. Рудольфа в детстве очень пугали и одновременно захватывали сказки, и вот, похоже, что сейчас сказка стояла прямо перед ним и очень хотела убить, но за что, он так и не понял.

— Бабушка Брунгильда, — подала голос Марта, — Это кайнцаубер, мы его правда случайно встретили в поместье, — услышав это, женщина вопросительно посмотрела на девочку, не опуская свою палочку, — Он не имеет отношение к цауберам, что меня похитили.

— Кайнцаубер? Малохольные нынче они пошли, — ворчливо отозвалась она, глянув на Рудольфа, который ощутил, что колени его дрожат, — Не то, что мой Конрад. — она спрятала палочку и вразвалку направилась к котлу, где по-прежнему что-то варилось.

— К-конрад? — неожиданно сам для себя выдавил из себя юноша.

— Да, Конрад, любовь всей моей жизни, — также ворчливо, как непонимающему ребёнку, пояснила Брунгильда, помешивая суп, — Высокий, статный, силен был как бык. Жаль, русские его убили.

— В с-сорок пятом? — в горле Рудольфа от волнения пересохло, губы обветрились, но он всё же ровно стоял, хотя коленки предательски продолжали трястись.

— Почему в сорок пятом? — удивлённо посмотрела на него хозяйка дома, — В пятьдесят седьмом[1], - увидев удивление в глазах юноши, она усмехнулась и продолжила, — На позицию, где Конрад мой был, повёл атаку этот русский, как его? Румянцев. Все свои свежие силы бросил, вот и не справился Конрад и его товарищи. В суматохе и убили его, — она повела плечами, смотря, как Марта подбирает сумку, которая так и лежала возле ног кайнцаубера, — Марта, деточка, поставь чайник на огонь, пожалуйста. Будет нам всем чаёк. Да за ним и расскажешь всё.

Девочка кивнула, положила сумку в дальний от Рудольфа конец комнаты. Подставила

табурет к столу, взяла чайник и обернулась на бабушку:

— А с этим кайнцаубером что будем делать?

Рудольфа прошиб холодный пот, ни столько от вопроса, сколько от обыденного тона девочки.

— Сейчас поедим, попьём чайку, там ты расскажешь свою историю, он расскажет, — пожалала плечами и улыбнулась девочке женщина, — Там и решим, что делать с ним.

— А можно ничего не делать? — очень глухо произнёс Рудольф.

— Нет, — совершенно серьёзно ответила Брунгильда, дуя на деревянную ложку, в которой был суп на пробу, — Ты уж прости, Рудольф, но из этого места просто так не выбираются, — она бросила на него насмешливый взгляд и подмигнула, — Даже если попали в него случайно.

— А что это за место? — юноша стал озираться, всё ещё силясь понять, стоит ему бежать отсюда прямо сейчас или же подождать.

— А сам-то как думаешь? — женщина проследила, что Марта поставила чайник на плиту, зажгла огонь.

— Не знаю даже, — голос Рудольфа неожиданно для него самого дрогнул.

— Божечки, вон табурет, — Брунгильда скривилась, — Присаживайся и рассказывай, как докатился до жизни такой.

— В-всмысле? — не понял тот, но послушно прошёл до табурета, стоявшего у стола с белой ажурной скатертью, и сел на него.

— А в прямом, — женщина зачерпнула ложкой суп, подула на него и попробовала. Затем что-то подумала, кивнула своим мыслям и выключила огонь.

— Ну, я уже говорил, я работаю в компании русских военных консультантов War&Consulting, — он облизнул пересохшие от волнения губы и поймал на себе внимательный взгляд девочки, которая сидела в дальнем углу на лавке, — Они недавно в Германии, полтора месяца или около того, до этого их офис был в Марселе, а ещё раньше в Лондоне. Они оттуда переехали по каким-то причинам, связанным с политикой, я не вдавался в подробности, — Рудольф помотал головой, словно подтверждая сказанное. Брунгильда стояла у котла лицом к нему, уперев руки в бока, притом в одной из рук он снова увидел тот же корень дерева.

— Да ты б и не узнал подробностей, ты ж кайнцаубер, — насмешливо произнесла она.

— А? Кто я? — не понял юноша, слово ему было знакомым, но он не понимал, зачем его используют по отношению к нему.

— Ты сначала историю расскажи свою, — улыбнулась женщина, — А потом может и я чего расскажу.

— А, так вот, — кивнул Рудольф, — Мы с моим другом Гансом пришли работать в офис к ним. Обычная работа такая, ничего интересного, — в его голосе появилось сожаление, — У нас есть отдел аналитики, и там работает русская девушка Нина, рыжеволосая и красивая, она специалист по информационной безопасности вообще, и может найти кого угодно, если у него был хотя бы какой-нибудь след в базах данных, — он заметил, как ехидно улыбается Брунгильда, и как рассмеялась Марта, — Что я не так сказал?

— Да всё так говоришь, просто ты путаешься в рассказе, — пожалала плечами женщина, — То у тебя прекрасная русская девушка, то какой-то парень, которого ты любишь. Но ты продолжай.

Рудольф густо покраснел и смутился, почесал нос и продолжил:

— В общем мы с Гансом были в баре, где она была со своими коллегами, Михаилом и Вячеславом. Когда её коллеги ушли, она под села к нам, и мы продолжили вечер. Очень быстро после этого Ганса жена выдернула домой, а мы с Ниной продолжили. Ну, и она... — он посмотрел на девочку, та крайне ехидно улыбалась, — В общем мы разъехались по домам. А вот через пару дней она мне предложила по работе съездить в Саксонию, там прогуляться в парке. Я много чего успел себе подумать, но оказалось, что ей и правда по работе нужно было это. Правда, я не знаю, что это за дело-то. Но мы прошлись по парку, там заметили людей, будто бы в мантиях. Нас вели с дрона, Михаил, начальник Нины, — он оглядел комнату, пожал плечами, увидел, что его слова не производят вообще никакого впечатления на собеседников, — Внутри мы обнаружили пустой дом, мрачный, будто бы там никто не живёт. Но не живёт недавно, будто бы просто все уехали. Пыльно очень было.

Брунгильда перевела взгляд на девочку, та сдержанно кивнула.

— Продолжай, хозяев дома семнадцать дней назад убил тот, чьё имя звучит, как у твоего друга с работы.

— Ганс? — спросил Рудольф, увидел, что женщина мрачно кивнула, поиграв желваками, продолжил, — Это имя произносили те двое, от которых мы спрятались за портьеру. Два мужчины. Один сказал другому что-то вроде, не завидует ли он Гансу?

— Когда это было? — голос девочки чуть дрогнул, но скорее от волнения, — И где?

— Мы хотели зайти в ту комнату, где позже вы нас встретили, — юноша сделал неопределённый жест рукой в воздухе, — Нина назвала её гостиной. Мы увидели двоих мужчин в пиджаках и спрятались за портьеру. Я вообще ничего не видел, только слышал, а Нина подсмотреть смогла. В общем, Нина говорила, что у нас были какие-то охранники в этом деле, люди в красных мантиях. Уж не знаю, почему они так странно выглядели, — он осёкся, поняв, что женщина перед ним выглядит не менее странно, и на этих словах она усмехнулась и кивнула, — В общем, эти двое в пиджаках поздоровались с теми, тот, кого я слышал, представился каким-то немецким именем. То ли чех, то ли поляк он. А потом, когда представился другой мужчина, я не видел кто, то этот первый произнёс что-то наподобие Гедитен...

— Гебитен, — всё также мрачно произнесла Брунгильда, — Марта, ты знаешь, что это значит?

— Нет, бабушка, — покачала головой девочка.

— Это чара, ломающая волю, заклятие прусских некромантов. Но в отличие от Империи, которая сейчас почти везде в Европе находится в списке Непростительных заклятий, этой чарой можно приказывать ещё и неживому.

— То есть как неживому? — голос Марты был удивлённым.

— Любым мертвецам, имеющим хотя бы остатки разума. Это забытое искусство, — она посмотрела на Рудольфа, — Твоя история имеет финал?

Тот резво закивал и затараторил:

— Да, как только мужчины ушли, мы сами зашли в комнату. Судя по всему, они там что-то искали, всё было перевернуто вверх дном. Нина тоже начала искать, но сама не понимала, что. А потом пришла Марта с мужчиной и женщиной. А потом раздался взрыв, нас всех раскидало по полу. И в комнату ворвались четверо мужчин, двое в пиджаках, ещё двое в мантиях. Те, с кем пришла Марта, поднялись на ноги и начали с ними сражаться. Я первый раз такое видел.

— А как вы оказались в камине вместе с Мартой? — женщина перевела взгляд с юноши

на девочку.

— Я испугалась, — потупила глаза та, — Я испугалась, что меня убьют, потому решила убежать.

— Герр Люфт, как вы с Мартой оказались в камине? — теперь женщина внимательно смотрела на Рудольфа.

— Я плохо понимаю, — он помотал головой, — Но она сначала лежала, потом мужчину, с которым она пришла, потоком какого-то огня сожгло, вот Марта вроде тогда встала и побежала, и об мои ноги запнулась. Я её поднял и утащил к камину, чтобы её не зацепило. А она уже меня в камин утащила, когда на ногах осталась только девушка, которая с Мартой была, и тот, по-моему, он тогда назывался тем славянским именем, когда мы за портьерой прятались.

— Марта, пожалуйста, накрой на стол, — улыбнулась Брунгильда, — Ты же помнишь, где посуда у нас?

Девочка кивнула и встала на ноги. Женщина же сняла остроконечную шляпу и кожаный фартук и повесила их на крюк на стене. Её седые волосы оказались собраны в чуть растрёпанную под шляпой шишку. Затем она подошла к столу, где сидел Рудольф, и села напротив.

— Герр Люфт, я верю в то, что Вы мне рассказали, — её голос был совершенно спокойным и даже будничным, — Но повторяю, что Вы оказались в том месте и в то время, что я не готова Вас просто так отпустить. Тем более, что, боюсь, Вы не выживете просто так выйдя из этого дома.

— Почему? — Рудольф сглотнул, — И где я?

— Вы в моём доме на горе Броккен[2]. И пока у меня нет оснований убивать Вас или каким-то иным образом Вам вредить, потому что пока с Ваших слов, именно Вы привели ко мне мою дорогую внучку.

— Он не врёт, — подала голос девочка, ставя тарелку с ароматным супом перед бабушкой, — Когда мы улетели из гостиной, перед этим так всё и было.

— Допустим, — кивнула Брунгильда, — Но учитывая, что произошло до этого с тобой, и что сейчас происходит в большом мире... — она устало потёрла глаза, — Герр Люфт, у Вас, наверное, есть вопросы?

— Гора Броккен же в Гарце, — произнёс Рудольф, — Или это другая?

— Та самая, та самая, — рассмеялась женщина.

Марта поставила тарелку с супом перед юношей. Безумно вкусный аромат ударил ему в нос.

— Я в детстве читал, точнее мама мне читала сказки про ведьм, которые слетаются на гору Броккен, — он опустил взгляд в тарелку, чтобы не видеть насмешливого выражения лица Брунгильды.

— Как я люблю кайнцауберов, читают сказки, но стараются не верить в них, — рассмеялась она, — Маагия существуует, — прогудела она, будто пугая Рудольфа, а потом рассмеялась и взяла ложку.

— Правда? — с надеждой в голосе спросил он.

— Чистой воды, — попробовав суп, сказала она, — Бери ложку.

Марта поставила на стол тарелку и уселась на табурет. Рудольф взял ложку и склонился над тарелкой. Тут Брунгильда что-то произнесла, взмахнула своей деревянной ложкой и возле каждой тарелки появилась чашка, куда тотчас сначала фарфоровый заварочник разлил

чай, а потом чайник с кипятком — воду. Рудольф решил, что он не будет думать, как это всё так выходит, что посуда сама наливает чай, может, это умный дом такой.

Они некоторое время, не произнося ни слова, ели. Тишину не прерывало ничего, только с улицы доносился приглушённое птичье пение, да шум ветра в кронах. Рудольф думал, что ещё с утра он был вполне обычным добропорядочным немцем, но сейчас вляпался в какую-то сумасшедшую историю, и надо бы что-то с этим сделать. О, гора Броккен, если это была и впрямь она, должна быть в зоне покрытия сети!

Рюкзак, похоже, он оставил в той комнате, откуда девочка его доставила сюда — в том, что это сделала именно она, немец ни на минуту не сомневался. Он нащупал в кармане бриджей телефон и вытащил его. Защитное стекло было покрыто сеткой трещин, но Рудольф надеялся, что экран не поверждён.

Брунгильда увидела его манипуляции и усмехнулась, подмигнув Марте. Та тоже как-то хитро ухмыльнулась.

Стараясь не обращать внимание на остальных, юноша попробовал снять блокировку телефона, но тот не отвечал. Тот не отреагировал даже на попытку принудительной перезагрузки. Это был сейчас просто кусок пластика, чёрный и бесполезный.

Поджав от расстройства губы, Рудольф положил телефон обратно в карман и посмотрел на Брунгильду:

— А у Вас есть телефон? Мне нужно связаться с коллегами, они могут волноваться.

— Нет, — покачала головой та.

— Нельзя связаться или нет телефона? — уточнил он.

— Нет телефона, связаться-то можешь, если знаешь с кем, — пожала плечами Брунгильда, доев суп.

— А как связаться-то? — Рудольф с надеждой посмотрел на Марту.

— Сову послать, — пожала плечами та.

Юноша перевёл взгляд, полный непонимания, на женщину. Та поставила локти на стол, держа в руках кружку с чаем и внимательно смотря на него.

— Ты на склонах горы Броккен, кайнцаубер, — её голос был по-матерински заботлив, — Все, кто приходят сюда с добром, добро и получают. Но есть проблема, что с большим миром связь здесь происходит по-старинке, при помощи совиной почты.

— Это как?

— Если ты знаешь адресата, то ты пишешь ему письмо, говоришь сове имя этого волшебника, и она его находит, — тут уже и Марта доела суп, — Это если кратко.

— А если человек не волшебник? — с надеждой в голосе произнёс Рудольф.

— Тогда есть некоторые трудности, — усмехнулась Брунгильда, — Совы это волшебная почта.

Рудольф поставил локти на стол и опустил в ладони лицо. Он всем своим рассудком желал, чтобы сказки, которые ему читали в детстве оказались правдой, ведь если в мире есть волшебство, то это просто прекрасно! Но сейчас сам испугался, что если и впрямь оказался в какой-то сказке, но эта сказка приведёт его к смерти, потому что в его памяти их было слишком много. И большинство из них беспощадны.

— Можно я пройдуся? — он не смог доесть суп, хотя тот и был чертовски вкусен.

— Это может быть опасно, — заметила Брунгильда.

— Я читал в детстве сказки, я знаю, как себя вести, — юноша порывисто встал с табурета.

Женщина кивнула в сторону двери:

— Только в лес не уходи, там я ничем помочь не смогу. Быстро, по крайней мере.

Он глубоко вздохнул и на ватных ногах вышел из комнаты. Брунгильда тут же вызвала домового эльфа и приказала ему следить за этим несчастным кайнцаубером, чтобы его никто не обидел.

Когда эльф отбыл, она повернула голову к Марте:

— Несколько дней назад я разговаривала с неким цаубером Виктором Шваницем, он мне говорил, что тебя похитили французы.

— Фройляйн Кристина фавр де Поль и герр Филипп Лестрейндж, — кивнула та, — Бабушка, а это тот же Виктор, с которым у тебя была любовь, когда маме было столько, как мне?

— Да, деточка, — она погладила рукой по голове девочку, — Мы с ним были близки, но это не значит, что когда любовь проходит, надо рвать все отношения с человеком. Виктор хороший цаубер, хоть и верный сын отечества, — она отпила чай и грустно добавила, — Которое его предало.

— Значит, ты всё знаешь? Что сначала фрау Арслан меня с Гельмутом и Матиасом забрала из поместья?

— Знаю, все эти турецкие няни всегда мне казались плохой идеей, — она серьёзно посмотрела на Марту и обняла её, — Моя девочка, ты хорошо держишься, несмотря на всё, что с тобой случилось, — она чмокнула её в макушку.

— Мне положено. — совершенно серьёзно произнесла Марта, — Я теперь старшая в семье.

— Есть ещё твой дядя Валерий.

— Его убила фройляйн Фавр де Поль, — девочка подняла взгляд и посмотрела внимательно на бабушку.

Выражение лица той было очень хитрым.

— Дорогая, я не зря верховная брокенская ведьма, — улыбнулась она, — Я чувствую всех, кто мой родственник, и Валерий жив. И Матиас с Гельмутом тоже.

Марта кивнула, вынула медальон, висевшей на цепочке у неё на шее — металл того был светлым:

— Но почему фройляйн Фавр де Поль так сказала?

— А что она тебе говорила?

— Что магия иссякает, и что, как говорил дядя Валерий, техномагия единственный способ выжить цауберам в её стране. И что дядя Валерий что-то такое натворил, что по-суду она вынуждена была его казнить.

— О, узнаю Валерия, он всегда был идеалистом, — улыбнулась Брунгильда, — И думаю, что это их план, мне почему-то кажется, что это он придумал, чтобы она всем говорила, что казнила его, а у него стало больше возможностей.

— Возможностей для чего? — Марта с любопытством посмотрела на бабушку.

— Для того, чтобы действовать, — она поцеловала девочку в лоб, — Я думаю, после гибели твоих родителей он решил, что опасность может угрожать и ему, и его замыслам. А потому выбрал такой способ скрыться. А как к тебе относилась эта Фавр де Поль?

— Она была очень добра со мной, — ответила девочка, не задумываясь, — Я сначала испугалась, когда она пыталась фрау Арслан в соседней комнате, когда я поила какао герра Лестрейнджа, я подумала, что она и со мной что-то плохое сделает, но нет. Она говорила,

что я могу отправиться в Руан в поместье дяди, когда мы заберём папины записи из его кабинета, — и тут Марта словно осознала, что именно Кристина говорила ей, потому на её глазах проступили слёзы, — Она хотела меня отправить к дяде, да?

— Что мне рассказывал Виктор о Кристине Фавр де Поль, то она явно такая же идеалистка, как и твой дядя Валерий, не смотря на то, как она порой поступает со своими противниками, — улыбнулась Брунгильда, — А вы отправились в ваше поместье за записями твоего отца?

— Да, — кивнула Марта, — Вот они, — она засунула руку в карман своего платья и вынула оттуда небольшую флешку, держа её на ладони.

— Положи в карман, — улыбнулась её бабушка, — А то пропадут.

— Да, я знаю, — снова кивнула девочка и спрятала флешку обратно в карман.

— А в сумке той что? — женщина кивнула в сторону лавки, где лежала большая сумка, с которой Марта и Рудольф выпали из камина.

— Там большая тетрадка, с черновиками папы, он там часто давал нам рисовать. А фройляйн Фавр де Поль и герр Лестрейндж подумали, что это и есть записи. А может мне тогда отправиться к дяде сразу? — в голове девочки прозвучала надежда.

— Дорогая, я не знаю, насколько безопасно будет тебе у него, — покачала головой Брунгильда, — Здесь тебя точно никто не тронет. С твоего позволения я узнаю у моего друга Виктора последние новости в большом мире?

Марта задумалась:

— А ему можно доверять?

— Про тебя я ему не расскажу, но доверять ему можно. Он был бы счастлив торжествовать техномагии и в Германии, и во Франции. Но в окружении него есть много цауберов, которым нет веры.

— Я люблю тебя, бабушка, — девочка обняла женщину и прижалась к ней.

— Я тоже тебя люблю, Марта, — та обняла её в ответ и поцеловала в макушку.

— Фройляйн Фавр де Поль обещала мне найти Гельмута и Матиаса, — не разжимая объятий проговорила та.

— Если твой кайнцаубер сказал правду, то вы покинули поле боя ровно в тот момент, когда Кристина схватилась с сильным противником, я попробую узнать её судьбу. Ты хотела бы её увидеть снова?

Марта кивнула.

— А ещё я, кажется, узнала голос одного из тех, кто напал на нас в гостинной, — сказала она, — Он был из тех двоих, кто тогда забрал ночью Гельмута и Матиаса, когда мы были с фрау Арслан.

— Это страшные люди, дорогая, надеюсь, у Кристины хватило сил и мужества победить их.

— Они убили маму и папу? — совершенно буднично произнесла Марта, и от этой интонации у Брунгильды сжалось сердце.

— Да, — кивнула она.

С хлопком появился домовый эльф и сказал, что вверенный ему кайнцаубер пострадал от нападения гиппогрифа[3]. Человек подошёл слишком близко и получил сильный удар клювом по голове. Эльф спас его и перенёс в одну из комнат, где уложил на кровать.

Брунгильда расхохоталась и поднялась на ноги:

— Пойдём поможем нашему пострадавшему, вечно эти кайнцауберы попадают в

неприятности.

Марта заулыбалась, кивнула и поднялась на ноги:

— Давай, он вроде хороший человек.

1 — Сражение при Гросс-Егерсдорфе — сражение, произошедшее 19 (30) августа 1757 года у деревни Гросс-Егерсдорф в Восточной Пруссии между 28 тыс. прусских солдат под командованием фельдмаршала Левальда и 55 тыс. русских под командованием фельдмаршала С. Ф. Апраксина. Явилось первым крупным сражением с участием русской армии в Семилетнюю войну.

2 — Броккен — гора, самая высокая точка Гарца (1141,1 метра). Расположена в земле Саксония-Анхальт в Германии. По легенде, в ночь с 30 апреля на 1 мая на Броккене собираются ведьмы на празднование Вальпургиевой ночи.

3 — Гиппогриф — довольно необычное волшебное животное. Туловище, задние ноги и хвост коня, передние лапы, крылья и голова — орлиные; сильный стального цвета клюв и огромные блестящие глаза. Питается гиппогриф, как и многие хищные птицы, мелкими животными. Имеет не только сильный клюв, но и крепкие острые когти на передних лапах, которые пускает в ход на лету или становясь на дыбы.

Глава XXIII. Абрабанель

*

(15 августа)

Серафима Абрабанель по-турецки сидела на подушках посреди полутёмной комнаты и смотрела впереди себя. Её лёгкое белое платье, казалось бы не предназначенное для подобной позы, выглядело по-прежнему великолепно. Из-за полумрака, царящего под балдахинами с золотой бахромой, она не могла толком разглядеть комнату и того, к кому пришла, того, кто сидел в паре метров впереди, но при этом то и дело бросала любопытный взгляд в разные стороны, беря двумя руками разноцветную пиалу с чаем. Где-то снаружи, на два этажа выше, шумел Берлин, но Серафиму это мало заботило, её пленяла здешняя прохлада, запах сандала и мирры, дополняемый ещё какими-то диковинными ароматами, которые девушка не могла опознать.

Спереди из сумрака послышался глубокий вдох, и Серафима увидела, как разгораются угли на кальяне, стоящим между собеседниками. “Интересно, как этот Хаким выглядит?” — пронеслось в голове у неё. Лица его никто никогда не видел, а быть может и видел постоянно, но просто не знал, что это тот самый Хаким, таинственный турок, который представлял Глубинное Государство на территории Центральной Европы.

Облако белёсого дыма прорезалось сквозь полумрак, Серафима обворожительно улыбнулась, отпила чай и аккуратно поставила пиалу на блюде перед собой.

— Серафима-ханым, я рад видеть столь великолепную гостью в своей скромной обители, — бархатный голос турка словно бы заполнял всё пространство и обволакивал девушку.

— О, месье Хаким, — она зарделась, — Я безумно рада возможности побывать у столь гостеприимного волшебника в гостях.

Снова зашипели угли, забурлила вода, а сквозь полумрак показалось белёсое облако:

— Позвольте задать вопрос, о Серафима-ханым, что столь обворожительная женщина знает об истории своего рода, откуда пошёл он?

— О, это чудесная история, — снова улыбнулась Абрабанель, — Мне рассказывал мой дед, что род наш восходит к потомкам царя Давида, которые были вынуждены бежать из Иудеи в Испанию, когда Римом был разгромлен Иерусалим.

— Поистине древний род, — бархатный голос Хакима, казалось, звучал восхищённо, — И, как и весь Ваш народ, Серафима-ханым, род Ваш претерпел многие мытарства и гонения.

— Да, всё так, — неспеша кивнула девушка, стараясь разглядеть лицо собеседника в полумраке, но ей всё казалось, что в том месте, где он сидит, сумрак сгущается в непроницаемую пелену.

— Что же привело Вас сегодня в мою скромную обитель?

Серафима выдержала паузу, загадочно улыбаясь. Снова забурлила вода, зашипели и засветились угли кальяна, а затем появилось облако дыма.

— Месье Хаким, — она заговорила спокойно и размеренно, отпив чай, — Вы совершенно справедливо отметили, что мой народ испокон веков подвергался гонениям и притеснениям. На нас смотрели, как на людей второго сорта, как на недостойных жить на земле. Недостойных просто жить и радоваться. И в этом мой народ похож на Ваш народ, месье Хаким, на Ваш народ на этой земле, — где-то в сумраке улыбнулся турецкий

чародей, — Я знаю, как к вам ко всем относиться на этой земле, будь то отношение маглов или же отношение волшебников. И я хочу предложить помощь. Помощь во имя справедливости, которой достойны оба наших рода.

Хаким молчал, раздумывая над сказанными словами.

Снова зашипели угли, снова забурлила вода, и из полумрака показался белёсый дым.

Серафима отпила чай и продолжила:

— Я знаю, что русские, с которыми у Вас были дела, собираются расторгать достигнутые договорённости, и что они переводят все свои силы на свою базу в Берлин, и это значит, что либо они вовсе уйдут из этой страны, либо, что хуже для Вас, немцы обратят их против вас.

— Интересно... — протянул Хаким, выпустив новое облако дыма.

— В любом случае, Вы лишаетесь их защиты от угрозы, которую несут подручные профессора Хайма. И Вам, как никогда раньше, требуется безопасное место. Таким местом я располагаю.

— Продолжайте, Серафима-ханым, — бархатный голос турка звучал заинтересованно, — Вы полностью правы, в такой ситуации наличие безопасного места нам очень нужно.

— Я бы могла предложить Вашим людям разместиться в Страсбурге, — улыбнулась девушка, — Но, к сожалению, для этого я должна вначале переговорить со своим братом Иосифом, чтобы это стало реальностью, — девушка изобразила сожаление на лице, — Думаю, он не будет против, но я не могу обещать за него. Зато я могу обещать за себя. Я ректор Магической Академии Шармбатон, и потому могу разместить сколько потребуется людей в долине нашего университета.

— Не стеснит ли это Ваших учащихся?

— Нисколько, — отрицательно покачала головой Серафима, — Наши студенты наоборот будут рады такому соседству, мы в них воспитываем тягу к помощи ближним, чувство долга и справедливости.

— Моим людям потребуются комфортные условия проживания, — если бы девушка могла бы видеть сквозь сумрак, она бы увидела насколько хищной стала улыбка турка.

— Всё будет исполнено в точности, как Вы попросите, месье Хаким.

— Но ничего не бывает в этой жизни просто так, — голос Хаким был по-прежнему бархатным и обволакивающим, но небольшие насмешливые нотки в нём прорезались, — Что Вы хотите получить за эту помощь, Серафима-ханым?

— Помощь и защиту в случае опасности, — та чуть поджала губы, — Понимаете, мы ведём борьбу с тиранией в нашей стране. Вы должны знать эту женщину, убившую Сибель Арслан в Берлине. Я говорю о Кристине Фавр де Поль, нынешней главе Французской Директории. Она схвачена мракоборцами Магической Германии, её судьба предрешена, её ждёт суд, и ей воздастся по заслугам, однако мы опасаемся нападения на нас её подручных. Этой своры дикарей, желающих отдать нас маглам во имя своей жажды власти и могущества.

В комнате повисла пауза.

Кальян снова забурлил, зашипели угли, Хаким выпустил облако дыма, однако молчал.

— В нашей стране у сил света довольно шаткое положение, — не выдержала Серафима, — Это воистину тёмное время, но рассвет рано или поздно наступит, и я делаю всё, что могу, чтобы приблизить его. Именно затем я пришла к Вам, месье Хаким.

— Скажите, Серафима-ханым, ради чего Вы занимаетесь всем этим? — голос турка звучал безо всяких насмешек, вполне искренне.

— Ради свободы. Ради возможности жить в мирной стране и заниматься тем, чем пожелаешь. Без страха за свою свободу и жизнь. Ради того, чтобы волшебники оставались теми, кем суждено им было родиться, хранителями и приумножателями знаний этого мира.

— Я, пожалуй, приму Ваше предложение, Серафима-ханым, но скажите, откуда Вы узнали про действия этих русских наёмников?

— Позвольте мне не раскрывать моих методов? — лучезарно улыбнулась та.

— Это Ваша свобода, — в темноте улыбнулся турок, но его гостыя снова не увидела этой улыбки, — Через несколько дней в Германию прибудет мой человек со своим отрядом, я попрошу его отправиться в Шармбатон. От Вас же жду решения по поводу Страсбурга, надеюсь, Ваш брат будет благосклонен к нам.

— О, я думаю, что Иосиф не откажет, — снова лучезарно улыбнулась Абрабанель и допила свой чай.

— Тогда сообщите решение моему человеку, Мустафе Озтюрку. Он же Вам и сообщит о том, что потребуется подготовить в Вашей долине к прибытию наших людей.

— Конечно. Я рада, что мы договорились.

**

(16 августа)

Поль Готье, молодой человек с копной чёрных волос, заместитель главы Департамента Магического Правопорядка Франции стоял у зажженного камина и задумчиво вертел в руках почтовый пергамент. От волнения он расстегнул ворот своей рубашки и потёр шею.

— И что ты предлагаешь? — подал голос, сидевший за столом Габриэль де Ноай, глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф. Он был уже немолод, и его короткие чёрные волосы и аккуратную эспаньолку покрывала седина. Одет он был в старомодный цветной костюм, стилизованный под эпоху последнего Людовика, и рубашку, с кружевными манжетами и воротником.

— Подождать, — молодой француз поджал губы, — Официальное обвинение Кристине предъявлено не было.

— Подождать официального обвинения главе Директории? — сказал Габриэль с долей иронии, — У нас тогда будет два пути: либо передать власть Абрабанелям, либо начать войну с Германией.

— Зачем только она лично поехала? Чёртов Валерий! — всплеснул руками Поль, смял пергамент и швырнул его на стол.

Его старший товарищ, не меняясь в лице, проследил взглядом за скомканным листком, запрыгавшим по столешнице и упавшим куда-то в угол стены.

— Тебе станет легче, если я скажу, что это было полностью её решение? — его голос был спокоен, а глаза внимательно разглядывали покрасневшегося юношу, — И даже то, что она была в курсе того, что Абрабанели вели дела с немцами, никак не повлияло на её решение.

— Последнее, что писал Лестрейндж, а это было вчера утром, — Поль отвернулся к камину и заговорил тише, — Он писал, что они отправляются с Мартой фон Мирбах в поместье её родителей, чтобы найти там записи брата Валерия.

— Ожидаемо, что там их ждала засада, — пожал плечами внешне спокойный де Ноай, поправил выбившиеся из под рукава кружева манжета, — Не думаю, что Кристина не

понимала этого. Но как бы тебе не было сейчас такое слышать, она авантюристка. Она была авантюристкой, и она же ей остаётся.

— Да я знаю, — сокрушённо покачал головой Готьё, глядя на огонь, — А в голову меж тем всё лезет идея написать немцам письмо с предложением о выкупе за Кристину.

— Погоди ты, — улыбнулся пожилой француз, — Пока обвинения не предъявлены. Да, она задержана, но здесь явно проглядывает что-то ещё. Письмо неофициальное, оттиск был не Министерства Магии Германии, а лично Виктора Шваница. Да, он глава мракоборцев, да, про него говорят, что он когда-то был верным слугой отечества, но кто знает, что он сейчас хочет.

— Он просто нас уведомил... — пробормотал, задумавшись о чём-то, юноша.

— В конце-концов, у нас есть сейчас дела важнее, — произнёс де Ноай, как в дверь раздался стук. Несильный, но настойчивый.

Полю мгновенно развернулся, положив руку на волшебную палочку, висевшую в кобуре на поясе.

— Не заперто, — Габриэль медленно откинулся в своём кресле, внимательно смотря на дверь.

Та отворилась и на пороге показался совершенно спокойный, приветливо улыбающийся Иосиф Абрабанель в чёрной мантии в пол. Рядом же стоял глава Департамента Магического Транспорта Анри де Камбэрак, невысокий и полноватый мужчина средних лет в сером костюме с металлическим отливом. Он был взволнован, его лицо покрыто пятнами, галстук на шее ослаблен, а в руках была газета. Ею он и размахивал, когда в два шага оказался на середине комнаты, неподалёку от Поля:

— Месье де Ноай, Вы читали, нет, ну Вы читали?! — не обращая внимание на Готьё, убравшего руку с палочки и скрестившего руки на груди, он обратился к сидящему мужчине, а потом грохнул газетой о стол перед ним.

Иосиф неспеша зашёл внутрь, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Что это, Анри? — поинтересовался Габриэль, чуть приподняв бровь.

— Но ты прочти! Прочти слова Серафимы! — тот повысил голос и опёрся руками на столешницу напротив де Ноайя.

— Я думал, вы с ней заодно? — простодушно заметил его собеседник, не меняя своей позы.

— Не время для подколов, — бросил де Камбэрак раздражённо, — Это невысказано, это скандал! — он развернулся к Полю и бросил на него гневный взгляд, — Это всё Ваш Департамент, месье Готьё!

— Я бы попросил выбирать выражения, — процедил тот сквозь зубы, снова опуская руку на палочку.

Анри увидел этот жест, выпятил подбородок и поставил руки на пояс:

— Сразу видно, в мракоборцах остались лишь те, кто может решать всё силой.

— Хватит, — Габриэль не повышал голоса, но его тон заставил всех обернуться в его сторону.

Он зашуршал газетой, разворачивая её. С колдографии на первой полосе на него смотрела Серафима Абрабанель в строгом платье с воротом под горло, смотрела очень серьёзно. А над ней красовался заголовок “Ректор Шармбатона зажигает новый рассвет”.

Габриэль поднял глаза на Анри, который уже снова развернулся к нему и приосанился, затем перевёл взгляд на безмолвствующего Иосифа, который так и стоял у двери, сложив

ладони в замок. Потом он вытащил палочку, дотронулся до газеты, произнёс заклинание, и все услышали голос Серафимы:

— Всего лишь месяц тому назад я буквально здесь опубликовала свои мысли о том, что мне предстоит сделать на посту Ректора Шармбатона. Тёмные времена, с которыми мы, вся наша нация, столкнулись, достигли своего апогея. Несмотря на тяжкие беды, которые обрушились на всех нас, мы собрались преподавательским составом нашей академии совместно с представителями Французской Директории, чтобы показать наше единство, единокорные и твёрдое желание преодолеть трудности, с которыми мы все столкнулись. Я не знаю, сколько волшебников читает меня сейчас, но хочу обратиться ко всем вам из глубин моего сердца и затронуть глубины ваших сердец. Я полагаю, что всё сообщество французских волшебников горячо интересуется, что я скажу в этой статье. Поэтому я буду говорить со всей серьёзностью и открытостью, как того требует данная минута. Французские волшебники есть народ, пробуждённый, воспитанный и обученный столетиями мудрого управления великими людьми, к сожалению, ныне почившими. Этот народ в состоянии вынести всю правду. Он должен знать всю серьёзность положения, и поэтому его руководство может требовать от него необходимых жёстких и даже жесточайших мер. Мы, французы, вооружены на случай слабости и нерешительности. Удары и несчастья только придадут нам дополнительные силы, твёрдую решимость, а также духовную и боевую волю для преодоления всех трудностей и преград.

Лицо Иосифа было скромным и непроницаемым. Поль слушал, скрестив руки на груди и раздувая ноздри. Анри время от времени в волнении тёр шею, а Габриэль изредка усмехался.

— Сейчас не время спрашивать, как всё это произошло. Это может подождать, до тех пор пока французский народ и весь мир не узнает полную правду о несчастье последних дней, и о его глубокой и судьбоносной значимости. Случившееся имеет глубокое историческое значение не только для всего нашего государства, но и для всей Западной Европы, но и она не напрасна, и будущее покажет почему. Когда я перескакиваю через прошлое и смотрю вперёд, я делаю это нарочно. Время не ждёт! Времени на бесполезные дискуссии больше не осталось. Мы должны действовать немедленно, тщательно и решительно, точно также, как действовали наши враги, — голос Серафимы по-прежнему звучал со страницы газеты так явственно, будто бы она стояла сейчас посреди комнаты, — Вчера мы все столкнулись с вызовом, которого не было с нашей страной со времён Столетней Войны, вчера наша Арденнская Звезда, Светоч Мира и Прогресса, глава Французской Директории, Кристина Фавр де Поль была арестована в Германии по совершенно ложному и надуманному предлогу. Её обвиняют, в преднамеренном убийстве по меньшей мере пятерых волшебников, что является совершеннейшим вздором само по себе, однако же я не имею права замалчивать это, ибо не хочу, чтобы у вас сложилось ложное представление о положении дел, которое может привести к ложным выводам и дать французским волшебникам ложное ощущение безопасности, что при нынешней ситуации более чем неуместно. Сейчас же мы должны принять всё, как есть, найти и применить пути и способы для того, чтобы снова изменить ситуацию в нашу пользу.

Габриэль заклинанием остановил голос Серафимы, после жестом пресёк желание Поля высказаться и обратился к Иосифу:

— Зная о делах вашего семейства с немцами в последнее время, мне чрезвычайно любопытно, с чего Ваша сестра выступает с такими речами до официально выдвинутых

обвинений, — он перевёл взгляд на де Кабэрака, — Директория не получала писем с обвинением Фавр де Поль в подобных преступлениях, потому это похоже на то, что Серафима только что, как там у маглов это говорится? — он вопросительно посмотрел на Готье.

— Выстрелила себе в ногу, — ответил тот.

— Точно, — кивнул Габриэль, — Анри, можно я этот фарс не буду продолжать читать?

— Я всё же вынужден просить прочитать статью до конца, — скромно улыбнулся Иосиф, — Моя сестра любит долгие вступления.

— Ох, кто я такой, чтобы отказывать в просьбе представителю такого почтенного семейства, — вздохнул де Ноай, и снова произнёс заклинание, дотронувшись волшебной палочкой до газеты.

Та вновь заговорила голосом Серафимы:

— Буря, сгущающаяся над немецкими лесами, готова надвинуться на наш древний континент, и готова обрушиться уже в ближайшее время, осенью. Эта буря затмевает собой весь прежний человеческий и исторический опыт. Французская нация и наши союзники есть единственно возможная защита. Прошлый век показал всем нам всю серьёзность опасности, которую несёт техномагия на востоке от нашей страны. Я громким голосом предостерегаю всех волшебников, что читают это, и весь мир от паралича воли и духа. Я хочу открыть вам глаза на страшную опасность, исходящую от восточной техномагии, которая готова подвергнуть весь германский, а затем и весь европейский народ террору, который никогда раньше не снился нам всем! Целью техномагии является насильственная передача всех знаний о магии маглам с последующим порабощением всех нас этими варварами, не способными понять истинную красоту мира! Техномаги хотят ввергнуть Европу и весь мир в хаос, используя последующие за этим безнадёжность и отчаяние, чтобы установить свою тиранию! Можно даже не говорить, что это будет означать для французских волшебников. И эта буря, которая разрастается над сумрачными германскими лесами, ни что иное, как повторение исторического опустошения, которое в прошлом столь часто угрожало этой части мира.

Анри подошёл к графину, налил себе воды и жадно стал пить. Поль закатил глаза и закрыл лицо ладонью. Иосиф был всё также бесстрастен, Габриэль молчал, внимательно слушая, а голос Серафимы тем временем продолжал:

— Арест главы нашего государства есть следствие захвата власти в Германии техномагами, но как бы то ни было, я верю, что французский народ не желает склоняться перед лицом этой опасности. Я осознаю нашу историческую ответственность. Будущее Европы полностью зависит от нашего сплочения и нашего успеха в борьбе. Я знаю, что мы готовы отстоять Европу. Сплочение и единство есть требование данной минуты! И я, Серафима Абрабанель, ответственная за то место, откуда начались эти тёмные времена, готова сделать всё, чтобы разжечь новый рассвет, рассвет, который развеет надвигающуюся тьму, рассвет того солнца, которое сможет побороть бурю с востока, готовую обрушиться на все наши головы. Только сплочение всех волшебников, не только Франции, но и всего мира, способно остановить безумие техномагии, перед угрозой которого мы оказались. А посему буквально с этого набора мы в Шармбатоне вводим квоты для переселенцев из африканских стран, кто уже прибыл в нашу страну, владеет искусством магии, но не захотел учиться в школе Уагаду. Так эти волшебники сумеют встать плечом к плечу с нами в стройные ряды защитников магии. Мы являемся единым целым, теми, кто способен видеть истинную

красоту мира и познавать его тайны, те, кто может достичь самых невысказанных высот, и у кого хотят это всё отобрать. Кроме того мы откликнулись на предложение Директории и дали возможность разместиться в долине замка Шармбатон волшебникам Турции и Ближнего Востока, что подвергаются опасности в Германии со стороны техномагов, пришедших там к власти. Дополнительно мой брат Иосиф Абрабанель, также с предложения Директории, согласился дать возможность разместиться этим же волшебникам в Страсбурге, что безусловно даст нам возможность усилиться в грядущей битве. Все эти шаги есть то небольшое, что пока что можем мы сделать, но это уже проблески рассвета, который взойдёт над всей нашей страной! В завершении я хочу обратиться ко всем волшебникам Франции и Европы, я хочу предостеречь от нарушения Статута о Секретности. Все эти спокойные годы мы халатно относились к контактам с маглами, закрывали на эти случаи глаза. Особенно это касается рождённых в магловских семьях. Я понимаю важность родственных уз, но перед лицом опасности, что надвигается на нас с востока, перед лицом желания техномагов поставить всех волшебников в услужение к магловским правительствам, я призываю не нарушать Статут и сократить общение с подобными людьми до нуля. Да, это будет тяжело и трудно, но на другой чаше весов стоит наше выживание и наша свобода. Мы все знаем, что магия иссякает, что с каждым годом труднее творить волшебство, но также мы знаем, что всё это происходит из увеличения числа маглов и увеличения контактов с ними. Довольно! Мы должны сплотиться, сохранить наше волшебство и тем самым победить в самой страшной битве в истории, что предстоит нам в будущем. А потому я призываю Французскую Директорию ужесточить Статут о Секретности, со своей же стороны, как Ректор Шармбатона, я накладываю запрет на контакт обучающихся в нашей академии с маглами, в любом виде. С будущего учебного года маглорожденные студенты переводятся полностью на обучение в стенах академии без выезда к своим семьям. Это необходимо для нашего общего блага и нашего выживания в этом мире. Я хочу ещё раз напомнить всем волшебникам об их долге. Сама магия мира ждёт, что наши будущие поступки затмят всё, что мы делали до сих пор. Мы не хотим обмануть её ожидания. Великие кризисы и потрясения показывают, кто настоящий волшебник. И я считаю, что мы готовы на всё. В этот самый тёмный час мы твёрдо и непоколебимо верим в победу. Мы видим её перед собой, сейчас нам нужно только протянуть к ней руку. Мы должны научиться подчинять ей всё. Таков долг данной минуты. И наш лозунг должен быть таким: "Воспряньте, и пусть грянет буря!"

Голос Серафимы замолк, погрузив комнату в тишину.

Поль отошёл к стене и оперся спиной на неё, держа руки в карманах. Габриэль устало потёр переносицу. Анри налил себе ещё один стакан воды и замер с ним в руке, оглядывая собравшихся. Иосиф же неспеша подошёл к нему, внимательно глядя на Габриэля. Тот некоторое время молчал.

— Анри, у меня к тебе только один вопрос, — голос де Ноайя был совершенно спокоен, — Кто тебе дал право говорить от лица Директории?

— Это был не он, — улыбнулся Иосиф.

— Ладно, это не важно, — махнул рукой Габриэль, — Что сказано, то сказано, как я понимаю, Иосиф, Вы не просто так почтили нас своим присутствием?

— Это я его привёл, — залпом выпил стакан де Камбэрак и глубоко вздохнул.

— Даже боюсь спрашивать, зачем ты это сделал? — в голосе француза прозвучала ирония.

— Я пришёл просить о внеочередном собрании Директории, на котором хотел бы выступить, — скромно улыбнулся Абрабанель.

— В сложившихся обстоятельствах оно, естественно состоится в скором времени.

— Габриэль, нас осталось шестеро, нам нужен глава, — выпалил Анри де Камбэрак.

— Главой пока что остаётся Кристина Фавр де Поль, — улыбнулся Габриэль, — И по правилам в её отсутствие за неё может высказываться её заместитель, — он кивнул на Поля, смотревшего исподлобья на Иосифа.

— Без совещательного голоса, — напомнил Анри и поставил стакан на столик.

— Всё так, но думаю даже вшестером мы придём к единому решению.

— Ты что, не слышал?! — всплеснул руками тот, — Это угроза, на которую нам необходимо ответить!

— Ты сейчас про безумие Ректора Шармбатона? — Габриэль широко улыбнулся, внимательно глядя на Иосифа, но тот не выражал никаких эмоций.

— Нам нужно ответить на арест главы Директории, — с раздражением процедил де Камбэрак, — А сначала вам требуется рассказать о миссии мадмуазель Фавр де Поль в Германии.

— Это не Ваше дело, месье де Камбэрак, — в тон ему ответил Поль.

— Это напрямую наше дело! — вспыхнул Анри, указав пальцем на Поля Готье, — Если там замешаны дела этих ваших любимых техномагов, то дело дрянь! Кристина давно спуталась с ними, спуталась и сошла с ума! Чего только стоил этот Валерий!

— Хватит, — де Ноай снова не повышал тона, но уже подавшийся вперёд Готье, мигмом оперся о стену обратно, — Пока что официальных известий или обвинений по поводу Фавр де Поль не было выдвинуто немецкой стороной. Всё, что было сказано в этой статье, могу считать лишь досужими домыслами Серафимы Абрабанель, — он перевёл взгляд на Иосифа, — И её брата. Если необходимо послать официальных представителей в Берлин для разъяснения обстоятельств, то обратитесь к мадам Нуаре, это дела её департамента. Мне напомнить, кто в отсутствие Кристины является главой Директории?

— Именно поэтому мы к тебе и пришли, — де Камбэрак сник, потупил взор и понизил голос, — Мы пришли просить о внеочередном собрании.

— Сестра Иосифа права в том, что нам сейчас необходимо сплочение всех волшебников, — сидевший за столом говорил спокойно, но его голос всё равно звучал властно, — Именно поэтому я не дам использовать Директорию как место для того, чтобы сеять раздор, — он замолчал, ожидая реакции, но её не было, все внимали де Ноайю, — А посему собрание будет, я сообщу всем о дате позднее, но как только разберусь с обстоятельствами этого дела. У собравшихся есть вопросы?

— Только один, — спокойно спросил Абрабанель, — Можно ли будет мне выступить на этом собрании?

— Возможно, — неспеша кивнул Габриэль и строго посмотрел на Поля, который было собрался что-то сказать, — Отменять безумные решения Серафимы я пока не вижу смысла, но её мы явно пригласим для отчёта перед Директорией.

— Благодарю, — также неспеша кивнул Иосиф.

Анри де Камбэрак потёр шею, кивнул собравшимся, взял за локоть Абрабанеля и вывел из кабинета, закрыв за собой дверь.

— У нас определённые проблемы... — пробормотал Габриэль, когда те ушли.

— И уже нельзя просто так будет арестовать Серафиму из-за этих турок, — покачал

головой Поль.

— Абрабанели умны, только пока не до конца ясно, в какую игру они играют с немцами.

— Ясно, что союза с Августой фон Вальдбург у них не вышло.

— Зато вышло с её противниками, — Габриэль задумался, — Напиши ответ Шваницу и отоши ему газету. Пусть будет в курсе, что о нём думают в нашей стране.

— Что ты предлагаешь ответить?

— Спроси, насколько правдивы слова об обвинениях в адрес Кристины, про которые говорит Серафима. Про остальное не стоит, пусть сами думают, что с этим делать.

— А что, если они казнят Кристину? — Поль заметно волновался.

— Что-то мне подсказывает, что если бы они хотели её казнить, то нам бы пришло официальное письмо о случившемся. А пока пусть ищут тех, от кого Серафима узнала подробности дела.

— А турки? — спросил мракоборец, беря газету в руки.

— А что турки? Их наличие означает лишь то, что никаких силовых операций в Шармбатоне в ближайшее время не будет, — усмехнулся мужчина, — Проверь лояльность своих мракоборцев. Сдаётся мне, Серафима права, нас всех ждёт битва.

(16 августа)

Небольшой кабинет замка Шармбатон заливал золотой вечерний свет. Мягко потрескивали дрова в камине, в бокалах женщин и мужчин отражались всполохи пламени и солнечные лучи.

Пожилой мужчина с короткими зачёсанными набок волосами отложил газету, пожевал губами и посмотрел на Серафиму Абрабанель, сидящую в ректорском кресле и потягивающую сангрию.

— Я понимаю Ваше желание заручиться поддержкой африканцев, но это решение может вызвать волнения в рядах студентов, в особенности, чистокровных волшебников, — он взял со столика бокал с красным вином и пригубил его.

— Ой, Винсент, — улыбнулась ему Серафима, словно ребёнку, сказавшему милую глупость, — Во-первых, чистокровные семьи должны понимать, этим чернокожим нет пути выше, чем они сейчас есть. А во-вторых, надо бы всё тем же чистокровным напомнить, ради чьей свободы мы тут стараемся. Семьи новых студентов Шармбатона будут нашей первой линией обороны, ну, в идеале. Это куда лучше, чем бросать студентов с чистой кровью на передовую борьбы с техномагией.

— Всё так, только поди им объясни, — мужчина пожал плечами и поставил бокал обратно на стол.

— Винсент, я уже предложил мадмуазель Ректор создать из наиболее прогрессивных и понимающих суть времени студентов нашей академии отряды правопорядка, — молодой загорелый юноша с кудрявыми волосами и расплылся в улыбке и показал на Абрабанель своим бокалом с сангрией.

— Меня больше тревожат маглорожденные, — скривилась пожилая женщина с ярко-рыжей шевелюрой, завязанной в шишку на затылке, — Их же достаточно, чтобы образовать оппозицию в рядах академии.

— Главное, чтобы не образовалась оппозиция в стане преподавателей, мадам Лучиано, — улыбнулась Серафима, — Нам же нужно очень жёстко подавлять любые

высказывания против, мы вынуждены пойти на всё это ради сохранения свободы, нашей свободы, нельзя допустить, чтобы кто-то вздумал покушаться на неё. Особенно, если это будет преподаватель.

— В любом случае нужно подготовить разъяснения для студентов, — снова отпил вина Винсент, — Одними боевыми отрядами дело не решить, как бы этого не хотелось нашему Хосе.

— Я не предлагаю работать только через дружины, но они смогут быстро навести порядок, если это потребуется, — усмехнулся юноша с кудрявыми волосами, которого назвали Хосе.

— Наведение порядка я думаю отдать туркам, — Серафима задумчиво пригубила сангрию.

— Мне эти турки как раз-таки не нравятся из-за возможных проблем, — проворчала мадам Лучиано, — Слухи, чем их магловские собратья занимаются среди маглов Европы порой ужасают. У нас всё же дети.

— Это издержки, — скривилась Абрабанель, — Хотя порой слухи и впрямь ужасают, но мы зовём этих чародеев с одной лишь целью, они нас будут защищать от возможных нападений. Если ради этого какие-то девочки не смогут удержать себя в юбках, а какие-то мальчики не смогут постоять за себя, это невелика беда. Тем более, что давайте будем честны, — она наклонилась в сторону собеседницы, — Таким студентам не место в нашей академии, мы должны воспитывать лучших волшебников Западной Европы, а не маменькиных сынков и распутных девок.

— Так-то Вы всё верно говорите, — кивнула та, — Но это будет крайне непривычно, такая смена требований к ним.

— Я ручаюсь за свой факультет, что у нас подобных проблем не будет! — выпалил Хосе. Серафима благодарно кивнула.

— Думаю, следует ввести что-то демократическое для студентов, чтобы в том числе особо рьяных занять, — произнесла Лучиано, — Пусть совещаются, решают какие-то неважные вопросы. Меню в столовой, например. Или репертуар музыкантов на балу, лишь бы делом были заняты и не мешали нам.

— Мне больше интересно, как будет реагировать на решение мадемуазели Абрабанель Директория? — Винсент оглядел собравшихся и поправил волосы, — Как я понимаю, официальной поддержки наших решений от них не поступало?

— Фавр де Поль в Германии, — пожала плечами и торжествующе улыбнулась та, — Де Ноай не решится без неё на что-то серьёзное, старый лев слишком стар, чтобы пойти на что-то самостоятельно. А мракоборцы хоть и преданы ей до безумия, но в большинстве своём молоды. Винсент, ты правда думаешь, что нам с ними необходимо считаться? — она отпила сангрию, — Думаю, что уже очень скоро мы восстановим должность Министра Магии, покончив со всем этим фарсом.

— А я же верно понимаю, что пока что так и неизвестно, зачем Фавр де Поль поехала в Германию? — подала голос до этого молчавшая девушка, ровесница Серафимы.

— Это неважно, — махнула рукой Абрабанель, — Она хладнокровно убила пятерых, в том числе мракоборца, когда её пытались задержать, — она покачала головой, — Прямая ей дорога в Нурменгард, и поделом.

— Это и хорошо, такие люди не должны руководить Францией, — покачал головой Винсент.

— Такие люди вообще ничем не должны руководить, — утвердительно кивнула ему Серафима.

*

(16 августа)

— И как ты оцениваешь эту выходку? — Отто бросил газету на столик перед Притвицем, откинулся в кресле и сложил пальцы домиком.

Тот усмехнулся, бросил взгляд на газету и медленно кивнул.

— Трое моих подопечных погибло от рук этой француженки, я всё сообщил тебе, ты передал это своей Серафиме, а мы получили вот это? — Отто фыркнул и презрительно взглянул на собеседника, тот покачал головой, потом внезапно что-то словно осознал и посмотрел внимательно на Отто:

— Шваниц решил, что никого не стоит откачивать?

— Нет, — пожевал губами тот, — Один задохнулся, другой сгорел. Ну, а Лаэзу никак не вылечить.

— Тебе не кажется, что он догадывается о том, что твои люди проникли в его департамент?

— Не кажется, я уверен, — кивнул Отто, — Но нет, пока ничего я не могу с этим поделать. Тем более, что кто-то пообещал начать действовать, правда, пока что действуют одни лишь ударенные головой француженки.

— Она не ударенная головой, — отмахнулся Якоб и встал, — Ты будто бы из какой-то норы выбрался. Серафима действует в рамках нормальной магловской политики.

— Чьей политики? — поднял бровь его собеседник.

— Кайнцауберов, — фыркнул Притвиц, прошёлся к окну и открыл его. В комнату ворвался свежий дневной воздух, — Отто, скажи, что тебя смущает?

— Турки, — тот внимательно посмотрел на своего собеседника, — Меня смущает то, как быстро они нашли союзника во Франции.

— Серафиме турки нужны для защиты от последователей Фавр де Поль, — Якоб пожал плечами и встал спиной к окну, оперевшись на подоконник, — О, кстати, тут приходил с предложением Мустафа Озтюрк.

Отто продолжил внимательно смотреть на Якоба. На его скулах заиграли желваки.

— Он предлагал свою помощь, — развёл руками тот, — Он догадывается о том, что твоих людей здорово потрепали в последнее время, потому предлагал своих бойцов в обмен на помощь.

— Какую цену он предложил за помощь? — глаза Отто превратились в две щёлочки.

— Не важно, — Притвиц расплылся в улыбку, — Но я отказался, цена слишком высока. Да, я понимаю, чего турки хотят.

— Землю они нашу получить хотят. Землю.

— Землю я им не дам, но они и без моего дозволения могут попробовать получить.

— Что он попросил? — голос Отто наполнился металлом.

— Мальчиков Мирбахов и землю на холме Калькризе, — по лицу Якоба пронеслось смятение.

— Ты же, надеюсь, понимаешь, чем это грозит нам?

— Да, тут я согласен с профессором.

Отто помолчал, пожевал губами и поднялся. Прошёлся до камина, присел на корточки,

пошевелил кочергой уже почти прогоревшие дрова, те ответили снопом искр. Якоб не менял своего положения, вдыхая воздух с улицы.

— Это была прямая атака на Августу и Шваница, — наконец произнёс он.

— И на нас, — Отто оставил дрова и поднялся, — Ты забыл, что мы тоже техномаги? Эта история про бурю над немецкими лесами, она как красная тряпка для всех наших возможных противников. Много кто ещё помнит сороковые.

— Я не отменяю своё обещание, техномаги будут выведены из подполья.

— А что ты дальше намерен делать? — Отто очень внимательно посмотрел на Притвица, — Благодаря Серафиме события закрутились, надо начинать действовать.

— Мне нужна твоя помощь с Мольтке, — произнёс Якоб, скрестив руки на груди.

— Он должен умереть? — усмехнулся его собеседник.

— Не просто умереть, — покачал головой Притвиц, — Ты прав, что события завертятся, однако я так и планировал. Серафима преследует собственные интересы, и нам они не сильно важны, но она начала действовать так, как нам выгодно. Но для нашей атаки на Августу нужна красивая смерть, вот Мольтке как раз нам в этом поможет.

— Ты хочешь сделать из него символ?

— Да, он нам очень нужен, — кивнул Притвиц.

— А турки?

— А что турки?

— На чьей стороне они будут выступать?

— На своей, — покачал головой Якоб, — Это будет первая проблема после того, как мы возьмём власть.

— Знаешь, кто на самом деле этот Хаким? — Отто хитро улыбнулся.

— Просвети-ка, — осклабился Притвиц.

— Знаешь ты всё, — скривился его собеседник, — Он из Глубинного Государства. Турки снова присматриваются к Европе, но в этот раз они решили начать сразу с Германии, а не с Балкан. Те турецкие няньки и воспитательницы, которых поголовно нанимают, они все работают в его паутине. Австрия и Германия вот его цель для экспансии в Европу.

— Это теория заговора такая? — хохотнул Якоб.

— Упаси тебя всевышний, чтобы ты не воспринимал эту угрозу всерьёз, — Отто покачал головой и погрозил пальцем Притвицу.

— Серафима очень удачно отвлекает турок на себя, наиболее боеспособные их группы переезжают в Страсбург и Шармбатон.

— Нам от этого не легче, Серафима явно спуталась с Адетоканбо, лидером чёрных во Франции. А треть приезжих во Францию, они вообще-то из Магриба туда перебираются, а не Магрибе...

— Отто, ты строишь теорию заговора, — покачал головой Притвиц, — Да, есть такие силы, но что Хаким свадебный генерал, что Адетоканбо. Да, Хаким чуть поопаснее, у него есть боевые отряды, но отряд того же Али Демира он не сильно подчиняется ему, а уж тем более этому Мустафе, который выполняет роль посыльного.

— Якоб, я вывожу своих подопечных из департамента Шваница, иначе этот старый пёс их всех перебьёт, — внимательно взглянул в глаза собеседнику Отто.

— Да, я понимаю, — кивнул Якоб, — Осталось совсем немного.

**

(16 августа)

— Виктор, ты ещё не начал репрессий в своём ведомстве? — Михаил по-доброму усмехнулся и внимательно посмотрел на гостя.

Мужчины сидели в кабинете Свята Вениаминовича на диване. Сам глава W&C находился в своём кресле и болтал в бокале коньяк, с долей иронии наблюдая за главным мракоборцем Германии.

— Это ты подожди задавать вопросы Миша, — пробасил он, — Напервой ты его проверь, а вдруг ворог какой пробрался в наш дом?

— Коллеги, я не знаю, кто это был, но это по-сути и не важно, — Виктор пытался держать лицо, но всё же к его щекам прилила от волнения и доли смущения кровь.

— Важно, что кто-то может прикинуться тобой и пройти куда угодно, — зловеще произнёс Романов, взял свой бокал с коньяком и отсалютовал Салтыкову.

— Мне вот всё больше интересно, а вы со всеми нанимателями так разговариваете? — Шваниц оглядел мужчин и провёл пальцем по ободку своего коньячного бокала.

— Нет, конечно, не со всеми, — Свят Вениаминович отпил коньяка, крикнул и утёр бороду с усами, — Некоторых эти архаровцы пугают тем, что передадут их в руки Моссада[1].

Михаил от этого аж поперхнулся, когда отпивал коньяк, но сумел справиться и не закашляться:

— Ну, это было один раз, обычно мы так не угрожаем.

— Я боюсь предположить... — нотки сарказма уже не прятались в голосе немца.

— Ну, а что этот турок себе позволял? — Романов взглянул на того, — То он сотрудничает с Аненербе, то он не сотрудничает. А тут такой аргумент, и сразу Мустафа стал шёлковым, как платок турецкий.

— Что вы по поводу этих турок-то думаете? — Шваниц наконец отпил коньяк.

— Велено в прямую конфронтацию первыми не вступать, — ответил Салтыков, — Хотя опять же сказано было, что Хаким выписал с Ближнего Востока форменного бандита, некоего Али Демира. Слышал о таком?

— Нет, — немец отрицательно покачал головой, — Просветите, господа-товарищи?

— Али Демир, выходец из Курдистана[2], - вздохнул и пригубил коньяк Михаил, — Мирянские террористические группы с ним старались особо не связываться, потому что это чёртов чародей, а они как-то по большей части материалисты и о магии знают только то, что это плохо, и Кораном не сильно поощряется. А вот этого Али не сковывают нормы морали и Корана. Из последнего и крупного на его счету три взрыва в Магрибе: Алжир, Тунис и Марокко. Направлены акции были ровно на волшебников, миряне не пострадали вовсе, — он на всякий случай посмотрел на немца и уточнил, — Кайнцауберы. Потому особо эти акции не разошлись, но волшебники в курсе. По официальной версии, этому выродку нужен хаос, боль и страх. Все три взрыва это были переговоры между арабскими и европейскими волшебниками, в Марокко погиб испанский представитель, в Алжире погиб француз, в Тунисе француз был тяжело ранен.

— Интересная личность, — произнёс Виктор.

— Ещё одна акция Али состояла в нападении на выездное занятие школы Уагаду. Погибло двое взрослых и одиннадцать детей, — глава аналитиков W&C внимательно следил за реакцией собеседника, но на лице того ничего, кроме удивления не было написано.

— Потому эта выходка Ректора Шармбатона выглядит глупо, — пробасил Свят

Вениаминович.

— Я предполагаю, что у Мустафы не один отряд, который можно расположить во Франции, но как только в Шармбатоне появятся первые представители африканского континента, я в первую очередь про взрослых говорю, — Михаил поклат в бокале коньяк, — И они увидят Али или его бойцов. Как ты думаешь, Виктор, через сколько времени Шармбатон станет полем боя?

— Студентов жалко, — поморщился тот, — Попадут под раздачу.

— Только это не наша война, — отпил коньяк глава W&C.

— Надеюсь, вы этого не скажете про наш контракт? — немец с подозрением посмотрел на него.

— У нас чёткие инструкции не идти на прямую конфронтацию с турками первыми. Пока это вообще никак не противоречит контракту с тобой, — ответил Михаил, — Но ты так и не ответил на насущный вопрос, репрессии уже провёл?

— Их Фавр де Поль начала, когда убила мракоборца, который состоял в Аненербе.

— Очень удобно не откачивать пострадавших вовремя, — ехидно пробасил Свят Вениаминович, — Всегда можно сказать, что банально не успел, да?

— Ну, мы не старались успеть и не успели, — пожал плечами Виктор, — Вы же передали информацию, что только один был под воздействием из моих людей, а второй добровольно пошёл за этим Иржи. Вот мы и того, кто был под воздействием, сейчас лечим от перелома черепа. А второй уже на кладбище. Погиб при исполнении. Героическая смерть, между прочим.

— Кстати, — поднял вверх бокал Романов, — А куда делась девочка Мирбах и наш сотрудник?

А... — Шваниц замялся и спешно отпил свой коньяк.

— Сам по себе он не очень важен для нас, — Свят Вениаминович внимательно глядел на немца, — Но он очень важен для одной нашей сотрудницы.

— Они вдвоём с девочкой в безопасном месте, — Виктор внимательно посмотрел на Салтыкова, но быстро отвёл взгляд и отпил из бокала, — Коллеги, я не могу сказать, где они и у кого.

— Если окажется, что ты их прячешь под кроватью, я даже не удивлюсь... — картинно закатил глаза Михаил.

— Нет, они не в Берлине! — всплеснул руками глава мракоборцев Германии.

— Нужно будет, чтобы ты сопровождал нашу сотрудницу в это место, а потом их обоих вернул обратно, — пробасил Свят Вениаминович.

— Я отведу, но не прямо сейчас, мне нужно у этого места уточнить, можно ли так сделать? Я не хозяин его.

— Кого? — на него посмотрел удивлённый глава аналитиков W&C.

— Места этого, — скривился немец.

— Смешная шутка, жаль, не вышла, — поджал губы Михаил.

— Зачем ты смеёшься над Виктором? — в голосе Салтыкова сквозила ирония, — Он же управляет департаментом, в котором множество инфильтратов Аненербе, какой-то турок выписал в его страну с Ближнего Востока известного террориста-чародея, под его личиной разгуливают неизвестные волшебники, а тут ты ещё?

— А ещё у меня госпереворот на носу, — ворчливо отозвался Виктор.

— Ты или тебя? — максимально искренне, как был способен, спросил Романов.

— Якоб Притвиц, глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф, задумал на собрании Бундестага свергнуть Августу фон Вальдбург.

— Какая незадача, — картинно покачал головой глава аналитиков W&C.

— Виктор, я напомним, — Свят Вениаминович отпил коньяк и внимательно посмотрел на немца, что тот аж поёжился, — У нас контракт с тобой, лично с тобой. При попытке кого бы то ни было, кроме тебя, начать нами командовать, этот кто-то чрезвычайно сильно удивится. Если будет упорствовать, то в последний раз в своей жизни.

— Это намёк на то, чтобы я сохранил свою жизнь? — усмехнулся Шваниц.

— Это намёк на то, чтобы ты объяснил своим союзникам правила, — Михаил стал совершенно серьёзен.

— Мне нужно, чтобы вы выделили бойцов для охраны собрания Бундестага.

Комната погрузилась в тишину, оба русских обдумывали предложение немца. Наконец Свят Вениаминович, посмотрев в почти опустевший бокал, пробасил:

— Ты знаешь, что у нас почти нет бойцов, а мы твои три городка прикрываем ещё, — ворчливо отозвался Михаил.

— Мне очень нужны ваши бойцы будут в Бундестаге, кто знает, что может случиться? — взволнованно дёрнул головой Виктор, — У нас вон Притвиц переворот готовит, у нас Аненербе, они, скорее всего, с ним спелись, ещё и турки эти. А всем своим мракоборцам я доверять не могу.

— Репрессии неизбежны, — усмехнулся и огладил бороду Салтыков. Шваниц кивнул его словам.

— Ты про французов забыл, — произнёс Романов.

— Фавр де Поль выпустят, — кивнул головой немец, — Мне не нужны во Франции популистские дуры у власти, эта дура, вроде, нормальная.

— А глава мракоборцев Германии уже отвечает за правителей других государства? — снова усмехнулся глава W&C.

— Я отвечаю за безопасность моей страны.

— Мне одному кажется, что наши бойцы в Бундестаге нужны не только для возможной обороны? — Михаил хитро прищурился, глядя на их гостя.

— Собрание через три дня, — улыбнулся тот, — Нам всем нужно подготовиться.

— Для подобной подготовки нам нужно получить разрешение Москвы, — пробасил Салтыков.

— Я надеюсь, за три дня его можно получить?

Свят Вениаминович пожал плечами и загадочно улыбнулся.

Романов отсалютовал бокалом Шваницу и допил свой коньяк.

(17 августа)

В просторном кабинете за длинным дубовым столом сидели мужчины и женщины, главы департаментов Магической Германии. С портретов со стен на них взирали их предшественники канцлеры и выдающиеся главы департаментов прошлого: кто в прусских военных мундирах, кто в серых мантиях, а кто и вовсе во вполне магловских пиджаках. Среди волшебников была заметна нервозность, то и дело слышались слова: “Вы читали газеты?”, “Что же удумали эти лягушатники?” и “Если фрау Канцлер нас собрала, что же она скажет?”

Секретарь Августы фон Вальдбург, миловидная белокурая девушка, деловито разложила

бумаги на месте своей начальницы во главе стола, затем отошла к стоящей рядом со столом кафедре и села возле неё на стул. Поправила, выбившуюся из причёски прядь и взяла планшет с перьевой ручкой, готовясь записывать.

Виктор Шваниц оглядел собравшихся, задержавшись взглядом на Якобе Притвице, тот смущённо улыбнулся ему и пожал плечами. Вид у него был, как и у многих других, немного взволнованный.

Отворилась тяжёлая дверь, и внутрь уверенным шагом прошла Канцлер Магической Германии в чёрном брючном костюме. Она дошла до своего стола, посмотрела в приготовленные бумаги, взяла пару листов и прошла за кафедру.

— Приветствую вас всех, господа, — Августа сдержанно улыбнулась, разложив листы перед собой на кафедре, — Рада видеть всех вас в добром здравии в это сложное для всей нашей страны время, — её приветствовали сдержанными кивками, — Также я благодарна присутствующим журналистам, которые смогли найти время в своём плотном графике, чтобы почтить нас своим присутствием, — две девушки, сидевшие на стульях у двери привстали и также приветственно кивнули, — Ваше нахождение здесь, как нельзя важно для всех нас, и надеюсь, всё, что вы здесь услышите, вы опубликуете в своих изданиях слово-в-слово без каких-либо купюр или упрощений.

По столу прошёлся шепоток, главы департамента переглянулись, но их взгляды тут же устремились к Канцлеру, которая в свою очередь глубоко вздохнула и стала говорить:

— Я посчитала, что в общих интересах предложить, чтобы наше собрание было проведено именно сегодня. По окончании сегодняшнего заседания, будет предложен перерыв до четверга, 19 августа, до заседания Бундестага, конечно, с возможностью встретиться раньше назначенного срока, если в этом будет необходимость, — она оглядела собравшихся, — Вы все имели честь читать французскую прессу, в которой была опубликована речь Ректора Академии Шармбатон Серафимы Эдит Абрабанель, именно те тезисы, что были опубликованы там, и заставили меня принять решение об этом внеочередном сборе. Все вы в курсе тех обвинений, что были предъявлены нашему государству, а также тех шагов, что намерена предпринять французская сторона в ближайшем будущем. Не буду скрывать, нам всем предстоит суровое испытание. Перед нами много долгих месяцев борьбы и страданий. Вы меня спросите, каков же наш политический курс? Что я, как Канцлер Магических Земель Германии, могу вам всем предложить. К моему глубочайшему сожалению, как бы это не звучало, но я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота. Определённые силы во Франции, имеющие крайне недружественные нам намерения, недвусмысленно дали нам понять, что готовы вести против нас войну, и они не намерены идти на уступки или переговоры. Как вы все знаете, они взывают к мировой и европейской общественности с целью сокрушить нас, даже не смотря на то, что мы до этого ни словом, ни делом не давали им повода для подобных помыслов.

Волшебники за столом молчали, внимая словам своего Канцлера, та же продолжала своим размеренным голосом:

— Нас толкают к войне, которая грозит стать самым сложным испытанием, которое выпало на долю всех нас в этом столетии, и я готова ответить за всех, мы к этой войне готовы, — в повисшей паузе был слышен лишь скрип перьев журналистов, записывающих произносимые слова, — Мы готовы вести эту войну, если потребуется, на море, суше и в воздухе, со всей мощью и силой, какую даровало нам Мироздание и наши предки, вести

войну против чудовищной тирании, прикрывающейся лозунгами о свободе и равенстве. Вот наш курс. Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным не был путь; потому что без победы не будет жизни. Это важно осознать: если не выживет наша страна, то не выживет все то, за что мы боролись, не выживет ничто из того, за что всё человечество борется в течении многих веков. Но я берусь за эту задачу с энергией и надеждой. Я уверена, что нашему делу не суждено потерпеть неудачу. И в этот момент я чувствую себя вправе настаивать на всеобщей поддержке, и я призываю: “Идемте же, идемте вперед единой силой”, - она перевернула лист бумаги, — Нам заявили, что у наших противников есть план, план по противодействию нашим помыслам, нашему спокойному мирному существованию. Но это совершенно не значит, что нам предстоит сидеть сложа руки и покорно ждать, когда к нашему порогу придёт враг. У нас есть долг, долг перед всеми волшебниками, что вверили нам управление этой землёй. Однако же не только перед ними. В сложившихся обстоятельствах нашим естественным союзником остаётся Французская Директория, те силы Франции, которые стремятся к миру и прогрессу на благо всего магического сообщества.

Августа нашла глазами Шваница, тот сдержанно кивнул ей.

— Как некоторые из вас знают, позавчера в поместье семейства Мирбах была задержана глава Французской Директории Кристина Фавр де Поль вместе со своим помощником Филиппом Лестрейнджем. Задержана она была на месте боя с отрядом неназванных немецких волшебников, из которого мужественно вышла победителем. Сегодня я со всей ответственностью могу заявить, что мы освобождаем из под стражи фройляйн Фавр де Поль, так как разбирательство по её делу завершено, — некоторые из собравшихся удивлённо ахнули, — На главу Французской Директории было совершено покушение волшебниками, состоящими в возрождённой организации, в прошлом веке наводившей ужас на магловское и магическое сообщество, не побоюсь этого слова, по всему миру. Я говорю об Аненербе, — возгласов удивления стало больше, — Я готова ответственно заявить, что на территории Магической Германии данная организация существует, она была воссоздана волшебником по имени Густав Хайм под видом кружков по изучению прусской волшебной мысли. С прискорбием констатирую, что инфильтратам этой организации удалось проникнуть во многие сферы нашего сообщества, в том числе на самый верх. И я своей волей объявляю данную организацию и всех её членов вне закона. Глава Департамента Магического Правопорядка Виктор Шваниц уже проинструктирован насчёт дальнейших действий по выявлению её членов и передачи их для судебного разбирательства.

Взоры собравшихся за столом устремились к Виктору, но тот лишь поправил свои очки и сдержанно улыбнулся.

— У нас есть неоспоримые доказательства причастности членов этой организации к убийству Генриха и Агаты фон Мирбах, а также Урсулы Клейн и Юргена Циммерна. Мы все помним эту ужасную трагедию, разыгравшуюся неполных три недели назад в Саксонии. За проявленную смелость и доблесть в борьбе с членами Аненербе я, Канцлер Магических Земель Германии выражаю особую благодарность главе Французской Директории Кристине Валери Фавр де Поль. Однако же деятельность этой волшебницы выявила ещё одну силу, враждебную нам всем. И эта сила также обосновалась на нашей земле. Сейчас я речь веду про так называемых эмиссаров Глубинного Государства Турции, до последнего времени они таились в тени, а их агенты не привлекали внимания к своим персонам, однако же

последние события показывают, что они выходят из подполья и готовы к действиям, — Августа сбилась, вздохнула, подняла взгляд, потом снова опустила вниз в бумаги, — Волшебница турецкого происхождения Сибель Арслан, служившая няней в семействе фон Мирбах, состояла в данной организации, и сразу после того, как случилась вышеозначенная трагедия, выкрала детей и увезла в неизвестном направлении с целью передать их турецкой стороне. К сожалению, на настоящий момент их местонахождение нам неизвестно, однако же что нам точно известно, так это то, что вы все смогли прочесть во французской прессе, а именно то, что в Шармбатоне и в Страсбурге будут расположены отряды турецких волшебников, одним из которых будет отряд известного террориста Али Демира. Не все из вас слышали про него, однако на его счету приходится атака на учащихся школы Уагаду с тринадцатью погибшими и двадцатью ранеными, а также три взрыва в странах Магриба: в марокканской Касабланке погибло четыре и ранено двенадцать человек, в алжирской Беджайе погибло двое и было ранено двадцать, а в тунисском Кайруане погибло пятеро и столько же было ранено. Это жестокий и опасный чародей, не желающий ничего, кроме хаоса и крови на нашей земле. И именно он был призван в числе одного из первых союзников Серафимой Абрабанель, и именно угроза, исходящая от этого чародея, толкает нас к следующим шагам.

Августа замолчала, снова посмотрев на собравшихся, они заинтересованно смотрели в ответ, лишь секретарь и журналисты скрипели перьями по бумаге.

— Мы посчитали необходимым ужесточить меры против чужеземцев, коими безусловно с этого момента считаются граждане Франции, сотрудничающие с Серафимой Абрабанель и её подручными, но и выходцы из Турции, коих имеются все основания подозревать, если не в сотрудничестве с террористами, то в поддержке антигерманских сил Глубинного Государства. Я понимаю, как многочисленны семейства, кто взял себе в работники турков или турчанок, но время требует того, что мы должны проявить к ним нулевую терпимость, в противном случае последствия нашего бездействия могут быть самыми ужасными. Я знаю, что есть очень много волшебников, которых затронет это распоряжение, но которые являются яростными врагами тех сил, рупором которых сейчас выступает Серафима Абрабанель. Я очень сожалею об этом, но мы не можем сейчас, в напряжении сегодняшних дней, разобраться в этом со всеми желаемыми подробностями. Если будут попытки атаковать нашу территорию и последует сопутствующая этому битва, этим людям лучше будет быть в стороне, ради них самих и ради нас. Однако, есть другая группа людей, к которым я не питаю никаких симпатий. Оттого я наделяю Департамент Магического Правопорядка и его главу Виктора Шваница чрезвычайными полномочиями, — по столу пронёсся шепоток, в котором совместились удивление и неодобрение, но Августа продолжала, — Я наделяю его правом железной рукой пресекать любую активность какой-либо “пятой колонны” на германской земле, и я надеюсь, мракоборцы будут пользоваться этим правом без тени сомнения, до тех пор, пока мы не будем убеждены, и даже более чем убеждены в том, что это зло среди нас успешно уничтожено. Я полна уверенности в том, что если все выполнят свой долг, если мы не будем пренебрегать ничем, и если будут приняты все меры, так как это делалось в подобные времена до сих пор, мы снова докажем, что мы способны защитить нашу землю, перенесем бурю войны, и переживем угрозу тирании, если потребуется, то в течение многих лет, и если потребуется, то одни.

Фрау Канцлер перевернула листок, не поднимая взгляда на шепчущихся людей и продолжила:

— Однако это не всё, чем мы можем ответить на угрозу с запада. Отныне, с этой минуты, такая ранее не поощряемая стезя магического искусства, как техномагия, объявляется полностью и безоговорочно равной любой другой школе магического искусства. Она не объявляется ведущей, но равной всем остальным. Также мною были проведены консультации с руководством Федеративной Республики Германия, и мы пришли к совместному решению о начале интеграции магического и магловского сообществ, — вздох удивления пронёсся по залу, — Да, это именно то, чем пугает нас всех и весь мир Серафима Абрабанель в своём памфлете, но это неизбежно, и это то, чем можем ответить мы на угрозу с запада. Маглы, живущие в этой стране, готовы помочь нам в нашем деле в обмен на наши знания, наше искусство. Можно сколь угодно презрительно к ним относиться, но нельзя у них отнять двух вещей: они живут на этой земле, и они сильны, — голос Августы разносился под потолком всё громче, шёпотки затихали, — Полагаю, совсем скоро начнется битва за нашу с вами Германию. От исхода этой битвы будет зависеть, уцелеет ли наша с вами цивилизация. От исхода этой битвы будет зависеть, выживут ли немецкие волшебники, удастся ли нам сохранить наши общественные институты и нашу государственность. Очень скоро враг обрушится на нас со всей своей яростью и мощью. И этот враг знает, что выиграть войну он может лишь одним способом, сломив наше сопротивление. Если мы сдержим его напор, Европа сможет обрести свободу, и не побоюсь этого слова, у всех волшебников мира появится надежда на светлое будущее. Но если мы проиграем, тогда весь мир и вообще все, что было нам мило и дорого, погрузится во тьму нового средневековья, только на этот раз оно будет куда более мрачным и, возможно, гораздо более продолжительным. Так давайте же засучим рукава и примемся за работу для того, чтобы, даже если наша страна просуществует еще тысячу лет, люди все равно продолжали помнить нас и говорить об этом времени: “То был их звездный час!”

Голос канцлера резко оборвался на высокой ноте, и тут же секундная пауза сменилась аплодисментами: мужчины и женщины начали вставать из-за стола и стоя аплодировать фон Вальдбург, пока она, не обращая на них внимание, собирала листы, подходила к своему месту во главе стола и садилась в кресло.

— Присаживайтесь, — кивнула она собравшимся, — Есть ли у кого-то из вас вопросы?

— У меня имеются, — уселась ровно пожилая полноватая женщина с седыми волосами, завязанными в тугий узел на затылке, — Фрау Канцлер, Вы всё сказали правильно, но учитывая, до какого состояния довёл мракоборцев Рихард фон Мольтке, то мы будем бороться с нашими врагами разве что донышками разбитых пивных бутылок, потому что это всё, что у нас есть! — она развела руками.

— Фрау Мюллер, — улыбнулся Шваниц, — К сожалению, мы действительно столкнулись с определёнными трудностями в работе, однако мы делаем всё возможное, чтобы эти трудности преодолеть.

— Герр Шваниц, — сварливо ответила женщина, — Я помню, как работало Штази, и я считаю, что если бы сейчас Ваш департамент был бы ими, то многих проблем из сказанного фрау фон Вальдбург удалось бы избежать, но к сожалению, даже Вы не в состоянии в короткий срок привнести необходимый порядок в стан мракоборцев.

— Думаю, у нас есть ещё некоторое время, которого будет достаточно герру Шваницу, на наведение этого порядка, — улыбнулся Притвиц, Мюллер в ответ прожгла его взглядом.

— Что именно будет с турками и турчанками, что служат у нас? — подал голос молодой человек, сидевший за столом возле Шваница.

— Герр Кауфман, для начала они все должны быть проверены на причастность к обозначенным в речи выше сообществам, — Августа внимательно посмотрела на говорившего, — Если причастность будет установлена, они будут высланы с территории Германии, если же они будут непричастны, они смогут вернуться к работе.

— Спасибо, фрау фон Вальдбург, всё понятно, — кивнул тот.

В зале повисла пауза, которую примерно через полминуты прервала Августа:

— Если на этом больше никаких вопросов нет, то объявляю заседание закрытым. Следующее собрание будет проведено 19 августа после заседания Бундестага.

1 — Моссад — ведомство разведки и специальных задач» национальная разведывательная служба Израиля, одна из трёх основных спецслужб Израиля.

2 — Курдистан — географическая и историческая область на Ближнем Востоке. Определенных границ Курдистан не имеет. Большая часть курдских земель расположена на стыке Армянского и Иранского нагорий, а также на территориях Верхней Месопотамии

Глава XXV. Когда в Берлине всё утрясётся

*

(17 августа)

Гора Броккен когда-то была покрыта густыми хвойными лесами, ходили слухи, что это был осколок тех древних лесов, что покрывали Германию да и всю Европу сплошным слоем в стародавние времена. Только лишь вершина всегда была свободной от елей, так что крестьяне шептались о том, что именно это место было выбрано окрестными ведьмами для их шабаша. В более позднее время гору облюбовала прусская армия, развернув там свой Генеральный штаб, позже это место стало базой Штази. Сейчас же мало, что осталось и от густого ельника, и от баз спецслужб — лишь гостиница, метеорологическая станция, телевышка, узкоколейной железная дорога и ресторан. А ещё музеи, много разнообразных музеев былых эпох.

Но вот с ведьмами вышло не совсем так, как о том думает просвещённая общественность. В наиболее густом ельнике, с противоположной стороны от людских зданий, как и раньше, стоял дом Брунгильды, верховной ведьмы этих земель. Скрытый от излишне любопытных глаз, он возвышался трёхэтажной громадой посреди большого подворья. Когда-то в доме шумела жизнь, галдели дети, сейчас же однако, кроме хозяйки и её домового эльфа здесь была только Марта фон Мирбах и Рудольф Люфт, кайнцаубер, случайно угодивший сюда. Марте он сразу понравился, хороший и добрый, постоянно подетски удивляющийся, но также и волнующийся о тех людях, кто остался там, за пределами этого дома и этого леса. Правильно её отец говорил, что кайнцауберы такие же, как и они сами: бывают светлыми, тянущимися к прекрасному и неизведанному из чистого любопытства, а бывают и наоборот. К счастью, Рудольф был из числа первых.

В это утро младшая Мирбах проснулась очень рано. Солнце ещё не показалось над кронами елей, и весь мир был ещё сырым и прохладным с ночи. Чарующий запах свежей хвои проникал с улицы в комнату через открытое окно. С улицы доносились трели утренних птиц. Но что-то тревожило Марту, потому она встала с кровати, чуть скривившись от прикосновения босых ног к холодным половицам, и подошла к окну.

Как только она выглянула на улицу, до её слуха донеслись перекликающиеся голоса, а нос учуял запах дыма. Ей не был виден двор, а лишь качающиеся на лёгком ветру ветви деревьев. Голоса доносились откуда-то из-за дома, и что-то странное было в них. А ещё этот дым, чем-то он настораживал Марту. Потому она накинула на плечи бабушкин платок, обулась и направилась ко входу. Вчера поутру, когда она вышла из комнаты, её сразу же встретил бабушкин домовик, а на кухне уже хлопотала сама Брунгильда, но сегодня было всё иначе, дом был на удивление пуст.

Подумав, что она просто проснулась сильно раньше всех, девочка прошла по коридору и отворила входную дверь на крыльцо. Отворила и застыла, поражённая увиденным.

Большие резные ворота на въезде во двор полыхали, жёлтые языки пламени вздымались ввысь, норовя перекинуться на стоящую рядом с ними конюшню. Одна створка ворот лежала на земле, а вторая висела на одной петле. И сквозь эти ворота шли, покачиваясь, какие-то люди в оборванной тёмно-коричневой форме. Они шли подволакивая ноги, словно каждый шаг им давался с трудом. Лица их были обезображены страшными ранами, одежда у некоторых тлела, но они словно бы не обращали на это всё внимание. Но самым пугающим

оказалось то, что первым из них шёл мужчина в точно такой же, как и на других, военной форме, только чистой и отглаженной. На лице мужчины застыла самодовольная ухмылка, в каждой руке он держал по чёрной волшебной палочке, на каждой из которых атели какие-то колдовские символы. Он шёл медленно и уверенно, словно бы никуда и не торопился.

Перед крыльцом спиной к Марте стояла Брунгильда, сжимая свою волшебную палочку, стояла в угрожающей стойке, готовая к бою, и не замечающая свою внучку, застывшую позади неё на крыльце. А вот мужчина заметил девочку, заметил и ещё более мерзко и самодовольно ухмыльнулся, а после вскинул одну из палочек.

Все проходящие сквозь огонь люди резко вскинули головы в сторону крыльца, и тут Марта услышала голос. Услышала и узнала его, этот голос убил её родителей, и сейчас этот голос приказывал схватить её. Девочка завизжала от ужаса и проснулась.

Чарующий запах свежей хвои проникал с улицы в комнату через открытое окно. До её слуха доносились трели утренних птиц и отдалённые голоса. Марта резко вскочила, в тревоге накинула на плечи тёплый платок и не обратив внимание на холодные половицы, выбежала из комнаты и помчалась на улицу. Её сердце бешено колотилось, страх, что этот сон мог быть не сном, липкими щупальцами обвивал её разум.

Но вот она выскочила на крыльцо, резко распахнув дверь и увидела, лишь тихий спокойный двор. Резные деревянные ворота, за которыми начинался густой лес, стояли на своём месте, а возле амбара в кресле-качалке сидела Брунгильда. Сидела и разговаривала с Рудольфом, который там же колот дрова.

— Ну, пара недель и дрова ты научишься колоть нормально, — бабушка Марты по-доброму ворчала, глядя на кайнцаубера, у которого топор застрял в полене, и тот немного неуклюже пытался его вытащить.

— Ну, последний раз я это делал в детстве у бабушки, — у того наконец-то вышло освободить топор, и он распрямился, вытирая со лба пот, — Фрау Брунгильда, но Вы же ведьма, почему нельзя нарубить дрова магией?

— Потому что незачем попусту тратить магию, если есть такой сильный юноша как ты, — улыбнулась Брунгильда, — Опять же, тебе, я смотрю, это по-душе.

Рудольф усмехнулся, поднял полено, снова установил его на колоду и размахнувшись разрубил.

Марта спустилась с крыльца и только тогда осознала, что босая, когда ноги почувствовали покрытую росой траву.

— О, Марта, ты уже встала! — воскликнула Брунгильда, увидев девочку и поманила её рукой. Та улыбнулась и побежала по мокрой траве к своей бабушке.

Рудольф обернулся и приветливо помахал рукой:

— С добрым утром! Как спалось?

Марта добежала до кресла и забралась к Брунгильде на руки, лишь вежливо улыбнувшись Рудольфу.

— Ты чего так рано? — спросила та свою внучку.

— Сон приснился, — буркнула девочка, прижимаясь к женщине.

— Дурной что ли? — насторожилась та.

— Угу.

— Под утро всякое сниться может, — Рудольф выдохнул и разрубил ещё одно полено, — Но тут такой воздух, после Берлина прямо пьянит!

— Мне приснилось, что сюда пришёл тот же, кто пришёл за папой с мамой, —

прошептала Марта, — Он пришёл за мной, а с ним ещё какие-то люди.

— Не бойся, — Брунгильда ласково погладила внучку по волосам, — Здесь тебе нечего бояться, нас тут никто не найдёт и не тронет.

— Но ты же рассказала своему другу Виктору про Рудольфа, — пробурчала та, — А он догадался, что я тоже тут.

— Он хороший человек, — улыбнулась женщина, — Он не станет рассказывать про тебя никому из тех, кто желает тебе зла. Зато он рассказал, что с Кристиной всё в порядке, и с герром Лестрейнджем тоже. Сегодня его уже должны выписать из больницы.

— А фройляйн Фавр де Поль?

— Он сказал, что за ней приедут её друзья из Франции, и что он им поможет найти Гельмута и Матиаса, — Брунгильда поймала вопросительный взгляд Рудольфа и рассмеялась, — Про твою рыжую русскую он тоже говорил.

— Ничего она не моя, — тот надулся и потянулся за очередным поленом, — Просто я волнуюсь.

— За последние пару дней ты только о ней и вспоминал, когда говорил о своей жизни, — улыбнулась женщина, — Запала она в душу тебе, явно запала.

— Ну, может, просто она хороший человек, — юноша пожал плечами, — Одинокий только, мне показалось.

— Если уж ты всё отнекиваешься, что не хочешь, чтобы она была твоей, то будь ей другом тогда, — улыбнулась старая ведьма, — Всё обычно начинается именно так.

— Я постараюсь, — на его щеках вспыхнул румянец, и он со вздохом разрубил полено.

— Но эта русская уж больно замучила всех, чтобы узнать твою судьбу. Даже до Виктора добралась, — рассмеялась Брунгильда, — Он рассказал, что она сильно за тебя переживает, сокрушается, что втянула тебя в эту передрагу.

— Если бы я знал, что та поездка закончится в доме броккенской ведьмы, я бы сразу согласился.

— А так не сразу? — ехидно спросил его женщина.

— Так я думал, — пожал плечами Рудольф и стал собирать наколотые дрова, — Это было похоже на свидание, а я...

— Это было похоже на приключение, — таким же тоном ответила его собеседница.

— Бабушка, — тихо произнесла Марта, — А что если они придут сюда? За мной...

— Как придут, так и уйдут, милая, — та снова погладила по голове свою внучку, — Этому месту никому не удавалось ещё нанести вред, как и его обитателям.

— Во сне всё было так реально, — просопела девочка, — Ворота горели, а сквозь них шли какие-то оборванные люди со страшными ранами.

— Ворота можно поджечь, девочка моя, они всё же из дерева, — ласково произнесла Брунгильда, — Такое случалось, но вот что потом случалось с теми, кто за эти ворота сумел пройти, об этом лучше не рассказывать в такое чудесное утро.

— Правда? — Марта подняла голову и заглянула в лицо бабушки.

— Правда, — кивнула та, — Пусть приходят. На Броккене не любят тех, кто ведёт за собой мертвецов.

— Мертвецов?

Рудольф замер с дровами на руках, его одновременно заинтересовал и насторожил разговор.

— Это страшное тёмное искусство, — произнесла женщина, покачав головой, — Когда-

то прусские цауберы им владели, к счастью, таких осталось уже мало.

— Это они напали на нас? — произнёс Рудольф.

— Да, — кивнула Брунгильда, — К счастью, доблесть одной француженки спасла всех вас.

— А она заберёт меня? — спросила Марта.

— Если ты этого захочешь, — ласково произнесла женщина, — Но для начала та рыжая русская заберёт Рудольфа.

Юноша зарделся и отвёл взгляд, делая вид, что очень увлечён раскладыванием наколотых дров в поленницу.

— Виктор обещал, что приведёт её сюда через пару дней.

— Но она же из кайнцауберов, — Марта недоверчиво посмотрела на бабушку.

— Ну, ты же привела сюда Рудольфа, — усмехнулась та.

— Фрау Брунгильда, я всё же здесь случайно, — юноша уже разложил дрова и стоял поодаль.

— А как же Статут? — серьёзно спросила девочка.

— Ну, наш гость и так ей всё разболтает, — пожала плечами и усмехнулась Брунгильда, — А Виктор пообещал, что этой русской девушке всё расскажут и так. Её коллеги.

— Русские цауберы?

— Они самые.

— Наши с Ниной коллеги волшебники? — удивился Рудольф, — А кто?

— Уж не знаю, Виктор мне не рассказывал, — улыбнулась женщина и внимательно посмотрела на юношу, — Думаю, пора идти завтракать.

— Неплохо было бы, — улыбнулся юноша и потёр шею.

Марта спустилась с коленей бабушки на землю:

— Рудольф, а что ты расскажешь Нине, когда она придёт за тобой?

— А я... — тот замялся, — Я подумаю, ещё же не сегодня она приедет.

— Ну, пара дней у тебя есть, пока в Берлине всё не утрясётся, — отозвалась Брунгильда и тоже поднялась с кресла, — За это время как раз и придумаешь.

**

(17 августа)

— Эдик, зачем мы этим занимаемся, ты думал? — Нина и Эдуард шли по набережной Шпрее в сторону их офиса и пили кофе из бумажных стаканчиков.

— Ради денег, прежде всего, — усмехнулся тот.

— Нет, ну это-то понятно, я скорее про то, почему мы именно на той стороне, на которой есть, — она внимательно посмотрела собеседника.

— Тебе не по-душе все эти люди? — теперь уже Эдди посмотрел внимательно на девушку.

— Мне не по-душе наши нынешние заказчики, — та фыркнула провела рукой по своим волосам, — Все эти тайные общества, секретные операции. Слово мы в плохом фильме о Джеймсе Бонде.

— Почему сразу в плохом-то? — улыбнулся Рихтер.

— Потому что я не понимаю, какой стороны держаться, — покачала головой Нина и отпила свой кофе.

— Лучше всего нашей, — тут уже пожал плечами юноша, — Мы наёмники, Нина, ты

как будто в первый раз.

— Если нашей, то вот Рудик, он наш или нет?

— Вернут тебе твоего Рудика, — по-доброму улыбнулся Эдик, — Тебя лично туда отведут, обещали же.

— А чем этот Виктор вообще лучше того Смита, которому лично ты в глазницу вогнал палку? — фыркнула девушка, — Прикажет Свят Вениаминович, и этому вгонишь?

— Может и так, — нахмурился тот, — Я ж потому и сказал, что держаться надо нашей стороны.

— Тебя что, вообще не учили такому понятию, как этика? — зло ответила Нина, — Ты уже стал совсем как Куприянов, стреляешь в тех, кто платит меньше.

— А ты думаешь, как быть?

— Ничего я не думаю, — злобно фыркнула она, — Но Рудика надо выручать.

Какое-то время они мрачно шли в тишине. Светило жаркое солнце, ярко бликуя на поверхности Шпрее. Навстречу им то и дело попадались такие же гуляющие люди. Время было обеденное, поэтому все, кто работал в офисах рядом, с радостью прогуливались точно также, как Эдик и Нина, по набережной.

— Ещё я считаю, что те люди, которые воруют детей и убивают их родителей, недостойны жить, — нарушила молчание Нина.

— Да, но... — отпил кофе и сделал неопределённый жест Рихтер.

— Политик и солдафон, — фыркнула девушка, — Что, если завтра Ганс Шрёдер придёт к нам, размахивая мешком с золотом, побежишь за ним?

— Не я решаю, Нин, ты же понимаешь.

— И не ты решал в Англии?

— Если Свят Вениаминович или кто-то в Москве захочет, мы даже со Шрёдером будем сотрудничать.

— Это паскудство, Эдик, — воскликнула Нина, — Или что, скажешь, что не всё так однозначно? И что зло тоже может стать добром?

— Такие, как этот Шрёдер не смогут стать добром, как их не выгораживай, — внимательно посмотрел на неё Рихтер, — Но Нина, мы уже были на стороне зла. А потом ещё предали своего нанимателя, это считается за хороший поступок, если мы предали злую сторону?

— Софистика, — фыркнула та, — Хорошим поступком явилось бы то, что мы бы отказались от этой работы.

— Это не софистика, а политика. Если бы не взяли за тот заказ мы, взяли бы другие.

— Вот полегчало так полегчало, — саркастически заметила Нина.

— Слушай, — он схватил девушку за руку, что та остановилась и удивлённо посмотрела на него, — Вытащим мы твоего Рудика.

Нина внимательно посмотрела на юношу, выдохнула и кивнула:

— Я боюсь за него, я в курсе, что творили те люди, а что если он сейчас у таких же находится?

— Михаил сказал, что не у таких. Что он там же, где и та девочка, которую вы встретили. Или ему ты тоже не веришь?

— Мише я верю, — она отпила свой кофе, — Ладно, прости, пожалуйста, — она подружески обняла Эдди, — Я правда переборщила.

— Ладно, похоже, я и правда становлюсь похожим на Куприянова, — смущённо

улыбнулся тот, — Хотя дело у нас обычно грязное, это правда.

— Не в грязи дело, а том, как мы стоим за своих, — задумчиво произнесла Нина, — И за слабых.

— Никогда бы не подумал, что ты так думаешь, — удивлённо усмехнулся юноша.

— Что, по твоему, я циничный аналитик? — в голосе девушки зазвучала ирония, — Что я тебе на это могу ответить? Иногда случается.

Рихтер рассмеялся, допил свой кофе и выбросил стаканчик в урну.

— Но все эти тайные общества мне всё равно не по-душе, — весело ответила Нина, и её пустой стаканчик полетел туда же.

— Михаил обещал, что тебе расскажут о них, — улыбнулся юноша, — Перед тем, как поедете за Рудиком.

— А без рассказа не пустят? — весело произнесла та.

— Просто ты без рассказа ничего не поймёшь, хотя я и с рассказом ничего не понял.

— То есть ты всё знал, вот ты гад! — картинно обиделась девушка, а после поправила копну своих рыжих волос и рассмеялась.

Они свернули на аллею, выводящую к громадному офисному зданию, где на десятом этаже половину офисов занимал War&Consuting. Погода стояла отличная, жаркое лето вернулось в Берлин, и теперь солнце отдавало всё то тепло, какого не досталось городу в прошлом месяце. Именно поэтому даже те служащие, что работали в этой части города, были одеты максимально по-летнему. И сейчас все они гуляли вокруг Нины и Эдика, словно и не обеденное время сейчас, а обычный выходной.

— Я только одного не могу понять, — произнесла Нина, когда они уже подходили к офису, — Почему Виктор сразу не забрал оттуда Рудика?

— По официальной версии, нужно было утрясти кое-какие вопросы, — пожал плечами её собеседник.

— А по неофициальной?

— Это не первостепенная задача у него, — чуть смущённо произнёс Малыш Эдди, — Сама же понимаешь, там какая-то политическая игра происходит, сама же знаешь, что кроме Рудика там же находится и эта девочка Мирбах, а она Виктору явно важнее.

— Он боялся, что девочку найдут? — девушка открыла дверь, пропуская вперёд Эдди, — Резонно.

— Да, — кивнул тот, остановившись, выпуская спешившего выйти доставщика еды с большой сумкой за плечами, — Думаю, он до сих пор опасается за её жизнь.

— Бедная девочка, что-то много досталось испытаний для её возраста-то.

Они поднялись на лифте наверх и зашли в офис, где был как раз конец обеденного перерыва, но у всех их коллег в опен-спейсе был вид такой, что обед только начался.

— О, пицца! — воскликнула Нина, глядя на коробки, громоздившиеся на одном из столов.

— Сегодня у Василисы день рождения, — отозвался один из сослуживцев, шедший наливать чай, — Сейчас поздравлять будем.

Нина с Эдиком переглянулись и кивнули друг другу.

— Эдик, зайди, — из кабинета Салтыкова выглянул Романов и поманил Рихтера.

— Нина, займёшь пару кусочков? — юноша посмотрел на девушку.

— Если будешь там дольше получаса, то не уверена, — та весело покачала головой.

— Ты же на диете? — картинно удивился тот.

— Но пицца такая вкусная, — заговорщицки ответила та.

Рихтер дошёл до кабинета Свята Вениаминовича и оглянулся на Нину.

Та как раз подошла к коробкам с пиццей, оглянулась на него, показала язык и открыла коробку.

(17 августа)

Кристина Фавр де Поль вновь сидела на неудобном деревянном стуле перед столом в комнате без окон. Потолок был низким, стены бетонными, но француженка уже не удивлялась интерьеру, скорее её не покидала идея сделать в Париже такую же комнату для допросов, уж больно удобно она была сделана. Тусклая лампа на потолке давала немного света, потому Кристина взяла на себя смелость включить настольную перед собой, благо больше никого в этой комнате не было.

Открылась дверь.

Француженка обернулась, и увидев вошедшего Виктора, вежливо улыбнулась. Он вошёл один, прошёлся к стулу за столом напротив Кристины и сел в него:

— Чаю, фройляйн?

— Не откажусь, — она кивнула.

Виктор улыбнулся, вызвал слугу, тот в миг обернулся и поставил перед Кристиной пустую чайную пару, белоснежную с синей каймой и двумя гусями с большими бантами на шеях. Перед Виктором же он поставил гранёный стакан с ложкой и исчез. Немец хитро посмотрел на француженку и достал из стола бутылку вина. Француженка удивлённо посмотрела на неё, потом на него.

— А есть повод?

— Ну, есть поговорка такая, о русских, — он налил себе красного вина до ободка стакана, а после наполнил чашку Кристины, — Они пьют в двух случаях, с горя или на радостях.

— И какой же повод сейчас? — та обворожительно улыбнулась и пригубила вино, — О, хорошее.

— В Германии делают хорошие вина, хотя французы с этим не согласны.

— В Германии делают хорошие машины, а вино я бы попросила оставить нам, — Кристина по-прежнему улыбалась.

— Да мы не претендуем, так, просто стремимся подражать идеалу, — Виктор улыбнулся и отпил из своего стакана.

— Всё же, Виктор, какой повод? — она внимательно смотрела на своего визави.

— Ну, во-первых, фройляйн, Вам не предъявлено ни одного обвинения, напротив, Августа фон Вальдбург выражает Вам благодарность за уничтожение членов Аненербе, а также за устранение Сибель Арслан.

Кристина удивлённо захлопала глазами.

— Что, прямо все оказались членами Аненербе? У вас настолько всё плохо?

— К сожалению, — развёл руками Шваниц.

— Смутные времена настали не только во Франции, значит, — она отпила вино.

— К сожалению, эти времена настали, похоже, во всей Западной Европе, — пожевал губами Виктор.

— Если Вы, месье, о последних французских газетах, то я имела неудовольствие их прочесть.

— Это во-вторых, — немец отпил своё вино, — Буквально сегодня фрау Канцлер объявила о том, что техномагия в нашей стране становится равной иным искусствам, а наше общество начинает интеграцию с сообществом кайнцауберов.

Кристина вопросительно посмотрела на Виктора, но тут же собралась с мыслями и кивнула.

— В сложившихся обстоятельствах, фройляйн, нам нужен союзник, — улыбнулся Виктор.

— У меня смута в Шармбатоне, я не уверена, сколько волшебников в Директории точно смогут меня поддержать, кроме двух самых верных, а Вы рассуждаете о союзнике, держа меня в своих застенках? — улыбка Кристины стала хищной, — Виктор, я, конечно, в Вашей власти, но чем я могу помочь?

— А вот тут наступает черёд в-третьих, — улыбнулся Шваниц, — Из Парижа по Вашу душу прибыла фрау Нуаре, с официальным визитом. Буквально скоро она прибудет в Министерство.

— Кому Вы сообщили о моём задержании? — глаза француженки сузились.

— Письмо было отправлено от моего лица Габриэлю де Ноайю, как я понимаю, он исполняет в Ваше отсутствие руководство Директорией?

Кристина выдохнула и чуть расслабилась.

— Я не стал посылать официальное уведомление, всё могло измениться, в том числе и в Вашей стране, потому решил, что это решение наиболее приемлемо.

— Виктор, Вы меня удивили, — улыбнулась Фавр де Поль, — И порадовали, признаюсь. И как я понимаю, мадам Нуаре прибыла именно по просьбе де Ноайя?

— Это мне неизвестно, — хитро улыбнулся Шваниц.

— Ой, не юлите, Виктор, я не поверю, что Вы этого не знаете.

— Нет, правда не знаю, — рассмеялся тот, — В любом случае, она уже побывала в больнице у герра Лестрейнджа и, насколько я знаю, уже направляется к нам вместе с ним.

— Филиппа выписали? — в голосе француженки прорезалось волнение.

— Да, мы его достаточно быстро смогли поставить на ноги, — кивнул немец.

— Что ж, — Кристина отпила вина, — Я смогу Вам ответить про союзничество, когда поговорю с теми, кто приехал из Парижа.

— О, это я прекрасно понимаю, но надеюсь, это не затянется.

В дверь постучали.

Кристина повернула голову к двери. Шваниц поднял глаза, которые тут же стали непроницаемыми:

— Не заперто.

В комнату вошёл молодой мракоборец, его Кристина ещё не встречала.

— Герр Шваниц, прибыла делегация фрау Нуаре.

— Что ж, пора идти, — Виктор кивнул вошедшему и поднялся. Француженка последовала его примеру.

Молодой мракоборец открыл дверь, пропуская вперёд Шваница и Фавр де Поль.

По просторному залу, заставленному конторками, за которыми сидели служащие Министерства Магии, шла средних лет француженка в тёмном старомодном платье. Её голова была покрыта платком, вышитым жемчугом. Она уже издали заметила Кристину и улыбнулась ей, чуть ускорившись. Позади неё шёл немного бледный Филипп Лестрейндж и ещё один молодой волшебник в синем пиджаке.

— У Филиппа всё хорошо? — француженка повернула голову к немцу.

— Небольшая слабость остаётся, и стандартные последствия ожогов. — кивнул тот, —

Но он сильный, плюс поражения кожи оказались не очень обширными.

Французская делегация поравнялся с пустующей конторкой, на которой лежала куча папок с бумагами и какой-то деревянный ящик.

И тут же прогремел мощный взрыв.

Глава XXVI. Ветер с востока

*

(17 августа)

Сирены на улице завывали буквально через пять минут после того, как Нина открыла коробку с пиццей.

Эдика взрывом отбросило к стене. Он потерял сознание и не почувствовал, как осколки врезались в его руку и плечо. Дверь в кабинет Салтыкова захлопнулась, панорамные окна вылетели стеклянными брызгами на улицу, всех, кто стоял возле Нины раскидало во все стороны, сшибая телами столы и ломая лёгкие офисные перегородки. Подвесной потолок вмялся внутрь, а после осыпался вниз.

Вероника поставила заказанную к дню рождения пиццу на стол специально в центре опен-спейса, чтобы всем было удобно подходить и угощаться. Сама же именинница стояла у стола с коробками, и когда Нина потянулась к пицце, лучезарно ей улыбнулась. Ганс, который работал референтом в офисе W&C уже шёл с букетом летних цветов к ней. И вот теперь лепестки этих цветов медленно опускались на раскуроченный офис, где на столах уже начала заниматься огнём бумага и документы.

Зазвенела сигнализация, посылая сигнал тревоги пожарным. Через минуту она отключилась и зазвонил первый телефон.

And now the Christmas time is coming round today
He's wondering: Why oh why doesn't it come my way?
Oh where's my soulmate waiting for my snowy heart?
If so make sure no one can keep us apart!

Окровавленные тела лежали на обломках столов, под перевернутыми стульями и между сломанными перегородками. Те, кто находился дальше всего от взрыва, стонали, контуженные, и пока не могли осознать, что у них переломаны кости или прошиты осколками тела. Выкрашенные в светлый цвет стены стали покрыты выбоинами словно от крупной шрапнели. Те, кто находился рядом со взрывом, уже не могли шевелиться, более того, уже сложно было опознать, кто из них кто.

Зажужжал ещё один телефон, каким-то чудом не пострадавший при взрыве, хотя девушка в тот момент набирала сообщение и держала его в руках. Он лежал экраном вниз, и сейчас полз на виброзвонке в растекающейся луже крови.

Зазвонил ещё один телефон, его громкий рингтон перекрыл тихие стоны, начавших приходить в себя выживших.

E vola vola si sa, sempre più in alto si vae
vola vola con me, il mondo è matto
perché se l'amore non c'è basta una sola canzone
per far confusione fuori e dentro di te.

Старая итальянская песня о любви разносилась посреди опен-спейса, дым начал заволакивать помещение. Михаил аккуратно приоткрыл дверь кабинета и выглянул в зал. На его лице волнение сменялось злостью.

— Миша, — позвал из глубины кабинета Салтыков, — В Министерстве тоже рвануло, Шваниц очень хочет, чтобы мы прибыли.

— Обойдётся, — зло произнёс Романов, делая аккуратный шаг из кабинета, увидел

Рихтера и подскочил к нему, его левое плечо и предплечье было всё в крови, — Свят, вызывай Куприянова!

Зазвонило разом несколько телефонов, заставив Михаил резко распрямиться. В неразберихе тел и обломков он заметил распластанное тело с кудрявыми рыжими волосами, перепачканными в крови и гари. Тело лежало на животе, раскинув руки, словно решив при падении обнять пол.

Аккуратно вышел из кабинета Свят Вениаминович.

Pardonne-moi ce caprice d'enfant
Pardonne-moi, reviens moi comme avant
Je t'aime trop et je ne peux pas vivre sans toi
Pardonne-moi ce caprice d'enfant
Pardonne-moi, reviens moi comme avant
Je t'aime trop et je ne peux pas vivre sans toi

Телефон громко пел где-то рядом с ними, Салтыков отстранённо оглядел поле боя, в которое превратился совсем недавно мирный офис его компании. В коридоре раздались торопливые шаги, раскрылась дверь и внутрь заглянули охранники из службы безопасности здания.

— Миша, хватит глазеть, нужно помочь живым, — чуть раздражённо бросил Свят Вениаминович и не смотря на своё крупное тело очень резво подскочил к Эдди и стал перевязывать, стащив с себя рубашку и порвав её на лоскуты.

Охранники несколько секунд ошарашенно смотрели на всё случившееся, а потом их оттеснила в сторону запыхавшаяся бригада медиков. Михаил приветственно поднял руку и буквально в несколько прыжков подскочил к ним.

**

(17 августа)

Спецслужбы Германии отреагировали на взрыв в центре Берлина практически мгновенно: был перекрыт близлежащий квартал, из здания в котором все люди были эвакуированы, объявлена беспилотная зона над всем городом, в том числе для частных дронов, а ещё был объявлен запрет на фото и видеосъёмку в зоне теракта. А ещё они притащили глушилку сигнала, на место взрыва, но это уже частности.

То, что это был именно террористический акт сомнений у спецслужб не было, сомнения были насчёт того, кто за ним стоит. А учитывая, в чьём офисе произошёл взрыв, то в кулуарах тотчас родилась версия о том, что просто эти русские перешли дорогу кому-то не тому в своей работе. Только эту версию не слишком педалировали, потому что помнили, что писали про этих наёмников в Британии и во Франции, потому откровенно не хотели распалывать общественное мнение, которое быстро бы сложило два и два и начало задавать спецслужбам Германии крайне неудобные вопросы. Например, а чего это вы проморгали появление в стране террористов, связанных с неонацистами? За пару месяцев в европейских интернетах уже сложилась слава у русских из War&Consulting, и слава эта была определённой — они воевали с какими-то внезапно поднявшими головы фашистами. А тут взрыв в их офисе. В СМИ информация проникала через сложный фильтр, потому очень быстро, буквально через несколько часов интернет-пользователи Германии родили конспирологическую теорию, что этот взрыв — это месть, месть от организации, которая раскинула щупальца по всей Западной Европе, и сейчас вступила в открытое противостояние с русскими, которых в Сети подавляющее число пользователей описывало, как честных и неподкупных паладинов Запада, стоящих на страже спокойствия всех европейцев.

Спецслужбы поначалу не обратили внимание на это, но когда над Берлином уже садилось солнце, а немецкие СМИ, которых держали в чёрном теле официальные власти, стали публиковать эту конспирологическую версию, то спецслужбы схватились за голову и побежали в офис федерального канцлера Германии. Там их встретили очень хмурыми выражениям лиц и сказали не дёгаться. На вопрос, может стоит сообщить в Кремль, им также хмуро сообщили, что с Кремлём проведены все необходимые консультации, и вообще это не ваше дело, пусть все считают, что это сделали какие-то неофашисты. В спецслужбах удивились, но приняли к исполнению.

А тем временем федеральный канцлер Германии переваривал вести от Августы фон Вальдбург. Пока кайнцауберские власти пытались осознать, кто стоит за взрывом, цауберы перечитывали послание от того, кто это всё совершил. Перечитывали и думали, что же дальше с ними делать?

“Я, Али ибн Фарид ибн Мухаммад ибн Ахмет из рода Демир, Восточный Ветер и Песчаное Солнце, я пришёл на эту землю показать вашу слабость. Всем известно, что та земля, которую не могут защитить живущие на ней, падает к ногам сильного. Вы, слабы, вы погрязли в склоках и тщеславии, вы забыли, каково это, владеть землёй. Я покажу вам это. Склонитесь! Та кровь, что пролилась сегодня, может быть последней, если вы прямо сейчас принесёте мне свою присягу. Если же нет, то ваша кровь продолжит питать эту землю. Даю вам всего три дня”.

В офисе W&C пять человек погибло и девятнадцать было ранено. В Департаменте Магического Правопорядка взрыв прервал жизни двоих и ранил семерых волшебников. Некто Али Демир взял на себя ответственность за эти взрывы, но как было найти его? Неужто проще всего было отправиться в Шармбатон к Серафиме Абрабанель и спросить с неё, с той, кто пустила турок к себе на землю? От этого варианта Августа фон Вальдбург отказалась сразу же, хоть к нему и призывали некоторые из тех, кто собрался на экстренное совещание в её кабинете в баварском замке — как бы сердце не пылало гневом и желанием отомстить, в такие времена следует сохранять холодный ум, как бы дорого это не стоило.

— Кто-то объяснит, что это за выродок? — зло произнесла Кристина, обводя взглядом собравшихся. Её правая рука была забинтована и висела на перевязи.

— Али Демир, террорист из Турции, — стёкла очков Виктора треснули, на скуле расплылась ссадина, он отпил кофе и поставил на столик свою чашку.

— Оба погибших, они приехали из Франции, — Якоб фон Притвиц потёр переносицу, — Калин Нуаре и Клод Лурье, это делегация...

— Заткнись, Якоб, — отрезала Августа, — Я знаю, кто это и за кем они приехали, мне ты сам об этом полчаса назад сообщил!

— Кроме Вас, фрау Канцлер, здесь ещё другие есть, — с достоинством, но немного обидевшись, отозвался глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф.

— Лично мне плевать на то, из каких стран были погибшие, сейчас это уже не важно — сухо отозвалась Марта Мюллер, глава Департамента Международного Магического Сотрудничества, пожилая полноватая женщина с седыми волосами, завязанными в тугий узел на затылке, — Но мне важно знать, делаем мы в отношении Турции что-то или же нет?

— К счастью, это была не официальная Турция, а обычные террористы, — на скулах Августы играли желваки.

— Обычные террористы, пронёсшие управляемую бомбу в Министерство? — удивилась Марта, — При всём уважении фрау Канцлер, но я такого никогда не встречала.

— Присоединяюсь к вопросу, что будет Магическая Германия делать в ответ на это всё случившееся? — Кристина отпила свой кофе и внимательно посмотрела на Августу.

— Я позволю себе не отчитываться перед главой иностранного государства, — раздражённо бросила та.

— Как дипломатично Вы произнесли фразу “не знаю”, - зло усмехнулась Фавр де Поль.

— Фройляйн, я бы всё же попросил не накалять обстановку, — Шваниц аккуратно отпил кофе, — Мы все на взводе, но это совершенно не значит, что мы должны здесь ругаться друг с другом, — он поймал взгляд француженки, — И отвечая на Ваш немой вопрос, двое.

Кристина удивлённо присвистнула:

— Это точно?

— Это подозрения, оба этих волшебника были под подозрением о сотрудничестве с Аненербе.

— Много чего не в порядке в датском королевстве, — проворчала фрау Мюллер.

— Я думаю, это не самая большая проблема нынче, — Августа обвела собравшихся взглядом, — Некто Али Демир произвёл два взрыва в Берлине, в цауберском и кайнцауберском районах. Требования его странны и расплывчаты, фройляйн Фавр де Поль, Вы что-то знаете об этом человеке?

— Если бы знала, он бы у меня уже давно болтался на перекладине, — фыркнула та.

— Крутые методы ведения дел у главы Директории, — улыбнулся Притвиц, но встретившись взглядом с француженкой, опустил глаза.

— Виктор, я верно понимаю, что мракоборцы Германии перестали представлять из себя значимую силу? — Марта Мюллер внимательно посмотрела на Виктора Шваница. Вслед за ней на него взглянули и остальные.

— В сложившихся обстоятельствах, да, — совершенно не поменявшись в лице кивнул тот.

— Также, как я понимаю, русских, с которыми Вы сотрудничали, постигла та же участь, что и Ваш департамент?

— Не совсем, — покачал головой мракоборец, — У русских по-прежнему есть боевая сила. И сдаётся мне, они будут её применять.

— Кайнцауберский Кремль проявляет терпение, — пожала плечами Августа, — Впрочем, как и всегда.

— Для того, чтобы начать действовать на нашей территории, этим русским Кремль не нужен.

— Ну, не объявят же они войну террористам на нашей территории, — воскликнул Притвиц.

— Если они начнут действовать против турок, я не буду им мешать, — произнесла Канцлер, — И никому не советую им мешать. Пусть они делают это, а Вам, фрау Мюллер, необходимо подготовить ноту правительству Турции.

— Я поняла, фрау Канцлер, — кивнула та, — Но Али Демир не подконтролен турецкому правительству.

— Если бы он был подконтролен им, то нота была бы с более жёсткими выражениями.

— Всё будет подготовлено.

— Виктор, нужно разобраться с неким Хакимом, — Августа устало потёрла глаза, — Он глава у турок на нашей земле, он должен знать, откуда дует ветер.

— Я понял, мои люди уже начали работать над установлением его местоположения, — кивнул Шваниц.

— Кристина, — фон Вальдбург посмотрела на чрезвычайно хмурую француженку, — Могу просить только об одном, нам всем нужно разобраться с размещением турецких отрядов на территории Франции.

— Мадам Канцлер, Вы мне предлагаете брать штурмом Шармбатон? — та удивлённо посмотрела на неё.

— Если это возможно.

— Я, пожалуй, дипломатично промолчу, чтобы не накалять обстановку, — Кристина отпила кофе.

(17 августа)

Всех пострадавших при взрыве в Министерстве Магии привезли в Шаритэ[1], в отделение для особых случаев — специальную часть клиники, оборудованную в подвале и скрытую от любопытных взоров несведущих, даже от большей части персонала.

Когда-то Кристина, будучи впервые в больничном покое, задалась вопросом, отчего это волшебники вынуждены прятаться от взоров маглов даже когда находятся на пороге смерти? Но сейчас она осознала, что этот вопрос стал немного не актуальным — обрезки металла, которыми была начинена бомба, были тайным образом заговорены. А оттого магловская медицина не могла с ними справиться. И потому сейчас в огромном зале с высокими сводчатыми потолками на койках лежали не только волшебники, здесь же расположили раненых из офиса русской ЧВК, всего два десятка коек. И, как отметила про себя француженка, к счастью, в этом зале царила тишина, прерываемая лишь негромкими фразами медиков и звуком их шагов.

Кристина аккуратно прошла между рядами кроватей и остановилась у одной из них. Там, заботливо укрытый покрывалом, лежал её помощник, Филипп Лестрейндж. Даже в этом неярком свете видно было, насколько побледнела его смуглая кожа. Он не шевелился, специально введённый в колдовской сон. Видно было, что повязка на его шее новая, но уже успела немного пропитаться кровью, а грудь тяжело вздымалась от прерывистого дыхания.

— Ему второй раз не повезло, — раздался негромкий голос за её спиной.

Кристина обернулась и увидела мужчину в красной мантии с надвинутым почти до глаз капюшоном.

— Месье? — она поначалу не узнала говорившего, но очень быстро поняла, кто перед ней, — Рихард фон Мольтке?

— Да, фройляйн, — бывший глава мракоборцев кивнул головой.

— Филиппу дважды повезло, — в голосе француженки появилось раздражение, — Не повезло тем, кто шёл рядом. А вот Вас же тогда не было?

— Я был в дальнем углу у своего стола, — снова кивнул Рихард.

— Пришли посмотреть на деяния рук человеческих?

— Всю жизнь дедушка говорил, что цауберы и кайнцауберы суть одно, вот сегодня мы это все видим.

— Да, всем нам бывает больно, у всех одинаково льётся кровь, — Кристина снова повернулась к Лестрейнджу, — И кровь одного цвета у всех. Кто-то из друзей?

— Я... — запнулся немец, — Да, на операции сейчас.

— Не думала, что у Вас есть они, — хмуро произнесла француженка.

— Если врачи не справятся, то и не будет.

— Вы изменились с нашей последней встречи, месье.

Мимо за их спинами торопливо прошла медсестра, несущая лекарства.

— Можно честно? — голос немца чуть дрогнул.

— В этом зале только так и можно, — она слегка дотронулась до лба своего помощника, тот был горячим и покрытым испариной.

— Никогда бы не подумал, что смогу с сочувствием вот так смотреть на этих русских.

— Среди них есть кто-то, кто сотворил с вами это? — Кристина развернулась и кивком указала на лицо Рихарда.

Тот отрицательно покачал головой.

— Слухами земля полнится, — отвечая на его незаданный вопрос сказала девушка, — А про Ваше падение, месье, много чего говорили.

— Это было заслуженно, — отмахнулся тот.

— Идёмте, — Кристина отошла от койки и поманив за собой собеседника, — Если мы с Вами не можем ничем помочь медикам, то главное теперь не мешать им.

Они прошли по залу и вышли в коридор, более светлый с более свежим воздухом.

— Скажите, Рихард, — повернулась к нему Фавр де Поль, — А что Вы намерены делать дальше?

— Как человек я не знаю, — опустил голову тот и пожал плечами.

— А как мракоборец? — строго посмотрела на него француженка, — Никто не снимал с Вас клятву.

— А как мракоборец, буду делать то, что прикажут, — он поднял взгляд и заглянул в глаза девушки.

— Правду сказала мадам Мюллер, много чего не в порядке в датском королевстве. Своей головой думать не привыкли?

Извинившись, мимо них прошёл врач и вошёл в комнату с пострадавшими.

— Ладно, прошу прощения, Рихард, — смягчилась Кристина, — Я не хотела Вас задеть.

— Всё верно, — пожал плечами тот, — Я разучился думать своей головой.

— За те несколько дней, как перестали быть главой департамента?

— Скорее за эти дни я заново учусь это делать.

— Интересное мнение, — улыбнулась уголками рта француженка.

— Ладно, не буду изливать Вам душу, — кивнул Мольтке, — Не то время, да и мы с Вами не близки.

— А ведь когда-то Вы были уверенней, — она с интересом посмотрела на собеседника, — Мой Вам совет, думайте прежде всего своей головой, пригождается в работе.

В коридоре послышались уверенные шаги, на них мракоборец и обернулся. С дальнего конца к ним приближался мужчина средних лет в строгом чёрном костюме, его белокурые волосы были аккуратно зачёсаны назад, а острые черты лица делали этого человека похожим на грифа. Рихард попытался вспомнить, где он мог его видеть до этого, но нет, видимо, они ни разу не встречались. Кристина также с любопытством смотрела на приблизившегося к ним мужчину, тот учтиво кивнул сначала Рихарду, потом ей.

— Доброго здравия, герр Мольтке, а Ваше имя?

— Хотелось бы сначала услышать Ваше, — Кристине отчего-то сразу не понравился этот тип, что-то отталкивающее было в нём.

— Меня зовут Отто, меня попросили навестить пострадавших, — тот лучезарно улыбнулся, от этого став ещё более жутким и хищным.

— Вы же не работник Шаритэ? — с сомнением в голосе произнёс Рихард.

— Нет, у меня частная практика, я специализируюсь на душевных травмах, а не на телесных.

— Там пока некому лечить души, — пожала плечами француженка, — Пока что все там спят.

— О, прискорбно, или же наоборот? — Отто посмотрел на мракоборца, — Но я рад, что встретил Вас, мне сказали, что Вас можно будет найти здесь, но я не предполагал...

— Кто сказал? — с подозрением посмотрел на него Мольтке.

— В Департаменте Происшествий и Катастроф, — чуть смущённо улыбнулся тот.

— Вы здесь по заданию Притвица?

— Можно и так сказать, да. Он сказал, что здесь могут быть мракоборцы, они меня смогут ввести в курс дела. Я просто не думал, что это будете Вы.

— Интересно, — протянула Кристина, — Ну, я не буду Вам мешать, — она мило улыбнулась, поправила перевязь, на которой всё ещё висела её левая рука, и направилась неспеша к выходу.

Отто повернулся было к ней, но Рихард своей фразой одёрнул его:

— Так о чём Вас ввести в курс дела?

— А, всё просто, — снова расплылся в улыбке его собеседник, но на этот раз она была нескрываемо хищной.

В конце коридора висело зеркало, француженка специально сдвинулась к одной из стен, чтобы видеть там двух немцев. И ей было видно, как Отто склонился к Рихарду, и как в его руке на мгновение появилась палочка, которой он коснулся мракоборца.

Набойки на сапожках Кристины гулко отбивали неспешный ритм, оттого совершенно не было слышно, что один из мужчин сказал другому, тем более, что француженка уже дошла до зеркала и остановилась перед ним. Она стояла и поправляла причёску, пока один немец говорил что-то другому. Потом поразглядывала синяки под своими глазами и, дождавшись, когда этот новый неизвестный ей мужчина оставит Мольтке в покое, тепло с ним попрощается и зайдёт в зал с ранеными, резко повернулась на каблуках.

Мракоборец стоял словно бы в некоей прострации, но усиленно мотал головой, словно пытаясь отогнать наваждение. Потом он обернулся на девушку и рассеянно улыбнулся. Их разделяло не меньше полутора десятков шагов, у Кристины была рабочая только одна рука, но в целом, стиль использования двух волшебных палочек в бою был для неё скорее чем-то модным — она по-прежнему не растеряла навыка действовать одной.

Девушка вытащила палочку, внимательно посмотрела на дверь позади Рихарда так, что тот подумал, что она смотрит на него, и даже смутился, сделала плавный шаг в сторону и словно бы размазалась в пространстве, пропав всего-лишь через мгновение от начала движения. Пропала, чтобы тотчас появиться позади Мольтке у той самой двери, через которую только что прошёл Отто.

— Колопортус[2]! — Кристина коснулась палочкой дверного полотна, дверной замок сразу же щёлкнул.

Француженка развернулась к удивлённо уставившемуся на неё немцу:

— Цедеро Локус! — взмах её палочки породил сумасшедший поток ветра, который отбросил опешившего мракоборца навзничь на метр от того места, где тот стоял, —

Инкарцеро! Силенцио! — незримая волшебная верёвка перетянула по рукам и ногам его, что Рихард не мог пошевелиться, а все звуки из его голоса начисто пропали, несмотря на то, что тот всю звал на помощь.

Фавр де Поль подошла к телу немца, наклонилась, взяв свободной рукой его за ворот мантии и резко подняла на ноги. А потом она, крепко держа Рихарда, снова плавно и неспеша отступила в сторону и пропала из коридора, теперь уже вместе с немцем.

— Алохомора! — раздался из-за двери голос одного из врачей, и в коридор выглянул работник Шаритэ, но никого уже там не нашёл.

(17 августа)

Три чёрных наглухо тонированных “Рендж Ровера” каждый на шести колёсах стремительно и уверенно подъехали к КПП, как только над саксонскими лесами опустились сумерки.

Молодой боец у шлагбаума нервно сглотнул, подал знак своему напарнику за бруствером и отправился проверять автомобили. Пассажирское стекло первой машины опустилось и Игнат Кондратьевич подал свои документы:

— Как служба?

— Идёт, — заметно приободрившись произнёс боец, узнавший командира, но документы всё же принял и прочитал, затем подал знак напарнику, — Простите, Игнат Кондратьевич, Ваш же приказ досматривать машины.

— А досматривайте, — добродушно отозвался Куприянов, — Мы уже почти приехали.

Второй боец вышел на дорогу, достал фонарь и оглядел днища автомашин, хоть и не слишком рьяно, пока его напарник проверял документы у водителей.

Монструозные “Рендж Роверы” были заполнены бойцами W&C — в каждом сидело по семь наёмников, притом снаряжены они были словно приехали не на охраняемый объект, а в зону боевых действий. Более того, бойцы на КПП заметили, что в кузове каждого “Ренджа” сидела пулемётная пара. Нет, ну, после дневных событий в офисе, о которых все уже, конечно, знали, было нормальным соблюдать меры предосторожности, но чтобы приехать с инспекцией на объект, прихватив с собой штурмовую пехоту, это было несколько странным, хотя вопросов начальству, естественно, никто не стал задавать. Шлагбаум подняли, шипы заграждений оттащили, и джипы, аккуратно объехав бетонную преграду посреди дороги, укатили внутрь территории тепличного хозяйства.

Стремительно подъехав к административному корпусу, джипы развернулись и встали полукругом. Пулемётные расчёты тут же заняли оборону, используя машины в качестве прикрытия, остальные же направились к зданию. Одну пятёрку Куприянов послал оцепить периметр, потому как кроме основного крыльца в эту постройку было ещё несколько входов.

Дежурившие на входе бойцы несколько опешили от такого появления начальства, и пока пытались сообразить, как вообще на подобное стоит реагировать, Игнат Кондратьевич распорядился им ничего не предпринимать, а ещё одна пятёрка из тех, кто приехал на чёрных джипах заняла крыльцо и холл, всем своим видом показывая, что перечить или мешать им не стоит, даже если состоишь в той же организации, что и они.

Мустафа Озтюрк находился в своём кабинете вместе со своим помощником и ещё одним турком, когда туда бесцеремонно зашли русские с автоматами.

— О, Игнат Кондратьевич, что-то случилось? — удивлённо поднял взгляд на вошедших Мустафа.

— Это ты мне сейчас сам ответишь, что, — раздражённо бросил глава военных консультантов W&C.

— Простите, но это мы вам платим, — подал голос помощник турка, — За эти деньги мы хотим в том числе вежливого обращения.

Куприянов буквально прожёл взглядом произнёсшего эти слова молодого человека, потом в пару шагов оказался возле него и резким ударом приклада опрокинул того навзничь вместе с креслом, в котором тот сидел. Другой турок вскочил на ноги и даже попытался что-то возразить, но получил удар прикладом под дых от русского наёмника и сложился пополам, медленно осев на пол.

— Игнат Кондратьевич, — на лице Озтюрка отражались одновременно страх и непонимание происходящего, — Вы же объясните?

— Это ты мне объяснишь, — процедил тот и кивнул своим бойцам, — Тащите всех на улицу.

— Я... я сам... — залепетал Мустафа, поднял руки и подгоняемый дулом автомата пошёл из кабинета. Остальных двух людей русские бесцеремонно подняли и потащили следом.

В холле всю эту процессию, выходящую на улицу, встретил крайне удивлённый взводный с позывным Кубань. Встретил и решил не задавать вопросов. На улице же даже Мустафу, которые всё же по большей части шёл сам, схватили потащили к одной из навозных куч, которая располагалась в специальном резервуаре у теплиц. В подобной куче несколько дней назад отдыхали неудачно зашедшие к туркам мракоборцы во главе с Рихардом Мольтке. Теперь же Мустафу и двух других молодых людей поставили на краю этой кучи на колени спиной к навозу.

Из леса вечерний ветерок доносил запахи сырой земли и листвы. Слышались голоса птиц и пение цикад. А трое турок стояли на коленях перед десятком русских наёмников. Мощные прожектора ярко освещали площадку, где всё это происходило, оставляя на земле резко очерченные тени от мужских фигур.

— Кто такой Али Демир? — Игнат Кондратьевич стоял перед жертвами и цедил каждое слово, — Кто ответит на этот простой вопрос?

— Как фы шмеете?.. — произнёс юноша с разбитым лицом, именно его глава военных консультантов W&C ударил прикладом в лицо.

— Сегодня днём этот человек взорвал бомбу в нашем офисе, убив пятерых наших коллег, — Куприянов переводил взгляд с одного турка на другого, — Ещё двое погибли от полученных ран в больнице.

— Мы сожалеем, — развёл руками Мустафа.

— Руки за голову! — скомандовал один из бойцов, подняв автомат, — Всем руки за голову.

Турки поспешно закивали и выполнили требование.

— Мне плевать на ваше сожаление, как и вам на погибших, — снова произнёс Куприянов, словно бы плюнул этими словами в стоявших на коленях, — Но я хочу услышать ответ, кто такой Али Демир?

— Да не шнаем мы никакого Ашли Демишра, — юноша с разбитым лицом зло посмотрел на него.

Игнат Кондратьевич не ответил, он прикрыл глаза, вздохнул, вскинул автомат и выстрелил. Пуля попала в голову говорившему, тот дёрнулся и упал назад в кучу свиного

навоза. Оставшиеся двое турок закричали, отняв руки от затылка.

— Руки за голову! — рявкнул один из бойцов на них, те в ужасе подчинились.

— А я повторю свой вопрос, — Куприянов зло смотрел на Мустафу, буквально прожигая того взглядом, — Кто такой Али Демир?

Площадка, где всё это происходило, погрузилась в молчание, были слышны лишь цикады и отдалённые трели птиц.

— Я не слышу ответа! — произнёс русский зло и резко.

— Это... — Мустафа сглотнул. — Его Хаким пригласил из Стамбула.

— Мустафа, — второй турок был в ужасе, но похоже, что ужаснее всего были для него не русские, а слова Озтюрка, — Нельзя же.

— Молчать! — скомандовал Куприянов, — Так кто такой Али Демир?

— Террорист, — выпалил уже Мустафа, по его щекам потекли слёзы, — Он ни перед чем не остановится, жизни для него ничего не значат... — он всхлипнул.

— Где он и чего хочет?

— Его направили... направили в Шармбатон... Француженка та пригласила.

Русский сплюнул себе под ноги и прикрыл глаза ладонью.

— Хаким же всё узнает... — зажмурился второй турок.

— Ещё одно слово, и я тебя пристрелю, — процедил Игнат Кондратьевич.

— Али Демир хочет видеть мир в огне, — Мустафа плакал, стоя на коленях, и сквозь слёзы продолжал говорить, — Он будет убивать, чтобы его боялись...

— Зачем его пригласил Хаким?

— Нет, молчи! — закричал второй турок, Куприянов снова сплюнул и выстрелил в него. Крик оборвался, пуля попала ему в грудь, и он завалился в яму с навозом.

— Хакиму нужен хаос... — Мустафа зарыдал в голос, согнулся и уткнулся лбом в свои же колени.

— Встать! — голос главы военных консультантов W&C был полон презрения, и турок ему подчинился.

— Хаким хочет Германию, мы все хотим Германию, — залепетал тот сквозь слёзы, — Но для этого нужна война, нужен хаос.

— Ты знал, что Али Демир хочет нас взорвать? — голос Куприянова стал очень спокойным.

Голос Мустафы надломился, он в ужасе уставился на русского, горло перехватило, а по щекам по-прежнему текли слёзы. Игнат Кондратьевич снова прикрыл глаза, глубоко вздохнул и короткой очередью застрелил его. Два пули попали в грудь, одна в шею, и бездыханное тело Мустафы Озтюрка упало в резервуар со свиным навозом.

Мощные прожектора ярко освещали площадку, где всё это происходило, оставляя на земле резко очерченные тени от мужских фигур. Над ними пели ночные цикады, а ветер доносил сырой запах от дальнего леса.

— Помните, — произнёс наконец после минутного молчания Куприянов, — Вы все выполняли мои приказы, послушаться не могли, но сами не стреляли. Всё сделал я собственноручно. Вопросы имеются?

— Никак нет, — раздалось с нескольких сторон.

— Тогда возвращаемся, — он развернулся и направился к джипам, по-прежнему стоявшим у входа. Остальные направились за ним.

1 — Шарите́ — университетский медицинский комплекс, являющийся одной из крупнейших больниц в Европе

2 — Колопортус — заклинание, запирающее замки.

Глава XXVII. Прусские чародеи

*

(17 августа)

Габриэль де Ноай, глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф Французской Магической Республики, сидел за столом в своём кабинете и готовился к завтрашнему заседанию Директории. За один день события в Берлине поставили перед руководством Франции несколько вызовов, и основным, что занимал сейчас де Ноайя, было отношение с семьёй Абрабанель — именно они пустили на свои земли турок, что взяли на себя ответственность за два берлинских взрыва.

Габриэль сокрушался, что хоть Фавр де Поль и была официально освобождена из под стражи, но приняла решение остаться в Берлине для помощи в расследовании, а также для завершения собственной миссии в Германии. Будь она здесь, всё было бы проще. Ропот поднялся прежде всего в её департаменте, слишком много среди мракоборцев оказалось ястребов, что желают идти предавать справедливому суду Абрабанелей и всех сочувствующих им. Поль Готье пока сдерживает эти голоса, однако ничего не может длиться вечно, особенно когда ты сам готов идти на штурм замка Шармбатон.

Де Ноай устало потёр лицо ладонями, он надеялся только на одно, что за взрывами не стоит хитроумный план Абрабанелей, чтобы отвлечь внимание французов на Берлин, а затем ударить самим по Парижу.

В дверь настойчиво постучали, судя по звуку ног. Габриэль нахмурился и встал из-за стола:

— Не заперто!

Конвульсивно дёрнулась дверная ручка, было слышно, как в коридоре выругались, потом снова последовал удар в низ двери. Де Ноай вышел из-за стола и тряхнул правой рукой — в его ладонь скользнула палочка, обвитая виноградной лозой.

За дверью снова кто-то выругался и после этого наконец-то справился с ручкой — та повернулась, открыв дверь, и в комнату втолкнули человека в красной мантии. Сам он был, судя по всему, магически связан, так как выглядел, будто его спеленали чем-то невидимым. Упал человек к ногам де Ноайя на бок, при этом не издав никакого возгласа, хотя такое падение ему явно удовольствия не принесло.

А следом в кабинет вошла Кристина Фавр де Поль. Её левая рука висела на перевязи, а правая сжимала волшебную палочку. Девушка недовольно взглянула на пожилого француза, сдунула со лба выбившуюся кудрявую прядь и, не поворачиваясь назад, пяткой закрыла дверь.

— Когда стучат, иногда надо открывать, — француженка выглядела крайне недовольной и уставшей.

— Открывать дверь это дурной тон, — усмехнулся Габриэль и спрятал палочку обратно в рукав, затем опустил взгляд вниз на человека, который попытался извиваться под невидимыми путами, — А это?

— Это Рихард фон Мольтке, — отмахнулась Кристина, сама спрятала палочку и прошла до графина с водой у камина.

— Ты похитила и приволокла сюда бывшего главу мракоборцев Германии? — мужчина смотрел на неё как на разбаловавшегося ребёнка.

— Всё так, — кивнула девушка, налила себе стакан воды и залпом выпила.

— А где ты его взяла, прошу простить мою бестактность?

— В Шаритэ.

— Ты взяла пациента лечебницы, бывшего главу мракоборцев, спеленала его и утащила ко мне в кабинет? — Габриэль переводил взгляд полный иронии с Кристины на извивающегося Рихарда и обратно, — А ты не хочешь мне ничего рассказать?

— Так вышло, — мило улыбнулась та, подошла к французу и по-дружески крепко обняла его, тот ответил на её объятия. Так они стояли несколько мгновений, пока у их ног немец пытался уползти, правда, у того из этой затеи ничего не выходило.

— Я тоже рад тебя видеть, — сказал де Ноай, когда они разомкнули объятия, — Но вопросы у меня по-прежнему остаются.

— Мы были в Шаритэ, — Кристина отошла к столу и аккуратно присела на его край, — Как посетители, не кривись, — она расплылась в очаровательной улыбке, — А после в коридоре столкнулись с каким-то немцем, который назвался Отто. И этот немец что-то наедине сказал Рихарду.

После этих слов немец затих и уставился на Кристину.

— И ты решила спеленать именно этого представителя немецкого народа и отвезти ко мне? — в голосе и во взгляде Габриэля соседствовала ирония и скепсис.

— Мне его стало жалко, он хоть и дурак, зато беззлобный. А вот этому Отто я не поверила.

— Пора писать в газету, — усмехнулся де Ноай, — Фавр де Поль проявила жалость к незнакомому ей человеку.

— Считай это интуицией, — скривилась девушка.

— Считаю, что если завтра Августа фон Вальдбург не объявит тебя в розыск, то нам сильно повезёт.

— Один раз она уже поблагодарила меня за службу на благо Германии.

— Удиви меня, расскажи, чем это, — он указал на Рихарда, — Послужит благу Германии.

— Проверь его на метки, — Кристина встретилась взглядом с Габриэлем.

— Ну, одну, положим, я вижу уже сейчас, — усмехнулся француз, вытаскивая палочку.

— Ты про то, что ему русские на лбу нарисовали?

— Угу, русская руна на удачу, — он присел на корточки перед немцем.

— Серьёзно? Ты знаешь её? — искренне удивилась Кристина.

— Кто-то рисует некрасивых свиней, а кто-то вот такие руны, — кончик палочки Габриэля загорелся фиолетовым. Кристина цокнула языком и закатила глаза.

Француз несколько мгновений осматривал замершего немца, а затем распрямился и погасил огонёк на палочке:

— Метка есть, но я не знаю, что это.

— В смысле?

— Вся непростиловка наносит метки на тело жертвы, ты это знаешь, — на эти слова Кристина утвердительно кивнула, — Но это не метка Империи и не метка Круцио. Но она есть.

— Я слышала про прусские чары, которые частично похожи на общепринятые... — задумчиво произнесла Фавр де Поль.

— Я не силён в них, но могу предположить, что если это именно прусское волшебство,

то это может быть какой-то аналог Империи. Ты не знаешь, в их департаменте существует утренняя проверка?

— Должна, там же Шваниц за главного теперь, — пожалала плечами Кристина.

— Ты что-то слышала про этого Отто? — Габриэль прошёлся до графина и налил себе воды.

— Никогда, но слышала про твоего визави, — на эти слова уже Габриэль насторожился, — Этот Отто говорил про Притвица, он глава Департамента Магических Происшествий и Катастроф. Тихий, спокойный, вроде, — она пожалала плечами.

— Притвиц встречался с Абрабанелями, несколько раз.

— Предлагаешь сразу ему оторвать за это голову? — усмехнулась француженка.

— Предлагаю доставить этого несчастного к специалисту по прусскому волшебству, — он кивнул в сторону Рихарда.

— У тебя есть такой знакомый?

— Твой визави, — усмехнулся Габриэль, — Виктор Шваниц.

— Шутишь? Вот так посреди ночи я не ввалюсь в его департамент. Тем более непонятно, кто там инфильтрат Аненербе, а кто нормальный?

— Тебе точно нужен этот немец? — взгляд де Ноая опустился на затихшего Мольтке.

— Я уже начала, поздно останавливаться на полпути. И мы не знаем, что там вложили в его разум. Может, чтобы он просто слушался маму и зубы чистил.

— Да, ведь именно для этого чаще всего применяют заклинание, ломающее волю.

— Поучаствуешь завтра в заседании Директории? — вкрадчиво произнёс де Ноай.

— Сейчас только мы осознаем, куда деть это тело, — весело ответила Фавр де Поль.

— Выделю специальную комнату для него в поместье, — загадочно произнёс Габриэль.

— Мне лучше выдели, — усмехнулась Кристина, — Я пока не готова ехать домой.

— Предстанешь завтра в таком виде перед всей Директорией?

— А я плохо выгляжу? — картинно удивилась француженка.

Габриэль рассмеялся и стал собирать бумаги:

— В поместье доработаю, и этого больного уложим там.

— Вот это хорошая идея, — кивнула Кристина.

**

(17 августа)

— То есть ты просто их отпустил? — Якоб фон Притвиц недовольно поморщился и пригладил свои усы. Он стоял возле открытого окна в своём полутёмном кабинете.

— Ты мне ни разу не говорил, что хочешь получить власть, залив Германию кровью, — Отто искренне удивился и откинулся в кресле, — Я мог их двоих сразу убить, но не стал.

— И где теперь Рихард фон Мольтке? — силуэт Притвица чернел в лунном свете, льющемся из окна.

— Надеюсь, что в лучшем мире, — отсветы свечей и огня в камине делало лицо немца похожим на маску.

— Вряд ли, — покачал головой его собеседник, — Твои подопечные проверили его квартиру?

— Мои подопечные проверили и квартиру, и поместье, в котором он уже три дня не появлялся. Мои подопечные вообще сделали всё.

— Угу, кроме того, чтобы найти Мольтке, — Якоб снова пригладил топорщащиеся усы.

— Ну, если эта французская девка решила, что я что-то нехорошее сделал с этим

мальчиком, — Отто задумался, переведя взгляд на огонь в камине, — Если она так решила, то скорее всего скоро к тебе будут вопросы.

— Это как? — не понял Притвиц.

— Всё просто, я сообщил, что меня послал твой департамент.

— Дьявол! — дёрнул плечами Якоб, развернулся и ударил ладонью по подоконнику, а после развернулся и закричал, — Ты вообще представляешь, что наделал?! Ты вообще думал, когда говорил?!

— Да, — хищное лицо Отто было непроницаемым.

— И что же ты думал?! Что это шутка такая?! — в крике стали слышны охрипшие нотки.

— Что твоя игра проиграна.

— Что? — Якоб опешил, словно его окатили холодной водой.

Отто пожал плечами и неспеша поднялся на ноги. Он размял шею, прошёлся до камина, встал возле него и стал смотреть в огонь. Притвиц же остался неподвижно стоять в лунном свете с недоумённым лицом.

— Что ты теперь будешь говорить на заседании Бундестага, Якоб? — Отто не поворачивался к собеседнику.

— Ты вообще о чём?

— Августа одновременно уравнила нас в правах с остальными магами Германии и поставила вне закона, — усмехнулся собеседник Притвица, — Может, надо было с ней союз заключать, а? — он повернул голову к Якобу и ехидно прищурился.

— Да пошёл ты! — зашипел тот.

— Так что ты собрался говорить в Бундестаге? Августа призвала турок на нашу землю и сотрудничает с теми, кто их укрывает?

— Вон, — голос Якоба задрожал от сдерживаемой ярости, — Пшёл вон.

— Тырываешь с нами союз? — усмехнулся Отто.

Притвиц ничего не ответил, просто вызвал домового эльфа.

— Где мальчики, Якоб? — не меняя насмешливого тона, гость Притвица повернулся к появившемуся эльфу.

— Выведи нашего гостя отсюда, — процедил сквозь зубы хозяин дома, глядя на своего слугу, — И больше никогда не пускай.

— Что, Якоб, ты осознал, что весь твой план пошёл по швам? — рассмеялся Отто, — А теперь обижаешься, словно ребёнок?

— Ты сам угробил весь этот план!! — закричал тот так громко, что даже домовый эльф вздрогнул. Тот медлил, видя, что хозяин всё ещё не закончил со своим гостем, а по правилам, заведённым в этой семье, нельзя мешать хозяину разговаривать с другим человеком, даже если разговор грозит перерасти в драку.

— Да неужели? — тем временем голос гостя был предельно спокоен.

— Ты просто отпустил их! И перед этим объявил им, что от меня пришёл!! — Якоб схватил подсвечник, стоявшей на полке у окна, и метнул в Отто. В него он не попал, подсвечник врезался в стену и с громким звоном отскочил на пол, выронив свечу. От удара её пламя погасло.

— Просто у меня было трое подопечных в Шарите, — совершенно спокойно отвечал собеседник Притвица, — Я на самом деле их проведать пришёл. А до Рихарда особо дела не было мне.

Якоб жестом показал слуге, что закончил со своим гостем. Эльф сделал буквально шаг в сторону Отто, как тот ловким пируэтом развернулся к нему. В руке у него оказалась волшебная палочка:

— Тотеметайнем ворт! — кабинет осветила зелёная вспышка. Домовой эльф запнулся и бездыханный распластался на полу.

— Ты... — выдохнул Якоб и вытащил свою палочку, но Отто уже подскочил к нему и коснулся его своей палочкой.

— Гебитен, — глаза немца на мгновение стали ярко-синими, затем он склонился к уху Притвица и произнёс несколько фраз. Тот расплылся в благой улыбке, казалось даже некоторые морщины на его лице разгладились.

Якоб фон Притвиц спрятал палочку обратно, затем улыбнулся Отто и, поманив его за собой, вышел из кабинета, совершенно не обратив внимание на тело домового эльфа. Его гость проследовал за ним следом.

(18 августа)

Полутёмная комната, где обычно принимал посетителей Хаким внешне вроде бы осталась прежней, но что-то в ней изменилось, неумолимо стало другим. Вроде бы всё тот же полумрак царит под балдахинами с золотой бахромой, всё те же разноцветные узорчатые подушки были разложены во множестве на полу.

Али Демир, молодой человек лет двадцати пяти от роду, стоял среди этого убранства, утопая ногами в мягком ковровом ворсе. Одет Али был в белую дишдашу[1], голову его покрывала гутра, подпоясанная игалем[2]. И выглядел он скорее как приехавший с Персидского залива араб, чем турецкий подданный.

Где-то снаружи, на два этажа выше них, шумел Берлин, только-только проснувшийся, здесь было тихо, прохладно, пахло сандалом, миррой и чем-то ещё неуловимым, запах чего юноша не мог опознать.

Али нервным движением огладил свою чёрную бороду и осклабился, вглядываясь в полумрак. В прошлый раз где-то там впереди то и дело разгорались угли кальяна, и откуда-то, где сидел Хаким, появлялся белёсый дым. Сейчас полумрак был пуст, по крайней мере, глаза молодого турка не различали там ничего.

— Ты позвал меня, Хаким-бей, чтобы я просто постоял здесь? — произнёс Али Демир с вызовом, уперев руки с свой пояс и выпятив грудь.

— Я позвал тебя, Али-бей, а ты сам не хочешь присаживаться, — раздался бархатный глубокий голос Хакима, раздался сразу отовсюду.

— Ты чем-то недоволен? — голос Демира не менялся, а сам турок пытался рассмотреть, где же всё-таки в полумраке притаился его собеседник. Но нигде не было даже намёка на турецкого волшебника.

— Ты в курсе, что произошло сегодня возле мечети Омара ибн Хаттаба? — интонация голоса Хакима не менялась, и он по-прежнему звучал отовсюду.

— В курсе, — глухо отозвался Али.

— Ты же не был там, да? — голос словно сконцентрировался позади юноши, тот нервно обернулся, но там никого не оказалось, — Ты же не видел последствия собственных дел?

— По твоему я виноват в этом?! — Демир было повысил голос, но вдруг осознал, что окружающая темнота гасит звук, потому фраза, что должна была раскатиться под потолком, оказалась еле слышной.

— Да, — голос Хакима заполнил всю комнату, хотя турок сам не повышал голоса.

— Ты сам просил сделать это, — вновь с вызовом произнёс юноша, но его голос звучал ещё тише, чем раньше.

— Прими последствия своих дел, как мужчина, — бархатный голос сконцентрировался позади Али, тот начал разворачиваться, но тут же позади него появился крепкий черноволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородой. Одной рукой он крепко обхватил грудь Демира, а второй приставил клинок к его шее. Кожа под лезвием натянулась, юноша дёрнулся, пытаясь высвободиться, но добился лишь того, что лезвие надрезало кожу. По его шее потекла струйка крови.

— Хаким-бей, ты... попросил... меня... сам... — голос Али Демира звучал зло, однако же становился с каждым словом всё глуше.

— Ты в курсе, что русские сделали с Мустафой? — вкрадчиво произнёс Хаким ему на ухо, юноша осознал, что от этого голоса по его спине пробежал холодок.

— Он был трусливым... жалким... — он не договорил, нож Хакима полоснул ему по шее, неглубоко разрезая кожу, а потом опустил рукоятью на его затылок так, что свет перед глазами известного турецкого террориста померк.

Сколько он пробыл в беспомощности, Демир не понял, но очнулся от резкой боли в животе и голоса Хакима:

— Вставай, трусливый и жалкий потомок Эртогула, — нога Хакима ещё раз ударила юношу в живот, — Пора отвечать за свои слова.

Али застонал, попытался что-то сказать, но голоса не было, его рот просто беззвучно открывался. В сердце юноши зародился страх, он облизал пересохшие губы и поднял взгляд. Над ним возвышался Хаким, глава Глубинного Государства на немецких землях, волшебник, чьего лица мало кто в жизни видел. Над ним возвышался крупный мужчина во вполне европейской одежде: белой рубашке, серой жилетке и таких же брюках. Демир вспомнил, что кто-то ему рассказывал, что если Хакима поставить в ряд с младотурками[3], то его будет совершенно не отличить от них.

— Вставай, — лакированная туфля турка снова ударила в живот известного террориста, — Отвечай за свои слова.

Демир застонал, дёрнулся и схватил ртом воздух.

Хаким отошёл на пару шагов и посмотрел на свой чёрный изогнутый кинжал, словно удивившись ему.

Али стиснул зубы и медленно поднялся на ноги. Распрямился и осознал, что на голову ниже своего визави.

— Чего ты ждёшь от меня сейчас, Хаким-бей? — он попытался сказать это максимально громко и уверенно, но вдруг осознал, что звучит не громче шёпота.

— Чтобы ты понимал, — его собеседник хищно улыбнулся, — Чтобы понимал, к чему привели твои действия.

— Зачем? — помотал головой юноша.

— Чтобы ты понимал ответственность. Чтобы ты понимал, что мы не просто так хотим эту землю, мы все хотим здесь жить.

— Но ты сам... — Демир не договорил, Хаким выкинул вперёд руку, кончик его кинжала упёрся в окровавленную шею юноши.

— На твоих руках кровь пятерых наших, что убили немцы сегодня у мечети, — голос Хакима был по-прежнему бархатным и обволакивающим, но в нём звучала неприкрытая

угроза — На твоих руках кровь троих наших, кого убили русские ночью, ты понимаешь это?

Али Демир сглотнул и кивнул.

— Ты помнишь, что тебе нужно дальше делать?

Али Демир снова кивнул, ощутив, как кончик чёрного кинжала проткнул его кожу.

— Ты сделаешь всё так, чтобы кровь наших людей больше не проливалась на эту землю? — Хаким посмотрел в глаза собеседнику, и тот увидел в них бездонную черноту, страшнее которой никогда в жизни не видел, — Чтобы те, ради кого мы всё это затеяли, больше не страдали?

— Я всё понял, Хаким-бей, — он кивнул, — Я всё сделаю так, как ты говоришь.

— Не стоит недооценивать тех, с кем ведёшь войну, — его собеседник отнял кинжал от шеи юноши.

— Я готов найти всех, кто повинен в этой крови, и отомстить! — выпалил Демир, потрогав себя за шею, отняв руку он увидел на ладони кровь, — Я найду их.

— Они теперь моя забота, занимайся своим делом.

Али Демир утвердительно кивнул.

— Ступай, — махнул рукой Хаким. Тьма сгустилась, а когда чуть рассеялась, перед юношей уже не было никого.

(18 августа)

Сегодняшнее утро в Берлине было серым и пасмурным. Стылый северный ветер нагнал откуда-то низкие стальные тучи, потому было поднявшееся в шесть утра над городом яркое солнце, к девяти уже потонуло в них. И в целом берлинцы быстро ощутили, что тёплое лето решило, если не закончится, то хотя бы взять выходной.

В пустом летнем кафе на набережной Шпрее сидели Виктор Шваниц и Михаил Романов. Сидели, пили парящий кофе и пытались закутаться в свои летние плащи после каждого порыва ветра — недобрая погода в Берлин пришла, очень недобрая.

В кафе через один столик сидела парочка: молодая девушка и импозантный мужчина — они более походили на преподавателя и студентку, выбравшихся на свидание. Однако Михаил очень быстро заметил и специфическую манеру держаться и соответствующую выправку, и то, что время от времени то мужчина, то девушка крайне внимательно поглядывали за их с Виктором столиком. Ясное же дело, в наши странные времена Виктор не отправился бы на встречу без сопровождения, даже если эта встреча — с давним знакомым.

— Ещё немного, и я начну считать Берлин живым, — Михаил поёжился под очередным порывом ветра, — И мы ему надоели со всеми разборками.

— Если бы это оказалось правдой, я бы вообще не удивился, — ему вторил Виктор, — Крайне неудобно, что вы отказались снимать хотя бы временный офис.

— Чтобы его нам повторно взорвали? — русский немного удивлённо посмотрел на немца, — Давай так, мне не жалко берлинские постройки, но ещё одна такая акция, и у нас кончатся люди, — после глухо добавил, — И так нам предстоят большие похороны.

— Сколько по итогу?

— Уже семеро, двое не дожило до Шаритэ.

— Медики в Шаритэ достойные, они справятся с тем, что было в тех бомбах.

— Вот потому все, кто выжил, теперь у нас на базе, — Михаил отпил кофе и оглянулся на пустую набережную, — В целом, мы и сейчас рискуем, появившись в таком составе в

центре города. Кто знает, — он кивнул в сторону милостивой девушки за стойкой с пирожными, — Может, она уже заряжает бомбу?

— Я попрошу для тебя зарядить бомбу, как говорят некоторые кайнцауберы, углеводную, — устало рассмеялся Шваниц, — Если вам в Сен-Тропе ничего не помешало заменить бармена, отчего нам-то в Берлине это помешать может?

Романов кивнул, отпил кофе. Его визави последовал его примеру.

Они некоторое время сидели в тишине, слыша лишь плеск волн о гранит, а также шум теплоходов, спящих по реке.

— Насколько у нас всё плохо? — глухо произнёс Романов.

— Ну, мне нужна помощь, — повёл плечами немец.

— С этим могут быть некоторые проблемы, — устало потёр глаза его собеседник, — В курсе, что произошло ночью?

— Если ты сейчас скажешь, что в гавань Гамбурга вошёл Нагльфар[4], я этому уже не удивлюсь.

— Около полуночи Игнат Кондратьевич Куприянов приехал к Мустафе Озтюрку во главе своего летучего отряда, — Михаил отпил кофе, наблюдая, как устало прикрывает глаза его визави, — После этого он выволок на улицу Мустафу и двух турок, что были с ним...

— Можешь не продолжать, — махнул рукой Шваниц, — Это он сам?

— Да, мы проверили, — кивнул Романов, — Он вернулся и сразу сдался Святу Вениаминовичу. Мы проверили его, он чистый.

— Просто сломался?

— Месть иногда застит глаза, — чуть рассеянно произнёс русский, — Игнат сказал, что последней каплей была фраза Озтюрка, что тот всё знал о готовящихся взрывах.

— Кто ещё в курсе?

— На рассвете мы приказали всем подразделениям, которые находились в теплицах Озтюрка, арестовать весь персонал. Всё готово, у нас теперь в руках три тепличных хозяйства с кучей ближневосточных мигрантов, но мы не знаем, что со всем этим добром делать. Можем твоим кайнцауберам отдать?

— Я лучше пришлю своих специалистов, — помотал головой Шваниц, — А что с Куприяновым сделали?

— Да ничего не сделали, — усмехнулся русский, — Он сдал оружие, и мы решили его направить от греха подальше в этот ваш Байрсброн в Шварцвальде.

Немец удивлённо посмотрел на собеседника:

— Это укрывание преступника, ты же в курсе? — он улыбнулся одними уголками губ.

— Хочешь его арестовать? — улыбка Михаила мигом стала хищной.

— Этого от меня ждут турки, — Виктор отпил уже порядком остывший кофе, — Но с учётом обстоятельств сегодняшнего утра, нет, — он бросил взгляд на пустую набережную, на которую упали первые дождевые капли. По шатру летнего кафе начинал барабанить дождь.

— В общем сейчас мы отстранили главу нашего боевого крыла от несения обязанностей, — Романов внимательно смотрел на собеседника, лицо которого было очень усталым, — Самое боеспособное подразделение, его летучий отряд, получил от Куприянова последний приказ, оборонять базу. Вот этим они и заняты. Пока мы определяемся с тем, кто может заменить Игната, так что временно на активные силовые действия мы не способны.

— Ладно, в Байрсброне тихо, — кивнул немец.

— Твоя очередь рассказывать.

— Есть две новости, тебе с какой?

— Одна плохая, вторая очень плохая?

— Обе не очень, Августа уже думает отменить сбор Бундестага, — Шваниц поднял глаза на шатёр кафе, по которому с силой забарабанили капли.

— Прости, после всей этой заварухи в четыре утра с Куприяновым, я позволил себе немного поспать, так что выкладывай, — Михаил допил свой кофе и подозвал девушку из-за стойки, чтобы она принесла ещё один.

Виктор кивнул ему, потом сказал той же девушке, чтобы и ему принесли новый. Пока она готовила и выносила заказ, они сидели молча, слушая дождь и милую беседу за другим столиком, где двое мракоборцев искренне играли роль профессора и студентки на свидании.

— Сегодня во время утреннего намаза в турецкой мечети Омара ибн Хаттаба случилось происшествие, — начал говорить Шваниц, когда девушка подала им кофе и ушла обратно за стойку, — С этими турками всё сложно с точки зрения европейского Статута, их цауберы с кайнцауберами в прямом смысле живут бок-о-бок.

— Их чародеи решили сделать представление для своей паствы? — Михаил подул на свой кофе и аккуратно отпил из чашки.

— Не их, — голос немца стал на мгновение глуше, — Через минут десять от начала службы в мечеть ворвалось пятеро молодчиков, все как один в длинных плащах и коричневой форме без знаков отличия.

— О, как! — воскликнул его собеседник.

— Узнаешь почерк, да? Но это что, они сразу же убили двоих служителей, бывших около входа, ещё несколько человек были ранены, когда попытались организовать сопротивление.

— Они применяли магию?

— Они атаковали исключительно при помощи чар, — Шваниц поставил ударение на слове “исключительно”, - Им попытались оказать сопротивление те несколько турецких цауберов, что были внутри, — он устало потёр глаза, — Как нам удалось восстановить произошедшее, события развивались так: нападавшие взорвали внешнюю дверь, оглушив тех, кто располагался возле неё. Затем внутрь полыхнуло два Вербранта, превратив входную зону буквально в пекло. Основная масса кайнцауберов ринулась в обратном от входа направлении, не дав турецким цауберам что-то толком сделать, так что напавшие быстро их обнаружили и нейтрализовали. Внутри применялись, кроме того же Вербранта, ещё такие чары как Блитсшлаг [5] и Этринкен[6].

— Прусское чародейство в полный рост, — хмуро отпил кофе Михаил, — Как в плохих американских триллерах, уронили тостер в бассейн.

— Именно так, ну, а после встали мёртвые, — Шваниц смотрел внимательно в глаза собеседника, которые от удивления расширились, — Да, это не фигура речи, трое убитых в первые мгновения нападения встали обгорелыми и кровоточащими фигурами и направились к толпе, которая пыталась вся протиснуться через одну единственную дверь, — немец хладнокровно отпил кофе, — А после они развернулись и спокойно вышли за пределы мечети. На улице их попытался задержать патруль кайнцауберской полиции...

— Твою ж мать, — произнёс Романов, переводя взгляд с собеседника на дождь за границами кафе.

— Лучше не читать кайнцауберскую прессу и не заглядывать в интернет, — хмуро

произнёс Виктор, — Сам же понимаешь, что сейчас там творится?

— Если это первая новость, то какая же вторая? — русский внимательно посмотрел на визави.

— Примерно за полчаса до этого всего в поместье Притвицей был найден повешенным в подвале Якоб фон Притвиц, — Виктор подумал, что глаза Михаила не могут быть ещё больше раскрыты от удивления, но оказалось, что могут, — И ладно бы, мне на этого неудавшегося революционера, откровенно говоря, начхать, но есть несколько фактов, — он отпил свой кофе.

— И что же там такое, что ты делаешь такую паузу?

— Во-первых, ты помнишь про мальчиков Мирбахов? Гельмута и Матиаса? — на эти слова русский утвердительно кивнул, — В одной из комнат в подвале поместья были найдены их вещи, судя по всему, мальчики там некоторое время содержались, — Виктор снова отпил кофе, — Во-вторых, Якоб не просто повесился, а на его груди висела табличка, на которой была нарисована кабанья голова и надпись, угадаешь какая?

— Résiste et Mords?

— Именно так, — кивнул Шваниц, — Правда, в отличие от повешенного эмигранта из Аргентины, здесь в этом рисунке есть одна странность.

— Что, свинья красивая? — попытался пошутить Романов.

— Ты не поверишь, но всё так, — кивнул его собеседник и продолжил, — В-третьих, в поместье был найден мёртвый домовый эльф семейства Притвиц. Судя по всему, убили его при помощи Авады.

— Она Лаэзу применяла... — Михаил вопросительно посмотрел на немца, тот пожал плечами и улыбнулся уголками губ.

— А в-четвёртых, на вечерний смотр вчера в департаменте не явился Рихард фон Мольтке, последний раз его видели за примерно час до этого в Шаритэ, они с Кристиной Фавр де Поль выходили из приёмного покоя, беседуя.

— На теле Якоба что-то нашли?

— Конечно, — кивнул Шваниц, — А ты думаешь, почему я сказал, что обе новости не очень?

— Ну, это понятно, — кивнул уже Романов, то ли своим мыслям, а то ли словам.

— У нас тут кружок любителей прусской истории вышел на тропу войны, а вы своего лучшего командира отправили отдыхать в провинциальный городок, а своих лучших бойцов заперли на базе.

— И что ты предлагаешь?

— Связаться с Кремлём, запросить возможность помощи в поддержании порядка, — совершенно серьёзно произнёс немец, — Пока что я опасаясь худшего сценария из возможных, уличных беспорядков. Мигрантские кайнцауберские районы уже бурлят. А Правительство Германии решает вопрос с возможным вводом Бундесвера[7] в город.

— В смысле настолько всё плохо? Сам-то делать что собираешься?

— У меня после последних событий осталось слишком мало сотрудников, за последние два дня исчезло ещё семеро, не было убито, а просто пропало. Они перестали выходить на связь, их невозможно найти.

— Зато ты получил перепись подданных Густава Хайма. Как я понимаю, теплицы у нас ещё долго никто не примет по описи?

— Я попробую выделить по одному сотруднику для приёмки, но как ты понимаешь,

скорее всего сегодня ничего не произойдёт. А там есть, что принимать? И ты это не хочешь кайнцауберам показывать?

— Мне бы не хотелось.

— Везите к себе на базу, самое надёжное.

— На базе-то да, но не по дороге. Особенно учитывая, как наши друзья-историки всех поставили на уши.

— То ли ещё будет, — Шваниц допил свой кофе.

— Ладно, будем решать проблемы по мере поступления. Оборона Шаритэ организована?

— Оборона Шаритэ... - в голосе немца появилось волнение, — Пожалуйста, Миша, если можно, направьте туда бойцов. Туда же сейчас повезли тех, кто пострадал в мечети.

— Сколько твоих там? — Романов был максимально серьёзен.

— Трое, но этого недостаточно.

— Ну, не будут же они устраивать бойню в центре города в больнице... — пробормотал Михаил.

— Угу, и в мечети тоже не станут, — хмуро ответил ему немец.

1 — Дишдаша — традиционная мужская долгополая рубаха с длинными рукавами у арабов.

2 — Гутра — мужской головной убор в виде платка у арабов белого, черно белого или красно белого цвета. Гутра придерживается на голове шерстяным шнуром игалем.

3 — Младотурки — политическое и националистическое движение в Османской империи, которое, начиная с 1876 года, пыталось провести либеральные реформы, создать конституционное государственное устройство и выступали против султана Абдул-Хамида II. Младотуркам удалось свергнуть султана и провести реформы внутреннего самоуправления и равенства среди христианских и мусульманских народов, однако после поражения Турции в Первой мировой войне они потеряли власть.

4 — Нагльфар — в германо-скандинавской мифологии корабль, чьё основание целиком сделано из ногтей мертвецов. В Рагнарёк он выплывет из царства мертвых Хель, освобождённый из земного плена потопом. На нём армия ётунов поплывёт на поле Вигрид для последней битвы против асов.

5 — Блитсшлаг — заклинание, порождающее водный поток

6 — Этринкен — заклинание, порождающее сильный разряд молний

7 — Бундесвер — вооружённые силы Федеративной Республики Германия.

Глава XXVIII. Утро в Директории

*

(18 августа)

Утро Кристины Фавр де Поль началось не с кофе, утро началось с Поля Готье, который поднял её буквально с постели. Как он её обнаружил в поместье герцогов де Ноай, это, конечно мог бы быть интересным вопросом, но нет, Кристина всё понимала. Очевидно, что Поль сначала поднял этими своими новостями Габриэля де Ноая.

— В смысле этот придурок нарисовал герб полка моего деда красивее, чем я?! — герцогский домовый эльф вздрогнул, услышав звонкий голос Кристины из комнаты с верхнего этажа, а домашние книззлы наострили уши.

— Кристина, я не настаиваю, конечно, но тебя только это интересует? — голос главы Департамента Магических Происшествий и Катастроф был максимально ироничен, насколько мог быть ироничен голос человека, спавшего около четырёх часов.

— Меня интересует наш спящий товарищ из твоего подвала, конечно, больше, но это уже дело принципа, — насупилась Фавр де Поль, стоящая посреди комнаты в длинной кружевной ночнушке, уперев правую руку в бок. Вторая по-прежнему висела на перевязи.

— Какой спящий товарищ? — Готье вопросительно посмотрел на де Ноая, всеми силами стараясь не разглядывать своего непосредственного руководителя в ночной сорочке.

— Да есть один тут, эта дамочка вчера приволокла, — ворчливо отозвался тот, — Коллега ваш.

— Кто? — молодой мракоборец не унимался, даже встал боком к девушке, чтобы точно случайно не взглянуть на неё.

— Рихард фон Мольтке, — Кристина картинно закатила глаза, её тон стал словно у учительницы, уставшей объяснять простые вещи первоклассникам, — Я его принесла сюда из клиники Шаритэ в Берлине, там он попал под какое-то воздействие от некоего Отто.

— Что?! — теперь уже настала очередь Готье воскликнуть так, что услышал домовый эльф с этажа ниже. Он развернулся к своей начальнице, также, как и она, возмущённо уперев руки в бока.

— А что я непонятно сказала? — рассмеялась та, подмигнув де Ноайю.

— Ты выкрала бывшего главу мракоборцев Германии из клиники и унесла сюда, чтобы что?

— О, это ты ещё не в курсе, что она его принесла под Инкарцero и Силенцио, — ирония Габриэля в его голосе стала ещё заметнее, хотя казалось бы.

Поль открыл рот, набрав воздух в грудь для нового возмущения. Потом закрыл рот, не до конца понимая, может ли он вообще, исходя из субординации, произносить те выражения, которые родились в его голове. Потом его взгляд соскользнул с ухмыляющегося лица Кристины вниз, уперевшись в её кружевное декольте. Тут юноша совсем потерял дар речи, его мысли спутались, а лицо залила краска.

— Во-первых, Поль, мои глаза выше, — весело произнесла Кристина, проследив направление его взгляда, — Во-вторых, да, и ни о чём не жалею, на нём метка какого-то странного Империи, Габриэль говорит, что возможно это какое-то прусское чародейство, — она перевела взгляд на хозяина поместья, — А в третьих, раз уж вы меня так бесцеремонно разбудили, то где мой кофе и завтрак?

Поль Готье с облегчением повернулся с Габриэлю де Ноайю, а тот пожал плечами:

— Одевайся, умывайся и спускайся на завтрак. Как я понимаю, проблемы Германии тебя всё равно пока не сильно волнуют.

— Мне кажется, или пока никто в этой комнате никак на них повлиять не может? — резонно заметила девушка, — Поль, тебе официальный запрос пришёл от Шваница?

— Угу, — кивнул тот, не поворачиваясь к ней.

— В запросе было требование арестовать меня и передать в руки немецкого правосудия?

— Нет, — отрицательно покачал головой Готье, — Там было предупреждение о деятелях Аненербе, что явно и недвусмысленно стоят за смертью Якоба фон Притвица, хоть и стремятся подставить тебя.

— Что, там тоже были странные метки от непонятных прусских чар?

— Скорее всего, — пожал плечами Габриэль, — Кристина, я напомню, что у тебя есть специалист во Франции по прусскому чародейству, жаль ты его публично казнила в Руане.

Девушка фыркнула и снова картинно закатила глаза:

— Почему ты против отдать Мольтке хорошему легилименту на обследование?

— Потому что это опасно, а ещё непонятно, как он будет себя вести, и вообще как эти чары сработают при легилиментии тоже неясно.

— Ты прав, но нельзя его вечно здесь держать.

— Либо ты его вернёшь обратно в Берлин, либо нашему казнённому другу покажешь.

— Если в Берлине произошло то, что произошло, то пусть лучше тут полежит, — скривилась Фавр де Поль, — Тем более, что у нас сегодня запланированы другие заботы.

— Ты будешь на собрании? — удивился Поль, аккуратно повернув голову к девушке, но не взглянув на неё.

— А ты обеспечишь своими людьми охрану собрания? — чуть заигрывающе произнесла та. Поль снова залился краской.

— Да, конечно, — кивнул молодой мракоборец.

— Тогда и я пожалуй загляну к вам, — усмехнулась Кристина и посмотрела на Габриэля, — А пока я волей главы Французской Директории объявляю, что я хочу завтрак, и кофе хочу. Выметайтесь, молодые люди из моей комнаты, я должна привести себя в порядок, — она весело рассмеялась, — А после спущусь уже к вам.

— Хорошо, — улыбнулся де Ноай, — Я рад, что ты в хорошем расположении духа осталась после этих новостей, — он взял под руку Готье, — Пошли вниз, кровавый диктатор изволит переодеться.

Поль вздохнул, закивал и вышел вместе с Габриэлем из комнаты.

Кристина же, когда закрылась дверь, поджала губы, негромко выругалась и подошла к окну, раскрыв его. В комнату ворвался свежий, но уже тёплый воздух августовского утра.

— Надеюсь, до Шаритэ они не доберутся... — произнесла она, глядя на улицу. На её скулах играли желваки.

**

(18 августа)

Первый раз Директория собралась в том же зале Министерства, в котором обычно Министр Магии Французской Республики встречался с главами департаментов. Однако уже на следующем заседании тогда уже Глава Директории Кристина Фавр де Поль убедила всех перенести заседания в оранжерею небольшого особняка в Сен-Клу. Особняк этот когда-то

принадлежал главе французских мракоборцев Жуану Кларену, скоропостижно скончавшемуся от болезни в далёком 1993 году. По завещанию особняк вместе с небольшим садом и оранжереей отошёл в ведение Департамента Магического Правопорядка Французской Магической Республики.

Иногда мракоборцы использовали его в качестве надёжного места для собраний и встреч, хоть оно с первого взгляда и не выглядело неприступным бастионом. Но, к примеру, оранжерея была устроена таким образом, что извне никому нельзя было подслушать то, о чём говорят, и вообще что происходит у неё внутри.

И именно в этом месте сегодня с утра мракоборцы ждали всех членов Директории, а также гостей собрания, которым было позволено выступить.

Поль Готье с десятком проверенных сотрудников был в особняке уже за час до начала, и вот сейчас, когда вот-вот должны начать прибывать участники, стоял у длинного продолговатого стола среди раскидистых кустов зимнего сада.

— Сегодня всё поменялось? — весёлый молодой голос позади заставил Поля обернуться. Там бодрым шагом от входа по засыпанной красным щебнем дорожке шёл ровесник Готье в ярком красно-золотом сюртуке и в шляпе с плюмажем из павлиньих перьев. Его лицо было таким загорелым, словно бы этого юношу, всю жизнь проведшего на набережной и в доках Марсея, только что выдернули оттуда, и зачем-то привели сюда.

— Тома! — улыбнулся мракоборец и приветственно обнял вошедшего, — Почему? Что изменилось?

— Вы стол передвинули, — хитро улыбнулся тот, — В прошлый раз он стоял вот там, — палец юноши указал на площадку в другом месте зимнего сада, вокруг которой не было таких раскидистых кустов, как здесь.

— Всё меняется, — пожал плечами Поль и снова улыбнулся.

— Мир переменчив, а значит я, пожалуй, присяду, — Тома улыбнулся в ответ и присел за стол.

Тома́ де Талейран-Перигор, глава Департамента Тайн и Загадок, сын известного на всю Западную Европу некроманта, которого одним из первых заключили в Замок Иф, выглядел по-мальчишески счастливым. Злые языки поговаривали, что в Директории этот мальчик лишь развлекается, ничем толком не занимаясь. И радуется, что наконец-то из под опеки властного отца выбрался. Эти языки, конечно же, ничего подобного не смели сказать ему самому в глаза, ибо он занимал должность главы Отдела Тайн уже порядка пяти лет, и, похоже, был единственным волшебником, кто был в курсе, куда делся его предшественник. А заседания Директории его и правда больше забавляли, на них он откровенно отдыхал от работы.

— Сегодня ты снова за главного? — спросил он у Поля, задумчиво стоявшего неподалёку от стола.

— А? Да, — вопрос выдернул молодого мракоборца из раздумий, — Но только в департаменте, — юноша улыбнулся, — Директорией по-прежнему пока де Ноай управляет.

— Мадемуазель Фавр де Поль решила не покидать Германию до разрешения кризиса?

— Всё так, — кивнул Готье, — Как понимаю, её там держат политические дела.

— Ну, раз ты за главного пока, могу посочувствовать, — Талейран-Перигор улыбнулся и поправил кружевной манжет, выбившийся из рукава, — Но ты же понимаешь, что было бы намного хуже, если бы ты вообще за самого главного остался?

— О да! — рассмеялся Поль, — Мне моих-то дел хватает.

Сквозь стёкла оранжереи лился утренний солнечный свет, освещая, казалось, все уголки зимнего сада, и рассыпаясь множеством осколков на поверхности небольшого пруда с карпами.

Открылась дверь на улицу, и внутрь зашла черноволосая женщина в высоких коричневых сапогах, светло-коричневых бриджах и тёмно-бордовом рединготе[1]. Она быстрым шагом направилась к столу, на ходу снимая свои перчатки и затыкая их за ремень, на котором в кобуре висела палочка с конской головой.

Пройдя мимо Готье, даже не удостоив того взглядом, она уселась за стол напротив Талейрана. Вежливо улыбнулась, вздохнула, поправила волосы, собранные в аккуратный хвост.

— Мадам Дрё-Брезе, Вы сегодня чрезвычайно разговорчивы, — насмешливо произнёс Томá.

— А ты как всегда шут гороховый, — презрительно фыркнула девушка, — Ты вообще в курсе, что сегодня в Берлине случилось?

— Нет, прошу поведать мне об этом, — язвительно отозвался её собеседник.

— В турецкую магловскую мечеть ворвались какие-то волшебники с со свастиками на рукавах и напали на прихожан, — она говорила таким тоном, словно бы нападавшие атаковали лично её прихожан.

— Какая незадача, — голос Талейрана был полон иронии, — Это тех самых турок, чьи террористы две бомбы в Берлине вчера взорвали и убили, в том числе, мадам Нуаре и месье Лурье?

— Это маглы! Это простые маглы! — взвизгнула девушка и ударила по столу ладонью. Поль даже вздрогнул от неожиданности, Томá же даже ухом не повёл.

— Отправляйся к своей Серафиме целовать в зад черномазых, — тут уже презрение появилось в тоне Талейрана, — Кстати, она будет сама-то? Или осознает, что виновата и решила спрятаться?

— Да что ты понимаешь, папенькин сынок? — фыркнула Дрё-Брезе, сложила руки на груди и откинулась на спинку стула.

Томá хрюкнул и покачал головой.

Мария Дрё-Брезе была главой Департамента Магических Игр и Спорта, её муж, Мари Дрё-Брезе погиб в боине в Министерстве Магии, учинённой Жаном де Тулоном. Как и её прошлый начальник, Поль Баррас.

Она и до этого, конечно, не сильно жаловала политические игры, а после всех этих ужасных событий вовсе ушла в оппозицию к текущему политическому руководству Францией, обвиняя всех, а в особенности тех, кто пережил бойню в Париже, в том, что именно они виноваты в помешательстве де Тулона. Конечно, это ей не помешало стать главой своего департамента и войти в Директорию, но для себя она понимала, что это вынужденная мера, и как только во Францию вернётся Министр Магии, она сразу покинет высокие кабинеты — так спокойнее и безопаснее.

Снова отворилась дверь в оранжерею, Мария нервно повернула голову ко входу, а её рука невольно скользнула к палочке. Томá увидел этот жест и усмехнулся, а после поднял со стола свою шляпу и приветственно помахал ею. Поль лишь немного развернулся к вошедшему и приветственно ему кивнул.

К ним по дорожке зимнего сада направлялся рослый мужчина в чёрном наглухо застёгнутом камзоле, таких же бриджах чёрной широкополой шляпе с серебряной пряжкой.

Единственными светлыми пятнами во всём этом костюме были кружевные белоснежные манжеты и воротник. Шёл он, опираясь на трость, наверху которой служила ощеренная волчья пасть.

— Доброго утра, месье Ламбер, — произнёс Готье, когда мужчина поравнялся с ним.

— Доброго, месье Готье, — тот чуть склонил голову, коснувшись рукою края шляпы, после повернулся к Томе, — Месье Талейран, как поживают наши тайны и секреты?

— Их жизнь настолько тиха и спокойна, что я позволил себе дерзость и отбыл сюда, оставив их в одиночестве, — расплылся в улыбке тот, — Присаживайся, Энцо, а то нависаешь своей грозной фигурой, пугаешь дам.

— Мадам Дрё-Брезе снова меня боится? — скромно улыбнулся мужчина и учтиво поклонился, затем обошёл её стул и сел по левую руку от неё.

— Мадам считает Вас, месье, мясником и убийцей, — ледяным тоном произнесла Мария, но руку со своей волшебной палочки убрала, — В то время, как такие, как я, объезжаем диких зверей, Вы их убиваете.

— Такова моя работа, — пожал плечами Энцо и аккуратно приставил свою трость к столу справа от себя.

Энцо Ламбер, потомственный охотник на нечисть и разнообразных магических тварей никогда не стремился к власти или высокому званию. Он просто работал на благо Магической Франции, её жителей, а ещё ему доставляла удовольствие охота. Не радость мясника от процесса убийства, но азарт хищника от выслеживания и погони. Потому он не был рад, что дело рук Жана де Тулона взметнуло его на самый верх Департамента Регулирования Магических Популяций и Контроля за Ними, но он подчинился, потому что понимал, что лучше пусть всё-таки эту должность займёт он, чем случится смута. Больше всего он не любил войну и всё, что с ней связано. Часть его детства прошло в Британии, во время краткого правления Тёмного Лорда, откуда он вынес не самые радужные воспоминания про уличные бои и облавы.

Дверь в оранжерею раскрылась, Мария снова обернулась на неё, но уже менее нервно, чем в прошлый раз. Томá и Поль повернули головы и с интересом наблюдали вошедшим в неё молодым человеком, судя по возрасту их ровесником. Единственным, кто не проявил к вошедшему никакого интереса, был Энцо, люди в целом не особо его интересовали, пока, конечно, не пытались его убить.

Вошедший же пока не пытался никому причинить вреда, наоборот, шёл несколько неуверенно, да и по всей его манере держаться было видно, что в таком месте он впервые и не до конца понимает, как тут следует себя вести. Он немного сутулился, потому его тёмно-синий костюм-тройка местами сминаясь и выглядел так, будто бы немного не по размеру.

— Доброго утра, — он приветливо помахал рукой собравшимся, когда подошёл ближе. По его голосу было видно, что он заметно волнуется.

— Доброе утро, — голос Готье звучал максимально доброжелательно и радушно, но рука, как бы невзначай, лежала на кобуре с волшебной палочкой, — Прошу простить, не знаю Вашего имени, месье?

— Дюбуа, — улыбнулся юноша, — Мишель Дюбуа.

— А, так Вы, видимо, на смену мадам Нуаре? — предположил Талейран, внимательно изучая вошедшего. Тот поспешно кивнул и посмотрел на Поля, — Куда можно присесть?

Мария подняла на говорившего взгляд, полный презрения, и прошипела:

— Как ты просто об этом говоришь.

— На твоём бы месте, я бы молчал, Мария, — хищно улыбнулся тот.

Поль выдохнул, потёр глаза и указал Мишелю на место по правую руку от Талейрана. Тот смущённо улыбнулся, прошёл и присел на стул, украдкой посмотрев на Дрё-Брезе.

Та уловила его взгляд и улыбнулась:

— Я сожалею о вашей утрате, мы не были с Калин близки, и во многом не сходились наши взгляды, — она пересеклась взглядом с Дюбуа, — Но она была хорошим человеком.

Мишель смутился и глупо заулыбался:

— Да, всё так. Теперь я глава департамента, — он оглядел собравшихся, — А какая сегодня повестка собрания?

Энцо пожал плечами, Поль задумчиво улыбнулся и повернулся к открывающимся дверям.

— Во-первых, принять Мишеля Дюбуа в состав Директории, — улыбнулся Томá, - Формальность, но это первый вопрос собрания будет, в любом случае.

— Ещё могут проголосовать против?

— Да нет, нормально всё будет, — улыбнулся Готье, не поворачиваясь к столу, он смотрел, как в двери вошёл Габриэль де Ноай в своём неизменном старомодном костюме словно из эпохи последнего Людовика. Рядом с ним шёл Анри де Камбэрак, невысокий и полноватый в идеально отглаженном сером костюме с металлическим отливом. За ними шли также парой Серафима и Иосиф Абрабанели, брат и сестра богатого и знатного рода испанских евреев, нашедших приют на юге Франции. Иосиф был в своей неизменной чёрной мантии в пол, а Серафима в чёрном платье с золотыми нитями, то и дело прорезавшимися сквозь ткань, как искры пламени.

— Привет Поль, — де Ноай обменялся с Готье рукопожатиями, когда все четверо подошли к столу, — Доброго утра всем собравшимся, — Габриэль улыбнулся сидевшим за столом магам и прошёлся на своё место во главе стола.

Де Камбэрак последовал его примеру и присел левее Ламбера, потом перевёл взгляд на волшебников, вставших возле Готье:

— Я думаю, вам можно присесть там, где вы стоите, всё верно же, Габриэль?

— Да, конечно, — тот кивнул и поднял глаза с тех бумаг, которые разложил перед собой на стоящих Абрабанелей, потом посмотрел на Готье, — Поль, и ты тоже можешь присесть, в ногах правды нет.

— Конечно, — усмехнулся тот и прошёл за стол, сев напротив де Камбэрака справа от Дюбуа. Вслед за ним неспеша присели на свои стулья напротив де Ноайя Серафима и Иосиф Абрабанели.

— И раз все здесь собрались, то я думаю, что можно начать, — голос главы Департамента Магических Происшествий и Катастроф был спокоен. Окинув взглядом сидящих за столом волшебников, он внимательно взглянул на Мишеля Дюбуа, затем движением руки запустил волшебное самопишущее перо, которое стало вести протокол заседания, — Первым вопросом, который нам предстоит сегодня решить, это введение в состав Директории Мишеля Дюбуа, — он сделал паузу, — Взамен безвременно погибшей Калин Нуаре. Есть возражения по поводу введения этого волшебника в состав Директории?

Волшебники ответили ему молчанием либо отрицательным покачиванием голов.

— Тогда если нет возражений, прошу проголосовать тех, кто за включение месье Мишеля Дюбуа в состав Директории Французской Магической Республики? Месье Дюбуа, напомню, что Вы сами голосовать не можете, так как не являетесь членом Директории.

Месье Готье, Вы также не голосуете, так как имеете право лишь совещательного голоса, — он поднял свою руку, и его примеру последовало ещё четверо членов Директории, — Единогласно, благодарю за единодушие, — на эту его реплику усмехнулись Мария и Серафима, но Габриэль не обратил на это внимание, — Поздравляю, месье Дюбуа, Вы теперь член Директории, хоть и час этот, без всяких вопросов, можно считать тёмным. Вы хотите что-то сказать?

— Пожалуй, нет, — смущённо улыбнулся Мишель, — Всё же я согласен с месье де Ноаем, слова здесь вряд ли уместны.

— Слова всегда уместны, если они произнесены по-делу, — произнёс спокойным тоном Иосиф, на которого тут же все повернули головы.

— Надеюсь, когда Вам, месье, дадут слово, Ваши слова будут именно такими, — насмешливо произнёс Талейран-Перигор.

— В отличие от Вас, месье Талейран, — прожгла его взглядом Серафима, — Наши слова всегда уместны и важны для остальных.

— Ну, раз второй вопрос повестки мы начали обсуждать раньше его объявления, — улыбнулся Габриэль де Ноай, — Тогда давайте продолжим. Серафима Абрабанель, прошу разъяснить Французской Директории Ваши мотивы и основания, что побудили позавчера опубликовать в прессе свой, не побоюсь этого слова, манифест, — после этих слов Томá и Поль заулыбались, а Иосиф нахмурился, — Также я хочу от Вас услышать всё о Вашей связи с террористами, взявшими на себя ответственность за вчерашние взрывы в Берлине, в которых, среди прочих, погибло двое граждан Французской Магической Республики, Калин Нуаре и Клод Лурье.

— Я бы попросил почтенное собрание всё же дать мне высказаться первым, — подал голос Иосиф, внимательно глядя на своего визави.

Неожиданно по оранжерее пролетела почтовая сова, скрывшись куда-то за кустами, окружавшими стол.

— Интересно, что это и кому? — тихо произнесла Мария.

— Мадам Абрабанель, можете говорить, — улыбнулся одними уголками губ де Ноай, — Месье Абрабанель, в Вашей просьбе отказываю, Вы сможете выступить после того, как Директория решит вопрос с Вашей сестрой.

— Хорошо, — поджал губы Иосиф и неспеша утвердительно кивнул.

— Мадам Абрабанель, Вам слово, — Габриэль внимательно посмотрел на женщину в чёрном платье с золотыми всполохами.

— Я не считаю себя виновной, — Серафима поднялась со своего места и с вызовом поглядела на мужчину напротив.

— Вас пока никто не обвиняет, — голос того был спокоен, он поймал взгляд женщины, и та не увидела ни тени волнения в глазах того, кто исполнял обязанности главы Директории, — Вам задали несколько вопросов, мы хотим услышать на них ответы. А что до Вашего мнения по поводу Вашей виновности, — де Ноай задумался и улыбнулся уголками губ, — Сейчас оно Директорию не интересует.

— Ах вот так, — с презрением бросила Абрабанель, — Что, уже решили, кто прав, а кто виноват? Готовы головы рубить, как Кристина в Руане?

— Серафима, Вы уклоняетесь от вопроса, — вздохнул Габриэль, — Я повторюсь, поясните свои мотивы и побуждения к том, чтобы опубликовать позавчера в прессе свой манифест?

— Я бы могла начать юлить, уходя от ответа, — ухмыльнулась та, обводя взглядом сидящих за столом, — Спрашивать, что за манифест, что Вы, месье де Ноай, имеете в виду, но какая разница, все понимают, о чём идёт речь, — она вздохнула и дёрнула головой, пытаясь поправить пряди, спадающие на глаза из причёски, — Я исходила из желания свободы, свободы для всех нас.

Прозвучавшая фраза вызвала возгласы среди сидящих за столом. Дрё-Брезе внимательно смотрела на Серафиму, Талейран-Перигор усмехнулся и покачал головой, Ламбер просто скучающе зевнул, Дюбуа перевёл взгляд с женщины на пожилого мужчину во главе стола.

— Что, вы не знаете этого слова? Вы забыли наше наследие? — тон голоса Абрабанель повысился, с ближайшего куста вспорхнули небольшие птички цвета индиго.

— Продолжайте, Серафима, — вежливо улыбнулся де Ноай.

— Я увидела угрозу нашей с вами свободе, я увидела её в делах, происходящих в Германии. И я не побоюсь этого слова, эти немцы околдовали нашу главу, Кристину Фавр де Поль, что она перешла на сторону техномагии, — на этот пассаж собравшиеся не отреагировали вопреки ожиданиям говорившей, — Именно поэтому я пошла на те шаги, что указала в той статье, которую Вы, Габриэль де Ноай, называете моим манифестом. Угроза реальна, и угрозу мы все буквально вчера ощутили, увидели во всей красе! — её голос прозвучал громче, невольно приковывая внимание.

— Поясните, пожалуйста, Ваши слова, мадам Абрабанель, — де Ноай был неумолим и спокоен.

— Вчерашняя трагедия в Берлине, суть есть дело рук немецких техномагов. Именно они поставили вне закона турок, именно они, как уже было в тридцатые и сороковые годы прошлого века, разделили общество на тех, кому можно в нём находиться, и всех остальных! Я опасаюсь, что ещё чуть-чуть, и снова по всей земле некогда благородных тевтонов появятся заборы с колючей проволокой и вышками над ними.

— Серафима, вопрос следующий, — Габриэль словно бы не замечал сказанного женщиной, — Вы утверждаете, что теракты были спонтанны, и что немцы сами их спровоцировали?

— Всё так, именно действия Канцлера Германии Августы фон Вальдбург, её политическое решение, высказанное вчера с утра, спровоцировало этот чудовищный акт агрессии, — она держалась высокомерно, тон её был таким, словно она объясняет очевидные вещи.

— Насколько мне известно, в своём послании после совершённых взрывов Али Демир, взявший на себя ответственность за них, не упоминал политических решений Августы фон Вальдбург, — не меняя тона проговорил де Ноай, — В своё послание он вообще не ссылается на какие-либо политические решения.

— Али Демир совершил свои действия, исходя из той ситуации, что сложилась в Германии, — произнесла Серафима также не меняя своего тона, — Он, безусловно, совершил жуткое злодеяние, но в этом полностью повинно руководство Магической Германии.

— Серафима Абрабанель, Вы и Ваш брат отдавали себе отчёт о том, кем является Али Демир, когда приглашали его и его людей в Шармбатон и в Страсбург?

— Мы пригласили их, как представителей того народа, кто подвергается наибольшей опасности, тех, кто нуждается в нашей помощи в эти тёмные времена, — она снова обвела взглядом тех, кто сидел за столом.

— Прошу прощения, — отозвался Мишель Дюбуа, он взволнованно посмотрел на де Ноайя, тот покровительственно кивнул, — Но эти люди совершили ранее ряд преступлений в Магрибе, и в ходе них уже погиб один наш соотечественник, а другой был тяжело ранен, почему именно этим людям Вы, мадам, решились помогать?

— Я не являюсь судом, чтобы решать о виновности или причастности к преступлениям тех или иных лиц, — Серафима буквально прожгла своим презрительным взглядом говорившего, — Каждая жизнь важна. Ответьте, месье, что в этом мире важнее человеческой жизни?

— Две человеческие жизни! — позади Абрабанелей раздался властный голос Кристины Фавр де Поль. Серафима настолько не ожидала его услышать, что с удивлением развернулась.

На небольшой боковой дорожке возле густых зарослей стояла глава Французской Директории. Она была в бежевом брючном костюме, левая рука по-прежнему висела у неё на перевязи, а вот в правой была зажата волшебная палочка.

Девушка сделала несколько шагов по направлению к столу, а вслед за ней из-за кустов вышло пятеро мракоборцев в мантиях и окружили полукругом конец стола, где находились Абрабанели, в руках каждого из волшебников также имелась волшебная палочка.

— Кристина? — на лице Серафимы читалось смятение. Иосиф, который также обернулся, оставался бесстрастным.

— Серафима и Иосиф Абрабанель, — голос Кристины пронёсся над собравшимися, — Именем Французской Директории вы арестованы за пособничество международным террористам.

— Что? — удивлённо рассмеялась та, услышав своё имя, — Это бессмыслица, Кристина, — она обернулась на де Ноайя, но лицо того не выражало ровным счётом никаких эмоций. Зато она увидела, что Поль Готье медленно поднялся со своего места и положил руку на кобуру с волшебными палочками.

— Прошу сдать свои волшебные палочки, — в голосе Фавр де Поль звучал металл, — Не вынуждайте нас применять силу.

— Кристина, это и правда бессмыслица! — воскликнул де Камбэрак, поднимаясь со своего места.

— Анри, лучше присядь, — произнёс де Ноай крайне вежливым тоном.

— Кристина, — Иосиф резко поднялся со своего места, все пятеро мракоборцев, что пришли с Кристиной, встали в боевые стойки. Абрабанель что-то хотел ещё сказать, но увидев действия волшебников, решил промолчать.

— Я повторяю своё требование, сдайте свои волшебные палочки, — глава Директории внимательно смотрела на него и его сестру.

— Кристина, ты не имеешь права! — возмутилась Серафима.

— Имею, — отрезала та, — И сейчас я в своём праве, как глава Департамента Магического Правопорядка. Я арестовываю вас двоих, давших приют турецким террористам в Страсбурге и Шармбатоне.

Серафима оглянулась на остальных волшебников за столом. Талейран ехидно ухмылялся. Дюбуа удивлённо, но с некоторым торжеством взирал на происходящее. Ламбер был бесстрастен. На лице Дрё-Брезе читался испуг и отвращение. Де Камбэрак же возмущённо сопел, продолжая стоять там, где только что поднялся со своего стула.

После она повернулась к Кристине, которая стояла на дорожке, глядя ей прямо в глаза.

— Это не по закону! — Серафима вскинула голову, выпятив подбородок.

— Сдайте свои палочки, — раздельно произнесла Фавр де Поль.

— Нет! — воскликнула Абрабанель и выхватила свою палочку.

— Экспеллиармус! — ближайший к Кристине мракоборец исполнив движение направив своё оружие на Серафиму. Та вскрикнула, из её руки вылетела палочка, а саму её с силой отбросило на столешницу.

— Что вы себе позволяете! — закричал де Камбэрак, выхватив свою палочку.

— Месье де Камбэрак! — рявкнул Готье, встав в боевую стойку с двумя палочками, — Положите палочку, иначе я Вас арестую за противодействие задержанию.

Мария Дрё-Брезе вздрогнула и вжалась в стул. Энцо Ламбер взялся за навершие своей трости.

Двое мракоборцев подошли к столу возле Талейрана и стащили с него Серафиму, которая однако даже не пыталась сопротивляться. Томá Талейран-Перигор встал со своего места и отошёл, чтобы не мешать им. Иосиф вздохнул, медленно вытащил свою волшебную палочку и протянул её вперёд рукоятью ближайшему мракоборцу:

— Мы вверяем себя в руки правосудия, — он посмотрел на Кристину, та медленно кивнула.

— Поль Готье, сопроводите месье и мадам Абрабанель в Департамент Магического Правопорядка, — голос Кристины по-прежнему отдавал металлом.

Поль опустил свои палочки, кивнул и направился к мракоборцам, которые уже успели поставить Серафиму возле её брата.

— Месье де Камбэрак, после окончания сегодняшнего заседания Вас будут ждать в Департаменте Магического Правопорядка для дачи объяснений, — Кристина посмотрела на по-прежнему стоявшего у стола мужчину, лицо того покрылось пятнами, он быстро закивал, убрал волшебную палочку и сел обратно на своё место. Также на свой стул вернулся и Томá Талейран.

Поль быстро увёл Абрабанелей вместе с пятёркой мракоборцев из оранжереи. Кристина вздохнула, покачала головой, убрала волшебную палочку и лёгкой походкой прошла до места, где сидел де Ноай.

— Месье, это моё место, — она расплылась в обворожительной улыбке, указывая на его стул.

— Это силовой захват власти, мадмуазель? — улыбнулся тот. Кристина упёрла руку в свой бок и крайне выразительно взглянула на мужчину. Он рассмеялся, поднялся со стула и пересел на место, где раньше сидел Готье.

— Приветствую всех собравшихся, — произнесла Фавр де Поль присаживаясь за стол. Из её голоса напрочь пропал металл, осталось лишь благожелательная весёлость, — Мы закончили со вторым вопросом нашей повестки, потому я предлагаю перейти к третьему.

— Мадемуазель не в курсе, наверное, но у нас всего два вопроса было на повестке, — весело отозвался Томá с другого края стола.

— Было два, появился третий, — в тон ему ответила Кристина, — Раз уж мы все собрались в этом чудесном месте, то самое время его обсудить, — она обвела взглядом собравшихся, — В это сложное время нам необходимо вернуть должность Министра Магии.

По столу пронёсся вздох удивления. Мария с волнением посмотрела на девушку.

— Прошу высказаться всех, кто имеет мнение на этот счёт, — Фавр де Поль обвела взглядом волшебников за столом.

— Должность Министра Магии накладывает ответственность, но сама по себе не вернёт мир и покой в нашу страну, — отозвался Томá чуть серьёзнее, чем говорил до этого.

— Безусловно, но в сложившейся обстановке нам нужен лидер.

— Кристина, — голос Марии чуть дрожал от волнения, — Ты предлагаешь свою кандидатуру на этот пост?

— Нет, конечно! — расплылась в улыбке девушка, — У меня есть кандидатура, и она уже поддержана Габриэлем де Ноаем, — тот утвердительно кивнул этим словам, — Но это всего два голоса, а нас по-прежнему семеро.

— Кто же этот волшебник? — Талейран внимательно смотрел на неё.

— Пока это не важно, и в целом, я думаю, что каждый из собравшихся может выдвинуть желаемого кандидата из тех, кто не находится в данный момент под стражей, — она выразительно посмотрела на де Камбэрака, тот нервно закашлялся, по-прежнему покрытый пунцовыми пятнами.

— Я считаю, что должность Министра Магии важна, но я не готова участвовать в обсуждении, — Дрё-Брезе поджала губы.

— Мария, я не буду заставлять тебя участвовать, но пока ты являешься членом Директории, твоё присутствие обязательно.

— Я понимаю, — та кивнула, — Я готова поддержать кандидатуру, которую выставишь ты, но я не буду это делать вслепую.

— Нет-нет, у нас сейчас не голосование, — подняла руки девушка, — Я лишь пока хочу услышать, что все готовы к возвращению этой должности. Либо высказаться против.

— Лично я поддержу Марию, — произнёс Энцо, — Должность надо вернуть, но надо знать, за кого голосовать.

— Мне нужно несколько дней, чтобы сформировать видение по альтернативной кандидатуре, — Анри де Камбэрак вытащил платок и стал промокивать свою шею, — Но как я понимаю, консультации с главами чистокровных семейств не планируются?

— В частном порядке, — ответила Фавр де Поль, — Это выглядит со стороны, как узурпация власти, но буду честной, в то время, когда некоторые наши сограждане приглашают на нашу землю террористов, которые позже убивают наших же соотечественников, я не знаю, кому доверять.

— Будто бы ты можешь нам доверять, — усмехнулся Талейран.

— От вас я хотя бы знаю, чего ожидать, — улыбнулась Кристина.

— Хорошо, — вздохнул Анри, — Я верно понимаю, что я могу сообщить главам родов об этом решении?

— Конечно, но мне снова необходимо будет отбыть в Германию, потому консультации либо следует проводить с Габриэлем, — она кивнула на сидевшего по левую руку от неё волшебника, — Либо дожидаться моего возвращения.

— Как я понимаю, до возвращения и не состоится представление кандидатов и голосования?

— Естественно. Правда, как и в прошлый раз, я не готова назвать сроки моего возвращения.

— Мадемуазель, — подал голос Дюбуа, — А мы разве не должны знать цель Вашего отбытия?

— Дела государственной важности, — вздохнула Кристина, — Но я вынуждена буду просить месье Ламбера меня сопровождать в моей поездке.

Энцо очень удивлённо посмотрел на девушку, потом перевёл взгляд на сидящую рядом Марию, там была в смятении.

— Ваши способности и знания, думаю, смогут мне помочь, — Фавр де Поль внимательно смотрела на него.

— Почему не взять в сопровождающие месье Готье? — он вопросительно смотрел на Кристину.

— Месье Готье необходим Франции здесь, — та покачала головой, — К сожалению, месье Лестрейндж сейчас находится в госпитале и не имеет возможности помочь мне. Ты отказываешь, Энцо?

— Думаю, после собрания, я получу необходимые консультации, — улыбнулся Ламбер, — Я же верно говорю, месье де Камбэрак, это же так называется?

Кристина залилась переливчатым смехом, прикрыв рот ладонью. Анри хмуро кивнул:

— Всё верно, месье Ламбер, всё верно.

— Есть ли ещё возражения по третьему вопросу? — отсмеявшись, Кристина обвела взглядом собравшихся. Ответом ей были лишь отрицательные возгласы.

— Что же, тогда предлагаю завершить наше сегодняшнее заседание, — произнесла она и устало потёрла глаза, — Или у кого-то есть ещё что сказать?

Распахнулась дверь оранжереи и в неё быстрым шагом вошёл Поль Готье. Почти бегом он достиг стола, обошёл его и, извинившись, протянул пергамент, на котором было написано послание, своей начальнице.

— Всегда знала, что ты анимаг в почтовую сову, — пошутила та, принимая послание.

— Что-то срочное? — де Ноай внимательно посмотрел на юношу. Тот кивнул.

— Абрабанели сбежали из под стражи? — весело произнёс Томá, пока Кристина вчитывалась в строки послания и постепенно бледнела, а желваки на её скулах начали играть.

— Нет, с ними всё в порядке, — помотал головой Поль.

— Кристина, что-то случилось? — де Ноай внимательно смотрел на перемены в лице девушки.

— Шаритé, - она дочитала и поджала губы, потом подняла глаза на остальных, её лицо было взволнованным, — Если ни у кого нет ничего, что можно ещё сказать, то объявляю заседание закрытым. Энцо, прошу остаться, мы обговорим наши дальнейшие дела.

Ламбер кивнул и остался на своём стуле, остальные же стали медленно подниматься со своих мест и неспеша уходить из зимнего сада.

1 — Редингот — разновидность костюма для занятий верховой ездой, представлявшая из себя нечто среднее между пальто и длинным сюртуком с прямыми полами и шалевым воротником.

Глава XXIX. Шаритэ

*

(18 августа)

— И что ты предлагаешь со всем этим делать? — Свят Вениаминович откинулся в кресле, которое жалобно заскрипело под его весом. На базе он занял кабинет Куприянова, а габариты их тел несколько отличались, и не в пользу начальника военных консультантов.

Михаил пожал плечами и перевёл взгляд на стену, где Салтыков распорядился убрать всё, что висело здесь при прежнем хозяине кабинета и повесить вещи из его кабинета. Сейчас среди небольших фото в рамках взгляд главы аналитиков зацепился за потрёпанную выцветшую карточку, где стояло несколько молодых людей в странного покроя чёрных мантиях, отороченных мехом. Рядом с людьми был крупный мужчина — ни дать ни взять, комплекции самого Свята Вениаминовича.

Михаил не знал, что ответить на вопрос начальника, потому просто изучал эту фотографию в надежде, что озарение наступит. Но оно всё не приходило, Салтыков курил трубку и с каждым мгновением всё больше мрачнел. За окнами барабанил по-осеннему противный дождь.

— Они ничего не подскажут, их и нет уже давно, — глава W&C проследил взгляд своего подчинённого и произнёс это с какой-то грустью.

— А были бы, подсказали бы? — ответил тот, устало усмехнувшись.

— Нет, сказали бы, что своей головой надо жить, — Свят Вениаминович выпустил большое облако дыма из трубки.

— У нас два противника и разбросанные по Германии силы.

Салтыков кивнул.

— Командира нет, союзники сами просят о помощи...

— Союзников скоро прижмёт кайнцауберская общественность, война в магическом сообществе перекинулась на простых людей, — он покачал головой и сам посмотрел на фотокарточки, — Это нехорошо.

— Может, наоборот? — посмотрел на него Михаил, — Общий враг сплачивает.

— Этого общего врага немцы сами и пригласили, как говорится, кто ж знал?

— Когда-то они были такими же варварами для Римской империи, — усмехнулся Романов, — Теперь они сами стали Римской империей.

— Кстати, про Римскую империю, — Свят Вениаминович снова посмотрел на фотографии, — Как ты думаешь, зачем два маленьких мальчика нашим друзьям из Аненербе?

— А при чём здесь Рим? — не понял начальника Михаил.

— Ну, я вот о чём подумал, — Салтыков снова выпустил облако дыма из трубки, — Есть легенда, что магическую силу германской земли и магов, рождённых на ней, особенно чистокровных, питает событие двухтысячелетней давности. Огромная гекатомба[1], в которой пролились реки романской крови, а земли за Рейном навсегда избавились от тени имперского орла, — он усмехнулся, — Ну, почти навсегда, до Оттона I примерно.

— И как это связано с Аненербе и мальчиками из рода Мирбахов? — глава аналитиков скептически смотрел на начальника.

— Да чёрт его знает, — хмуро пробасил тот, пыхнув трубкой, — Но я слышал, что турки

интересовались холмом Калькризе. И двумя мальчиками, которых уже пытались им доставить наши друзья с гнутыми крестами.

— А где слышал? Мне просто интересно.

— А ты думаешь, что только турки и фашисты умеют с осведомителями работать? — голос Салтыкова стал тише и больше походил на заговорщицкий шёпот.

— Я надеялся, — максимально искренне ответил Романов.

— Да в любом случае не густо, в нашей текущей ситуации это ничто. Аненербе нет смысла проводить какой-то новый ритуал на Калькризе, их и так питает эта сила.

— А наши немецкие наниматели знают об этом? — вдруг осознал Михаил, — Ну, про вот этот интерес.

— Не-а, — Свят Вениаминович хитро ухмыльнулся.

— А Москва знает?

— Конечно, — ухмылка главы W&C стала максимально хитрой и ехидной.

— И что нам с этим делать?

— Ждать, — пожал плечами Салтыков, — Москва пришлёт на место Куприянова специалиста, меня заверили, что это формальность, и что он будет заниматься поиском детей, — он поймал удивлённый взгляд подчинённого, — Да, ты не поверишь, но наши работодатели заинтересовались пропажей детей, и двух месяцев не прошло.

— Видимо, игра перешла на новый уровень, — пробормотал тот.

— Очень на то похоже, — кивнул его начальник, — Только это нам пока никак не поможет. Давай решать насущные вопросы.

— Ну, на нас явно не сунутся турки, они сегодня заняты.

— Нет, они явно осознали, что взорвав наш офис, они создали нам проблем, но не более. Три их базы в наших руках.

— Шваниц предложил перевезти всё к нам на базу.

— Что, уже осознал проблему?

— Из под Берлина-то мы быстро проведём колонну, — поиграл желваками Михаил, — А вот Тюрингия уже проблема. А Саксония ещё больше проблема.

— Я поговорю с ребятами Игната, чтобы они поучаствовали, — Свят Вениаминович вытряхнул трубку и стал снова её набивать, — Мне не откажут.

— Аненербе может к нам сунуться, — Романов снова посмотрел на фото на стене.

— Места у нас тут много, — глава W&C по-прежнему деловито забивал табак в трубку, — Тюрингия далековато, я жду разрешения на свободный проезд от властей. Это облегчит нам дорогу.

— Примерно час на сбор и разговоры, ещё примерно часа три до Саксонской Швейцарии... — рассуждал глава аналитиков, — Не раньше, чем после полудня пойдёт колонна оттуда.

— Позже, пока не прибудет Клим с Бранденбурга, бойцов Игната я отправлять никуда не буду. Тут главное, чтобы турки в теплицы раньше не сунулись, — Салтыков запалил трубку и начал раскуривать, — Ежли спохватятся, то да, это будет проблемой. Я не до конца понимаю, что они могут. Кубань очень удивится.

— А в Тюрингии кто, напомни?

— Раввин, — трубка раскурилась, и от неё снова поднялось облачко дыма, — Ему тоже несладко придётся.

— И пока у нас не будет разрешение на проезд на руках, даже ребята отсюда не

выдвинутся, — на эту фразу Салтыков кивнул, — А ещё у нас больница забита нашими ранеными. Шваниц там просил...

— Плевать на Шваница, — Свят Вениаминович перебил подчинённого и забарабанил пальцами по столу, — А вот на наших не плевать. Туда, говоришь, и турок свезли?

— Да, думаю, Али Демир не будет ничего устраивать в Шаритэ.

— Нет, он не будет, думаешь, зря Шваниц паникует?

— Я бы выставил охрану, — Романов пожал плечами, — Будь у меня свободные люди.

— Как ты понимаешь, единственные сейчас свободные люди, это охрана базы.

— Снимать с базы их тоже нельзя.

— Самый страшный для нас сценарий, это если на нас нападут до подхода колонны Клима. А бойцов Игната надо будет экстренно дёрнуть куда-то. — Салтыков усмехнулся, — Придётся вспоминать, каково это рвать людей когтями.

— Надеюсь, так уж не сойдутся звёзды, — очень хмуро усмехнулся Михаил.

— Ладно, по теплицам просто сидим и ждём, — Свят Вениаминович выпустил облако дыма из трубки и задумался.

Кабинет снова погрузился в молчание. Было слышно лишь, как дождь барабанит по оконному стеклу.

— Не идёт у меня из головы Шаритэ эта, — наконец после нескольких минут тишины пробасил Салтыков, — Давай-ка сам съезди, глянь, что там да как? Только сделай так, чтобы в твоём отделе похороны завтра были только одни.

— Сделаю всё возможное, — сухо отозвался Михаил.

— Тебе ещё Рудольфу потом всё объяснять.

— Речь-то у тебя, конечно, мотивирующая, — очень мрачно отозвался его подчинённый.

— Такие времена, трость не забудь, когда в Шаритэ поедешь.

— Хорошо, — кивнул Михаил и поднялся из-за стола.

— Ты не думай, что мне всё равно, — в тоне Свята Вениаминовича мелькнули извиняющиеся нотки.

— Я и не думаю, — улыбнулся ему в ответ глава аналитиков, — Всё ж понимаю, просто дела наши нынче ни к чёрту.

— Останься в клинике, пожалуйста, мне так спокойнее будет.

— Пришлешь всё-таки бойцов?

— Как наши с теплиц доедут, вышлю. Но ты же понимаешь, как это нескоро может быть?

— Надеюсь, там кормят хорошо, — усмехнулся Михаил и направился к выходу, оставив главу War&Consulting докуривать трубку в одиночестве.

**

(18 августа)

В ординаторскую клиники Шаритэ зашёл уставший Герман Штольц и опустился на диван, откинувшись на его спинку. Вчера после взрывов прибыло два десятка пострадавших, все в разном состоянии, и до утра шли операции, чтобы избавить раненых от кусков проклятого металла в их телах.

А с утра случилось нападение на кайнцауберскую турецкую мечеть и Канцлер Магической Германии постановила после консультаций со своим визави из кайнцауберского Правительства, что всех их также следует вести в магический блок

Шаритэ, потому что основная масса пострадавших получила ранения от применения атакующих чар.

От такого решения персонал клиники грязно выругался и сдвинул койки в общей палате, вынеся все возможные кушетки со склада — волшебное крыло больницы было рассчитано на приём одновременно до полусотни пациентов в тяжёлом состоянии, и на утро эта цифра была достигнута. Шаритэ буквально в одночасье превратилась в военный госпиталь неподалёку от линии фронта.

Усугублялось положение тем, что все прибывшие сегодня были до смерти напуганы. И это был не обычный человеческий страх, который можно унять, они все оказались под воздействием заклинания животного ужаса. Но когда глава клиники, Вальдемар Хоффман, известнейший в волшебном сообществе специалист по ментальным травмам, начал осматривать поступивших к нему пациентов, то выяснилось, что даже он не в силах им помочь — воздействие было куда сильнее, чем то, с чем он обычно имел дело. И тут уже Хоффман принял решение погрузить всех новоприбывших в сон, пока не будет найден способ помочь им, и лечить те телесные увечья, с которыми его сотрудники хотя бы могли справиться.

Но новых пациентов было настолько много, что сейчас в клинике работали все имеющиеся медики, вне зависимости от того, чья была смена.

— Герр Штольц, вот остался кофе, — турчанка Айше Доган, бывшая медсестрой при больнице, подняла голову от записей, буквально метнулась к кофейному столику и в два шага оказалась у дивана, — Жаль, подостыл уже немного.

Штольц потёр глаза, зевнул, взял кружку и устало улыбнулся. Кофе и впрямь был подостывшим, но вкусным и крепким. Как бы он сам не относился к туркам в целом, и к этой турчанке в частности — не всегда расторопной и подчас неуклюжей, но кофе она делала отменный. Возможно, подумал врач, именно из-за кофе Хоффман и отказался выгонять её из клиники после распоряжения фрау Канцлера. Хотя, конечно, не за это, просто глава Шаритэ здраво оценил, что выгонять из больницы рабочие руки в такое время — это несусветная глупость.

— Вам что-то ещё нужно, или я могу вернуться к бумагам? — чёрные глаза девушки внимательно смотрели на него, и так преданно, что Герман невольно улыбнулся.

— Нет, Айше, ты писала, продолжай.

Та кивнула и вернулась к своему столу.

— Ты же тоже должна была быть на службе в той мечети сегодня? — неожиданно для самого себя спросил немец.

— Да, — смущённо улыбнулась девушка, — Но герр Хоффман попросил задержаться из-за пациентов.

Штольц кивнул, он сам видел, что она до утра провела всё время на ногах, ассистируя во время операций. А когда стали привозить её соотечественников после утренней бойни, и Вальдемар сказал, что если ей тяжело, то она может идти, она лишь попросилась остаться писать бумаги, а не выходить в общую залу к пациентам. В эту мечеть она обычно ходила с матерью и сейчас совершенно не представляла, что с той могло произойти.

Дверь открылась и вошла ещё одна медсестра, Клара Леманн, вечно улыбчивая миниатюрная девушка с милыми белыми кудряшками, с начала утра она была чернее тучи.

— Там всё стабильно? — спросил Герман кивая на дверь.

— Да, фрау Вульф отправила меня немного отдохнуть, — кивнула та, — Всё по-

прежнему там. Только герр Петерс просил в приёмный покой Вас зайти. Там что-то наплыв простых пациентов. Если Вы не заняты.

— Сейчас найду, отдохай, — он встал, протянул девушке свой кофе и вышел в коридор.

Волшебное крыло Шаритэ состояло из огромного зала, в который сейчас набилось полсотни пострадавших и приёмного покоя, где обычно принимали пациентов, которых в текущем режиме прибывали ежедневно: неудачное применение заклинаний, ошибка в экспериментах, повреждение от магических тварей — всех пострадавших в Бранденбурге, Мекленбурге, Тюрингии и Саксонии доставляли сюда. Потому и сейчас поток, естественно, не ослабевал.

Ординаторская располагалась по коридору строго между залом и приёмным покоем, именно в этот коридор Герман Штольц сейчас вышел. В зале, кроме Хоффмана, оставались Клара Леманн и Фелиция Вульф, опытные медики, которые не участвовали в ночных операциях и были относительно бодрыми и свежими, а вот в приёмный покой отправили буквально падавшего с ног Морица Петерса, заместителя Хоффмана, который все прошедшие сутки как раз и руководил лечением пострадавших. Именно он принял решение отослать Клару и Фелицию по домам прошлым вечером, чтобы они смогли хотя бы немного поспать. И сейчас все, включая самого Штольца, благодарили Петерса за это решение — это дало сейчас остальным возможность хотя бы немного отдохнуть.

У входа в зал дежурил мракоборец, который обменялся вежливыми кивками с Германом. Мракоборцев всех прислали сегодня, видимо, руководство страны всерьёз опасалось, что в сложившихся обстоятельствах клиника не сможет выполнять роль безопасного нейтрального места, где лечат всех, не взирая на сторону в конфликте.

Медик прошёлся до конца коридора, увидел своё серое лицо в зеркале и грустно подумал, когда же он сможет выспаться? Затем он открыл дверь в приёмный покой и удивлённо остановился на пороге. Посреди комнаты, чуть просторней их ординаторской стоял сам Мориц Петерс, а перед ним, словно изваяния, застыли шестеро молодых людей в кожаных плащах, под плащами у которых была какая-то странная коричневая форма.

Слева от двери, в которой стоял Герман, ровно также, как и посетители, застыл побледневший молодой мракоборец, судя по возрасту лишь в этом году заступивший на службу.

— Герр доктор, нам очень нужно пройти к пострадавшим, там наши друзья, — рослый юноша с пшеничного цвета волосами, зачёсанными на одну сторону.

— Я понимаю, но ничем не могу помочь, — разводил руками Мориц, — Пострадавших много, состояние не у всех стабильное, после обеда мы сможем составить поимённый список, Вы сможете с ним ознакомиться.

— Вы не понимаете, доктор, — голос говорившего был вежливым, но в нём чувствовалась угроза, — Нам нужно пройти, мы волнуемся за состояние наших друзей, они совершенно точно были в том месте, и их совершенно точно направили к Вам в больницу.

— Я всё понимаю, но нет, к сожалению, я не могу Вас пустить, состояние многих пациентов тяжёлое, сейчас с ними работают наши лучшие врачи.

— Но нам очень надо, — Герман смотрел на улыбнувшегося молодого человека, и понимал, что ничего хорошего от этой улыбки ждать не следует.

Штольц колебался: либо присоединиться к разговору и попробовать спровадить этих странных гостей, совершенно не выглядевших, как люди, которым нужна помощь, либо закрыть дверь и сообщить оставшимся мракоборцам и Хоффману о том, что в приёмном

покое происходит нечто странное.

Он склонился ко второму варианту, отступил на шаг и прикрыл за собой дверь.

Только Герман развернулся, чтобы идти дальше по коридору, как за дверью раздались крики. Медик рванул было вперёд, как мощным взрывом дверь с частью стены выбило, а его самого отбросило на пол. От неожиданного удара из его лёгких вышел весь воздух. Мракоборец бросился от двери зала к нему.

— Тотеметайнем Ворт, — голос молодого человека, который только что говорил с Петерсом, прозвучал над Штольцем. Полыхнула зелёная вспышка, и волшебник в красной мантии на бегу споткнулся и распластался на полу.

Чьи-то сильные руки подняли Германа на ноги, он успел увидеть ухмыляющееся лицо перед собой и почувствовать, как к его лбу прикасаются рукой с зажатой между пальцев палочкой:

— Фольтер! — тело медика прожгла жгучая невыносимая боль. Он попытался закричать, но воздуха не было, потому лишь зашёлся на хрип.

Зазвучали тяжёлые шаги по коридору. Штолец услышал, как захлопывается дверь, а затем мерзкий звук ломающегося дерева и истошный женский визг.

— Лаэза Кордис, — это третий мракоборец выскочил в коридор.

— Блютфлиман! — до слуха Штольца донёсся молодой и зычный голос, — Вербрант!

— Фольнис! — второй молодой голос вторил первому, но тут все звуки перекрыли женские причитания и вопли.

Герман не слышал ответной чары от мракоборца, лишь гул пламени, поверх которого разносились надрывные женские крики и мольбы о помощи.

— Твари... — прохрипел медик, смотря в ухмыляющееся лицо человека перед собой.

— Фольтер! — с садисткой ухмылкой тот ещё раз коснулся лба Штольца, и разряд боли, куда большей, чем первый, пронзил его тело.

Сознание затуманилось, он не до конца понимал, что происходит. Ему казалось, что его уши заложило от криков Клары и Айше. В голове осталась лишь одна мысль: “Что эти твари с ними там делают?”

Герману показалось, что начал бредить, потому что справа от себя, на обломках двери и стены, куда осыпалось осколками зеркало, он увидел, как буквально из воздуха появилась огромная кошка с серо-жёлтой шерстью и чёрными пятнами на ней. Она прыгнула и вцепилась в загривок тому, кто его держал. Кровь брызнула на лицо Штольца, её запах резко ударил в ноздри, заставив сознание немного к нему вернуться.

Кошка уронила свою добычу на пол, впустила в неё свои когти и несколько раз мотнула головой, не разжимая челюстей. Молодой человек, который минуту назад говорил с Петерсом, а секунду назад держал Штольца крепкими руками, затих.

Герман осел вдоль стены. Сознание продолжало к нему возвращаться, боль по-прежнему пульсировала каждой клеткой его тела, но слух и зрение перестали туманиться. Девочки в ординаторской уже не кричали, они рыдали, моля оставить их в покое. Перед медиком с мёртвого тела сошла на пол огромная пятнистая кошка с настолько длинным хвостом, что тот волочился по полу. Сошла на пол и мягко направилась дальше.

Штолец с трудом, но посмотрел влево, там у двери ординаторской замер очень удивлённый юноша в кожаном плаще. Он взмахнул палочкой одновременно с прыжком зверя:

— Тотем... — договорить он не успел, могучее тело сшибло его на пол, а клыки

сомкнулись на шее. Крик перешёл в хрип и отвратительное бульканье.

Из ординаторской донеслись звуки ударов, гневный окрик и ругань. Кошка, про которую медик Шаритэ силился вспомнить, видел ли когда-нибудь подобную в зоопарке, утробно зарычала и повернула к нему окровавленную морду. Длинный пушистый хвост бил по её бокам. А потом она буквально растаяла в воздухе.

На пороге ординаторской возник юноша в мятых штанах с расстёгнутым ремнём и выбившейся из под него рубашке. Он выругался, глядя на тело своего товарища, из горла которого продолжала пульсируя выходить кровь. Из ординаторской донёсся вопросительный возглас другого юноши.

А затем кошка снова появилась в коридоре, на том же самом месте, где и пропала. И через мгновение в могучем прыжке лапами обвила шею своего противника, а клыками вцепилась тому в лицо. Человек неловко взмахнул руками, словно пытаясь уцепиться за дверной косяк, и рухнул навзничь в ординаторскую. А затем до слуха Германа донеслась истощная мольба о помощи, но это был уже не женский голос. Вопил молодой немец, и слыша этот голос, Штольц, несмотря на клятву колдомедика, опыт и медицинскую этику, чувствовал удовлетворение.

Через несколько мгновений мольбы перешли в крики и звуки борьбы. А после немец услышал, что из основного зала через полуприкрытую дверь доносятся выкрики чар — его коллеги в основном зале всё же смогли дать бой напавшим на них нелюдям.

Из ординаторской донеслись женские всхлипы, большая кошка вышла оттуда, посмотрела на Штольца — и тот был готов поклясться, что она торжествующе улыбнулась! Затем точно таким же пружинящим шагом направилась в главный зал. Протиснулась через приоткрытую дверь, и уже через пару мгновений оттуда донеслись истощные крики: сначала один, затем второй.

На небольшое время в Шаритэ повисла тишина, до слуха Германа доносился лишь тихий женский плач из ординаторской и какие-то возгласы из главного зала. А потом дверь распахнулась и в коридор зашёл мужчина средних лет в бежевом летнем плаще с тростью. Он нахмурился и устало зевнул, а в следующее мгновение из-за его спины показался Вальдемар Хоффман, который грязно выругался, сплюнул и побежал в ординаторскую.

1 — Гекатомба — в Древней Греции торжественное жертвоприношение из ста быков. В переносном смысле гекатомба означает огромные жертвы войны, террора, эпидемии и т. д.

Больше книг на сайте - Knigoed.net